

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»

Пётр Кабытов

Историк в прошлом и настоящем

*Историографические очерки,
исследования и публицистика*

Самара
Издательство «Самарский университет»
2016

УДК 947.084.21
ББК 63.3(2)51/63.3(2)7
К12

Р е ц е н з е н т
д-р ист. наук, проф. В. Н. Данилов

Н а у ч н ы й р е д а к т о р
д-р ист. наук, проф. В. В. Кондрашин

Кабытов, П. С.
К12 **Историк в прошлом и настоящем** : историографические очерки, исследования и публицистика / П. С. Кабытов. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2016. – 320 с.

ISBN 978-5-86465-722-5

В настоящей книге представлены биографические очерки видных государственных и общественных деятелей, анализируется творческий путь российских историков, показана научная значимость их концепций, оказывающих воздействие на развитие отечественной и региональной истории на современном этапе.

Предназначена для преподавателей высших учебных заведений, студентов-историков, всех, кто интересуется историей России.

УДК 947.084.21
ББК 63.3(2)51/63.3(2)7

ISBN 978-5-86465-722-5

© Кабытов П. С., 2016
© Самарский национальный
исследовательский университет, 2016

Содержание

Кондрашин В.В. Слово научного редактора	5
Предисловие	7
Раздел I. Государственная деятельность Петра Аркадьевича Столыпина	15
§ 1. Петр Аркадьевич Столыпин и третьеиюньская монархия	15
§ 2. Роль П.А. Столыпина в разработке и реализации новой аграрной политики	24
§ 3. Хозяйственная деятельность П.А. Столыпина	31
§ 4. Государственный деятель и театральный художник Яков Васильевич Глинка	41
Раздел II. Биографические этюды	48
§ 1. Петр Владимирович Алабин – легендарный самарец	48
§ 2. Голод 1891–1892 гг. и судебное дело П.В. Алабина	72
Раздел III. Государственные деятели	83
§ 1. Валериан Куйбышев: мифы и реальность	83
§ 2. Борис Николаевич Ельцин	105
Раздел IV. Академик Сергей Федорович Платонов и Самара	113
§ 1. Академик Сергей Федорович Платонов	113
§ 2. Памяти академика С.Ф. Платонова	116
Раздел V. Историографические этюды	124
§ 1. Сергей Митрофанович Дубровский	124
§ 2. Андрей Матвеевич Анфимов	128
§ 3. Сигурд Оттович Шмидт	135
§ 4. Виктор Григорьевич Тюкавкин	143
§ 5. Ефрем Игнатьевич Медведев	177
§ 6. Иван Михайлович Ионенко	188
§ 7. Григорий Наумович Вульфсон	195
§ 8. Юрий Ильич Смыков	206

Раздел VI. Проблемы региональной истории	218
§ 1. Новейшие исследования по аграрной истории Поволжья второй половины XIX — начала XX вв.	218
§ 2. Сельская поземельная община в период реализации столыпинской аграрной реформы (обзор научной литературы)	227
§ 3. Историки на войне и в мирное время	232
§ 4. Хроника событий «Самарская губерния: день за днем. 1890-1905 гг.» как источник для изучения региональной истории	242
§ 5. Новейшие издания по истории банковского дела в Самарской губернии	250
§ 6. История Самарского края в исследованиях сотрудников Самарского и Средневолжского истпарта (1920—1930 гг.).	253
§ 7. Историческая концепция митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна	264
Раздел VII. Публицистика	267
§ 1. И тогда он заплакал. Слово о Фритьофе Нансене	267
§ 2. Быть ли улице Казачьей	270
§ 3. Великое жертвоприношение	275
§ 4. Самарские элиты 60—90-х гг. XX века	285
Послесловие	290
Примечания	292

Слово научного редактора

Представленная вниманию читателя книга — результат многолетних усилий автора по изучению отечественной истории в рамках крупных и дискуссионных в историографии проблем, а также актуальных тем самарского краеведения. По ее содержанию можно увидеть, насколько значим для российской исторической науки вклад одного из самых авторитетных историков России, патриарха самарской исторической школы — Петра Серафимовича Кабытова.

На страницах этой замечательной книги читатель найдет много интереснейших и полезных фактов по самым разнообразным темам отечественной истории, региональной истории и истории Самарского края, представляющих не только чисто научный, но и общественный интерес. Здесь и величественная фигура П.А. Столыпина, в изученной до мелочей биографии которого историк нашел свою «нишу», акцентировав внимание на личные качества «последнего реформатора» России: публичность и открытость в полемике с оппозицией в Государственной Думе, порядочность, трогательная нежность и любовь к жене и детям, неподкупность и т.д. Разве не актуально все это для современных политиков и граждан России?!

Здесь и галерея мастерски представленных историографических портретов великих и крупных историков и краеведов России: С.Ф. Платонова, П.В. Алабина, С.М. Дубровского, А.М. Анфимова, С.О. Шмидта, В.Г. Тюкавкина, И.М. Ионенко и др. Читая очерки о них, читатель получит исчерпывающее представление о творческих достижениях указанных исследователей, по достоинству оценит значимость их трудов для российской исторической науки.

В этой книге читатель с интересом ознакомится с очерками о двух государственных деятелях в истории России XX века: В.В. Куйбышеве и Б.Н. Ельцине. В каждом из них присутствует четкая авторская позиция, даны аргументированные оценки роли указанных деятелей в истории страны и региона.

Конечно, Петр Серафимович Кабытов – истинный патриот ставшей для него своей «Малой Родины» – Самары и Самарского края! Уже несколько десятилетий он известен широкой научной общественности и любителям отечественной истории и краеведения, как в России, так и далеко за ее пределами, в качестве одного из самых авторитетных знатоков истории Самарского края и Среднего Поволжья. Поэтому в книге затронут ряд актуальных ее проблемы, связанных с источниковедческими и историографическими сюжетами (хроника событий «Самарская губерния: день за днем. 1890-1905 гг.» как источник для изучения региональной истории; история Самарского края в исследованиях сотрудников Самарского и Средневолжского истпарта (1920-1930 гг.); историческая концепция митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна и др.).

Из данного раздела книги хорошо видны широкий авторский диапазон и глубина анализа взятых для исследования аспектов самарского краеведения: от проблемы сельской поземельной общины в период реализации столыпинской аграрной реформы до характеристики социального облика самарских элит 1960-х – 1990-х гг.

Содержание книги убедительно свидетельствует о мастерстве владения словом автора. Она читается легко и с большим интересом. Я убежден, что книга П.С. Кабытова найдет своего читателя, особенно в среде учащейся молодежи и любителей отечественной истории. Она достойный образец истинного служения настоящего ученого и гражданина науке и России.

*В.В. Кондрашин, член Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор*

Предисловие

Уважаемый читатель! Вашему вниманию предлагается новая книга, в которой представлены научные работы, написанные на рубеже XX – XXI вв. Эта книга своеобразный итог моей научной работы в Самарском государственном университете, где я прошел путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой российской истории. С июня 1994 г. по июнь 2011 г. я работал первым проректором СамГУ, а затем вплоть до 1 сентября 2015 г. советником ректора. Разнообразие административной, педагогической работы, безусловно, не могло не вносить коррективы в научную работу. И все же отмечу, что интенсивность моей научной работы в эти годы резко возросла, так как именно в это время были реализованы многие проекты, которые вывели кафедру российской истории в число ведущих научных центров.

Несколько слов о себе. О своем жизненном пути и научной биографии я рассказал в своих воспоминаниях.¹ Напомню, что моя научная работа началась в 1967г., когда я записался в спецсеминар доктора исторических наук, профессора Казанского государственного университета Ивана Михайловича Ионенко, который к тому времени вошел в число крупнейших специалистов по истории Великой российской революции. Он предложил мне приступить к изучению истории Советов крестьянских депутатов, которые возникли весной 1917 г. Профессор обратил мое внимание на то, что эти массовые демократические объединения сыграли видную роль в ходе аграрной революции. Тема эта оказалась интересной, так как в крестьянских советах преобладали социалисты-революционеры, которые пользовались огромным влиянием в крестьянской среде.

Итак, моя научная судьба была предопределена. Я стал изучать не только историографические исследования, но и осваивать ремесло историка, овладевать исследовательским инструментарием. Но окончательно мои научные интересы определились в аспирантские годы, когда я окупнулся (в буквальном смысле этого слова) в архивы и стал выявлять документы и материалы по столыпинской аграрной реформе. Эта работа за-

вершилась защитой кандидатской диссертации в спецсовете при Казанском государственном университете осенью 1972 г.

Самарский (Куйбышевский) период начался 1 августа 1972 г. В нем я выделяю три этапа. Во время первого этапа 1972-1983 гг. я продолжил работу по выявлению документальных материалов по аграрной истории Поволжья начала XX в. Одновременно, я принял участие в подготовке и издании двух монографий. Совместно с В.А. Шестаковым я написал и издал книгу по историографии Великой Октябрьской революции в Поволжье². Тогда же вышла в свет и вторая моя книга, которая была написана в соавторстве с Е.И. Медведевым, Л.В. Храмовым, В.И. Тихоновым и Геннадием Пятым. В ней освещалась история Куйбышевского металлургического завода им. В.И. Ленина³. К концу первого этапа (декабрь 1983 г.) я завершил работу над докторской диссертацией и защитил ее в спецсовете при Московском государственном педагогическом институте им. В.И.Ленина.

Вполне возможно выделить второй этап, который начался в 1984 г. и завершился в середине 1994 г. Круг моих обязанностей расширился. Меня избрали на должность заведующего кафедрой. В 1984 г. я стал исполнять на общественных началах обязанности председателя президиума областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Вольно или невольно я должен был осваивать новые социальные практики и вливаться в ряды практикующих историков. А тут грянула перестройка, и в 1987 г. на организационном собрании Куйбышевского отделения Советского фонда культуры я выступил с предложением обратиться в Верховный Совет СССР с предложением вернуть областному центру историческое имя Самара. В зале установилась гробовая тишина, а затем хлынула волна возмущения. В конечном итоге возник общественный комитет «Самара», который проводил большую работу по возвращению областному центру исторического имени Самара⁴.

К числу наиболее значимых исследований, реализованных в этот период, отношу свое участие в издании книги, которая была написана совместно с выдающимся российским историком Б.Г. Литваком и В.А. Козловым⁵. В ней мы попытались представить социальную биографию русского крестьянства.

Вполне естественно эта проблема рассматривалась нами на материалах Европейской России. Ранее я изучал аграрную историю в границах Поволжья. Исследование истории русского крестьянства существенно расширило проблематику моих исследований. Уже во второй половине 80-х гг. будучи научным руководителем аспирантов, я предлагал им изучать историю дворянства, историю земских учреждений, эволюцию помещичьих хозяйств. Эти темы, так или иначе, связаны с проблемой взаимоотношений власти и общества. Как известно очередные смуты в России возникали в результате системных кризисов, роста эгоизма элит, неспособности верховной власти адекватно оценивать социально-политическую обстановку в стране.

К числу новых явлений следует отнести издание книги, которая была задумана еще в 70-е гг. заведующим кафедрой профессором Е.И. Медведевым, но эта идея была реализована лишь во второй половине 80-х гг. Речь идет о том, что коллективом кафедры была написана история Самарского края с древнейших времен до 1917 г.⁶ Таким образом, изучение проблем отечественной истории велось как на региональном, так и на российском уровнях. К тому же в эти годы существенно возрос интерес к изучению биографий государственных и общественных деятелей имперской эпохи. Меня давно еще со студенческой скамьи заинтересовала судьба Петра Аркадьевича Столыпина, жизнь и деятельность которого в научной литературе была мифологизирована. В течение многих десятилетий советские историки тиражировали отрицательные оценки государственной деятельности П.А. Столыпина, которые содержатся в трудах В.И. Ленина. В ходе работы над кандидатской и докторской диссертациями я стал собирать документальные материалы, которые дают реальное представление о государственной деятельности последнего реформатора Российской империи. Много новых данных я почерпнул из документов личного фонда П.А. Столыпина, который хранится в Российском государственном историческом архиве. Особый интерес представляет переписка П.А. Столыпина, и в том числе его письма к жене Ольге Борисовне⁷.

В 1990 г. я издал книгу о русском крестьянстве начала XX в.⁸ Тогда же коллектив кафедры подготовил новый вариант истории Самарского края⁹. Но затем в начале 90-х гг. нам уда-

лось внести существенные коррективы в содержание этой книги и издать трехтомную «Самарскую летопись»¹⁰. Особое значение для меня имела работа над брошюрой, в которой была воссоздана биография видного общественного деятеля XIX в. легендарного самарца П.В. Алабина¹¹. Парадоксально, но факт возвращения Алабина по времени совпало с завершающим этапом борьбы городского сообщества за восстановление исторической справедливости — возвращения имени крупнейшему мегаполису России. С другой стороны, эта акция стала мощным стимулом для развития самарского краеведения — проведения в 1993 г. Года П.В. Алабина, издания пятитомной самарской историко-культурной энциклопедии¹², воспоминаний академика М.Н. Тихомирова о Самаре¹³ и других социокультурных мероприятий, проводимых по инициативе руководителя департамента культуры администрации Самарской области С.П. Хумарьян.

Третий этап охватывает вторую половину 1994 г. и длится до настоящего времени. Он характеризуется оформлением самарской исторической школы, существенную часть которой составляют выпускники аспирантуры и докторантуры (свыше 150 кандидатов наук и 23 доктора наук) кафедры российской истории Самарского государственного университета¹⁴.

В 1997-2001 гг. П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева участвовали в реализации гранта совместно с профессорами университета штата Мэриленд (США) Джорджем Маджеска и Майклом Дэвид-Фоксом, который предусматривал издание трехтомной «Американской русистики». Этот грант осуществлялся в рамках программы сотрудничества с российскими университетами в области общественных наук Американским советом АСПРЯЛ\АКСЕЛС при финансовой поддержке Информационного Агентства Соединенных Штатов Америки¹⁵. Эту серию завершает монография профессора Пензенского педагогического института В.В. Кондрашина и профессора университета г. Мэмфис США Дианы Пеннер о голоде 1932-33 гг. в советской деревне¹⁶. Предисловия к этим антологиям (императорский период и монография В. Кондрашина и Д. Пеннер) написал автор этих строк. Соавторами предисловий к советскому периоду выступили О.Б. Леонтьева, а к Киевскому и Московскому — Э.Л. Дубман. Научная значимость этих изданий

весьма высока, так как российские историки получили реальную возможность познакомиться с научной лабораторией американских историков, их методами исследования проблем новой социальной истории России. Традиция сотрудничества с зарубежными университетами была продолжена при подготовке и издании антологии «Российская империя в зарубежной историографии»¹⁷ Предисловие и вводные статьи к разделам написали Пол В. Верт, Алексей Миллер, Петр Кабытов и Ольга Леонтьева. Эти новые социальные практики вывели коллектив кафедры российской истории Самарского государственного университета в ранг ведущих научных центров России.

Существенно возросла роль кафедры, которая выступает в качестве интегратора научных исследований при реализации крупных научных проектов. Так, при выполнении проекта «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней», работа над которым шла в рамках федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997-2000 гг.», мне как главному редактору удалось привлечь свыше 100 ученых — историков и археологов из Самарского государственного университета, Самарского педагогического университета, Самарского экономического университета, других вузов Самары, сотрудников областного историко-краеведческого музея имени П.В. Алабина, областной универсальной научной библиотеки и тем самым успешно завершить 8-томное издание истории Самарского края¹⁸. Сотрудничество с историками других вузов продолжилось при подготовке и издании книг по истории революции 1917 г. и Гражданской войны в Самарском крае¹⁹, монографий по истории самарского земства²⁰, самарской губернской Думы²¹, истории Самары²², истории банковского дела в Самарском крае²³, истории самарского нотариата²⁴, эволюции самарских элит в 60–90-е гг. XX в.²⁵ и ряда других монографий.

Но, как и прежде аграрная история оставалась для меня центральной проблемой, о чем свидетельствует второе исправленное и дополненное издание книги «Русское крестьянство в начале XX века», но теперь уже изданное как учебное пособие с грифом Министерства образования РФ²⁶. Но вектор исследований существенно изменился. Я стал изучать историографию

ческие проблемы аграрной истории, что нашло отражение в ходе реализации гранта РГНФ «Аграрная история XX века»²⁷. В XXI в. в связи с изменением историографической ситуации коллектив кафедры приступил к изучению истории Юго-Востока Европейской России, территория которого являлась внутренней окраиной имперской России. Разработка новой концепции была предпринята нами еще в 90-е годы²⁸, но окончательно ее оформление завершилось при реализации гранта «Обретение Родины»: Средняя Волга Заволжье в процессе развития российской цивилизации и российской государственности»²⁹, который выполнялся в рамках федеральной целевой программы. Итогом этой работы творческого коллектива кафедры стали две монографии и учебное пособие для студентов историков, в которых показан процесс заселения и освоения Юго-Востока Европейской России и рассмотрены основные этапы государственной политики, направленной на преобразование фронтального пограничного пространства во «внутреннюю окраину» Российской империи³⁰.

Третье направление – изучение биографий видных политических деятелей и ученых, так или иначе, оно было связано с моей профессиональной работой. В 2006 г. я написал и издал монографию о П.А. Столыпине, которая вторым исправленным и дополненным изданием была опубликована московским издательством РОССПЭН³¹. Вскоре были изданы монография о профессоре Е.И. Медведеве и брошюра о профессоре Г.А. Герасименко³², а затем совместно с Е.П. Бариновой и С.С. Селиверстовым была написана биография А.Н. Наумова³³. Наконец завершает эту серию книга П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана о самарском периоде жизни академика С.Ф. Платонова³⁴. Не могу не упомянуть сборник материалов о визите в Самару выдающегося русского писателя, лауреата Нобелевской премии А.И. Солженицына, который мы подготовили к печати совместно с А.Н. Завальным³⁵. Успешно реализовывался проект по изданию антологий в серии «Классика самарского краеведения», которые издавались под редакцией П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана³⁶.

Конечно, можно перечислять и перечислять те или иные научные труды, которые были мною опубликованы. Я назвал лишь те исследования, которые выступают основными вехами

в моей биографии. Но все-таки, следует сказать об итогах моей научной работы. Всего было опубликовано более 500 научных трудов, в том числе 16 авторских монографий, 18 монографий были написаны в соавторстве. Я принимал участие в подготовке и издании 4-х сборников документов и материалов, 3-х хроник событий в Самарском крае, 7 воспоминаний. Мною опубликованы 55 историографических исследований, 17 рецензий и обзоров, 16 источниковедческих статей. Кроме того я являлся главным редактором общественно-политического и научного журнала «Самарский земский сборник», заместителем главного редактора научного журнала «Вестник Самарского государственного университета», редактировал диссертации и монографии своих аспирантов, докторантов, коллег из других университетов. За эти годы подготовил 41 кандидата и 19 докторов исторических наук. Отмечу, что сама по себе статистика ни о чем не говорит. Об эффективности научной деятельности могут сказать лишь те ученые, которые являются специалистами в историографии. Я привел эти данные лишь только для того, чтобы читатель ознакомился с основными направлениями моей деятельности как историка.

В предлагаемой читателю книге автор пытается показать, что историк живет в нескольких измерениях. Изучая документы и материалы, опираясь на исследования своих предшественников, используя междисциплинарные методы он погружается в прошлое, для того чтобы реконструировать события и явления или воссоздать биографии людей, которые оставили заметный след в истории. На наш взгляд прошлое и настоящее для историка равноценны, так как познавая прошлое он вполне может реально оценивать настоящее и более того давать рекомендации властным структурам, какой опыт из прошлого можно использовать при определении вектора развития страны. Хотим мы это признавать или нет, но в прошлом, как правило, таится сценарий будущего. Так смутные времена в нашей стране напоминают близнецов-братьев. Причины их в том, что под воздействием многих факторов возникает громадная пропасть между обществом и властью, что обуславливает кризис в духовной, экономической и социокультурной сферах. Когда же устанавливается взаимодействие власти и общества кризисные

явления успешно преодолеваются, и вновь в стране начинается созидательная деятельность. Об этом и многом другом читатель узнает, ознакомившись с содержанием настоящей книги.

Завершая «Предисловие», выражаю искреннюю благодарность моим коллегам, профессорам Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева Э.Л. Дубману, Н.Н. Кабытовой, О.Б. Леонтьевой, М.И. Леонову, З.М. Кобозевой, доценту В.А. Тюрину, декану исторического факультета, профессору Ю.Н. Смирнову, а также моим ученикам профессорам Л.М. Артамоновой и Н.Ф. Тагировой, которые вместе с автором настоящих строк принимали участие в выполнении ряда проектов и грантов, реализуемых кафедрой российской истории Самарского государственного университета. Моя искренняя признательность доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой Пензенского государственного университета, члену Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.В. Кондрашину и заведующему кафедрой Саратовского государственного университета, доктору исторических наук, профессору В.Н.Данилову. Моя большая благодарность доктору исторических наук, профессору Е.П. Бариновой, оказавшей техническую поддержку при подготовке настоящей книги к изданию. И, конечно, я признателен А.Н. Завальному главному библиографу Самарской областной универсальной научной библиотеки, который многие годы оказывал мне помощь в поиске научной литературы и документальных публикаций.

Раздел 1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА АРКАДЬЕВИЧА СТОЛЫПИНА

§1. Петр Аркадьевич Столыпин и третьеиюньская монархия*

Назначение П.А. Столыпина на должность Председателя Совета Министров вместо И.Л. Горемыкина было большой неожиданностью для политической элиты страны. Оппозиционные партии рассматривали этот акт как прелюдию к полной отмене Манифеста 17 октября 1905 г., в то время как консерваторы, раздраженные отставкой Горемыкина, которого они считали жертвой, враждебно относились к назначению человека, связанного, по их мнению, с либеральным движением.

Поначалу П.А. Столыпин хотел внести изменения в состав Совета Министров. Он полагал, что можно привлечь в него видных представителей перводумского большинства. В согласии с планом, изложенным ранее в докладной записке императору, он попытался создать коалиционный кабинет, в котором могли бы быть представлены главные партии. Безусловно, на министерские посты не могли быть назначены представители тех групп, которые выступали с революционных позиций. А.П. Извольский отмечал, что, несмотря на позицию, занятую кадетами, Столыпин не оставил мысли пригласить в состав кабинета П.Н. Милюкова, который не был пойман в «выборгской ловушке»³⁷.

В.И. Гурко писал, что П.А. Столыпин в прямые отношения с лидерами кадетов не входил, но был в курсе шагов, предпринимаемых Извольским. На следующий день после назначения Столыпин начал приводить в исполнение свой проект.

Американский историк Дейвид Мейси пишет о том, что в последние дни существования I -й Думы и даже после ее роспуска Столыпин возродил и продолжил переговоры с представи-

телями политических партий для формирования коалиционного кабинета, что, по его мнению, свидетельствовало о стремлении власти пойти на компромисс с обществом³⁸. Он участвовал в переговорах с представителями партий кадетов и мирнообновленцев (гр. Гейденом и Н.Н.Львовым, А.Ф.Кони, М.А. Стаховичем, кн. Е.Трубецким, проф. Виноградовым), предназначенными для замещения различных министерских постов. Однако попытка П.А.Столыпина, взгляды которого в тот момент разделяли В.Н.Коковцов и А.П.Извольский, создать коалиционный кабинет не имела успеха. После двухнедельных переговоров и вопреки усилиям Столыпина различные лица, к которым он обращался с предложением вступить в министерство, одни за другими или отклоняли это предложение, или выдвигали такие условия, которые не могли быть приняты.

Эти контакты с «общественностью» вызвали глубокое разочарование у Столыпина. Он с горечью говорил В.Н.Коковцову, что все его попытки привлечь в состав правительства общественных деятелей развалились об их упорный отказ, так как одно дело критиковать правительство и быть в безответственной оппозиции ему... «Им нужна власть, — говорил Столыпин, — для власти и еще больше нужны аплодисменты единомышленников, а пойти с кем-нибудь вместе для общей работы — это совсем другое дело»³⁹. Раздражение у Столыпина вызвало и то, что лидеры партии кадетов не считали возможным включить Столыпина в состав предполагаемого правительства. Как всегда возобладали узко партийные интересы и эгоизм, а не стремление вывести Россию из кризиса.

Лидеры кадетской партии переоценивали свое влияние в обществе и полагали, что должен быть создан чисто кадетский кабинет. Их уверенность в том, что «власть не сегодня — завтра, несомненно, будет в их руках» поддерживала позиция дворцового коменданта Д.Ф.Трепова, который также вел переговоры с членами кадетской партии. Они не учитывали, что создание такого кабинета неизбежно привело бы к конфликту между верховной властью и новым правительством. Д.Ф. Трепов в этом случае мог установить военную диктатуру. К тому же, роспуск Думы вызвал во всех либеральных кругах большое чувство раздражения. Поэтому все приглашаемые лица боялись

потерять свой престиж и свое влияние в стране в случае, если бы они вошли теперь же в правительство.

Во время второго этапа (июль 1906 г. – 3 июня 1907 г.) Столыпин пытается установить диалог со II-й Государственной Думой, в которой, в отличие от И.Л.Горемыкина, он видел, прежде всего, партнера верховной власти. Об этом также писал американский историк Р.Пайпс: «Возможно, Столыпин был единственным премьер-министром в конституционном десятилетии, который обращался к Думе как к партнеру в совместном усилии создать сильную, великую Россию...»⁴⁰. П.А.Столыпин формирует правительственную программу реформ, суть которой сводилась к ускорению модернизационных процессов в стране и эволюции в отдаленной перспективе политического строя от самодержавной монархии к конституционной. Столыпин инициирует издание императором Николаем II ряда важнейших указов, связанных с проведением новой аграрной политики. В этой связи последний российский реформатор реализует, так называемое внедумское законодательство. Опираясь на 87-ю статью Основных законов Российской империи, он проводит Указ 9 ноября 1906 г., который открыл путь к реформированию аграрного строя России.

В то же время П.А.Столыпин отчетливо понимал, что российское общество расколото противоречиями, добиться добровольного согласия между разными политическими силами и социальными слоями весьма сложно. В беседе с Львом Тихомировым он доверительно поделился своими наблюдениями о современном состоянии, в котором находилась Россия. «Нужно, – сказал он, – чтобы явился «капрал», вождь, поднял знамя властно, и на знамени должен быть национальный вывод пережитого». Безусловно, речь шла о национальной идее, которая должна была выступить в качестве равнодействующей линии. Л.Тихомиров вспоминал, что на его замечание о равнодействующей линии правительства, Столыпин ответил: «Да, именно. И по этой линии пойдет большинство, скажет и, слава богу, наконец. А несогласные – одни увлекутся потоком, другие падут духом и подчинятся»⁴¹.

П.А.Столыпин решительно приступил к работе, чтобы наилучшим образом использовать время до открытия второй Думы. «Первые слова, сказанные им после своего назначения главой

правительства, — вспоминал В.И. Гурко, — были: «Перед нами до собрания следующей государственной Думы 180 дней. Мы должны их использовать во всю, дабы предстать перед этой Думой с рядом уже осуществленных преобразований, свидетельствующих об искреннем желании правительства сделать все от него зависящее для устранения из существующего порядка всего не соответствующего духу времени»⁴².

Главная цель программы П.А. Столыпина заключалась в укреплении государственной власти, поднятии ее престижа и реформирования, модернизации различных областей национальной жизни. Программа включала в себя ряд законопроектов для представления их на рассмотрение Думы. А.П. Извольский отмечал, что Столыпин «считал весьма важным избежать повторения ошибки предшествовавшего кабинета — предоставить новой Думе увлекаться бесконечными дебатами и бессильными декларациями»⁴³.

Главнейшим вопросом, требовавшим немедленного разрешения со стороны правительства, был аграрный вопрос. Ввиду необходимости принять быстрые решения Столыпин для его решения воспользовался статьей 87 Основных законов Российской империи, которая предоставляла правительству право разрешать вопросы во время перерывов в работе Думы и в случае исключительных обстоятельств при условии представления их на утверждение Думы через три месяца после начала работы законодательных учреждений. Возникает вопрос насколько была самостоятельной программа П.А. Столыпина. «В области идей, — пишет С.Е. Крижановский, — Столыпин не был творцом, да и не имел надобности им быть. Вся первоначальная законодательная программа, была получена им в готовом виде в наследство от прошлого. Не приди он к власти, то же самое сделал бы П.Н. Дурново, или иной, кто стал бы во главе»⁴⁴. Конечно, реформистская платформа Столыпина органически вобрала в себя ряд программ, предложенных его предшественниками. Однако указ от 9 ноября 1906 года был актом личного мужества П.А. Столыпина. П.А. Столыпин полагал, что отсутствие «собственности на землю у крестьян создает все наше неустройство». В письме к Л.Н. Толстому он отмечал, что «искусственное оскотление нашего крестьянина, уничтожение в нем

врожденного чувства собственности, ведет ко многому дурному, и главное, к бедности»⁴⁵.

Современники часто порицали Столыпина за широкое пользование статьей 87-й, скопированной со знаменитой 14-й статьи австрийской конституции. Сам же Столыпин расценивал внедумское законодательство как действенный инструмент, с помощью которого можно было вопреки правой оппозиции провести необходимые законы и приступить к реформированию России.

Взрыв дачи на Аптекарском острове изменил психологический настрой П.А. Столыпина. На заседании Совета министров (25 августа 1906 г.) Столыпин обратился к министрам с речью, в которой указывал, что действия террористов не должны оказывать влияния на направление его политики. Он отметил, что его программа остается неизменной: безжалостное подавление всяких беспорядков и всяких революционных или террористических актов; проведение вместе с новой Думой либеральных реформ; немедленное разрешение наиболее неотложных задач мероприятиями исполнительной власти, и, прежде всего аграрного вопроса. Поняв, что конституционными способами с революцией и терроризмом справиться не удастся, Столыпин становится сторонником принятия твердых мер, хотя и не оставлял попыток изменить существующее положение дел. Именно в это время П.А. Столыпин подвергся беспрецедентной критике, которая раздавалась как слева, так и справа за установление военно-полевых судов.

В течение четырех месяцев Столыпин «мужественно выдерживал ожесточенный штурм, направленный Второй Государственной Думой на правительственную власть»⁴⁶. 6 марта 1907 г. П.А. Столыпин в правительственной декларации заявил о целом ряде законопроектов, подготовленных правительством для внесения в Думу. Он, по свидетельству современников, «приглашал Думу найти общий язык с правительством и пригрозил приостановкой судебской несменяемости в случае попустительства судов по отношению к политическим преступлениям»⁴⁷. Тогда же в ответ на критику Церетели, прозвучала известная фраза «Но если нападки рассчитаны вызвать у правительства паралич воли и сведены к «руки вверх!» — правительство с полным спокойствием и сознанием правоты может ответить: «Не

запугаете!»⁴⁸. «На жестокую и полную ненависти к правительству критику деятельности кабинета Столыпина со стороны ораторов слева, — вспоминал А.Ф. Головин, председатель второй Государственной Думы, — Столыпин ответил сильно, но вполне корректно и тем самым много выиграл даже в глазах своих недругов»⁴⁹.

П.А. Столыпин полагал, что члены Государственной Думы «явятся действительными представителями населения и будут думать о благе населения, а не о том, чтобы, пользуясь трибуной Государственной Думы, все время вести неустанную борьбу с правительством»⁵⁰. На заседаниях Думы он отстаивал свою программу, «не останавливаясь перед самыми решительными действиями для достижения победы»⁵¹.

Выступления П.А. Столыпина с трибуны Государственной Думы носили образный, яркий характер. Н.П. Шубинский отмечал, что на трибуне «воодушевление и подъем сразу приходили к нему». И далее: «он умел сразу овладеть аудиторией и приковать к себе ее внимание»⁵². В.В. Розанов впоследствии писал: «Когда я его слышал в Думе сложилось впечатление: «Это говорит свой среди своих, а не инородное Думе лицо»⁵³.

Столыпин убедился в том, что и в I-ой и во II-ой Государственной Думах преобладают радикальные митинговые настроения. «Языком совместной работы не может быть язык ненависти и злобы, я им пользоваться не буду... — тщетно убеждал II Государственную Думу Столыпин, — ...Я заявляю, что скамьи правительства — это не скамьи подсудимых», «Мы хотим и от вас услышать слово умиротворения кровавому безумию»⁵⁴. О росте недовольства Столыпина II-й Государственной Думой свидетельствует его письмо к императору Николаю II от 14 марта 1907г.: «В Государственной Думе продолжается словоизвержение зажигательного характера, а о работе не слышно. По вопросу о военно-полевых судах нам удалось, однако, свести вопрос на нет». 9 апреля 1907г. Столыпин сообщает Николаю II: «Дума «гниет на корню», и многие левые, видя это, желали бы роспуска теперь, чтобы создать легенду, что Дума создала бы чудеса, да правительство боялось этого и все расстроило»⁵⁵.

Выступая в Думе 10 мая 1907 г., П.А. Столыпин отмечал, что нельзя видеть в принудительном отчуждении земли «волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед». Он вновь

призвал депутатов к созидательной работе. «Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»⁵⁶. Однако Дума не оправдала надежд правительства и, прежде всего, П.А. Столыпина на созидательную деятельность депутатов по выводу страны из революционного кризиса. «Верьте, Государь, — писал Николаю II 2 июня 1907г. П.А. Столыпин, — что все министры, несмотря на различные оттенки мнений, проникнуты были твердым убеждением в необходимости роспуска, и колебаний никто не проявлял. Думе дан был срок, она законного требования не выполнила и по слову Вашему перестала существовать»⁵⁷. Убедившись в этом, Столыпин подготовил Манифест 3 июля 1907 г. о роспуске II-й Государственной думы и Положение о выборах в III Государственную Думу, которое по существу представляло собой новый избирательный закон.

Известно, что идея создания новой избирательной системы возникла еще в мае 1906 г., когда И.Л. Горемыкин поручил С.Е. Крыжановскому разработать проект нового избирательного закона⁵⁸. За новую избирательную систему выступали не только император Николай II и его ближайшее окружение, но и видные деятели Совета объединенного дворянства. Этот вопрос обсуждался на заседании Совета объединенного дворянства 27 февраля 1907 г., которое приняло решение создать комиссию по разработке нового избирательного закона. О необходимости перехода к новому избирательному закону говорили и лидеры партии 17 октября. П.А. Столыпин полагал, что законодательная дума должна сотрудничать с правительством, а не вести «своекорыстную борьбу за власть».

Проект нового избирательного закона обсуждался на заседании Совета Министров. Безусловно, Столыпин принял деятельное участие в редактировании этого законодательного акта, и потому он вполне может быть отнесен к числу его создателей. Причем П.А. Столыпин просил министров строго соблю-

дать конфиденциальность и не разглашать никаких сведений до публикации в прессе нового закона.

Известно, что советские, да и российские историки считают, что роспуск II-й Государственной Думы и новый избирательный закон, по сути дела, есть не что иное, как государственный переворот. Американский историк Дейвид Мэйси также квалифицирует события 3 июня 1907 г. как переворот⁵⁹. Английский историк Джеффри Хоскинг, как и большинство его американских коллег не квалифицирует Манифест 3 июня 1907 г. и новый избирательный закон как государственный переворот. По его мнению, пойдя на роспуск II-й Государственной Думы, П.А. Столыпин сохранил ее статус, считая, что в ней «должны перевесить те социальные классы, которые готовы сотрудничать в реализации программы реформ»⁶⁰. Д. Хоскинг говорит и о цели реформ, которая, по его мнению, состояла в укреплении и расширении общественности в надежде заполнить брешь между режимом и народом.

Французский историк Марк Ферро также пишет о том, что новое Положение о выборах есть не что иное как «государственный переворот»⁶¹. С ним солидарен Н. Верт, который характеризует ситуацию в стране накануне роспуска II-й Государственной Думы и приходит к выводу о том, что попытка сочетать самодержавный режим с конституционной формой правления окончилась победой самодержавия. Он также квалифицирует Положение о выборах 3 июня 1907 г. как государственный переворот⁶². Историк полагает, что с июня 1907 по сентябрь 1911 г. Столыпин проводил курс просвещенного консерватизма, который, по мнению Н. Верта, потерпел провал. В основу этого курса была положена авторитарная и консервативная политика по обновлению страны. В этой связи следует также отметить работу немецкого историка Леве Хайнц Дитриха, который также считает, что новый закон о выборах должна была издавать только дума. «Но это был государственный переворот, направленный в равной степени, как против правых, так и против левых, поскольку Столыпин своей акцией расстроил далеко идущие планы, сводившиеся к отмене конституционных уступок от 17 октября 1905 г.». Далее он отмечает: «Программа, на которой сошлись царь и премьер-министр, никоим образом не означала выполнение программы дворянс-

кой реакции. Конституция практически не была отменена, а дворянство не могло навязать правительству свою аграрную программу, скорее правительству удалось, искусно влияя на Объединенное дворянство, заставить его просить о такой аграрной программе, которая в значительной степени отвечала бы желаниям правительства»⁶³.

При выяснении вопроса о том, как квалифицировать события 3 июня 1907г. необходимо установить нарушил ли император Николай II Основные законы Российской империи, имел ли право император издавать эти законодательные акты. Но, во-первых, ни в обществе, ни в партийных кругах никто не осудил роспуск I-й Государственной Думы. Прецедент был уже ранее создан, а потому законодатель мог вполне апеллировать к уже имеющейся российской практике. Во-вторых, распуская Думу, император опирался на опыт Пруссии 1848 г., в которой также был распущен первый состав парламента. Накануне событий 3 июня 1907г. в обществе явно обозначились настроения, которые сформулировал в своем дневнике Л. Тихомиров: «Не выйдем мы из беспорядков и революций до тех пор, пока не станет всенародно ясно и практически неоспоримо – где **Верховная власть**, где та сила, которая при разногласиях наших может сказать: «*Roma locuta – causa finite*» – потрудитесь все подчиниться, а если не подчинитесь – сотру с лица земли»⁶⁴.

Законодатель мотивировал роспуск Государственной Думы тем, что ее состав не позволяет обычным законодательным путем провести новый избирательный закон, а потому «за царской властью остаются обязанность и право изыскать иной путь». Поэтому вполне можно считать, что государственного переворота в подлинном смысле этого слова 3 июня 1907 г. не было, а законодатель, приняв новый избирательный закон, создал условия для создания новой политической системы, при которой было установлено взаимодействие между верховной властью, российским парламентом и Советом Министров, что позволило перейти к реформированию страны.

*«Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011.Т.15.№ 1-1.С.7-10.

§ 2. Роль П.А.Столыпина в разработке и реализации новой аграрной политики

Как в советской, так и в новейшей российской историографии к числу дискуссионных вопросов относится вопрос о том кто собственно принимал участие в разработке проектов новой земельной реформы? И какова роль собственно П.А. Столыпина в этом процессе? В научной литературе доминирует мнение о том, что автором реформы был видный государственный деятель конца XIX — начала XX вв. С.Ю. Витте.

Как это доказано в монографии В.Л. Степанова программа новых масштабных преобразований была предложена министром финансов Н.Х. Бунге⁶⁵. Как известно Н.Х. Бунге выступал против искусственной поддержки сельской поземельной общины, призывал «к укреплению индивидуальной крестьянской собственности на землю и переселению страдающего от малоземелья сельского населения на окраины страны»⁶⁶. В.Л. Степанов цитирует воспоминания С.Ю. Витте, который позднее признавал роль Н.Х. Бунге в формировании его представлений на состояние сельского хозяйства и сельской поземельной общины. «Он (Н.Х. Бунге. — автор) обратил мое внимание на то, что главный тормоз экономического развития крестьянства — это средневековая община, не допускающая совершенствования»⁶⁷. А какова же собственно роль П.А.Столыпина в разработке новой аграрной политики? Можно констатировать, что формирование представлений о будущей реформе возникло под воздействием нескольких субъективных и объективных факторов. Да и сама концепция будущей реформы возникла не сразу. В ее формировании можно выделить несколько этапов. В научной литературе отмечается, что П.А. Столыпин хорошо знал о тех новациях в хозяйственной сфере, которые впервые использовал в своей практической деятельности помещика его дядя Дмитрий Аркадьевич Столыпин, который детально изучал труды основателя позитивизма Огюста Конта. Вернувшись из-за границы на родину в Вольский уезд Саратовской губернии он решил на землях своего имени провести эксперимент — создавать хуторские хозяйства на условиях предоставления крестьянам земли в аренду.

Тогда же он опубликовал брошюру «Арендные хутора». Его эксперименты вполне естественно вызвали раздражение у соседей помещиков, которые по старинке вели дела в своих имениях. Не случайно П.А. Столыпин, будучи губернским предводителем в Ковно стал пропагандировать среди крестьян идею перехода от общинного землевладения к хуторскому. К тому же П.А. Столыпин во время поездок в имение, которое находилось на границе с Пруссией восхищался устройством немецких хуторов и с интересом изучал все то, что «считал возможным привить у нас», – писала в воспоминаниях его дочь М.П. Бок⁶⁸. Первые наброски будущей реформы им были сформулированы на заседаниях Гродненского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое проходило в рамках Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, созданного императором Николаем II в 1902 г. На заседании комитета 16 июня 1902 г. гродненский губернатор П.А. Столыпин отнес к первоочередным проблемам расселение крестьян, переход от шнурового пользования надельными землями к хуторскому хозяйству, устранению чересполосности земель, предоставление сельским земледельцам мелиоративного кредита.

Думается идея П.А.Столыпина о создании на надельных землях хуторских хозяйств отнюдь не связана с тем, что он якобы, по мнению Р. Пайпса, разочаровался в эффективности и перспективности помещичьих хозяйств⁶⁹. Речь, скорее, шла о том, что изучение Столыпиным аграрной научной литературы и собственные наблюдения и сопоставления эффективности хуторских и общинных хозяйств объективно способствовали тому, чтобы отдать предпочтение индивидуальным, а не общинным хозяйствам.

Второй период в формировании представлений Столыпина о проекте будущей аграрной реформы приходится на 1903-1906 гг., когда П.А.Столыпин более детально изучил состояние сельской поземельной общины в уездах Саратовской губернии. Условно в нем можно выделить два этапа: первый – 1903-начало 1905 г., когда саратовский губернатор был вынужден принимать экстраординарные меры для подавления массового крестьянского движения.

Отметим, что в ходе изучения состояния дел в Саратовской губернии он еще раз убедился в преимуществе хуторского хозяйства над общинным. Надельное землепользование и уравнительное распределение земли объективно способствовали сохранению в деревне низкого уровня жизни. Отсутствие экономической свободы и, прежде всего, личной собственности на надельную землю мешало активизации хозяйственной инициативы крестьян, препятствовало продаже земли, залоговым операциям и введению в крестьянских хозяйствах новых агроприемов в земледельческом производстве. Во всеподданнейшем отчете императору Николаю II, который Столыпин писал летом 1904 г., сообщая о многочисленных фактах крестьянских выступлений против помещиков, подчеркивал целесообразность перехода от общинной к единоличной собственности⁷⁰. Эта идея была развита и в отчете за следующий год. В частности, он призывал уяснить, что «существует непреодолимое препятствие к обогащению, к улучшению быта крестьянского населения, что парализует личную инициативу, самодеятельность мужика и обрекает его на жалкое прозябание»⁷¹. Столыпин считал, что сохранение общины угнетает весь уклад сельской жизни. Он предлагал закрепить за инициативным крестьянином надельные земли и использовать для этих целей государственный земельный фонд и земли Крестьянского поземельного банка⁷².

Составители сборника документов и материалов⁷³ А.В. Воронежцев и А.И. Пиреев на основе анализа документов отмечают, что поначалу, ознакомившись с состоянием аграрного строя Саратовской губернии, П.А. Столыпин планировал создание новых земельных собственников не на надельных землях, а на государственных землях. «Реформирование же общины Столыпиным в то время вообще не предполагалось»⁷⁴. Так, в донесении П.А. Столыпина министру внутренних дел В.К. Плеве 3 мая 1903 г. в обзоре аграрных выступлений он писал о том, что землеустройство беднейшего класса сельского населения при посредстве Крестьянского поземельного банка затрудняется, так как крестьяне не имеют «средств на приплаты к ссудам» и представляют «для банка в кредитном отношении материал непригодный и неблагодарный»⁷⁵.

Следует также отметить инициативу В.К. Плеве, который в письме к Столыпину предлагал провести эксперимент в двух селениях Саратовской губернии: землеустроительные работы, которые будут способствовать улучшению землепользования и создадут условия для перехода крестьян к хуторскому хозяйству.

В ответном письме к В.К. Плеве П.А. Столыпин писал: «По отношению к проектируемым работам смею высказать свое мнение, что предпочтительно, может быть, было бы вместо продажи крестьянам смежных с их наделами участков при помощи Крестьянского банка приобретение этих участков самим банком и сдача их крестьянам в аренду с устройством их соответственно нуждам крестьянского быта (разумная нарезка полей, устройство нескольких мельниц, водоемов, обсадка оврагов и проч.) и обещание продажи в рассрочку на льготных условиях после нескольких лет аккуратного взноса средней платы, которая в последнем случае могла бы быть засчитана в части и в счет погашения. Этим путем за период аренды, несомненно, отпало бы несколько человек, наименее тяготеющих к земле, которая и осталась бы в крепких руках лиц, способных ее использовать и оправдать вложенные в нее затраты»⁷⁶.

Безусловно, на формирование проекта аграрной реформы П.А. Столыпина повлияла быстро меняющаяся ситуация в Саратовской губернии в связи с возрастающим массовым аграрным движением. Уже 13 июля 1905 г. П.А. Столыпин сообщает министру внутренних дел: «Долго ждать народ не будет, нужны не обещания, а немедленное образование государственного земельного фонда и предоставление из него самым нуждающимся земли по инициативе и воле царя»⁷⁷.

Изучение состояния дел в Гродно и в Саратове позволило расширить представления П.А. Столыпина о грядущих реформах. Конечно, по его мнению, они могли проходить при условии умиротворения российского общества. При сопоставлении эффективности хуторских и общинных хозяйств Столыпин отдавал предпочтение индивидуальным хозяйствам. Он предлагал хотя бы временно выделить наиболее инициативных крестьян из общины и прирезать им земли из казенных земель и владений Крестьянского поземельного банка. В этой связи П.А. Столыпин, находясь в Саратове, развивал те взгляды на

предстоящие реформы, которые у него сформировались еще в Ковно, а в Гродно получили дальнейшее развитие.

Главная цель программы П.А.Столыпина заключалась в укреплении государственной власти, поднятии ее престижа и реформировании, модернизации различных областей национальной жизни. Программа включала ряд законопроектов для представления их на рассмотрение Думы. А.П. Извольский отмечал, что Столыпин «считал весьма важным избежать повторения ошибки предшествовавшего кабинета — предоставить новой Думе увлекаться бесконечными дебатами и бессильными декларациями»⁷⁸.

Главнейшим вопросом, требовавшим немедленного разрешения со стороны правительства, был аграрный. Ввиду необходимости действовать быстро П.А.Столыпин для его решения воспользовался статьей 87-й Основных законов Российской империи, которая предоставляла правительству право разрешать вопросы во время перерывов в работе Думы и в случае исключительных обстоятельств при условии представления их на утверждение Думы через три месяца после начала работы законодательных учреждений.

Возникает вопрос: насколько самостоятельный характер имела программа П.А.Столыпина. «В области идей, — пишет С.Е. Крыжановский, — Столыпин не был творцом, да и не имел надобности им быть. Вся первоначальная законодательная программа была получена им в готовом виде в наследство от прошлого. Не приди он к власти, то же самое сделал бы П.Н.Дурново, или иной, кто стал бы во главе»⁷⁹. Конечно, реформистская платформа Столыпина органически вобрала в себя ряд программ, предложенных его предшественниками. Однако указ от 9 ноября 1906 года был актом личного мужества П.А.Столыпина, который полагал, что отсутствие «собственности на землю у крестьян создает все наше неустройство». В письме Л.Н.Толстому он отмечал, что «искусственное оскотление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному, и главное, к бедности»⁸⁰.

Современники часто порицали Столыпина за широкое пользование статьей 87-й, скопированной со знаменитой 14-й статьи австрийской конституции. Сам же П.А.Столыпин рас-

ценивал внедумское законодательство как действенный инструмент, с помощью которого можно вопреки правой оппозиции провести необходимые законы.

Выступая в II-й Думе 10 мая 1907 г., П.А.Столыпин отмечал, что нельзя видеть в принудительном отчуждении земли «волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед». Он вновь призвал депутатов к созидательной работе. «Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»⁸¹.

Столыпинское аграрное законодательство было ломкой традиционного уклада жизни России. Выражая позицию правительства в своем выступлении в Думе (ноябрь 1907г.), П.А.Столыпин подчеркивал, что необходима «не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками, бунт погашается силой, а признание неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной собственности, реальное право выхода из общины».

Обсуждение указа 9 ноября 1906 г. началось в Думе 23 октября 1908 г. и шло около полугода. Правительство рассчитывало, что за это время политика разрушения общины и выделения крестьянина собственника станет необратимой, пустит глубокие корни в деревне. П.А.Столыпин, выступая в Думе при обсуждении этого указа, отмечал, что «правительство ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных». И далее: «Крепкий личный собственник, — заявлял Столыпин, — нужен для переустройства нашего царства, переустройства на крепких монархических устоях»⁸². А.Я.Аврех отмечал ожесточенную полемику думских дебатов по этому вопросу, полагая, что «в основе кадетской критики указа лежал страх перед революцией»⁸³. Правые депутаты Думы, напротив, поддерживали «введение класса собственников».

Из всей программы П.А.Столыпина поддержку у помещичьего дворянства нашла только аграрная реформа, так как она была направлена на сохранение помещичьего землевладения, уничто-

жение общины и создание в деревне слоя крестьян-собственников. Пытаясь ликвидировать условия для новых социальных взрывов в деревне, помещики активно пропагандировали указ 9 ноября 1906 г. Союз земельных собственников разослал его числом свыше 100 тысяч экземпляров, снабдив воззванием к крестьянам. На II съезде уполномоченных дворянских обществ (14-18 ноября 1906 г.) помещики полностью одобрили правительственную аграрную политику. В выступлениях на съезде они подчеркивали, что необходимо «способствовать всеми мерами скорейшему переходу от общинного владения к подворному с устройством хуторов на отрубных участках», так как это «повлечет за собой прекращение аграрных беспорядков»⁸⁴.

Дворяне поддерживали и способствовали проведению в жизнь столыпинской аграрной реформы. Только небольшая часть правого консервативного дворянства негативно отнеслась к аграрной реформе. Реализация реформы сдерживалась тем, что правительство стремилось во что бы то ни стало сохранить поместное землевладение. Несмотря на то, что столыпинская реформа частично обновляла и приспособливала старое землевладение к капиталистическому развитию, но новая аграрная политика проводилась в интересах помещиков и хуторян⁸⁵. Это отмечали и сами дворяне: «...левые партии смотрят на закон 9 ноября, как на изданный для помещиков, для того, чтобы населить эти местности мелкими помещиками, которые будут защищать свои интересы вкупе с другими крупными помещиками»⁸⁶. Горячий поклонник Столыпина П.Б.Струве полагал, что его аграрная политика стоит «в кричащем противоречии с его остальной политикой»⁸⁷. С его точки зрения, П.А.Столыпин изменял экономический «фундамент» страны, в то время как вся его остальная политика поддерживала существующий правящий режим.

В 1909-1910 гг. П.А.Столыпин предпринял ряд поездок по стране (Полтава, Рига, Сибирь). Печать по-разному оценивала эти поездки. Например, газета «Земщина» писала, что П.А. Столыпин объезжает крестьянские хутора, места сибирского переселения. Прежде всего, эти поездки носили пропагандистский характер. По итогам поездки была издана записка, в которой показывается положительная роль крестьянского переселения

для будущего развития Сибири как хозяйственной единицы, а также для улучшения положения крестьян⁸⁸.

В результате реализации столыпинской аграрной реформы число выступлений против власти и помещиков сократилось. Увеличилось число земельных собственников из числа землеустроенных крестьян. В 1906-1914 гг. была создана инфраструктура сельского хозяйства, что являлось следствием развития земской агрономии, строительства сети элеваторов, перехода к многопольному севообороту, роста урожайности зерновых и повышения товарности крестьянских хозяйств.

Объективно аграрная реформа способствовала более быстрому развитию промышленного потенциала России. В деревне на короткий срок была достигнута стабильность, однако новая имперская аграрная политика из-за Первой мировой войны была не завершена, а потому не смогла снять остроты противоречий между властью и обществом.

§ 3. Хозяйственная деятельность П.А. Столыпина*

Благополучие каждого помещика, всей его семьи зависело, прежде всего, от уровня организации хозяйственной деятельности, умения управлять родовой собственностью. Конечно, в условиях реформирования аграрного сектора экономики многие дворяне второй половины XIX века не имели четких представлений о новых формах и методах управления имениями, вынуждены были вести дела, опираясь на старину, на традиции, отдавая земли крестьянам в аренду за отработки. Испытывая острый дефицит в денежных средствах, многие прибегали к займу кредитов в отделениях Государственного дворянского банка, либо в частных кредитных банках. Но чаще всего полученные кредиты шли мимо нужд хозяйства на личные потребности.

Деятельность П.А. Столыпина как помещика недостаточно полно освещена в исторической литературе. Пожалуй, приятное исключение составляет книга П. Н. Зырянова⁸⁹, в которой сжато, дана характеристика хозяйственной деятельности Петра Аркадьевича. Между тем столыпинский опыт управления

собственными именениями представляет интерес для понимания его личности. Опираясь на эпистолярное наследие, воспоминания дочери Марии Бок, а также на такой значимый источник, как «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Гродненская губерния», представляется возможным дать более полную характеристику организационно хозяйственных форм управления Столыпиным своими поместьями.

Признаем: П.А. Столыпин помещик отличался от многих владельцев имений образованностью, высокой эрудицией, глубиной подхода, он хорошо разбирался в сложных проблемах не только собственного хозяйства, но и всего земледельческого производства России в целом и ее регионов в частности. В полной мере сказались университетское образование, самостоятельное изучение трудов русских экономистов-аграрников, глубокое проникновение в хозяйственную жизнь русской деревни, анализ состояния дел в сельском хозяйстве соседней Пруссии. Все это в совокупности помогало Столыпину видеть проблему в целом, находить оптимальное решение хозяйственных вопросов из большого числа вариантов и условий, нежели мог представить обычный владелец экономии.

Немаловажное значение имел для П.А. Столыпина и собственный опыт управления именениями. Он также перенимал методы соседей помещиков, прислушивался к советам своего управляющего имением Колноберже Оттона Германовича Штраухмана. Пик хозяйственной деятельности Петра Столыпина приходится на ковенский период его жизни, во время которого он в полной мере реализовал свои способности как рачительный помещик. Семья жила в Ковно более 12 лет. Обычно зимние 5 месяцев Столыпина проводили в городе, остальные – в имении Колноберже, которое стало родным гнездом для всех его обитателей. П. А. Столыпин не входил в число крупнейших латифундистов России. Он владел несколькими именениями, общая площадь которых равнялась 7450 десятинам земли. Как правило, эти владения были получены по наследству от обоих родителей. Исключение – усадьба Стуки, которую Столыпин лично приобрел в Ковенском уезде в 1904 году⁹⁰.

Представляется возможным уточнить размеры владений Столыпиных и показать их географическое размещение. Выше уже

отмечалось, что имение Колноберже находилось в Ковенском уезде вблизи железнодорожной станции Кейданы, что существенно облегчало сбыт сельскохозяйственной продукции и повышало рентабельность самой экономии. Около Колноберже располагались земли фольварков Петровский и Ольгино, а также имение на границе с Пруссией. Размер этих владений составлял 835 десятин земли. Ранее они принадлежали отцу Столыпина. Именно здесь использовались капиталистические формы ведения хозяйства, и они давали наибольшую прибыль.

В 1899 г. Столыпин получил права наследования имениями в Инсарском уезде Пензенской губернии. Эти владения находились в собственности у его матери Натальи Михайловны. Одно из них располагалось при селе Инсар (Акшино тож), его размер составлял 400 десятин земли. Остальные – при с. Спасское (Трусляй тож), деревнях Еникеевка и Воробьевка того же уезда. Общая площадь имений Столыпина в Пензенской губернии достигала 950 десятин земли⁹¹.

В Московском уезде Московской губернии располагалось имение Крюково при селе Матюшино: 4 лесные дачи общей площадью 140 десятин.

В 1899 г. Ольга Борисовна Столыпина получила в наследование имение Чулпановка в Чистопольском уезде Казанской губернии, которое находилось в 70 верстах от железнодорожной станции Мелекес, в 115 верстах от пристани Чистополь и в 35 – от торгового рынка в с. Кошки Самарской губернии. О. Б. Столыпина получила имение размером 4574 десятин земли, из них под усадьбой находилось 25 десятин, под пашней – 483, под сенокосными угодьями – 468, под лесом – 3072 десятины земли⁹². В Вольском уезде Саратовской губернии П.А. Столыпину принадлежало имение при селе Балтат, в котором насчитывалось 1000 десятин земли⁹³.

Перед П.А.Столыпиным как владельцем имений, разбросанных в разных климатических поясах России и различных по уровню экономического развития районах (в Ковенской, Московской, Нижегородской, Казанской, Пензенской и Саратовской губерниях)⁹⁴, стояла важная задача найти эффективные методы управления своими владениями с учетом почвенно-климатических особенностей. Необходимо было также учитывать и специфику эволюции крестьянских и помещичьих хозяйств.

Попутно он должен был предпринимать усилия для повышения доходности имений, а в случае нерентабельности вовремя их ликвидировать. На доходность имений влиял и такой фактор, как необходимость уплачивать проценты за залог земли. Столыпин получил в наследство обремененные владения: часть имений прежние владельцы заложили в Государственном дворянском банке. И когда во время летучей инспекции в имение Акшино [1899 г. – Авт.] мордва предложила выкупить у Столыпина имение при селе Еникеевка, продавец установил максимальную цену за землю в 50 тысяч рублей, мотивируя тем, что «это дало бы нам возможность выкупить все наши имения из банка»⁹⁵.

Итак, низкая доходность имений, их обремененность побуждали П.А.Столыпина к ликвидации земельной собственности. Так, он продал имение при селе Балтат Вольского уезда Саратовской губернии крестьянам, решившим создать на купленных землях хутора. Правда, мотивировал он продажу не слишком экономически: чтобы «никогда уже не ездить в эту даль»⁹⁶. П. Н. Зырянов отмечает, что имение было продано в 1901–1902 гг. за 112,5 тысячи рублей⁹⁷. Изучение личного архива П. А. Столыпина позволяет установить точную дату продажи имения – июнь 1902 года.

Также из-за низкой доходности и, главное, из-за того, что имение Крюково в Московском уезде находилось без постоянного присмотра и контроля, 24 июня того же года П. А. Столыпин продал его за 30 тысяч рублей жителям Москвы С. П. Фармаковскому и М. Д. Сокольницкому⁹⁸.

Кроме того, в 1907 г. Столыпины при содействии Крестьянского поземельного банка продали отдельный участок под названием «Ерыклинские отрезки» размером 230 десятин 730 сажень земли Барско – Чулпановскому товариществу⁹⁹.

В связи с исполнением обязанностей уездного, а затем губернского предводителя дворянства, а также из-за значительной удаленности других имений, П. А. Столыпин управлял поместьями по старой, испытанной, традиционной схеме. Все внимание помещик сосредоточил на землях, расположенных «вокруг себя», в Ковенской губернии, а в дальние имения нанял управляющих или сдавал землю в аренду местным крестьянам.

Но это не означало, что удаленные имения оставались без надзора со стороны помещика, хотя бы и летучего характера:

ввиду своей занятости Столыпин мог отправляться в «инспекционные командировки» лишь во время отпуска летом или осенью. Эти командировки отрывали Столыпина от семьи, от привычного быта. Он остро переживал разлуку, о чем свидетельствуют его многочисленные письма к жене Ольге Борисовне. Но эти поездки давали очень многое. Он увидел воочию, что Россия богата не только народами; смог сопоставить различные формы земледельческих хозяйств, выделить те, которые ускоряли модернизационные процессы в стране. Так, во время поездок в имение, которое находилось на границе с Пруссией, он, по свидетельству старшей дочери Марии, восхищался устройством немецких хуторов и с интересом изучал все то, что «считал возможным привить у нас»¹⁰⁰.

Интерес к хуторскому хозяйству не случаен для Столыпина. Он хорошо знал научные изыскания своего дяди Дмитрия Аркадьевича (последователя позитивизма Огюста Конта), который, как уже говорилось, предпринял практические шаги к созданию в своем имении хуторов. Будучи губернским предводителем дворянства, П.А. Столыпин пропагандировал среди крестьян идею перехода от общинного землевладения к хуторскому.

Иные формы хозяйствования сложились в центральных великорусских губерниях, в лесных и лесостепных уездах Поволжья, где сохранялись пережитки феодализма, остро сказывалось малоземелье. В этих районах большая часть крестьянских хозяйств продолжала воссоздавать традиционные формы земледельческого производства

В ходе своих «командировок» в Поволжье П.А. Столыпин стремился к тому чтобы повысить доходность имений. Он предпринял ряд мер для того чтобы улучшить ведение дел в Чулпановке. По его мнению доходность имения могла возрасти вдвое, при условии строительства железной дороги и определенных затрат.

Встречался Столыпин с крестьянами сел Чулпановка и Кукулино. Старики просили продать им отрезки, но от продажи земли он отказался, угостив огорченных, несчастливых покупателей водкой.

Иная ситуация сложилась в имении П.А. Столыпина в Пензенской губернии. Из Чулпановки Столыпин выехал 26 августа

1899 г. Двигался он через Сергиевск, затем по узкоколейной дороге в Самару, а из нее в Рузаевку. 29 августа прибыл в Акшино и на следующий день вместе с арендатором Шаталовым стал осматривать имение, которое находилось в плачевном состоянии. Особенно неприглядно выглядели хозяйственные строения. С огорчением он констатировал: «Они в ужасном виде»¹⁰¹. Арендатор просил снизить на 700 рублей арендную плату, но на все его просьбы Столыпин ответил отказом. Шаталов обещал Столыпину к концу срока аренды [1903 г. — Авт.] подновить хозяйственные постройки. Столыпин понимал, что вместо ремонта Шаталов лишь что-то где-то «подмажет» и полагал, «было бы лучше взять с него деньгами и самому ремонтировать»¹⁰².

Учитывая состояние имения, Столыпин планировал отказаться от договора об аренде с Шаталовым, подыскать управляющего имением «какогонибудь Левгода» и сдавать крестьянам землю в аренду исполу и за деньги. Вполне правомерно он полагал, что при такой форме эксплуатации имения он может получать ежегодно более 4 тысяч рублей¹⁰³. Столыпин передал жене свои впечатления о встрече у ворот церковного храма с крестьянами, которые стали жаловаться на Шаталова. «После обедни опять говорил с мужиками, дал им 3 руб. на водку; старики становились передо мною на колени. Ужасно они обозлены на Шаталова». Здесь же он делится с женой личными наблюдениями: «Мужички, кажется, большие лодыри. К несчастью, мордва богаче и честнее. Эти последние пришли ко мне после обеда торговать Еникеевку, которую я и не думаю продавать. Это отдельный кусок в 262 десятины. Чтобы отделаться от них, я назначил 50 тысяч рублей. Они давали 30 тысяч, а потом 35. Их аппетит так разгорелся и они без этой земли до того сжаты, что я начинаю допускать возможности уплаты ими со временем 50 тысяч. Против этого я не устоял бы...»¹⁰⁴.

Имение Крюково Московского уезда при селе Матюшкино состояло из четырех лесных дач. Общая площадь их составляла 140 десятин. Сюда Столыпин приехал в конце ноября 1899 г. «Впечатление благоприятное, — писал он жене, — дачки (их — 4) такие, как все под Москвою, но совершенно заново отремонтированные: землю под снегом не видать, но лес, хотя молод, но хорош, он даже слишком густ, так что нуждается в чист-

ке»¹⁰⁵. Но эти дачи оказались только под присмотром лесника, и доход с них, судя по всему, был мизерным. Столыпин сетовал: «Дело это нам не к рукам, дачи надо будет продать, но, конечно, не теперь, так как дадут полцены, а со временем. Начальник станции в Крюкове говорил мне, что можно будет получить до 45 тысяч»¹⁰⁶.

Уже в следующем 1900 г. «командировка» П. А. Столыпина в Чулпановку дала результаты. Началось строительство хозяйственных построек на хуторе. В их число включались дом приказчика, хлебный амбар, конный и скотный дворы, молотильный сарай, три рабочих избы, еще сарай, навесы.

При разделе имущества О. Б. Столыпина получила в наследство 41 рабочую лошадь, 66 волов, 2 коровы. Также конную молотилку, сеялку, плуги и бороны. Наличие рабочего и продуктивного скота позволяло вносить навоз на паровые поля. Понятно, что сама Ольга Борисовна этого наследства в глаза не видела, доверяя мужу.

Как отмечалось, столыпинские имения находились в районах с разным уровнем развития капитализма в земледелии. Об особенностях экономического строя своих имений П. А. Столыпин говорил на заседании Гродненского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности: «У меня есть имения в Ковенской, Казанской, Пензенской губерниях, и хозяйство я веду сам. В Ковенской губернии на 500 десятин запашки я вынужден содержать специально для обработки земли 19 годовых батраков, а всех рабочих и служащих в имении 80. В Казанской губернии годовых служащих и батраков при 1000 десятинах пахоты я содержу 4, а в Пензенской 3, хотя пахотного поля в этом имении 600 десятин, из коих до половины обрабатывается экономическим способом. Объясняется это тем, что во внутренних губерниях есть всегда возможность нанять летних, так называемых сроковых рабочих...»¹⁰⁷.

Нами обрисовано типичное образцовое капиталистическое хозяйство, которое велось в Колноберже. Столыпину удалось его создать, несмотря на каменистые малоплодородные земли, на которые выпадали избыточные осадки. Здесь земледельческое производство органично сочеталось с животноводством. В хозяйстве успешно был внедрен многопольный севооборот. Так, в одном из имений «Ольгино» П. А. Столыпин 33 дес. земли отводил под яровые, 71 дес. земли засеивалась овсом, 677

дес. находилось под клевером, 30 дес. — под паром. Часть земли сдавалась крестьянам в аренду¹⁰⁸. Еще раз акцентирую внимание: перед нами типичное капиталистическое хозяйство.

Высокая доходность имения повлияла на его оценку Казанским отделением Крестьянского поземельного банка, который оценил владение О. Б. Столыпина в 313 950 руб.¹⁰⁹ Но она от продажи имения отказалась, так как семья нуждалась в средствах: замужество старшей дочери Марии, лечение детей. О. Б. Столыпина подала заявление в Дворянский банк с просьбой выдать ссуду под залог имения. 28 апреля 1910 г. Совет Государственного дворянского земельного банка принял постановление № 15163 о выдаче ссуды под залог имения Столыпина по специальной оценке, стоимостью в 300 000 руб. Ссуду выделили в размере 180 тыс. рублей¹¹⁰.

Другим важным направлением в хозяйственной деятельности Столыпина помещика являлось приобретение новых владений. И здесь он также весьма успешно выполнял задачу приращения земельной собственности. Вероятно, к приобретению новых владений Столыпина подталкивал факт многодетности семьи, в которой подрастали 5 невест и будущий наследник.

В 1904 г. Столыпин приобрел имение Стуки в Ковенской губернии за 36 500 руб. Об этом приобретении он радостно сообщил 26 мая Ольге Борисовне: «Сегодня получил письмо с окончательными условиями Гружевского [прежнего владельца имения. — Авт.]. Он прибавил 500 р[уб]. за купленные семена на весенний посев и затем выговаривает в свою пользу разницу на курсы бумаг около 1500 рублей. Но я все же считаю, что эта покупка выгодная и ее пропускать нечего, как в свое время прозевал Младзяново»¹¹¹. Как видим, при продаже имения Гружевский выставил ряд условий. Более того, взял себе весь урожай, т.е. чистый доход за год. Столыпин также выяснял, кто будет вносить полугодовой платеж в Дворянский банк — прежний или новый владелец имения. «До какого срока он [Гружевский. — Авт.] уплатил повинности, страховые, жалованье работникам»¹¹². И далее следовало резюме: «Я бы очень хотел бы купить Стуки, но не быть в дураках...»¹¹³.

Столыпин планировал после приобретения имения найти арендатора и сдавать в аренду: 220 руб. за десятину земли. Арен-

датор должен был поддерживать правильный севооборот, он также обязывался осуществлять ремонт построек. Усадьба была сдана в аренду родственникам управляющего имением Колноберже О. Г. Штраухмана. Столыпин предписал ему осуществлять надзор за имением, приказал продать «весь инвентарь насколько возможно дороже, чтобы вернуть часть затраченного капитала»¹¹⁴.

По мнению Столыпина, приобретение Стук было выгодным делом. Он полагал, что в любое время сможет продать это имение без потерь для бюджета семьи.

Одним из направлений деятельности домохозяина землевладельца П. А. Столыпина стало участие его в разделе имущества родителей жены. В связи с тем, что он некогда успешно справился с вступлением в права наследования имением Чулпановка, его пригласили в мае 1904 г. для участия в разделе имущества, оставшегося после смерти М. А. Нейдгардт, его тещи. Ситуация осложнялась тем, что брат Ольги Борисовны Александр Нейдгардт задолжал кредиторам. Столыпин писал также о том, что на семейном совете Нейдгардты решили взять на себя оплату долгов Александра. «Придется, вероятно, — сожалел Столыпин, — авансировать еще... 4600 р[уб]. за Сашу. Но эти деньги вернутся продажей его части [наследства. — Авт.]»¹¹⁵. Столыпин оплатил долги шурина. Кроме того он внес 9 тыс. руб. на похороны тещи и оплатил ее долги. «Разделив эту сумму на 4, получится на долю каждого 2250 руб. Остальное получил обратно», — сообщал он жене¹¹⁶.

Эти непредвиденные расходы не могли не сказаться на бюджете семьи. Из письма 22 мая 1904 г. жене: «Занялся я немного и счетами (послал Тебе 2000 руб.) и ужаснулся массою наших долгов. Капитал тает. Я блюду строгую экономию, боюсь только приезда великих князей и т.п.»¹¹⁷. Но, чтобы сгладить впечатление от этого горестного вывода, в другом письме он оптимистично успокаивал супругу: «Про таянье капитала я, конечно, говорю только в смысле временном — сразу столько пришлось взять из банка! Все это вернется»¹¹⁸.

Таким образом, забота о своих имениях всегда стояла на первом месте у П. А. Столыпина. Находясь позже на посту губернатора, он не чурался хозяйственных вопросов, непосредственно сам руководил управляющими своих имений, ре-

зонно отвечая на замечания соседей, считавших, что «хозяйство не дело губернатора»: «Не губернаторское, а помещичье, значит, важное и нужное»¹¹⁹. Даже в период революционного вихря 1905 г. саратовский губернатор, ревностно исполняя служебный долг, не забывал о своем хозяйстве. «Ты пишешь, что пало 6 лошадей — ведь это рублей 500!», — горестно восклицал Столыпин. «Что это Звездочка [кобыла. — Авт.] захромала, — интересовался он у жены, — прошел ли сап, ввергающий меня в ужас. Ведь это громадный убыток. Здоров ли скот...». И далее в письме от 2 июня: «Я за всеми своими заботами, которые приковывают меня к письменному столу от 8 часов утра до часу ночи, совершенно запустил переписку с управляющим. Хочу написать Анне [Сазоновой, сестре О.Б. Столыпиной. — Авт.], чтобы она в Чулпановке объехала наши владения — хоть формально показать там надзор»¹²⁰. В письме жене от 5 июля он делился: «Сегодня до одурения после приема писал письма всем управляющим [имениями. — Авт.]»¹²¹.

Итак, Столыпин предстает перед нами как деятельный, рачительный хозяин, учитывающий всю совокупность факторов, влиявших на развитие его имений. Если в Колноберже явно преобладали капиталистические приемы ведения хозяйства, то в остальных экономиях был представлен симбиоз капиталистической и отработочной систем. Характерно, что в Колноберже Столыпин успешно использовал многопольную систему земледелия. В Казанской и Пензенской губерниях применял традиционное трехполье. Обработка пашни велась железными плугами, при посеве применялась конная сеялка, а уборке урожая — конная молотилка. Как в Колноберже, так и в Чулпановке было представлено многоотраслевое хозяйство. В Чулпановке важное место занимало хозяйство лесное. Но в целом экономический строй имений Столыпина развивался на экстенсивной основе. Заметен популярный на Руси стиль — получать высокий чистый доход без финансовых вложений в земледельческое производство.

*«Вектор науки» Тольяттинский государственный университет. 2012. № 3 (21). С. 145-149.

§ 4. Государственный деятель и театральный художник Яков Васильевич Глинка*

Идея написать статью о Якове Васильевиче Глинке возникла еще в 80-е гг. XX столетия. Занимаясь социально-политической историей (в те времена я много работал в архивах и библиотеках, разыскивая материалы о жизни и государственной деятельности последнего реформатора Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина), неоднократно наталкивался на имя Я. В. Глинки. Затем, работая с энциклопедическими словарями и справочниками, я стал накапливать все новые и новые сведения о Я. В. Глинке. Безусловно, ценные сведения были получены мною из публикации Б. М. Витенберга¹²². Знакомясь в книжных магазинах Москвы с новинками, я натолкнулся на прекрасно изданную книгу из серии «Россия в мемуарах» под значимым для меня названием «Одиннадцать лет в Государственной Думе», автором которой являлся Я. В. Глинка. Дрожащими руками раскрываю ее и читаю «1906-1917: Дневник и воспоминания». В структуру данного издания составитель Б. М. Витенберг включил, помимо дневника, воспоминания Я. В. Глинки о Государственной Думе в 1906-1910 гг., о Февральской революции и последующем жизненном пути нашего героя. Несомненную ценность для исследователя второй российской революции представляют приложения. Б. М. Витенберг же написал вступительную статью, составил биографический словарь и комментарий к авторскому тексту. Читая вступительную статью Б. М. Витенберга, я не мог не отметить того, что ее автор не только воссоздал основные этапы жизни и деятельности Я. В. Глинки, но и попытался рассказать о необычной судьбе Я. В. Глинки после второй русской революции.

Оказывается, Яков Васильевич прожил две жизни. Первая, дореволюционная, складывалась для него весьма успешно. После окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета он служил в Государственной канцелярии, которая вела дела Государственного Совета Российской империи, а затем он был направлен на работу в Государственную Думу, где в 1907 г. возглавил отдел общего собрания и общих дел

канцелярии Государственной Думы. Б.М. Витенберг напоминает во вступительной статье читателю книги, что Я.В. Глинка начал делать дневниковые записи в 1910 г. Эти записи (весьма осведомленного чиновника, находящегося в гуще думских страстей) являются ценнейшим источником по истории Думской Монархии. Они существенно дополняют делопроизводственную переписку, да и стенограммы думских заседаний, что позволяет полнее воссоздать панораму политической жизни Российской империи, показать не только биение ее пульса, но и внести существенные коррективы при реконструкции исторических портретов – характеристик некоторых политических и государственных деятелей начала XX столетия.

Меня не могла не восхитить характеристика Я.В. Глинки, которую он дал будущему российскому премьер-министру А.Ф. Керенскому. Вот она: «Неврастеник, адвокат по профессии [он] горячо произносил свои речи, производил впечатление на женский пол и доставлял большое неудовольствие сидящим под кафедрой оратора стенографам, обрызгивая их пенящейся у рта слюной. Многие считали его кретином»¹²³. Таких ярких характеристик рассыпано очень много как в дневнике, так и в воспоминаниях. Иногда они представлены в виде одной или двух-трех фраз. Иногда он дает более обширную информацию, что позволяет увидеть динамику изменений представлений Глинки по мере совместной работы с тем или иным политическим деятелем. И те и другие суждения и оценки автора «Дневника» позволяют восполнить пробелы и лакуны в исторических портретах деятелей эпохи Думской Монархии. Особое значение приобретают его яркие характеристики председателей III –й Государственной Думы. Например, одного из них – А.Н. Хомякова, которого, по мнению Я.В. Глинки, накануне своей отставки выводило из равновесия небрежное отношение правительства к Думе, а фамилию П.А. Столыпина без раздражения он «говорить не мог»¹²⁴. Далее. Дневник Глинки обладает высокой информативной емкостью и содержит ценные наблюдения о деятельности лидера октябристов А. И. Гучкова, который был избран председателем III-й Государственной Думы. Судя по дневниковым записям, поначалу Гучков произвел на Глинку положительное впечатление. «Я знал его за сухого и очень скрытного человека,-делился автор «Днев-

ника», - поэтому тон нашей беседы превзошел мои ожидания... так как у него есть план работ и при его железной воле можно кое-чего и достигнуть»¹²⁵. Так же высоко оценивает Глинка работу Гучкова в качестве председательствующего на первом заседании Думы. Он констатирует: «Гучков никому не дает говорить лишнего. Он удивительно схватывает суть дела и никогда не отклоняется в сторону»¹²⁶. Но затем мы видим, как в думской среде нарастает разочарование Гучковым, который не способен обуздать «разнузданные» думские нравы. К тому же Глинка не мог не заметить как Гучков в своем кабинете «на крошечного формата листочках пишет и все пишет» П.А. Столыпину и министрам¹²⁷. Далее он делает вывод о том, что Гучков «не предпринимает ни одного шага без совета со Столыпиным»¹²⁸. И, конечно, весьма значима информация Глинки о социально-психологической ситуации в Думе в марте 1911 г. в связи с отклонением Государственным Советом закона о введении земства в западных губерниях России, что побудило П.А. Столыпина с целью преодоления кризиса внести предложение императору Николаю II о роспуске Государственной Думы на три дня, а для выхода из политического кризиса вновь применить статью 87-ю Основных законов Российской империи. В этой ситуации. Гучков вынужден был подать заявление об отставке с поста председателя Думы. Так же эмоционально окрашены и сюжеты, связанные с гибелью П.А. Столыпина в Киеве и избранием на пост председателя Думы М.В. Родзянко.

Здесь можно было бы привести весьма яркие описания многих личностей, которые оставили яркий след в политической жизни Российской империи. Например, им воссозданы портреты таких политических деятелей, как С. А. Муромцев, М.В. Родзянко, В.М. Волконский и др. Самое существенное в дневнике Я. В. Глинки состоит в том, что он приводит множество деталей повседневной жизни депутатов Государственной Думы. Особенно впечатляют его записи периода Первой мировой войны, в которых содержится ценнейшая информация о росте оппозиционных настроений в думской среде, а также о бессилии власти и Думы накануне и в первые дни Февральской революции, которая смела и монархию, и Думу. Как видим, дневник Я.В. Глинки является весьма ценным источником, в котором отражена деятельность Первого российского

парламента в период третьей ионьской монархии. Не менее значимы его оценки министров Временного правительства, которые содержатся в его «Воспоминаниях о Февральской революции и последующем жизненном пути». Выше я уже приводил характеристику А.Ф. Керенского. Глинка сообщает, что он «был свидетелем его [Керенского – П. К.] восторга по случаю его назначения военным министром». Далее, говоря о министрах Временного правительства, Глинка с недоумением пишет: «Чем руководились, о чем мечтали и чего хотели достигнуть все эти люди, непонятно. Ясно одно, что все эти уродливые явления, все эти люди, ничтожные, не способны были создать что-либо положительное, и их роль сводилась к выжиданию того момента, когда появится новый хозяин, с ясными планами и твердой волей и могучим порывом сметет все старое до основания, чтобы строить новую жизнь»¹²⁹. Получив в свои руки власть, министры Временного правительства не сумели вывести государственный корабль из революционного хаоса.

Б. М. Витенберг приводит данные о происхождении Я.В. Глинки, который принадлежал к известному в России дворянскому роду, давшему композитора М.И. Глинку. Многие из представителей этого рода, исполняя воинский долг, верой и правдой служили России. Довольно полно говорится о государственной службе Я.В. Глинки, которой было отдано 22 года, и юридической службе в аппарате Государственного Совета, а затем в канцелярии Государственной Думы, которую, как я уже отмечал, он фактически возглавлял. В 1913 г. он был удостоен чина действительного статского советника, а в апреле 1917 г. он был назначен сенатором. Эти и другие данные свидетельствуют о том, что Я.В. Глинка входил в состав государственной элиты России начала XX в.

Но эта блестящая карьера была прервана октябрьским переворотом, и для Я.В. Глинки начинается совершенно иная – вторая жизнь. Дворянин, действительный статский советник и сенатор вынужден был буквально выживать в условиях Великой смуты начала XX в. Ценой невероятных усилий он смог преодолеть жизненные невзгоды. В период революционного экстрима он переехал из Петрограда вместе с семьей в имение (хутор), которое находилось вблизи Житомира. «Мы пережили, – пишет Глинка в воспоминаниях, – там жуткий банди-

тизм в связи с оставлением войсками фронта, Украинскую раду, нашествие немцев, гетмана Скоропадского»¹³⁰. Позже в имение явились представители советской власти и отобрали у семьи имущество¹³¹, наделив семью Глинки 8 десятинами земли. В эти трагические годы он сделал все для того, чтобы спасти семью. В период гражданской войны ему пришлось работать землекопом, плотником, рабочим сцены. Жизнь преподнесла ему еще один сюрприз, участвуя в оформлении спектаклей у него неожиданно обнаружился талант художника. Он сам отмечал в своих воспоминаниях: «С этого момента начинается моя вторая жизнь, ничего общего не имеющая с моей прежней деятельностью. Я вступаю в семью артистов и всей душой отдаюсь искусству. Я обрел свое призвание»¹³². Он принял решение уйти «в театр «за кулисы», подальше от людей»¹³³. И тем самым он спас не только себя, но и свою семью.

Надо сказать, что автор вступительной статьи, да и сам мемуарист Я. В. Глинка перечисляют города, в театрах которых работал бывший действительный статский советник. Это Житомир, Днепрпетровск, Москва, Ленинград, Сталинград, Киев, Одесса, Новосибирск, Краснодар, Алма-Ата, Севастополь, Воронеж.

Об ульяновском периоде жизни государственного деятеля и театрального художника Я. В. Глинки во вводной статье Б.М. Витенберга говорится весьма лапидарно. В 2009 г. В.М. Костягина опубликовала статью о театральной жизни Симбирска-Ульяновска, в которой приведены новые данные о жизни Я.В. Глинки в Ульяновске. Мною также использованы материалы из архива Д. И. Архангельского, в фонде которого отложились, воспоминания художника-оформителя Н.Ф. Митрофанова¹³⁴. Эти воспоминания позволяют более рельефно показать последние годы жизни Я.В. Глинки. Мы знаем о том, что он переехал в Ульяновск в августе 1938 г. Последние 12 лет (до смерти, 10 августа 1950 г.) он работал главным художником областного драматического театра, а в конце жизни художником-постановщиком. Кроме того, не афишируя прежней своей жизни, он исподволь занимался подготовкой к изданию своих дневника и воспоминаний. В частности, в 1950 г. он написал «Воспоминания о Февральской революции и последующем жиз-

ненном пути», которые завершали последние дневниковые записи февральских революционных событий в Петрограде.

Думаю, что ульяновский период жизни Я.В. Глинки имеет в связи с этим особое значение. Здесь он смог завершить работу над воспоминаниями, которые, как он считал, «помогут интересующимся этим периодом понять значение моих записей в дневнике, который я вел с 1910 г. до 27 февраля 1917 г., т.е. по день Февральской революции»¹³⁵.

Встает вопрос: почему Я.В. Глинка вел кочевую жизнь? Не спасал ли он тем самым себя и свою семью от репрессий со стороны советской власти? И хотя в анкетах он всегда правдиво писал о своем происхождении и работе во властных структурах Российской империи, тем не менее, видимо, срабатывал инстинкт самосохранения. Только иногда в разговорах с коллегой — художником Н.Ф. Митрофановым — он мог очень скупно говорить о своей прошлой жизни и деятельности. Поэтому он не претендовал и на получение пенсии, а потому вынужден был работать до последних дней своей жизни. К тому же, спасая себя, свою семью, он спасал и свои дневниковые записи, которые хранил как величайшую драгоценность. Вероятно, по этой же причине он переехал в 1938 г. на постоянное жительство в провинциальный Ульяновск.

Перед артистами и сотрудниками областного театра предстал внешне ничем не выделяющийся человек. По виду «обыкновенный сектант, — писал Н.Ф. Митрофанов, — из белоризцев, так как рубаха его была сурового полотна, длинная, вроде толстовки. Он был довольно стар, лет эдак, семидесяти, или около этого, с палочкой, он был уже сед и, конечно, в очках при соломенном картузе»¹³⁶. Показательно, что он талантливо умел глубоко прятать «смурное» настроение и меланхолию, которые не могли не овладевать им как в предвоенные годы, так и в период военного лихолетья (ведь помимо тяжелых испытаний в период войны он получил известие о том, что его сын Георгий, военный летчик, пропал без вести во время воздушного боя в 1942 г.)¹³⁷

Своеобразной палочкой-выручалочкой для него был труд. Жизнь не сломила его. Он по-прежнему, несмотря на преклонный возраст, «был непомерно жив и словоохотлив, весел и остроумен, деликатен в обращении и внимателен ко всему»¹³⁸.

И, как настоящий российский интеллигент, был вежлив и галантен по отношению к дамам, замужним актрисам театра. Более того, Глинка, несмотря на возраст, мог разыгрывать роль влюбленного и «приволочиться» за понравившейся ему актрисой. Он владел большим даром располагать к себе не только артистов многочисленных театров, но и своих коллег, и ближайших сотрудников. В характеристике Я.В. Глинки, выданной местным комитетом музыкальной комедии города Прокопьевска 8 февраля 1935 г., представлена география театральной деятельности Я. В. Глинки. Отмечается, что он работал художником в театрах еврейской, украинской и русской драмы.

Подводя итоги, отмечу, что Я. В. Глинка прожил интересную, полную драматизма жизнь, в которой был феерический карьерный взлет на государственной службе в первом российском парламенте. И, несмотря на падение в бездну во время революции, он смог выстоять и в новых условиях успешно реализовать неожиданно открывшийся талант художника в театрах новой советской империи. Кроме того «Дневник и воспоминания» Я.В. Глинки являются уникальным источником по изучению политической истории начала XX в. И то, что он сумел сохранить его в условиях кочевой жизни, можно считать подвигом.

*Проблемы системного реформирования России. (К 150-летию со дня рождения П.А.Столыпина). Пенза, 2012.С.122-128.

Раздел II. БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

§1 Петр Владимирович Алабин — легендарный самарец. Возвращение спустя век*

Бурные и неоднозначные процессы сегодняшней общественной жизни вновь и вновь ставят перед нами множество вопросов о нашем прошлом, в котором скрыты корни настоящего. И это не случайно: нам необходимо освободить сознание от штампов и догматических схем, восстановить живую ткань исторического процесса, показать нашу отечественную историю такой, какой она была — без изъянов и прикрас.

Долгое, слишком долгое время мы, историки, описывали события серо и буднично, не выходя за рамки «руководящих» высказываний. Многое изображалось в нарочито полярном — черно-белом виде, что вело к искажениям и фальсификации. Неоправданно превозносились заслуги одних, и замалчивалась деятельность других исторических лиц. Не избежал несправедливых «перекосов» и Петр Владимирович Алабин, некогда включенный современниками в плеяду прогрессивных общественных деятелей России второй половины XIX в., а в советское время незаслуженно забытый.

А ведь это был поистине разносторонний талантливый человек. Его в равной степени можно назвать писателем, ботаником, археологом, этнографом, историком-краеведом, библиографом, музейным работником, художником, организатором и учредителем школ. Одним словом, перед нами — Просветитель, человек, который внес неоценимый вклад в изучение и сохранение историко-культурного наследия нашего края.

Как же случилось, что имя и деятельность легендарного самарца оказались надолго забытыми, хотя при его жизни было опубликовано немало рецензий и заметок на его труды? В книгах известных ученых прошлого М.И. Семевского, С.А. Венге-

рова, П.К. Мартынова, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона даже печатались биографические очерки об Алабине. Однако в начале XX в. интенсивность публикаций о нем резко сокращается, а с 1912 по 1950 г. мы не найдем ни одной специальной статьи, посвященной Петру Владимировичу. Исключение составляет работа К.В.Дерюгина (1928г.), в которой автор вскользь упоминал о его деятельности на посту заведующего делами Вятской библиотеки.

Такое беспомыслие не случайно: сказалось влияние Первой мировой войны, Февральской, а затем и Октябрьской революций, Гражданской войны. С горечью приходится констатировать, что новому обществу, которое отрицательно относилось к дореволюционной культуре, деятельная личность Алабина пришлась не ко двору. «Революционный пафос в значительной степени связан с отрицательным отношением к прошлому», — заметил русский философ Н.Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма»¹³⁹. Вот это неприятие дореволюционной культуры роковым образом сказалось и на отношении к Алабину...

Одним из первых советских историков, обративших внимание на литературное наследие Алабина, стал академик Е.В. Тарле. Медленное и противоречивое возвращение Алабина народу началось во второй половине 50-х гг., во время первой волны великой реабилитации. И здесь нельзя не сказать о тех усилиях, которые предпринимали профессиональный историк профессор Н.Н. Яковлев, куйбышевские краеведы О. Струков и А. Соболев, кировский краевед Г.Чудова. Однако чаще всего их попытки рассказать правду об Алабине наталкивались на непонимание, едва скрытую неприязнь, например, профессора К.Я. Наякшина, некоторых влиятельных сотрудников областных газет, а иногда и работников партийных и советских органов. Обычно они презрительно называли Алабина монархистом.

Спрашивается, а мог ли он, воспитанный на принципах самодержавия, православия и народности, иметь другие взгляды? Ведь главное состояло в том, что эти, впитанные с молоком матери принципы, отнюдь не помешали Алабину быть подлинным патриотом и творцом, оставить заметный след в истории и культуре. По этой же причине Куйбышевское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников исто-

рии и культуры долгое время доказывало необходимость восстановить утраченный в 20-е гг. крест на памятнике Алабину. И лишь после неоднократных обращений в городской Совет народных депутатов осенью 1989 г. реставрация памятника была завершена ...

Деятельность Алабина нашла отражение в Советской исторической энциклопедии. Его гражданский подвиг привлек внимание писателей С.Белова и Е.Белодубровского, поэта О.Маслова. Куйбышевская студия кинохроники сняла документальную ленту «Гражданин Самары» (режиссер и оператор Л.Садковой). Возрос интерес к творчеству Алабина у студенчества. Выполнен ряд научных работ, в которых освещается его деятельность как историка.

Возвращение Алабина народу не может быть полным без публикации его произведений. Будем надеяться, что это дело ближайшего будущего.

Если мы всерьез собираемся заняться возрождением духовной и материальной культуры, исторического сознания нашего народа, нам не обойтись без обращения к творчеству П.В.Алабина, подвижническая деятельность которого – пример беззаветного служения Отечеству. Возвращение легендарного самарца невозможно без увековечивания его памяти. В первую очередь должны быть восстановлены стипендии его имени. И здесь – слово за городским Советом народных депутатов и Куйбышевским отделением Советского фонда культуры. Имени Алабина достойна одна из лучших улиц города, например, часть улицы Осипенко от волжской набережной до проспекта Ленина, поскольку именно она фактически соединяет прошлое Самары с современностью. Когда-то здесь находился мужской монастырь, это была окраина города, а теперь горделиво утвердилось белокаменное здание областной научной библиотеки им. Ленина. Петр Владимирович Алабин внес большой вклад в развитие библиотек Самары. Такое решение, верится, могло бы удовлетворить большинство горожан и конечно всех тех, кто стоял у истоков движения по возвращению Почетного Гражданина из глена забвения.

ЖИЗНЕННЫЕ ВЕХИ

До приезда на Волгу

Биография Петра Владимировича Алабина, на первый взгляд, была, как бы запрограммирована укладом жизни мелкопоместного дворянства. Он родился в городе Подольске Московской губернии 4(16) сентября 1824 г. в семье чиновника из обедневшего дворянского рода Рязанской губернии, мать — француженка, дочь эмигранта Мартона¹⁴⁰. Вначале учеба в Белостокской гимназии, затем в Петербургском коммерческом училище, после окончания, которого Петр Алабин зачислен офицером в Тульский егерский полк. В 1849 г. в составе Камчатского егерского полка он участвует в походе русских войск в Венгрию, затем в Дунайской кампании 1853-54 гг., знаменитой обороне Севастополя во время Крымской войны. За боевые заслуги в этих баталиях награжден чином капитана и орденами Анны 4-й степени с мечами на шашку с надписью «За храбрость», Станислава 3-й степени с мечами, Анны 3-й степени с мечами и Станислава 2-й степени с мечами.

Позже, уже в Самаре, Петр Владимирович на основании своих военных дневников выпустил первую книгу «Четыре войны. Походные записки» (сюда были включены сюжеты и русско-турецкой кампании 1877-78 гг.). Сам автор в предисловии к первой части «Записок» отмечал: «... мы оставили нетронутым все, что писалось в нашем дневнике во время четырех кампаний, в которых мы имели счастье участвовать»¹⁴¹. Алабин с большой теплотой и симпатией писал о венгерском народе, по существу осудив правительство Николая I за неуместность «нашего вмешательства в Венгерские дела, в 1849 году, даже больше, о навлечении этим вмешательством великих бед на наше отечество как бывших прямым результатом этого вмешательства». Участие России в подавлении революции в Венгрии названы им «грубой политической ошибкой».

В «Записках» поражает обилие экскурсов в историю тех стран, где Алабин побывал в составе действующей армии. Они органично переплетаются с этнографическими зарисовками о быте, хозяйственном укладе и нравах народов, живущих на Балканах. Его корреспонденции в газету «Северная пчела» с

театра Крымской войны вызывали живой интерес у читателей. Академик Е.В. Тарле высоко оценил воспоминания Алабина об обороне Севастополя, назвав их «правдивыми и драгоценными для историка». Некоторые современные исследователи (например, Л.В. Храмков) полагают, что алабинские военные корреспонденции по духу близки к «Севастопольским рассказам» Льва Толстого¹⁴².

В 1857 г. военная карьера П.В.Алабина закончилась. Он приезжает в Вятку (ныне г. Киров) на должность помощника управляющего удельной конторой. Его деловитость, творческий подход к обязанностям были сразу же отмечены, и вскоре он назначается губернским удельным ведомством управляющим губернской палатой. Столь же высокие посты на государственной службе и в аппарате местного самоуправления занимал Алабин и в Самаре: управляющий губернской палатой государственного имущества, гласный городской Думы, городской голова, председатель губернской земской управы. Им был успешно пройден путь от гимназиста до действительного статского советника, всецело занятого решением вопросов государственной службы.

Казалось, сам ритм такой жизни, сложившиеся традиции российской чиновной бюрократии исключали возможность заниматься какой-либо другой деятельностью. Но не таков Петр Владимирович Алабин. Он постоянно испытывал внутреннюю потребность и расположенность к творческой деятельности. Его волновали состояние народного образования, проблемы отечественной истории и культуры. И эта созидательная просветительная деятельность ярко проявилась и в Вятке, и в Самаре, и в Софии. Всюду он стремился создать очаги культуры: школы, библиотеки, музеи.

Вятский краевед Г.Ф. Чудова отмечает, что Алабин приехал в Вятку полный энергии и желания участвовать в общественной жизни. Он принял решение издавать для народа популярные книги, которые могли бы знакомить крестьян и рабочих с русской поэзией и прозой. В 1860 г. вышел его «Сборник русских стихотворений для чтения простолюдьми» (второе издание 1862 г.). В него были включены и краткие жизнеописания М.В. Ломоносова, Т.Г. Шевченко, И.С. Никитина, Ф.И. Слепушкина. Алабин же выступил составителем

«Хрестоматии для простолюдинов», в которую включил рассказы С.Т. Аксакова, Н.В. Гоголя, В.И. Даля, В.А. Жуковского, Н.М.Карамзина и других русских писателей.

По инициативе Петра Владимировича была создана воскресная школа для крестьян в слободе Кукарке. Немало усилий приложил он для того, чтобы в Вятке вновь стала работать публичная библиотека. В эти же годы им начато изучение археологических памятников на территории Вятского края, выявление и публикация архивных документов. Он одним из первых приступил к раскопкам Ананьинского могильника, опубликовал несколько документов по древней истории края. Эта деятельность Алабина была направлена, в конечном счете, к тому, чтобы открыть в Вятке краеведческий музей. Петр Владимирович сформулировал основные принципы организации и направления работы музея, который, как он убежденно считал, должен играть важную роль наглядности в деле образования и пропаганды историко-культурного наследия¹⁴³.

В Вятке произошло становление Алабина как общественного деятеля и историка-краеведа. Учитывая его заслуги, городская общественность 7 января 1866 г. «ходатайствовала о присвоении ему, г. Алабину, звания гражданина г. Вятки и о разрешении поставить портрет его в Вятской публичной библиотеке».

Самарский просветитель

В начале 1866 г. П.В.Алабин переехал в Самару, где был назначен на должность управляющего губернской палатой государственных имуществ. Хотя Самара 60-х гг. и осваивала недавно приобретенную роль губернского центра, однако пульс культурной жизни здесь едва прощупывался. Город словно ждал приезда такого подвижника, как Алабин, который смог своими идеями и конкретными инициативами пробудить находящееся в полудреме городское общество, придать общественно-политической жизни города новое звучание.

С полным основанием можно утверждать, что деятельность Алабина по сравнению с вятским периодом в Самаре значительно расширилась. Конечно же, в центре его внимания, по-

мимо повседневной службы, продолжала оставаться военная история, точнее те события, участником и очевидцем которых был он сам. В ходе начатой еще в Вятке работы над своими «Походными записками» Алабин в 1869 г. предложил создать в Севастополе музей, посвященный обороне города во время Крымской войны. Его идею живо поддержали участники обороны, генерал-лейтенант П.К. Меньков и генерал-адъютант Э.И. Тотлебен, редакция «Морского сборника». В самарский период участник славных батальи опубликовал 3 книги своих «Походных записок», четвертый том их, к сожалению, до сих пор не найден.

Но не только военные сюжеты интересовали Алабина. Среди его литературного наследия, созданного в Самаре, статьи о сподвижнике Петра I И.И. Бутурлине, русском баснописце И.А. Крылове, биографии И.П.Голева, И.А. Лишина, В.В. Сикорского, Ф.Ф.Негрбенского.

В Самаре продолжалась деятельность Алабина как ботаника и зоолога. Петр Владимирович приложил немало усилий для расширения Струковского сада (ныне Парк им. Горького), который после строительства в нем танцевальных залов, фонтана и благоустройства стал любимым местом отдыха жителей. Инициативный общественник принял участие в облагораживании Александровского и других садов и скверов, в строительстве набережной на Волге. Кроме того, Алабин составил «Словарь растений дикорастущих и разводимых на огороде...» «Цель его, — писал автор, — облегчить любителю цветоводства... приискание необходимых ему указаний, способов ухода за тем или другим растением».

Как и в Вятке, П.В. Алабин придавал особое, первостепенное значение организации в Самаре публичной библиотеки и краеведческого музея. Основная цель музея виделась ему в том, чтобы «способствовать наглядному ознакомлению с Самарским краем в отношениях: антропологическом, историческом, географическом — с его произведениями царств: ископаемого, животного и растительного, с его сельским хозяйством и промышленностью: заводскою, фабричною, ремесленною и кустарною»¹⁴⁴. Помимо этого музей должен был способствовать «развитию эстетического чувства в своих посетителях и воспитанию вкуса их». По мнению Алабина музей должен состоять

из 16 отделов: географического, геологического и палеонтологического, минералогического, ботанического, зоологического, ихтиологического, энтомологического, антропологического, сельскохозяйственного, технического, отдела кустарной промышленности, этнографического, нумизматического, археологического и археографического, отдела исторического, отдела изящных искусств и художеств¹⁴⁵.

П.В. Алабин принял деятельное участие в оживлении работы библиотеки и создании музея, приложив немало усилий для выделения соответствующего здания. По его предложению публичная библиотека получила название Александровской, при ней был организован зал-музей императора Александра II - царя-реформатора, популярного среди самарцев. Алабин был председателем попечительского комитета, управлявшего библиотекой. Считая необходимой гласность в этой важной общественной работе, он публиковал ежегодные отчеты об их деятельности. Выступал в качестве составителя каталогов библиотеки и списков экспонатов и памятников культуры, хранящихся в запасниках музея, то есть, не чурался, в общем-то, черновой, во многом технической работы. Алабин составил систематизированный список птиц Самарского края и определил принципы формирования орнитологического отдела краеведческого музея. Он же выступил составителем каталога нумизматической коллекции, которую пополнял из личного собрания. Так же охотно он дарил книги в фонд Александровской публичной библиотеки. Все это — безвозмездно, осуществляя на практике высокие принципы благотворительности, всячески поддерживая ростки культурной жизни Самары.

П.В. Алабин не мог оставаться в стороне и в период народного бедствия — в 1873 г., когда Самарскую губернию поразил голод. Он опубликовал обращение к населению Самары с призывом организовать сбор средств в пользу крестьян, сам принимал участие в раздаче голодающим хлеба и денег. Подлинная забота о сельском мужике прослеживается и в его рекомендациях о предупреждении пожаров в деревнях Самарской губернии. Алабин принимал участие в разработке противопожарных мероприятий в самой Самаре: строительстве здания для пожарной части, водопроводного гидранта и т.д.

Почетный гражданин Софии

В самарский период жизни П.В.Алабина выпадали годы, когда от него требовалась мобилизация всех духовных сил. К таким деяниям относится гражданский подвиг – благословение сыновей Василия и Ивана, офицеров гвардии, на участие в борьбе за независимость братской Сербии. В 1876-77 гг. Алабин предпринял ряд акций по организации материальной помощи и морально-политической поддержки болгарскому народу, боровшемуся за свержение турецкого ига. По его инициативе Самарская городская Дума приняла решение о создании знамени для болгарских ополченцев. В создании Самарского знамени принимала участие и жена Алабина – Варвара Васильевна. Знамя было вышито золотыми нитями ею и монахинями Иверского женского монастыря.

Куйбышевский писатель Андрей Павлов выдвинул и попытался доказать версию, согласно которой Самарское знамя было освящено в Спасо-Вознесенском соборе. Это подтверждается и сведениями самого Алабина. 20 апреля 1877 г. Самарское знамя во время крестного хода было пронесено по городу на реку, а затем преосвященный отец Герасим совершил «в Соборе (Храм во имя Вознесения Господня заменял в то время кафедральный собор. – П.К.) освящение и иконы (св. Алексия, митрополита Московского – покровителя г. Самары – П.К.), и знамени, к которому стремились приложиться и стар, и мал...»¹⁴⁶

При торжественном вручении Самарского знамени болгарским ополченцам в г. Пloeшти П.В.Алабин сказал: «Издавека, через всю русскую землю, знамя принесено к вам как свидетельство того, что оно дается вам не каким-нибудь уголком России, а всею русскою землею... Идите же под сенью этого знамени! Пусть оно будет знаменем водворения в вашей многострадальной стране навсегда мира, тишины и просвещения». Самарское знамя прошло славный боевой путь. Под ним сражались болгарские ополченцы и русские воины у Стара Загоры, на Шипке и у Шейновского лагеря. Оно стало святыней Болгарии, символом единения, братства и солидарности русского и болгарского народов.

Все исследователи жизни и деятельности Алабина отмечают его неутомимую работу в качестве уполномоченного Красно-

го Креста в Румынии в период русско-турецкой войны 1877-78 гг. Он руководил работой двух госпиталей в болгарском городе Зимнице-на-Дунае. Он стал первым губернатором Софии и софийского санджака¹⁴⁷. И здесь, в Болгарии, П.В. Алабин выступил в роли создателя и просветителя, немало сделав для строительства и организации школ, прокладки дорог и возведения мостов, участвовал в проектировании памятника замечательному болгарскому революционеру Василу Левскому. По личной инициативе Алабина в Софии была основана первая народная библиотека имени великих славянских просветителей Кирилла и Мефодия¹⁴⁸.

Почетный гражданин Софии. Этим званием братский народ отметил подвиг Петра Владимировича Алабина на Балканах. Деятельность самарского подвижника высоко оценил император Александр II, пожаловавший Алабину орден св. Анны 1-й степени «в награду отлично-усердной и ревностной службы по гражданскому управлению в Болгарии».

На посту городского головы
«Служил в войсках, знаком с войною,
В «Кресте» был правою рукою,
В уделах ведал массой дел,
С Самарою сойтись умел, -
И выбран головою».

Так писал один из биографов Алабина, отмечая его заслуги на поприще военной, гражданской и общественной службы¹⁴⁹. Конец 70-х — первая половина 80-х гг. XIX в. — наиболее насыщенный период общественной и творческой биографии П.В. Алабина. Это и деятельное участие в русско-турецкой войне, и издание одного из самых значительных исторических трудов — «Двадцатипятилетие Самары как губернского города», и реставрация часовни небесного покровителя Самары святого Алексия, митрополита Московского, и создание публичного музея имени Александра II. Наконец, Алабин обосновал экономическую эффективность и целесообразность строительства Сибирской железной дороги Самаро-Уфимского направления, что, в конечном счете, заметно усилило роль Самары в экономической жизни страны, связало наш край с центром России, Уралом и Сибирью.

Все это не могло не сказаться при выборах городского головы: в 1885 г. на эту хлопотную и ответственную должность гласные городской Думы единодушно избрали Петра Владимировича Алабина, подчеркнув тем самым его особые заслуги перед городом. Избрание совпало с подготовкой трехсотлетнего юбилея Самары, и конечно, как историк-краевед, внесший крупный вклад в дело изучения прошлого нашего города, новоиспеченный голова не мог пройти мимо знаменательной даты. Для него важен был не столько сам по себе юбилей, сколько необходимость с его помощью оставить в сознании горожан значительность вклада Самары в историю России, города, превратившегося из маленькой крепости на восточных рубежах в развитый экономический и культурный центр Поволжья.

Вероятно, это стремление разделяли многие, что повлияло на оценку, которую дал корреспондент «Волжского вестника» выступлению Алабина на юбилейном торжестве: докладчик был признан «умным и тактичным городским деятелем».

Исполняя обязанности городского головы, П.В. Алабин сосредоточил хозяйственные усилия на строительстве в Самаре бесплатного для жителей водопровода, введенного в эксплуатацию в 1887 г. В культурной области мэр выступил с инициативой сооружения в Самаре многофигурного памятника императору Александру II, установленному на Алексеевской площади (ныне площадь Революции) и долгие годы бывшему достопримечательностью нашего города. Несомненны заслуги Алабина в строительстве уникального «теремка» — каменного здания драматического театра. Большую активность он проявил при возведении монументального кафедрального соборного храма во имя Христа Спасителя, который был варварски снесен в начале 30-х гг. Не забывал Алабин и о повседневном: занимался благоустройством пыльных улиц Самары, их озеленением.

В этом плане несомненный интерес представляет работа городского головы по составлению «Сборника сведений о настоящем состоянии городского хозяйства в главнейших городах России» (с участием П.Коновалова), увидевшего свет в 1889 г. Следует отметить роль Алабина в обсуждении проекта моста через реку Самару, а также в организации и проведении губернских сельскохозяйственных выставок.

История Самарского края на страницах Алабинского наследия

«Издали еще, верст более чем за 15 от города, представится крутой, скалистый левый берег Волги, недавно еще поросший никуда почти негодным, но густым лесом, а теперь весь пестреющий дачами, нередко весьма изящной архитектуры, и разводимыми при них садами на месте вырубленной лесной заросли. Далее, у самого берега, живописно раскинут воинский лагерь, обращенный в постоянный, и потому снабженный многими постоянными постройками, в его черте возведенными, и протянутыми по нему аллеями и живыми изгородями.

Сзади лагеря темной тучей закрывает горизонт густая растительность садов и парков, облегающих скрытое в зелени первое (по времени основания) кумысолечебное заведение доктора Постникова и потом опять прибрежные дачи и дачи, тонущие в садах, и наконец, какие-то фантастические сооружения во вкусе средневековых замков, лепящиеся по скалам и утесам, заключающие кумысное заведение Е.Н. Аннаева, со сбегаящими от них к реке живописно вьющимися дорожками между самую разнообразную растительностью, между газонами, цветочными клумбами и трельяжами дикого винограда и дикого хмеля, из переплетающихся гирлянд которого красиво выглядывают желтые и серые ноздреватые камни скалистого берега, самых прихотливых форм. Еще ближе к городу мужской монастырь, живописно группирующийся белыми стенами своими с многочисленными внутренними сооружениями и с зеленью окружающих их древесных насаждений; потом вновь воздвигнутая огромная крупчатая мельница Зворыкина и широко раскинувшаяся лесная пристань; новые, изящные здания водопровода, вместе с грандиозными сооружениями на германский лад пивоваренного завода фон-Вакано, группируясь с громадною крупчатою мельницей Субботиных и с величавыми зданиями женского монастыря, амфитеатром возвышающимся над сейчас перечисленными — составляют как бы одно, замечательное по величию и красоте целое.

Еще далее — спустившийся к самой Волге «Струковский сад» с несколькими воксалами (здания, в которых давались концерты и балы. — П.К.) и другими красивыми постройками,

— с террасами и балконами, выходящими на Волгу, — затем вытянувшееся по крутому берегу механическое заведение Бенке и К° и далее самый город, как бы несколько отступивший от уреза реки, на пространство чрезвычайно его украсившей, вновь сооружаемой ныне набережной, город, рисующийся множеством возведенных в последнее время больших каменных построек, многие из которых отличаются замечательной архитектурой, как например, дома: Субботина, Дунаева, Винника, Соколова, дом бывший Сибирякова, бани Чаковского, железнодорожный вокзал, реальное училище и др.»¹⁵⁰

Не правда ли, читатель, труднопредставимая картина? А ведь открывалась Самара для волжского путешественника второй половины XIX в. именно такой, какая нарисована любовными алабинскими красками...

Неискушенного читателя не может не поразить как разносторонняя проблематика, так и внушительный объем исследований Петра Владимировича Алабина. Не потеряли научной значимости два его фундаментальных труда — «Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Историко-статистический очерк» и «Трехвековая годовщина города Самары», в которых прослежены основные этапы возникновения и развития волжского города, дано описание ключевых исторических событий, в которых активное участие принимали жители Самары. В алабинских книгах содержится богатейший материал, характеризующий своеобразные стороны быта и нравов «самарского общества». В них современный читатель с удивлением обнаружит богатейшие сведения о возникновении и деятельности учреждений культуры, благотворительных заведений, церкви, общественных организаций, театральной и общественно-политической жизни горожан. Много интересных фактов можно почерпнуть из книг Алабина о почти забытой ныне топонимике нашего города — названиях улиц и площадей, парков и садов, поселков, церквей, озер и дорог. Несомненную ценность представляют сюжеты о деятельности городской Думы, развитии экономики, транспорта, торговли и городского хозяйства. Перечень тем, рассматриваемых в книгах Алабина, можно продолжать без конца, так как информативная емкость его книг чрезвычайно велика и по- существу проделанная им работа до сих пор не имеет аналога в нашем самарском краеве-

дении. Его издания приобретают поистине энциклопедический характер. Поэтому обращение к творчеству П.В.Алабина имеет не только чисто познавательный интерес, но и вполне практическое значение для восстановления утраченных краеведческих традиций.

Не меньший интерес представляют статьи и документальные публикации Петра Владимировича Алабина по археологии, историческому краеведению, ботанике, музейному и библиотечному делу. Всего им было опубликовано свыше 120 научных трудов. Конечно, не все они равнозначны. Но среди литературного и научного наследия Алабина есть такие выдающиеся сочинения, которые получили высокую оценку в исторических журналах и периодических изданиях той эпохи, прославив имя автора во всей просвещенной России.

При изучении истории Самарского края П.В.Алабину пришлось решать ключевые вопросы: как освещать древний период истории, время основания Самары и т.п.? Изучая древнее прошлое края, он вынужден был заниматься организацией археологических экспедиций, принимал участие в раскопках, выступал с докладом в Казани на Археологическом съезде, опубликовал несколько статей по этой проблематике. Его археологические изыскания получили высокую оценку научной общественности. В 1889 г. Петр Владимирович был избран Почетным членом Петербургского археологического института, о чем немедленно сообщила «Самарская газета»: «Избрание г. Алабина. Самарский городской голова, Действительный статский советник Алабин 17 минувшего октября Советом Археологического института избран в почетные члены оногo и в звании сем утверждён господином министром народного просвещения 29-го того же октября»¹⁵¹.

Каким же представлялось Алабину древнее прошлое Самарского края? На первой странице своего главного труда он отмечает сложности, возникшие при решении этого вопроса: «Наши степи не имели своих летописцев, и население их очень долго, говоря вообще, было так незначительно, так разбросано и так обставлено в своей, большей частью, кочевой и всегда тревожной жизни, что самых преданий о давно прошедших временах этого края некому было сохранять»¹⁵². Множество курганов, «разбросанных на этой территории», найденные в

разных местах каменные орудия, богатая растительность позволяют сделать вывод: «этот край издавна перестал быть совершенно безлюдною пустынею»¹⁵³.

Наиболее детально Алабин рассматривает древнюю историю края в статье «Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском публичном музее». Ей предшествовала кропотливая работа по изучению многочисленных справочников, специальной литературы по археологическим памятникам. Автор пытается найти в этих изданиях аналоги самарским археологическим находкам. Он стремится не только дать описание, но и датировать памятники материальной культуры, сообщить о месте находки или приобретения: «Каменное круглое блюдо в диаметре 54,2 вершков. Мне подаренное землевладельцем Самарского уезда, как найденное в оном и мною внесенное в музей... Граф Бобринский говорит, что такие же блюда попадались при раскопках Мазараки в Полтавской губернии и в курганах других местностей на юге России»¹⁵⁴.

Алабин считал курганы важным памятником древнейшей истории Самарского края: «Курганы разбросаны то по одиночке, то группами. Иногда в одном месте их можно насчитать несколько десятков: все они конической формы, но иные до того сглажены временем, что их распахивают вместе с окрестной землей»¹⁵⁵. В своих научных изысканиях Алабин нередко обращался к помощи местных жителей: крестьян, помещиков, учителей, священников, земских начальников. Все они охотно приносили ему в дар свои находки, рассказывали о месте нахождения, передавали легенды и сказания, сохранившиеся в народной памяти. После изучения и описания Алабин передавал археологические памятники в публичный музей, закладывая тем самым основу для будущих поколений исследователей. Изучая археологические памятники, Алабин пришел к выводу о том, что Самарский край был заселен уже в эпоху палеолита (каменного века), как правило, кочевыми племенами.

Одним словом, увлечение археологией не было праздным любопытством, поскольку Алабин считал, что изучение «прошедших событий, былой жизни приводит к уяснению законов, какими те события управлялись, а это уяснение может послужить основанием для уразумения многого, ныне совершающе-

гося...»¹⁵⁶ В этом суть концепции Алабина, она лежит в основе всех его исследовательских работ.

Вопрос о времени возникновения Самары Петр Владимирович решал однозначно: «Как устроенный городок, крепостью, Самара впервые является в официальных документах в царствование Федора Иоанновича, а именно в 1586 году, когда, по весне, начали строить эту крепость (одновременно с Уфой) – для обуздания Ногаев, против чего бесполезно протестовал ногайский князь Урус»¹⁵⁷.

Но после того как Алабиным были найдены новые документы о древнейшем прошлом Самары, он счел возможным их опубликовать, несмотря на информацию, противоречащую его выводам. Более того, Алабин нисколько не сомневался в достоверности географической карты венецианского космографа XV века Фра Мауро, на которой, в частности, указан населенный пункт «Самар» приблизительно в том же месте, где находится современный город Самара-Куйбышев¹⁵⁸. По мнению Алабина, карта составлена, вероятно, по существовавшим уже во времена Фра Мауро письменным источникам¹⁵⁹. Информаторами космографа могли быть соотечественники-купцы, торговавшие на Волге. Алабин проанализировал также жалованную царем Федором грамоту Троице-Сергиеву монастырю о беспошлинном пропуске по Волге монастырских судов, которая фактически подтверждает аналогичную грамоту царя Ивана Грозного¹⁶⁰. В грамоте есть указание: с монастырских судов нельзя брать пошлыны в «Самарском городке». Это дает основание говорить о существовании Самары уже в период царствования Ивана IV.

Но эти сведения не повлияли на окончательный вывод Алабина о времени возникновения Самары: «Хотя убеждение в древнем существовании Самары, как сколько-нибудь замечательного населенного пункта, и имеет для нас значение, однако историю этого города мы все-таки будем вести с 1586 года, т.е. со времени официального признания ее царем Федором – городом или крепостью»¹⁶¹. Мы, кстати, до сих пор не знаем, что из себя представлял «Самарский городок». Если же говорить о Самаре, основанной в 1586 г., то она помимо военного значения (форпост на восточных рубежах России) стала обладать административными функциями, а в XVII-XVIII вв. при-

обретала черты экономического и культурного центра в Среднем Поволжье. Поэтому нельзя не согласиться с мнением Алабина о том, что «развитие гражданственности в этой стране было немыслимо доколе не стала проявляться в ней твердая власть московских государей. Из этого следует, что до того времени Самарская страна не могла иметь своей истории, по разноплеменности временных обитателей этой страны...»¹⁶²

Какова же была источниковая база научных трудов Петра Владимировича Алабина? Не будучи профессиональным историком, он хорошо знал о существовании разнообразного комплекса документов по истории Самары: изучал русские летописи, «Степенную книгу», картографический и статистический материал, документы, опубликованные в «Древней русской Вивлиофике», журналах «Русский архив», «Русская старина», министерства внутренних дел. Он широко использовал сочинения путешественников и географов Адама Олеария, П.С. Палласа, крупнейших русских историков В.Н.Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева. Конечно же, хорошо знал документы, хранящиеся в губернской канцелярии, городской Думе и губернском земстве: «Трудно было надеяться найти в местных архивах какие-либо письменные документы, относящиеся до древнейших лет города, но мы все-таки испросили разрешения ознакомиться со старинными делами, хранящимися в архивах прочих земских и уездных судов губернии, а также некоторых других присутственных местах»¹⁶³. Широко цитирует в своих книгах П.В. Алабин периодическую печать и прежде всего «Самарские губернские ведомости», краеведческие статьи П.И. Рычкова, академика П.П. Пекарского, А. Леопольдова, И. Второва и др. Ценно обращение Алабина к легендам и сказаниям, к вспомогательным историческим дисциплинам геральдике, сфрагистике, генеалогии.

Все это, безусловно, повышало научную ценность оригинальных исторических сочинений П.В. Алабина, многое в них не потеряло научной значимости и в настоящее время. Конечно, эпоха 60-90-х гг. XIX в. наложила свой отпечаток: не со всеми выводами П.В.Алабина можно сегодня согласиться. Но пионер самарского краеведения в целом представил достаточно достоверную картину описываемых событий, причем не без-

жизненное скучное полотно, а увлекательную историю, заселенную живыми людьми.

Остановимся еще на некоторых алабинских наблюдениях. Вполне правомерен его вывод о том, что темпы колонизации, освоения Самарского края усилились в начале XVII в., в так называемое «смутное время»: «Крестьяне и дворовые бежали в здешние привольные степи, отыскивая свободы». Здесь они вливались в ряды Волжской вольницы, становились казаками, которые, с одной стороны, защищали рубежи страны от набегов кочевников, а с другой, представляли реальную опасность для бояр и помещиков. Крайнее положение Самары влияло на состав горожан, которые находились в скрытой оппозиции к самодержавной власти и чуть ли не всегда готовы были принять участие в народных движениях. П.В. Алабин выделяет эту особенность Самары, которая в 1671 г. «отворила ворота Стеньке Разину», затем впустила без боя в город разинского атамана Федора Шелудяка, а в 1773 г. «явила новое доказательство преобладания в среде ее обитателей ультрадемократических элементов», также без сопротивления и кровопролития, сдавших город пугачевскому атаману Илье Арапову¹⁶⁴. Правда, Алабин квалифицирует крестьянские войны как бунт и разбой.

Среди богатого материала по истории Самары ХУП-ХУШ вв. читатель в алабинских книгах найдет сведения о мероприятиях правительства по закреплению за Россией территории Поволжья, о строительстве крепостей и засечных (укрепленных) линий, деятельности Оренбургской экспедиции под руководством видных государственных деятелей XVIII в. И.К. Кирилова, В.Н. Татищева, В.А. Урусова; об особенностях развития городского хозяйства Самары, о быте и культуре конца XVIII – первой половине XIX в., которая, «как и в огромном большинстве тогдашних наших уездных городов, была в мертвенном застое»¹⁶⁵.

Образование Самарской губернии в 1851 г. придало мощный импульс экономическому и культурному развитию самой Самары. Алабин считал, что она не случайно была избрана правительством в качестве губернского города, так как Самара находилась в центре «по отношению к местности, предназначенной для образования новой губернии; торговое и промышленное значение этого города и его приволжское положение

указали на него, как на имеющий все задатки, чтобы стать достойным своего призвания — быть губернским городом»¹⁶⁶.

Привлекают внимание разделы алабинских книг о рельефе Самары, характеристики почвы и воды. Автор считал, что лучшая городская вода находилась в колодце, расположенном в Иверском женском монастыре. Детально описаны качество и свойства воды в реках Волге и Самаре, даны наблюдения о вскрытии рек, продолжительности времен года, климатических условиях.

Впечатляют зарисовки окрестностей и облика города: «Когда подъезжаете сухим путем к Самаре с юга, из-за р. Самары, и с востока, по Оренбургскому тракту, город не представляет собою ничего живописного: в первом случае пред вами встают ряды бревенчатых серых хлебных амбаров, обрамливающих крутой берег... над которыми видится несколько зданий первой линии города и только; во втором случае вы подъезжаете точно к обыкновенному южнорусскому уездному городу, закрытому рядами ветряных мельниц, и за ними представляется вам полоса домиков с несколькими церковными главами между ними, с несколькими группами «деревьев на окраинах: ничего грандиозного, ничего, чтобы поражало глаз»¹⁶⁷. Иная картина предстает перед путешественником в Самаре: «Но вот вы и в городе. Вы на одном из гребней города — и вы не оторвете вашего взора от картины, которая пред вами раскинута.

Если вы на берегу р. Самары, во время разлива, пред вами, прямо, направо и налево, необозримое водное пространство. Оно сливается с горизонтом, причем, кое-где на том пространстве выступают возвышенности, покрытые ветвистыми ивами, скрывающими собою постройки.

Если вы на том же пункте, после спада вод, пред вами другая картина: водная лазурь заменена роскошной зеленью необозримых лугов; справа они оторочены широкою полосою сверкающей Волги, налево по ним змеей вьется р. Самара, перехватываемая строящимся железнодорожным мостом, — прямо по ним блещут, как нарочито вставленные стекла, зеркала, озера, ерики и струйки протоков их соединяющих с извилами р. Самары.

Если вы на берегу Волги в водополье — пред вами море, а за ним прямо, близ горизонта живописно смотрится в водную

гладь, утопая в зелени садов и леса, село Рождествено; за ним в синеве дали, покрытые лесом горы, что замыкают собою весь видимый кругозор, направо лишь давая место стекловидной Волге, вытекающей из Жигулевских ворот, в глубине которых едва виднеется очертание Царева кургана и далее, северо-восточнее, выступают Соколы горы, то покрытые темными пятнами одевающего их леса, то сверкающие своими обнажениями чудных рисунков скалами.

И в какой бы час вы ни пришли на этот берег Волги, вы увидите новую картину, будто перерисованную для вас волшебною кистью матери-природы: так своеобразно кладет свои светотени эта художница на полотно пред вами ею же раскинутое, — так быстро меняет она на нем краски: и восходом солнца, и его закатом, и десять-двадцать раз в день, что всякий раз чудится вам: вы впервые видите раскинутый пред вами вид, — и не насмотрите вы на него, сколько ни смотрите, — и не наскучит он вам — всегда свежий, — всегда своеобразный, — всегда, как будто иной!»¹⁶⁸

Одно из достоинств историко-краеведческих книг П.В. Алабина — этнодемографические очерки, которые содержат сведения о составе и структуре населения Самары. Относительно ее древнего периода Алабин правомерно считал, что «едва возникшая Самара первоначально была населена служилым военным или полувоенным людом, переселенным на этот пункт правительством из внутренних местностей государства. Таковым собственным переселением служилых людей на намеченный пункт и выражалось, надо полагать, обыкновенно, идея постановки на нем города. Впоследствии, когда занятый таким образом пункт делался в некоторой степени безопасным, в нем, мало-помалу, начинали ютиться ремесленники, промышленники и торговцы, из которых и образовывалось сословие так называемых посадских людей или действительных горожан»¹⁶⁹.

На основе изучения данных о движении народонаселения Алабин пришел к выводу, что 40% населения Самары составляли выходцы из других районов России: «нет почти губерний, даже самой отдаленной, которая не имела бы своих представителей в Самаре»¹⁷⁰. В национальном отношении преобладали русские, но, в то же время, здесь проживали татары, чуваша, мордва, евреи, выходцы из Швейцарии, Франции, Турции,

Молдавии, Австрии и Италии. Национальный состав населения наложил отпечаток на культовые здания: церкви и монастыри, такие молитвенные дома, как мечеть, кирха, синагога и костел.

П.В. Алабин правильно определил причины быстрого роста населения в Самаре. По его мнению, на этот процесс оказала сильное воздействие продолжающаяся колонизация края, а также все возрастающее «промышленно-торговое значение Самары, привлекающее в его черту жителей со всех концов России, особенно с того времени, как открытие Сызранско-Оренбургской железной дороги сделало Самару вполне доступною для каждого, во всякое время. «Понятно, что с окончанием совершающегося ныне сооружения Самаро-Уфимско-Златоустовской железной дороги, население нашего города должно еще увеличиться в самом непродолжительном времени»¹⁷¹, — прогнозировал он в середине 80-х гг. Алабин сравнивает темпы прироста населения с аналогичным показателем в Соединенных Штатах Америки и подчеркивает, что «тамошние пионеры имеют много общего с поселенцами степных пространств Самарской губернии...»¹⁷²

Весьма содержательно написан очерк о социально-экономическом развитии Самары сначала как уездного, а затем губернского центра. Используются разнообразные статистические источники, которые позволили проследить динамику развития ремесленного производства, фабрично-заводской промышленности, а самое главное, торговли зерном, мукой, салом, прочими продуктами животноводства, лесом и другими товарами. Алабин считал, что промышленность и торговля являются главным нервом общественного организма. «Издrevле существовала и другая торговля, путем которой была Волга. По этой реке в древнейшие времена совершался обмен произведениями юга и севера, и торговлею этой богатело царство Болгар»¹⁷³. Алабин пришел к выводу, что торгово-промышленная деятельность в Самарском крае особенно усилилась после сооружения Закамской и Самарской укрепленных линий. В хозяйственном освоении заволжских земель участвовали переселенцы и беглые крестьяне «со всей России», а также немецкие колонисты. Первый самарский летописец выявил причины, ускорившие развитие земледелия в крае: богатство почвенного

слоя, обилие земель, удобство сбыта сельскохозяйственных продуктов, «преобладание над крепостным населением края — населения, относительно искони свободного — государственных, удельных крестьян и немцев-колонистов,... обращение к земледельческой промышленности купцов и мещан, привлеченных выгодами такого рода деятельности»¹⁷⁴. Конечно, и государственные, и удельные крестьяне также страдали от гнета со стороны государства и удела. Но хозяйственная и духовная жизнь их не подвергалась жесткой, зачастую мелочной опеке, как в русской помещичьей деревне, а потому пульс хозяйственной жизни бился интенсивнее.

Алабин установил, что значительная часть хозяйств края, особенно купцов и мещан, была ориентирована на рынок: «по количеству собираемой пшеницы и вообще хлеба, по расчету на душу населения губернии, Самарская стоит на первом месте между губерниями империи, а по среднему годовому избытку хлеба, поступающего на вывоз за границу — на втором месте»¹⁷⁵.

Красочно и эмоционально описана городская торговля на Покровской, или Острожной, площади, Воскресенской, или Сенной, площади (ныне Самарская), Троицкой площади и так называемом «бурлацком базаре», который был расположен «на берегу Волги, близ пристани, отведенной для лесных изделий, — старейший торговый пункт города». Здесь же дается подробное описание торговли «колониальными, мануфактурными и прочими товарами» в магазинах и лавках Самары. Центром торговли была Дворянская улица, которая прежде называлась «Козачьей» (первыми ее заселяли казаки).

В книгах Алабина воспроизведена не только городская, но и деревенская жизнь. Ярко показан внешний облик самарской деревни в лесной и степной полосах губернии: «В местности относительно лесистой крестьянские жилища построены нередко из мелкого осинового леса или из тонкого и часто корявого леса других лиственных пород и вымазаны глиной, и только в Бузулукском уезде, в соседстве с Бузулукским бором, и частью в Ставропольском уезде, из соснового леса — по ту сторону р. Самары, в совершенно безлесной степи постройки жилых крестьянских зданий произведены из отличных сосновых или еловых бревен, только из экономии иногда распиленных пополам.

Тогда как по сю сторону названной реки крестьянские строения большею частью крыты соломой, в степной засамарской местности жилые избы выделяются постройками по преимуществу вполне достаточных размеров, опрятными и представительными... Очевидно, что красивые и обширные деревянные постройки засамарских деревень обязаны своим происхождением хорошим урожаям ценной пшеницы, иногда в изобилии собираемой в этих местностях»¹⁷⁶.

П.В.Алабин указывает наличие в губернии торговых центров, где на базарах шла скупка хлеба: Красный Яр, Дубовый Умет, Зубовка, Мелекесс, Черкасская, Сергиевск, Бузулук, Муравьевка, Алексеевка, Утевка, Новотроицкое, Борское, Тоцкое и крепость Сорочинская. Именно сюда свозили крестьяне и частные землевладельцы пшеницу различных сортов, и в том числе знаменитую тогда белотурку, а также русскую-перерод и брызгалку.

Алабин воссоздает очень сложную, мозаичную картину хлебной торговли, сцены из жизни провинциального купеческого города второй половины XIX в. с массой деталей бытового характера, например, поведением крестьян, приехавших в город продавать хлеб, приказчиков и купцов во время заключения торговых сделок и т.д. Прослеживает основные этапы развития самарского хлебного рынка, который уже во второй половине XIX в. занимал прочные позиции на внутреннем рынке России: потребителями самарского зерна и муки были столицы, Верхнее Поволжье, Саратов и Астрахань, а через них Средняя Азия и Кавказ.

Самарская губерния являлась крупным поставщиком муки, крупы и овса для нужд русской армии. Самарская пшеница стала завоевывать внешний рынок. В тоже время, Алабин указывал, что развитие земледельческого производства и торговли сильно зависело от природных условий, от стечения неблагоприятных обстоятельств «вроде войны или голода, в иные годы эта торговля (зерном — П.К.) как бы замирает, но вслед засим, при обстоятельствах, по силе вещей, изменяющихся к лучшему, она немедленно воскресает, как бы обновленная и развивает новые, неведомые дотоле, силы»¹⁷⁷. Алабин подчеркивал значение самарской хлебной торговли, по существу «создавшей наш город».

Одна из особенностей экономического развития Самары состояла в том, что промышленный ее потенциал в XIX в. был невелик, поскольку в экономике преобладал аграрный сектор. «Здесь всегда было, — писал Алабин, — как и в настоящее время, вообще мало ремесленников по отношению к численности городского населения», отсутствовали традиции в организации ремесленного производства, что, по его мнению, объяснялось «относительной молодостью нашего края вообще, как густо заселенной местности, и его земледельческим характером».

П.В. Алабин раскрывает причины замедленного развития фабрично-заводской промышленности в Самаре, главная из которых — отсутствие избытка местных капиталов. Купцы-капиталисты пришли в город с верховий Волги и главным образом занимались торговлей хлебом. Ощутимо сказывался недостаток рабочих рук и квалифицированных кадров, а также то, что широкое развитие кредита и строительство железных дорог началось лишь в 1870-х гг.

Конечно, некоторые выводы Алабина страдают односторонностью. В частности, он представлял городское общество единым целым, в котором якобы не было сословной розни и противоречий: чиновник, купец и мещанин, по его словам, «здесь всегда себя чувствовали во всех слоях общества как дома».

В работах Алабина приводится богатейший материал о культуре и быте провинциального губернского города, о той высокой роли, которую играла городская Дума в принятии решений, затрагивающих интересы всех горожан. Но в то же время он довольно критически относился к деятельности Думы, с возмущением отмечая апатию некоторых гласных, «совершенное безмолвие во время заседаний», забвение общественных интересов. В противовес этому безразличию он приводит «главнейшие результаты городской Думы»: работы по благоустройству города, сокращение расходов, борьба с холерой и др. Так же высоко П.В. Алабин оценивал деятельность Самарского губернского земства, которое «в двадцатилетний период своей деятельности сделало немало несомненных и чрезвычайных услуг населению края и неоднократно принимало самое живое и энергичное участие в судьбах его населения, по многим, весьма важным случаям, никогда не оставаясь равнодушным к его интересам... Земством были приняты самые энергичные меры

к развитию народного образования, устройству множества сельских школ для детей обоего пола, школы сельских учительниц, школ фельдшерской и повивальной...»¹⁷⁸ Земство, подчеркивает Алабин, выделяло стипендии для учащихся и студентов, открыло типографию и статистическое бюро, библиотеки, сельские почты, занималось устройством дорог, возвел губернскую больницу и психиатрическую лечебницу, а также большое число больниц и приемных пунктов в сельской местности и т.д. Все это, безусловно, закладывало серьезный материальный фундамент для развития в крае культуры в самом широком смысле этого слова.

Конечно, здесь изложены лишь в общих чертах взгляды Петра Владимировича Алабина на историю Самарского края. Читатель, обратившись непосредственно к его книгам и статьям, найдет богатейшие данные по самым разнообразным вопросам истории Самары и тем самым сможет по достоинству оценить величайший вклад легендарного самарца в сокровищницу русской культуры, отечественного краеведения.

Век спустя начинается возвращение алабинского наследия. Верится, что оно по-настоящему обогатит нас....

* Кабытов П.С. Легендарный самарец Петр Владимирович Алабин. Самара, 1990.

§ 2. Голод 1891–1892 гг. в Самарской губернии и судебное дело П.В. Алабина*

В 1891-92 гг. П.В. Алабин — председатель Самарской губернской земской управы. Это наиболее драматичный период его жизни. В 1891 году Российская империя пережила небывалое по своим масштабам бедствие — 18 губерний Европейской России (самых плодородных, вывозящих хлеб и другие сельскохозяйственные продукты) были охвачены голодом из-за неурожая зерновых, отсутствия фуража для скота. В числе терпящих бедствие оказалось и население Самарского края. Первые сведения о начале засухи появились в конце мая — начале июня 1891г. Так из Ставропольского уезда сообщали, что на его тер-

ритории установилась «жаркая, сухая погода», а ночью случались заморозки¹⁷⁹. В июне из Самарского уезда сообщили о появлении саранчи, причиняющей «вред хлебам» и далее... «истреблено много хлеба». Саранча появилась также на полях Новоузенского и других степных уездов¹⁸⁰. Засуха сопровождалась градом и ураганами. В конце июня было получено известие о том, что в Самарском уезде «общее бездожие, сильные жары и южные ветры, особенно неблагоприятные для произрастания хлебов»¹⁸¹. Сын Л.Н. Толстого Лев Львович писал в своей книге «В голодные годы»: «Уже в июле было совершенно ясно, что большая половина крестьянского населения Самарской губернии... собрала с нового урожая самое ничтожное количество хлеба, или скорее не собрала ничего»¹⁸².

В августе многие земства констатировали полную гибель яровых культур. В конце лета стала ощущаться нужда в «продовольственных средствах», за нею последовала «массовая дешевая сдача в аренду и заклад надельных земель, запродажа озимых посевов, заклад движимого имущества, распродажа скота и кормов»¹⁸³.

Вполне естественно, что председатель Самарской губернской управы П.В. Алабин не мог остаться в стороне от оказания помощи голодающим. Его деятельность в качестве организатора помощи голодающим в 1891–1892 годах получила неоднозначные, порой противоречивые оценки как современников и участников тех событий, так и части советских писателей и историков-краеведов. Многие из тех, кто отрицательно отнесся к деятельности П.В. Алабина, чаще всего брали за основу своих доказательств лишь внешнюю канву событий и не принимали в расчет деятельность царского правительства. Они не пытались вникнуть в сущность явлений и не желали замечать, что имперская власть проявляла, как правило, крайнюю медлительность в оценке масштабов национального бедствия, а потому или не спешила в предоставлении финансовых средств для оказания помощи голодающим, или стремилась урезать до крайнего предела предоставляемые кредиты.

В деятельности правительства просматривалась и другая тенденция — каким-то образом отвлечь внимание общественности от себя, обелить свою нераспорядительность и беспомощность, а всю вину за случившееся возложить или на таких истинных

патриотов, каким был П.В. Алабин, или на губернские земства, которые нередко находились в оппозиции к самодержавной власти.

И в этой связи нельзя пройти мимо результатов правительственной комиссии, которую возглавлял чиновник министерства внутренних дел тайный советник Звегинцев. Уже в начале ревизии деятельности губернского земства Звегинцев стал бесцеремонно вмешиваться в дела земской управы, настаивая на необходимости сократить ссуды крестьянам, пытался заменить выдаваемую на обсеменение полей пшеницу просом, что вызвало противодействие со стороны П.В. Алабина и других земских деятелей. И уж никак не импонировала Звегинцеву самостоятельность П.В. Алабина в принятии решений, а потому он в докладе на имя Александра III представил его действия по закупке продовольствия неудовлетворительными, тем самым дискредитируя самарского председателя губернской земской управы в глазах правительства и общественности. Вслед за этим последовало распоряжение Александра III о передаче всех дел по продовольствию от земства в распоряжение самарского губернатора А.Д. Свербеева. Об этой правительственной акции, выражающей недоверие земству, губернатор сообщил 12 декабря 1891 года на очередной сессии губернского земского собрания. С учетом этого Самарское земство решило создать особую комиссию, которая должна была изучить все аспекты деятельности губернской управы и П.В. Алабина по организации помощи голодающим. В июне 1892 года П.В. Алабин был отстранен от обязанностей председателя губернской земской управы указом правительственного Сената.

Остановимся на том, какие были предъявлены обвинения в адрес П.В. Алабина? Материалы губернских земских собраний, свидетельства участников событий – людей, хорошо знавших П.В. Алабина, позволяют сделать вывод о невинности его, а также воссоздать действительную картину событий тех трагических и для П.В. Алабина, да и для населения Самарского края лет. Тяжелая обстановка создалась в конце 80-х годов в Самарском уезде, где третий год подряд был неурожай зерновых. 30 ноября 1890 года состоялось экстренное уездное земское собрание, на котором выступавшие говорили о бедственном положении крестьян и о необходимости оказания им не-

медленной помощи продовольствием и семенами. Но в то же время раздавались и такие голоса, что крестьяне, мол, «обойдутся». К сожалению, таких гласных в уездном земстве оказалось большинство, и в результате конкретных мероприятий уездным земством не было выработано.

В марте 1891 года была созвана сессия чрезвычайного губернского земского собрания, на котором был заслушан доклад члена управы Л. П. Позднина о ссудах на продовольствие и обсеменении полей в 1891 году и о назначении дополнительных ссуд. Он сообщил также о том, что земство ходатайствовало перед правительством о предоставлении ссуды на помощь крестьянам в размере 600 тыс. р. Докладчик передал сведения о том, что правительство согласилось удовлетворить эту просьбу земства, о чем поставило в известность самарского губернатора А.Д. Свербеева¹⁸⁴. На этой же сессии была избрана комиссия, которая, учитывая бедственное положение крестьян, поставила перед губерским земским собранием вопрос о том, что оно должно немедленно просить правительство о выделении дополнительной ссуды на продовольственные нужды в размере 70 тыс. руб. И хотя масштабы бедствия к лету 1891 года все возрастали, правительство, не зная истинного положения дел в стране, выделило незначительную сумму для голодающих крестьян.

В этой связи необходимо было принимать экстраординарные меры для спасения крестьян Самарской губернии. И П.В. Алабин не побоялся взять на себя всю ответственность за продовольственное дело в эти тяжкие для народа дни. Но это отнюдь не означало, что он принимал единоличные решения. Они, как правило, принимались коллегиально с учетом мнения всех членов губернской земской управы. «Положение Самарской губернской земской управы, — писал член управы Н.К. Реутовский, — было тяжелее других в силу того, что продовольственная операция была возложена на нее всех позднее, лишь в первой половине сентября экстренным губерским земским собранием, а между тем нужда в ссуде была наибольшая в империи (около 11 млн. руб.)- и к октябрю месяцу надо было иметь уже на месте почти полумиллионную ежемесячную пропорцию продовольственного хлеба для доставки населению. А что же правительство? Оно к октябрю 1891 года отпустило

Самарскому земству лишь 4 млн. 400 тыс. руб.»¹⁸⁵. В этой связи, выступая 15 июля с докладом на чрезвычайной сессии Самарского губернского земского собрания, П.В. Алабин подчеркивал важность скорейшего получения ссуды: «Важно не то, как раздать и собрать ссуду, и не то, где взять хлеб: были бы деньги, а хлеб найдется...» Главное, по его мнению, состояло в том, чтобы получить деньги, «так как чем раньше будет разрешена ссуда, тем дешевле можно купить хлеб»¹⁸⁶.

16 июля чрезвычайное губернское земское собрание в связи с неурожаем в губернии принимает постановление, в котором ходатайствовало перед правительством об отпуске ссуды «на удовлетворение озимых семенных потребностей» для пострадавшего от засухи крестьянского населения¹⁸⁷. 2 августа 1891 г. правительство выделяет Самарской губернии 1,5 млн. руб. ссуды¹⁸⁸, к концу года сумма правительственной ссуды достигла 11,78 млн. руб.

В начале сентября 1891 г. было принято решение выдавать по 10 фунтов продовольствия на едока, детям эта норма была увеличена до 30 фунтов. Установлены и сроки выдачи продовольствия с 1 сентября до 1 июля 1892 года¹⁸⁹.

Учитывая, что правительство не спешило с предоставлением кредитов, П.В. Алабин счел необходимым отказаться от закупок хлеба в Самарской губернии, так как это могло привести к росту цен на хлеб и спекуляции в крае. Было принято решение о закупках хлеба в других районах Европейской России, не пострадавших от засухи, по более низким ценам. Важное решение было принято 15 сентября 1891 года на чрезвычайном земском собрании, которое избрало в помощь управе комиссию с правом совещательного и решающего голоса по вопросам о продовольствии населения и обсеменении полей. Она работала до 25 октября, а затем чрезвычайное губернское земское собрание образовало новую комиссию, наделив ее широкими полномочиями. Что же было предпринято летом и осенью 1891 года П.В. Алабиным и земскими комиссиями для снабжения Самарского края продовольствием и семенами? «Губернская управа начала делать закупки, — читаем в земских материалах, — сразу же после принятия соответствующих решений. 8 августа было получено предложение Управе царско-сельского купца Глинберга закупить рожь для земства в Киев-

ской губернии. Туда же для наблюдения был отправлен член Управы – Дементьев. Но цены поднялись и дело расстроилось». До 15 августа 1891 года покупка хлеба и семян была поручена уездным управам, которые «купили своевременно не только почти всю необходимую для обсеменения озимых полей рожь, но и значительное количество продовольственного хлеба и выполнили свою задачу вполне удовлетворительно»¹⁹⁰. Во второй половине августа Дементьев приобрел в Подольской губернии у Ергина 11 300 пудов ржи по 89 к. за пуд. В сентябре – закупки хлеба возросли. Так, гласный губернского земства Муненко купил на выгодных условиях 288 150 пудов «разного хлеба». В заготовке хлеба участвовали член управы Бостром (отчим писателя А. Н. Толстого – авт.) и агроном Болдырев. Кроме этих операций, губернская земская управа с 4 по 26 октября заключила сделку с купцом А. Шихобаловым на поставку пшеничной муки 5-го сорта более 35 тыс. пудов. Такой же сорт муки был куплен в Саратове (6 тыс. пудов) и через Бузулукскую управу (1 тыс. пудов), а также 17 500 пудов картофеля. Помимо этого П.В. Алабин «счел необходимым обратиться к долго жившему в Киеве и имевшему там, по его сведениям, обширные торговые дела директору заволжских сахарных заводов М.Д. Вайнштейну с просьбой указать в той местности благонадежного агента для закупки хлеба. Тот рекомендовал своего сына Исаака, присяжного киевского биржевого маклера»¹⁹¹. В итоге Исаак Вайнштейн купил у фирмы Луи Дрейфуса 200 вагонов ржи по 1 р. 70 к. за пуд и 30 тыс. пудов кукурузы урожая 1891 года по 68 1/2 к. «Хлеб принимался высланными от общества подводчиками непосредственно из вагонов и барж. Членами жандармского надзора в местах погрузки хлеба была обнаружена злоумышленная его порча. После этого прием хлеба был подвергнут строгому контролю»¹⁹². Оказалось, что и А. Шихобалов и Вайнштейн, используя в корыстных целях сложившуюся в Самарской губернии ситуацию, обманули П.В. Алабина и поставили не пригодную для употребления муку и зерно, что дало богатую пищу для корреспондентов различных газет.

В ноябре 1891 года Александр III уполномочил губернатора Свербеева «принять на себя при содействии Особого по продовольственной части совещания распорядительную власть по продовольственному делу в губернии. 27 ноября 1891 г. по высо-

чайшему повелению земство было устранено от «продовольственной операции»¹⁹³. В связи с голодом в губернии начинают распространяться эпидемические болезни, отмечаются случаи голодной смерти. Помимо сбора пожертвований в Самаре открываются бесплатные столовые, прекращается виноторговля, организуются «общественные работы». Всего в 1891 году было открыто 951 столовых, 270 пекарен, 22 участковых комитета и 279 сельских попечительств¹⁹⁴. На общественных работах по Самарской губернии ежедневно в среднем были заняты до 7,5 тыс. человек пеших и 1,75 тыс. конных, наибольшее количество рабочих в течение одного дня достигало зимой 19 тыс. человек, летом — 13 тыс. чел.¹⁹⁵

Махинации А. Шихобалова и фирмы Дрейфус, других спекулянтов, паразитирующих на народной нужде, не прошли мимо внимания В.И. Ленина и Г.В. Плеханова. В одном из писем от 24 ноября 1892 года В.И. Ленин писал о том, каким образом наживался в это время помещик Бугурусланского уезда Самарской губернии С. А. Аксаков: «В неурожайный год он взялся поставить хлеб Управе. Управа поручила ему же выдать хлеб крестьянам, и хлеб был выдан — качества совершенно невозможного, гнилого с червями. Протесты крестьян были оставлены без последствий»¹⁹⁶.

Весьма негативно оценивал деятельность Самарского земства и Г.В. Плеханов. Его выводы основаны преимущественно на данных периодической печати, которая не всегда была объективна, и в ее сообщениях прослеживается явная пристрастность при освещении самарских событий. В частности, Г.В. Плеханов писал: «Земства были очень скромны, слишком скромны в определении размеров необходимых для них ссуд на обсеменение полей и продовольствие населения. Но и эта скромность показала правительству непозволительным нахальством. Оно стало еще более «урезать» и без того донельзя «урезанные» требования»¹⁹⁷. Далее он пишет о качестве покупаемого в Одессе зерна: «Мы увидели в ней (проба зерна) массу мелких черненьких зерен, которые обыкновенно находятся внизу зерна. Это и есть сорная трава, затем там же мы находили примесь песка и даже маленьких камушков». Приведя эти свидетельства очевидцев, Г.В. Плеханов отпускает гневную тираду в адрес Ала-

бина, который, по его мнению, «исправлял промахи и неустройства своего земства только при помощи газетных опровержений, весьма кратких и голословных»¹⁹⁸.

Непримиримую позицию по отношению к П.В. Алабину занимал на суде, который состоялся в Нижнем Новгороде в июле 1895 года, и обер-прокурор А.Ф. Кони. Кстати, после того как суд оправдал П.В. Алабина, обер-прокурор составил кассационное заявление, которое, как отмечает Г.Ф. Чудова, выглядит формально и неубедительно. Правомерна ее точка зрения и характеристика А. Ф. Кони как чиновника, разделявшего в этот период взгляды правительства по делу П.В. Алабина¹⁹⁹.

Иная позиция была у выдающегося русского писателя В.Г. Короленко. Он весьма сочувственно отнесся к П.В. Алабину и считал, что суд над ним компрометирует верховную власть²⁰⁰.

Нежелание разобраться в действительных причинах самарской трагедии присуще и писателю М.К. Касвинову, который бездоказательно обвиняет П.В. Алабина ни много ни мало в присвоении казенных денег и в получении взяток. «Одни, — пишет М.К. Касвинов, — как Вендрих, хлеб гноили. Другие, как Алабин, гниль подсовывали голодающим, выставляя казне крупные счета, по которым получали и присваивали крупные суммы. Если Вендриху, пользовавшемуся личным расположением царя, безобразия сходили с рук, то дело Алабина получило широкую огласку и потрясло Россию.

В один из неурожайных годов конца столетия правительство решилось на необычайную для него щедрость: в два приема выделило на закупку хлеба для голодающих кредиты — 1, 5 и 4,7 млн. руб. Для особо пострадавшей Самарской губернии должен был обеспечить закупки Алабин, председатель губернской земской управы. Он заключил сделки с двумя хлеботорговыми фирмами: Шихобалова и Дрейфуса. Первый представил в условленные пункты муку формально 5-го сорта, а на деле заведомо гнилую, к употреблению непригодную; второй — зерно с примесью ядовитых семян куколя и других сорных трав, также непригодное. К голодным смертям теперь прибавились массовые заболевания и гибель людей от отравления. Оказалось, Алабин получал от поставщиков взятки»²⁰¹. Но, во-пер-

вых, никто из современников не предъявлял, да и не мог предъявить П.В. Алабину обвинений в присвоении казенных сумм и во взяточничестве, так как они нисколько не сомневались в его честности и порядочности. Во-вторых, выделяемые правительством кредиты не были уж столь велики, так как, по данным губернской земской управы, на продовольственное дело и семенной фонд необходимо было выделить более 11 млн. руб. Но предоставим слово П. В. Алабину. Выступая на XXVIII сессии губернского земского собрания, он заявил: «Управа не располагала всегда свободными денежными средствами. Не имея твердого убеждения, что Управе будут произведены новые денежные выдачи на покупку хлеба, так как она видела постоянное недоверие властей к действительной потребности испрашиваемых земством сумм и поэтому если и делала закупки на суммы сверх уже отпущенных, то только на свой страх и риск»²⁰². О стремлении удешевить и сэкономить на всем говорил на сессии Н.К. Реутовский: «Не имея надежды на отпуск всей просимой ссуды, Управа должна была употребить все усилия на то, чтобы удешевить во всем покупку хлеба. Это экономия во всем. Ради этого было уменьшено число приемщиков, что вызвало столько упреков Управе, — хотя она действовала под давлением обстоятельств и в интересах дела. Эта же необходимость экономии вызвала покупку муки 5-го сорта, с одобрением правительственной комиссии, пока не подошел хлеб, с юга, чтобы удовлетворить насущные нужды голодающих и не поднять цены на местный зерновой хлеб. Эта же необходимость побудила председателя Управы купить более дешевую сборку через Вайнштейна у Дрейфуса, вызвавшим злоупотребления со стороны агентов при слабом надзоре приемщиков маклера Вайнштейна и давшей массу хлопот Управе»²⁰³. Как видим, обвинения М.К. Касвинова в адрес П.В. Алабина беспочвенны. Более правомерным является вывод Г.Ф. Чудовой, что правительство использовало так называемое дело П.В. Алабина для того, чтобы «облить грязью беспокойное Самарское земство. Царизм постоянно ожидал от земства неприятных сюрпризов и был рад предлогу для дискредитации земских учреждений»²⁰⁴. О предвзятом отношении властей и обер-прокурора А.Ф. Кони к П.В. Алабину писал и краевед О.С. Струков²⁰⁵.

Земская комиссия, изучавшая деятельность П.В. Алабина по организации помощи голодающим, вынуждена была при-

знать его невиновность и отсутствие злоупотреблений со стороны губернской земской управы. Если говорить о конкретных ошибках П.В. Алабина, то они состояли в том, что он в период отсутствия членов губернской земской управы (они были в отъезде и вели закупку хлеба в других губерниях) решил вопрос о заключении сделок с А. Шихобаловым и фирмой Луи Дрейфус. Но можно ли это ему ставить в вину? Будучи русским интеллигентом и патриотом, П.В. Алабин полагал, что в лихую для народа годину все должны служить на благо Отечества. Но не все из поставщиков хлеба разделяли его взгляды и, по сути, грели руки на народной беде. Из-за отсутствия средств ослаблен был контроль со стороны приемщиков хлеба: земство вынуждено было экономить во всем и при покупке хлеба, и при организации контроля за его качеством. «Организация дела, — говорил П.В. Алабин, — должно быть, заключается в принятии таких мер, при которых заготовление требовавшегося количества продовольственных запасов было бы сделано при затратах возможно умеренных. Нам казалось, что обе эти цели достигнуты»²⁰⁶.

И в это тяжелое время П.В. Алабин сумел сохранить достоинство и спокойствие, несмотря на поднятую в газетах шумиху и клевету. Более того, он даже потребовал суда над собой. Алабин выступил на суде во весь свой рост. «Шаг за шагом, без особенного труда он разбил все доводы обвинения, не без горечи указав притом, что жало клеветы неизбежно преследует в русской жизни каждого крупного общественного деятеля, идущего прямым путем. Суд вынес Алабину оправдательный приговор, встреченный всеобщим сочувствием»²⁰⁷.

Это известие было с радостью встречено в Самаре. В честь П.В. Алабина в благородном собрании был дан обед, на котором общественность Самары преподнесла ему икону Господа Вседержителя с надписью «Претерпевый до конца спасен будет. Самарские граждане П.В. Алабину в память 15 июня 1895 года»²⁰⁸.

Итак, П. В. Алабин не нуждается в реабилитации. Он всегда был честным человеком и не покладая сил трудился на благо Отечества и народа. Но здоровье П.В. Алабина было подорвано. Он умер 10 мая 1896 года. П.В. Алабин покоится у стен Иверского женского монастыря, а на памятнике славного сына

России начертана надпись – «Воину и летописцу 4-х войн, всецело посвятившему свою деятельность с достоинством и честью на пользу государству, земству и городу». Учитывая заслуги легендарного самарца, губернская земская управа постановила поставить навсегда в зале императора Александра II портрет Петра Владимировича Алабина, учредить стипендии имени П.В. Алабина в реальном училище и в женской гимназии имени П.В. Алабина.

Областному историко-краеведческому музею в 1993 году также присвоено имя легендарного самарца. Его имя носит одна из станций Самарского метрополитена. Правительство Самарской области за успехи в учебе и науке награждает студентов вузов Самарской области именной стипендией. В 2011 году по нашей инициативе Самарская городская дума присвоила П.В. Алабину звание почетного гражданина города Самары.

*«Голодовки в истории России. XVIII-XX веков». Оренбург, 2013. С.23-29. Соавтор Е.П.Баринова

Раздел III. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ

§1. Валериан Куйбышев: мифы и реальность*

*Пусть покинет меня все остальное,
только б не покинуло мужество.*

И. Фихте

Белые пятна в истории... Ныне эти слова стали рефреном в выступлениях многих писателей, журналистов и историков. Действительно, проблемы отечественной истории (особенно истории советского общества) нуждаются в более глубоком и всестороннем освещении. Давно настала пора избавиться от мифов и легенд и при создании биографий видных партийных и государственных деятелей. Не секрет, что вплоть до середины 80-х годов деятельность И.В. Сталина и его ближайших соратников освещалась в искаженном, мифологизированном виде. Тем самым отечественная история фальсифицировалась в угоду «вождю всех народов» (как при его жизни, так и после смерти) и административно-бюрократической системе. К числу противоречивых фигур сталинской эпохи относится Валериан Владимирович Куйбышев, революционная деятельность которого началась в 1904 г., когда Валериан вступил в Омскую организацию большевиков. Литература о нем, как исторического, так и научно-популярного плана (биографии, сборники документов, воспоминания), в большинстве своем носит апологетический характер. И дело не только в том, что в качестве авторов биографий, воспоминаний и составителей сборников документов выступали ближайшие родственники В.В. Куйбышева. Сама эпоха 30-х — первой половины 50-х гг., эпоха культа личности И.В. Сталина, стимулировала создание культов личности тех, кто входил в ближайшее окружение Сталина. В какой-то степени не избежали апологетики В.В. Куйбышева и авторы трехсерийного телевизионного художественного фильма «В.В. Куй-

бышев», снятого в Ташкенте. У зрителя создается впечатление, что победы Красной Армии в Туркестане целиком и полностью зависели от В.В. Куйбышева, а командующий фронтом М.В. Фрунзе находился где-то на втором плане. Те же традиционные подходы видны и в освещении деятельности В.В. Куйбышева и у создателей документального фильма (Куйбышевская киностудия) «Чтобы понять». Справедливости ради укажем, что автор сценария этого фильма Я. Филиппов в своем интервью корреспонденту «Волжской коммуны» Г. Костину рассказал о тех трудностях, с которыми он встретился при написании сценария: «Приходишь к знающему человеку, а он говорит: «Нет, о Куйбышеве ничего хорошего вам не расскажу, вам это не пригодится»²⁰⁹.

Лишь в некоторых публикациях, вышедших в 20-е гг., а также после XX съезда КПСС, акцентируется внимание читателей на негативных чертах деятельности В.В. Куйбышева. В последнее время в статьях Р. Медведева, А. Антонова-Овсеенко и некоторых других авторов можно встретить объективные оценки деятельности В.В. Куйбышева в качестве председателя Центральной контрольной комиссии ВКП (б), Председателя ВСНХ и Госплана, члена Политбюро. В то же время вне поля зрения остались важнейшие события в жизни В.В. Куйбышева, такие, как его роль в установлении советской власти в Самаре, участии в обороне Самары 5-8 июня 1918 г. от чехов.

Настоящая статья написана на основе большого круга опубликованных источников и литературы. В центре внимания нашего анализа – самарский период жизни и деятельности В.В. Куйбышева, этапные события в его жизни. Не умаляя роли В.В. Куйбышева в установлении советской власти в Самаре, я попытаюсь показать, какое место занимал В.В. Куйбышев в Самарской организации РСДРП на разных этапах революции, а также его конкретный вклад в борьбу за установление Советской власти в Самаре. Я остановлюсь и на драматическом событии в истории края – обороне Самары от чехов и поведении В.В. Куйбышева. Наконец, необходимо будет рассказать и о том, какую роль сыграл Куйбышев в становлении сталинской диктатуры в 20-30-е гг.

В.В. Куйбышев родился 6 июня 1888 г. в Омске, в семье офицера Сибирского казачьего войска. Отец Владимир Яков-

левич был преподавателем Омского кадетского корпуса; мать Юлия Николаевна работала учительницей. Валериан в 1905 г. закончил Омский кадетский корпус и в августе был зачислен студентом Петербургской военно-медицинской академии. Но военная карьера в то время не состоялась. Как отмечают биографы, он был исключен из академии за участие в революционной деятельности. 1904-1916 гг. - это период становления В.В. Куйбышева как революционера. Три раза он был судим, арестовывался 8 раз в Омске, Томске, Петрограде, Самаре; был в четырех ссылках - Каинске Томской губернии, Нарыме, Иркутской губернии, Туруханске. Революционная деятельность стала делом всей его жизни. Но до Февральской революции он не входил в число крупных теоретиков марксизма, не был крупным партийным руководителем. Это был партийный функционер городского масштаба.

Самарский период

В Самару В.В. Куйбышев прибыл в марте 1916 г. после побега из иркутской ссылки под именем Иосифа Адамчика. «Летом 1916 г., писала активный член Самарской организации РСДРП (б) М. Бешенковская, — заходит ко мне товарищ с открытым лицом, веселыми глазами и просит дать ему кровать Розенштейна. Я без слов дала, ибо он вызвал полное доверие. Он положил кровать на плечо и поплелся. Потом я узнаю, что это бежавший из Иркутской губернии Хадамник... (так в тексте. — П.К.)»²¹⁰. Конечно, приезд В.В. Куйбышева в Самару усиливал позиции большевиков, так как Самарская партийная организация периодически подвергалась разгрому. Но вплоть до августа 1916 г. особой активности он не проявлял. В начале В.В. Куйбышев устроился на работу в пекарню купчихи Неклютиной, затем конторщиком в кооператив «Самопомощь». Вскоре он стал работать фрезеровщиком на Трубочном заводе. В Самаре активными деятелями большевистской организации в этот период были И.Я. Кузьмин, Н.П. Теплов, Т.Г. Кузьмичев, Н.М. Шверник, Ф.И. Венцек, С.И. Дерябина, Н.Ф. Панов, а также представители латышской группы Я.Я. Бауэр, С.О. Виксинин, П.П. Звейнек, П.Я. Струппе и др. В середине лета 1916 г. большевикам удалось создать городской комитет. В него вош-

ли А.П. Галактионов, А.В. Гавриленко, Г.Т. Кузьмичев, П.Я. Струппе, П.П.Звейнек, Я.Я.Бауэр и С.О. Викснин. Комитет решил созвать Поволжскую областную конференцию и приступить к изданию нелегальной газеты²¹¹.

Не вошел В.В. Куйбышев и в состав Самарского городского комитета, который был избран 6 августа 1916 г. на Красной Глинке. Он был избран в пропагандистскую коллегию при комитете и вместе с А.С.Бубновым (кстати, А.С. Бубнов и В.В. Куйбышев на собрании не присутствовали), Самойленко и Цепелевичем вошел в состав организационного комитета по созыву Поволжской областной партийной конференции²¹², которая должна была начать работу 4 сентября. Но участники конференции заметили слежку и разошлись. 18 сентября В.В. Куйбышев был арестован, а затем в январе 1917 г. особое совещание постановило сослать его на 5 лет в Сибирь, в Туруханский край.

Зимой 1986 г. я получил поручение от Куйбышевского обкома КПСС написать рецензии на биографические справки о В.В. Куйбышеве и Н.М. Швернике, которые предполагалось включить в состав книги «Великий Октябрь: Краткий историко-революционный справочник». Эта книга в 1987 г. была опубликована Политиздатом. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что составитель биографической справки о В.В. Куйбышеве по сути дела повторяет те мифы, которые были включены в состав первой биографии В.В. Куйбышева, опубликованной газетой «Правда» 26 января 1935 г.: «Валериан Владимирович возвращается (в марте 1917 г. — П.К.) в Самару, где избирается председателем рабочей секции Самарского Совета и председателем Самарского партийного комитета». Эта же информация содержится и в Большой советской энциклопедии (М., 1937. Т. 35. С. 413). Справедливости ради отметим, что в рецензируемой мною биографической справке (кстати, мои замечания не были учтены издательством) есть некоторые уточнения: «В Самаре вошел в состав Совета рабочих депутатов, избран председателем президиума Совета. В марте 1917 г. возглавлял Самарскую организацию РСДРП».

Каковы же исторические реалии?

В.В. Куйбышев вернулся в Самару из ссылки 16 марта 1917 г. Уже 18 марта он участвует в работе Самарского Совета рабочих депутатов, на котором предлагает резолюцию об отношении к

войне. Слабость теоретической подготовки, состояние эйфории в связи с падением самодержавия — эти и другие причины повлияли на поведение и настроения многих большевиков, которые в этот момент стояли на позициях революционного оборончества. Не избежал этой ошибки и В.В. Куйбышев. Нечеткой была его позиция и по отношению к Временному правительству. Обстановку тех дней в Самаре характеризуют воспоминания эсера К.Г. Глядкова, который был председателем Самарского комитета народной власти в марте-апреле 1917 г. Автор отмечает: «...За все время пребывания моего в президиуме продолжало сохраняться полное, ничем не нарушаемое единство «революционного фронта». Для нас не существовало ни марксистов, ни народников настолько, что, погруженный всецело в неблагодарную текущую работу президиума, я долгое время даже и не знал о партийной принадлежности столь известных в Самаре политических деятелей, как тов. Куйбышев, Галактионов, Кабцан, Белов...»²¹³. Ему вторит эсер П.Д. Климушкин: «В первые же дни меня необычайно обрадовало то единодушие, та солидарность в работе между Советами и Комитетом народной власти и между партиями, какую я увидел там (в марте. — П.К.) в первое же знакомство с ними. Не было ни партийных споров, ни взаимных раздражений, ни обвинений. Все представляли из себя одну дружную семью»²¹⁴. Но это единение было временным, уже в апреле 1917 г. многие вопросы, и в том числе о власти, о войне и о мире, о земле вызвали ожесточенную дискуссию.

20 марта В.В. Куйбышев был избран в состав исполкома Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов, а 21 марта он стал председателем президиума исполкома Совета рабочих депутатов. Вполне естественно, что В.В. Куйбышев в марте не мог возглавить Самарскую организацию большевиков по той простой причине, что общегородская конференция состоялась 9 апреля 1917 г. Конференцию открыл А.Х.Митрофанов, на ней были приняты резолюции об отношении к Временному правительству, о войне и мире, об объединении социал-демократов. 10 апреля было создано бюро губкома в составе: председатель - А.Х.Митрофанов (он же являлся редактором большевистской газеты «Приволжская правда», на страницах которой было опубликовано свыше 15 ленинских статей, вооруживших

самарских большевиков теоретическими и тактическими установками в период подготовки и проведения социалистической революции), товарищи председателя — А.М.Шестопал и Е.С.-Коган, секретарь - Р.П.Браузе, казначей - В.В. Куйбышев²¹⁵. 15 апреля на заседании Самарского Совета В.В. Куйбышев избран гласным городской думы. Он принимал участие в VII Всероссийской Апрельской конференции РСДРП. В биографической литературе отмечается, что В.В. Куйбышев активно включился в пропаганду решений VII Апрельской конференции. Но это далеко не так. С ее решениями он ознакомил самарских большевиков лишь 4 июня на общем собрании РСДРП Городского и Железнодорожного районов. Летом и осенью 1917 г. активность В.В. Куйбышева заметно возрастает. Он ведет большую работу по сплочению сил пролетариата на борьбу против Временного правительства и буржуазии. Он принимает участие в работе губернских крестьянских и всесословных съездов, выступает на митингах и собраниях. По докладу В.В. Куйбышева Самарский Совет рабочих депутатов утвердил основные положения устава рабочей Красной гвардии (за основу им был взят текст устава Красной гвардии Петрограда). В начале октября на I-м губернском съезде РСДРП (б) он вошел в состав членов пленума губкома, а 8 октября был избран председателем бюро губкома. Как видим, лишь в октябре 1917 г. В.В. Куйбышев стал руководителем самарских большевиков.

В октябре 1917 г.

В исторической литературе явно преувеличена роль В.В. Куйбышева в установлении советской власти в Самаре. Ситуация, сложившаяся в губернском центре, была крайне сложной. С одной стороны, силы революции явно превосходили численность контрреволюционного лагеря. Пролетариат Самары и солдаты 60-тысячного гарнизона выступали за передачу всей полноты власти в руки Советов. К тому времени большевики в Совете рабочих и солдатских депутатов завоевали численное большинство. Иной была позиция губернского Совета крестьянских депутатов. Вот почему решение вопроса о переходе власти в руки Советов не могло произойти сразу же, 25 октября.

Бурная дискуссия по вопросу о текущем моменте и о событиях в Петрограде вспыхнула на заседании исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, которое открылось в 2 часа дня 25 октября. На заседании председательствовал В.В. Куйбышев. Он огласил телеграммы о событиях в Петрограде и предложил направить на телеграфы комиссаров. Но это предложение встретило противодействие со стороны самарских меньшевиков. В связи с тем, что на заседание не были приглашены члены исполкома Самарского Совета крестьянских депутатов, его представитель И.Д. Панюжев в знак протеста покинул собрание. Было принято предложение меньшевика В.П.Преображенского отложить обсуждение до 8 часов вечера, с тем, чтобы к этому времени представить мнение всех фракций.

Вечером в Белом доме состоялось экстренное заседание исполкомов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вновь председателем был избран В.В. Куйбышев, в состав президиума вошли А.И. Кабцан и И.А. Одайкин. Заседание затянулось до 5 часов утра. Оно проходило бурно. Вновь в центре внимания оказался вопрос о текущем моменте, о событиях в Петрограде. «Представители губернского и гарнизонного Советов крестьянских депутатов, — отмечает историк-краевед Ф.Г. Попов, — эсеры, меньшевики, представители группы «Единство» высказывались против перехода власти к Советам»²¹⁶. Исполком губернского Совета крестьянских депутатов заявил о поддержке Временного правительства и выступил за созыв губернского всесословного съезда, который и должен был решить вопрос о власти. Большевики, опираясь на поддержку меньшевиков-интернационалистов, эсеров-максималистов, внесли предложение о немедленном переходе всей полноты власти к Советам и признании Временного правительства низложенным. За это предложение проголосовало 79 человек. Правые эсеры-меньшевики, члены исполкома губернского Совета крестьянских депутатов (109 человек) отказались участвовать в голосовании. Вопрос о переходе власти к Советам был отложен до следующего объединенного заседания исполкомов Советов. Около 5 часов утра заседание было закрыто. Как видим, нельзя представлять процесс установления Советской власти в Самаре как единовременный акт, целиком зависевший от воли и действий В.В. Куйбышева. Не менее значима была деятель-

ность таких видных большевиков, как председатель Самарского городского комитета партии А.А. Масленников, А.Х. Митрофанов, Ю.К. Милонов, А.П. Галактионов, М.П. Герасимов, П.И. Струппе, и других активистов и рядовых членов коммунистической партии, руководителей фабзавкомов, председателей полковых и ротных комитетов. В конечном счете, в процессе установления советской власти в Самаре принимали участие и рабочие, и солдаты. Именно их волю выражали собравшиеся участники объединенного заседания Советов 26 октября 1917 г.

Днем 26 октября большевики вели большую агитационно-пропагандистскую работу на фабриках и заводах, в гарнизоне. Итог этой работы был весьма внушительен. Состав объединенного заседания стал более широким и представительным, он отражал интересы всех слоев города. На заседание помимо депутатов исполкомов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов прибыли члены Комитета народной власти, представители уездных крестьянских организаций, комитетов железнодорожного и почтово-телеграфного союзов, заводских, полковых и ротных комитетов. Самарским большевикам удалось склонить на свою сторону членов исполкома гарнизонного Совета крестьянских депутатов, которые выступали в качестве противовеса губернскому Совету крестьянских депутатов. Представители гарнизонного Совета затем вошли в состав ревкома²¹⁷. Вот как описывает ход борьбы за власть Советов активный участник событий Иван Козырьков: «Рабочие массы и солдаты, считая минуты и секунды, ждали этого заседания, заранее зная и торжествуя победу пролетарской революции. В 5 часов вечера «Триумф» (ныне кинотеатр им. Ленинского комсомола — П.К.) был переполнен. Заседание пришлось перенести в театр «Олимп»... Но и громадное помещение не могло вместить всю пришедшую массу. Члены Советов разместились в партере, члены фабрично-заводских комитетов и правлений профсоюзов в ложах, бельэтаже и на балконе, и остальные товарищи заняли оставшиеся места. Заседание открылось около 8 часов вечера вступительным словом и коротеньким докладом тов. Куйбышева. Было решено дать высказаться от каждой фракции по одному оратору...

Первый выступил от фракции большевиков, любимый и уважаемый всеми членами партии и рабочими массами, покойный тов. Масленников, встреченный бурей аплодисментов, длившейся около 5 минут. Часовая речь тов. Масленникова несколько раз прерывалась аплодисментами и криками: «Да здравствует Сов. Власть!»²¹⁸. На заседании были оглашены резолюции воинских частей Самарского гарнизона, выступили представители политических партий. Как и прежде, меньшевики, эсеры и группа «Единство» выступили против взятия власти Советами. Представители губернского Совета крестьянских депутатов отказались от участия в прениях и в голосовании. Большевистскую резолюцию о переходе власти к Советам поддержали меньшевики-интернационалисты, эсеры-максималисты, члены еврейских социал-демократических организаций. За нее был подан 441 голос. Резолюция, предложенная правыми эсерами, меньшевиками-оборонцами и группой - «Единство», собрала 140 голосов. Вопрос о переходе всей полноты власти к Советам был решен. На заседании был избран ревком, председателем которого стал В.В. Куйбышев.

Несколько преувеличена роль В.В. Куйбышева и в создании самарского комсомола. В этом плане более достоверно освещают события авторы книги «Шагай вперед, комсомольское племя» (Куйбышев, 1974). В этом издании, в частности, указывается: «8 декабря 1918 г. в «Триумфе» был созван общегородской митинг рабочей молодежи (присутствовало около 500 человек)... От имени губкома РКП (б) собравшихся приветствовали В.В. Куйбышев, председатель губкома Ю.К. Милонов. С речами выступали член военсовета и начальник политотдела 4-й армии Г.Д. Линдов, секретарь Самарского ревкома В.А. Тронин, К.Ф. Левитин. Они разъяснили цели и задачи комсомола»²¹⁹.

1917-1918 гг. — важные вехи в биографии В.В. Куйбышева, октябрьский переворот выдвинул его в число руководителей губернского масштаба. Не обладая достаточно высоким теоретическим багажом, он, вполне естественно, разделял взгляды тех, кто выступал против заключения Брестского мира. Но он был не одинок, ближайшие соратники В.И. Ленина, как, например Бухарин, Бубнов, Ломов, Пятаков и другие, оказались в числе «левых коммунистов».

Июньская трагедия

Весной 1918 г. осложнилась внутривластная обстановка в Советской России. Непокойно было и в Поволжье. В Оренбургских степях вспыхнул мятеж казачьего атамана Дутова. 29 мая 1918 г в Самаре было получено сообщение о выступлении против Советской власти в Пензе и Сызрани чехословацкого корпуса, войска которого наступали на Самару. События здесь складывались драматически. Авторы Большой советской энциклопедии так описывают участие В.В. Куйбышева в обороне Самары: «...под напором вооруженных сил контрреволюции, наступавших на Самару под командой генерала Дутова, и контрреволюционного мятежа чехословацких войск большевики в июне 1918 г. отступили из Самары. С винтовкой в руках и с бомбой за поясом Куйбышев дрался в цепи как рядовой боец»²²⁰. Сотрудник Средневожского Истпарта И.Х. Циммерман дает такую интерпретацию событий: «Когда чехи уже полностью овладели городом, в клубе коммунистов оставалось 50 человек, после упорного сопротивления коммунисты решили сдаться... Некоторым товарищам: Куйбышеву, Коган, Курулову и др. удалось пробраться по крышам домов, смежных с клубом, и незаметно для чехов спуститься к пристани, сесть на пароход и уехать вверх Волге»²²¹. Другой сотрудник Истпарта Ф.Г. Попов сообщает о том, какая работа проводилась В.В. Куйбышевым по организации обороны Самары. 30 мая, как пишет историк-краевед, был создан революционный штаб, который возглавил В.В. Куйбышев.

Ф.Г. Попов говорит о ходе мобилизации сил, создании дружины численностью около двух тысяч, трудностях технического плана, нехватке специалистов. Затем он освещает события 7 июня: «Было решено, что небольшая группа руководящих работников во главе с В.В. Куйбышевым и Е.С. Коган попытается вырваться из окружения и добраться до пристани. Остальные должны были остаться в клубе и как можно дольше задерживать противника... Группе т. Куйбышева удалось по крышам соседних домов добраться до Николаевской, теперь Чапаевской улицы, а по ней до Панской»²²². Авторы биографии В.В. Куйбышева повторяют, по сути дела, ту же информацию: «Партийный клуб, в котором помещался штаб обороны горо-

да, оказался в окружении врага. После короткого совещания было решено: десять человек во главе с Куйбышевым должны прорваться к пристани, где стояли пароходы с московским и смоленским отрядами, прибывшими накануне вечером. С их помощью предполагалось освободить оставшихся товарищей. С большим трудом по крышам домов, под обстрелом врага несколько человек из группы Куйбышева добрались до пристани. Однако бойцы московского и смоленского отрядов прорваться к клубу не смогли. Город уже находился в руках врага»²²³. Я позволю себе привести еще одно суждение биографов В.В. Куйбышева: «В трудном положении оказался и В.В. Куйбышев. Клуб коммунистов, где он находился с группой товарищей, был окружен. Пришлось уходить по крышам домов, дворами, по закоулкам. Помогли и прекрасные физические данные, и смекалка, и знание города...»²²⁴. И далее авторы говорят о том, что В.В. Куйбышев тяжело переживал сдачу города. Встает вопрос — какие же источники использовали авторы при освещении июньских событий? Насколько они достоверны? Имеются ли другие материалы и документы? Как и каким образом решался вопрос о выходе из окружения группы Куйбышева и кто, помимо Евгении Коган и Курулова, входил в эту группу? Почему не были использованы московский полк и смоленский отряд для обороны города? Изучение литературы позволило установить, что авторы при описании данного эпизода жизни В.В. Куйбышева опирались на его воспоминания и данные, опубликованные его сестрой Еленой. Вот что писал в воспоминаниях В.В. Куйбышев: «Мне едва удалось уйти из Самары, меня пулеметами обстреливали люди К[лимушкина], меня хотели схватить разъяренные против большевиков обыватели. Рядом со мной рвались снаряды чехов. Уйти все-таки удалось. Я ушел не один, ушел с руководящей группой большевиков»²²⁵. Елена Куйбышева дословно приводит эту цитату из воспоминаний В.В. Куйбышева и далее пишет: «Последний пароход отчаливал от самарской пристани. Все оставшиеся до последней минуты в городе большевики были уже на пароходе. Не было только Куйбышева. «Погиб, убит?» — думали о Валериане. Как быть? Медлить больше нельзя. Уже отдана команда снять трап, звучит последний прощальный гудок, а Куйбышева все нет. И вдруг все увидели мчавшегося к пароходу Валериана.

Прыжок — и он на палубе парохода. Товарищи окружили его. Валериан рассказал, что ему пришлось спускаться из здания ревкома по водосточной трубе. По крыше соседнего дома он пробрался на улицу. По нему было дано несколько пулеметных очередей. Но каким-то чудом он уцелел. Когда он перебирался с одной крыши на другую, его заметили обыватели, подняли крик: «Вот он, большевик...» Но и тут удалось уйти... Валериан Владимирович оставил в Самаре свою семью: жену, сына...»²²⁶. На наш взгляд, воспоминания не совсем точно зафиксировали данное событие. Мне удалось ознакомиться с воспоминаниями одного из участников событий И. Трайнина, которые были опубликованы в 1918 г. Его рассказ позволяет реконструировать, воссоздать события, которые произошли в Самаре 5 июня 1918 г. «С рассветом, — пишет И. Трайнин, — когда завязалась усиленная артиллерийская перестрелка, когда с самарского моста дано было знать, что «чехи идут», всем на этот раз показалось, что наступил конец, и помощник главнокомандующего тут же отдал приказ об эвакуации. Под грохот орудий потянулись от клуба нагруженные автомобили с оружием и продовольствием к пристани, где уже ждал пароход. На него сели усталые от бессонных ночей ответственные советские и партийные работники, в том числе и некоторые из тех, которые в течение всей борьбы вдохновляли защитников Самары. На пароход погрузился так же небольшой отряд вооруженных красногвардейцев, чтобы иметь возможность, после того как чехи пройдут мимо Самары, сломить, если понадобится, различные поползновения белых заменить Советскую власть какой-нибудь другой формой власти.

Вечером в тот же день пароход прибыл в Симбирск. Все были убеждены, что Самара уже сдана чехам. Меж тем, как выяснилось на другой день, в утро отъезда происходила обычная артиллерийская перестрелка, но чехи опасались двигаться дальше, пока не закончится решительное сражение с наступавшими у них в тылу советскими отрядами под командованием Попова. Окружным путем удалось телеграфно связаться с Самарой и вызвать к аппарату Теплова. Последний, от имени оставшихся товарищей требовал немедленного возвращения эвакуировавшихся под угрозой быть заклеяменными как «дезертиры». Доклад тов. К[уйбышева] о результатах его телеграфных

переговоров с тов. Тепловым произвел на всех угнетающее впечатление. Единогласно было принято решение о немедленном возвращении в Самару»²²⁷. О том, что В.В. Куйбышев был среди тех партийных и советских работников, поддавшихся панике и бежавших в Симбирск, свидетельствует и участник обороны Самары Смирнов: «В клубе, — писал он, — я увидел тов. Куйбышева, который вернулся из Симбирска — узнать, как идут дела, и теперь уходил на пароход»²²⁸. В воспоминаниях члена КПСС с 1917 г. А.С. Бешенковского говорится о том, кто же входил в так называемую «группу руководящих работников». Автор сообщает, что в ночь с 7 на 8 июня 1918 г. командование отпустило из клуба коммунистов несколько человек, «так как мы уже много ночей не спали. Жил я тогда на Казанской улице. Рано утром 8 июня я проснулся от того, что о крышу нашего двухэтажного дома ударяли пули. Выглянув в окно, я увидел, что по Казанской улице со стороны Панской (Ленинградской) идут В.В. Куйбышев и Е.С. Коган. Они очень торопились, больше с ними никого не было. Поравнявшись с моим окном (квартира была на втором этаже), Куйбышев спросил: «Что, Бешенковский, проходного двора здесь к Волге нет?» - «Нет», - ответил я и поспешил к ним на улицу.

Вместе с тт. Куйбышевым и Коганом дошел до пристани. На пристани стоял пароход с красноармейцами полка, прибывшего из Москвы для защиты Самары. Командир этого отряда ушел рано утром в город, в ревком, за распоряжением и не возвращался. А не возвращался он, как я потом узнал, потому-что попал под обстрел и был ранен.

Тов. Куйбышев предъявил свои документы, а мне поручил добраться до клуба коммунистов и передать товарищам, чтоб они отступали и спасались»²²⁹.

Комментарии, как говорится, излишни. Вместо того чтобы спасти оставшихся оборонять под командованием А.А. Масленникова клуб коммунистов, В.В. Куйбышев вновь поддался панике. Интересы собственной безопасности оказались для него выше партийного долга. По его вине погибли многие десятки коммунистов на улицах Самары и в поезде смерти, в том числе Ф. Венцек, И.И. Штыркин и др. Красногвардеец А. Воинов так описывает события 8 июня 1918 г.: «Помню последние дни. Нашими руководителями были тт. Масленников и Слепченко.

Утром 8 июня поступило распоряжение, что все наши войска должны отступить из Самары. Четверть четвертого утра подошел чешский броневик к мосту. Некоторые товарищи спали, измученные усталостью и волнением. Кто-то закричал: «Т.т., спасайтесь». Услышав это, сонные повскакивали и в беспорядке, как попало начали отступать: за ними все. Произошла паника. Я ударился с одним товарищем на берег Волги за Анаевскую дачу. Только прибежали на пристань, глядим, последний буксирный пароход отвалил»²³⁰. Не был ли это пароход, на котором из Самары в Симбирск уехал В.В. Куйбышев? Думаю, что беспристрастный анализ всего комплекса источников позволяет ответить на поставленные в настоящей статье вопросы.

Единомышленник И.В. Сталина

В годы гражданской войны В.В. Куйбышев вел партийно-политическую работу в качестве члена Военного совета армии и флота в Поволжье и Туркестане. В 1920 г. он уехал в Москву, где работал в ВЦСПС. Затем, на X съезде партии он был избран кандидатом в члены ЦК, а на XI съезде - членом ЦК РКП (б). С 3 апреля 1922 г. работает секретарем Центрального комитета партии. Летом 1922 г. началась разработка конституционных основ Союза Советских Социалистических Республик. На первом этапе речь шла о совершенствовании отношений между РСФСР и другими советскими республиками. Тогда же появился сталинский план автономизации и его вариант Федеративного Союза Советских Социалистических Республик Закавказья. «Опираясь на инициативу республиканских партийных и советских органов, Политбюро ЦК РКП (б) 10 августа 1922 г. приняло решение создать комиссию, которой предстояло подготовить проект усовершенствования отношений между РСФСР и другими советскими республиками. 11 августа Оргбюро ЦК РКП (б) утвердило состав комиссии: В.В. Куйбышев (председатель), И.В. Сталин, Г.К. Орджоникидзе, Г.Я. Сокольников, Х.Г. Раковский»²³¹. Конечно, Куйбышев лишь формально возглавлял комиссию. Творцом проекта резолюции Оргбюро «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками» был Сталин. Проект предусматривал их вхождение в Российскую Федерацию на правах автономных республик. Ста-

лин, используя болезнь В.И. Ленина, пытался быстрее утвердить свой план автономизации. Когда Х.Г. Раковский (вероятно по просьбе В.И. Ленина) попытался оттянуть заседание комиссии на более поздний срок, то В.В. Куйбышев не согласился с его предложением²³². Уже в начале 20-х гг. Куйбышев является единомышленником Сталина и беспрекословно выполняет его поручения. Известно, что часть статей и заметок В.И. Ленина предназначалась для публикации в печати. К их числу относилась и статья «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложения XII съезду партии)», в которой вождь большевистской партии предлагал создать объединенный партийно-государственный орган ЦКК-РКИ. «В партийных кругах, — пишет новейший исследователь сталинской эпохи А.В. Антонов-Овсеенко, — ходили разговоры, что на заседании Политбюро редактор «Правды» Бухарин сообщил: Ленин недоумевает по поводу задержек публикации («Как нам реорганизовать Рабкрин»). Членам Политбюро стало известно со слов Крупской, что он нервничает. Тогда, как рассказывали старые большевики (в частности М.В. Феофанова), Куйбышев внес предложение отпечатать «Правду» с этой статьей Ленина в одном экземпляре и таким способом успокоить больного. Если это действительно имело место, то секретарь ЦК РКП (б) Валериян Куйбышев вряд ли осмелился бы внести подобное предложение от себя лично»²³³.

Выполняя волю Сталина, Председатель Центральной Контрольной комиссии В.В. Куйбышев выступил на заседании с докладом об антипартийной и антигосударственной деятельности Султан-Галиева. «Это был грубый окрик контрольной комиссии»²³⁴, который свелся к ошельмованию Султан-Галиева. Ему инкриминировалось создание в Татарии тайной националистической организации. В.В. Куйбышев великолепно справился с данной ему ролью. Выступая с отчетом ЦКК на XIII съезде партии, он подробно рассказал о тех мерах борьбы с бюрократизмом, которые в какой-то степени давали положительный эффект: «летучие отряды», «группы легкой кавалерии», чистки партийного и государственного аппарата. В.В. Куйбышев квалифицирует деятельность ЦКК как «карательную работу», которая затронула тех, кто принимал участие в оппозиционных группах²³⁵. Не случайно один из делегатов съезда заявил,

что коммунисты не понимают деятельности ЦКК: «считают нас за уголовный розыск, за ГПУ...»²³⁶. Видимо, учитывая это обстоятельство, Сталин счел возможным включить В.В. Куйбышева в число тех партийных деятелей, кто должен был определять судьбу нашей страны. В ходе августовского (1924 г.) Пленума ЦК ВКП (б) состоялось совещание единомышленников, членов ЦК (Сталин, Бухарин, Рудзутак, Рыков, Томский, Калинин, Каменев, Зиновьев, Ворошилов, Коганович, Орджоникидзе, Петровский, Куйбышев, Уланов и несколько других товарищей), которое с целью укрепления руководства партии и для предотвращения наметившегося раскола постановило считать себя руководящим коллективом. На совещании был создан исполнительный орган - «семерка» в составе членов Политбюро (Бухарин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Томский - за исключением Троцкого). В состав «семерки» вошел Куйбышев как председатель Центральной Контрольной комиссии²³⁷. Деятельность этого органа регламентировал специальный документ, который предписывал соблюдение строжайшей дисциплины. Как видим, взлет Куйбышева на вершину партийного руководства произошел всего за три с небольшим года. Видимо, Сталину импонировали личные качества председателя ЦКК, и прежде всего беспрекословное подчинение Генсеку.

После смерти В.И.Ленина внутрипартийная борьба обострилась. На первом плане у Сталина и его окружения стоял вопрос о консолидации сил для борьбы с Л.Д. Троцким. Когда эта задача была выполнена, то настала очередь Каменева и Зиновьева. Характерно поведение В.В. Куйбышева накануне XIV съезда ВКП (б). Он, будучи председателем президиума ЦКК, оказывал давление на Н.К.Крупскую, с тем, чтобы она сняла свою подпись с платформы «новой оппозиции», которую возглавили Л.Б.Каменев и Г.Е.Зиновьев²³⁸. Накануне открытия съезда Президиум ЦКК обсудил доклад В.В. Куйбышева и заявил о полной поддержке ЦК. Члены ЦКК сочли возможным возложить «... ответственность за дискуссию в печати, а также за начавшуюся организационную борьбу» на часть верхушки Ленинградской организации»²³⁹. Подавляющее большинство делегатов съезда поддержало Сталина. Немалую роль в этом сыграл В.В. Куйбышев, выступивший на съезде с отчетом ЦКК.

Куйбышев уже на XIV съезде партии начинает славословить Сталина: «... Существующее руководство нашей партией является одним из лучших в истории нашей партии... я от имени ЦКК заявляю о том, что это руководство и этот Генеральный секретарь нашей партии является тем, что нужно для партии, чтобы идти от победы к победе»²⁴⁰. В своем заключительном слове он постарался показать миролюбие Сталина, который якобы пытался предотвратить выступление оппозиции на XIV съезде партии. В ходе XIV съезда партии «новая оппозиция» и ее лидеры потерпели поражение, что существенно укрепило положение Сталина в Политбюро. Старая гвардия была разгромлена идейно и организационно: Каменев, Зиновьев и Троцкий были выведены из состава Политбюро, а затем в 1927 г. исключены из партии.

На XV съезде партии в состав Политбюро были избраны Н.И.Бухарин, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, В.В. Куйбышев, В.М. Молотов, А.И. Рыков, Я.Э. Рудзутак, И.В. Сталин, М.П.Томский. Кандидатами в члены Политбюро стали А.А. Андреев, Л.М.Каганович, С.М. Киров, С.В. Косиор, А.И. Микоян, Г.И. Петровский, Н.А. Угланов, В.Л. Чубарь²⁴¹.

В.В. Куйбышев был энергичным исполнителем линии Сталина и в период «великого перелома», своего рода большого скачка, который начал осуществляться в 1928-1929 гг. и на практике означал отход Сталина от генеральной линии партии. И здесь надо сказать несколько слов о том, что первые симптомы волюнтаристского подхода к решению сложнейших экономических вопросов стали появляться в середине 20-х годов, когда председателем ВСНХ был выдающийся деятель коммунистической партии Ф.Э. Дзержинский. В отличие от В.В. Куйбышева, который безропотно выполнял указания Сталина, Дзержинский был обеспокоен ошибками руководства партии, сильно переживал из-за несовершенства реально проводившейся экономической политики²⁴². В письме на имя В.В. Куйбышева от 3 июля 1926 г. он писал: «Дорогой Валериан! При сем мои мысли и предложения по системе управления. Существующая система - пережиток. У нас сейчас уже есть люди, на которых можно возложить ответственность. Они сейчас уже утопают в согласованиях, отчетах, бумагах, комиссиях. Капиталисты, каждый из них имел свои средства и был ответственен. У нас сей-

час за все отвечает СТО и П/бюро. Так конкурировать с частником, и капитализмом, и с врагами нельзя. У нас не работа, а сплошная мука...

У нас сейчас нет единой линии и твердой власти. Каждый комиссариат, каждый зам и пом и член в наркоматах - своя линия. Нет быстроты, своевременности и правильности решений...

Если не найдем этой линии и темпа — оппозиция наша будет расти и страна тогда найдет своего диктатора — похоронщика революции, — какие бы красные перья ни были на его костюме. Все почти диктаторы ныне — бывшие красные — Муссолини, Пилсудский...»²⁴³.

В.В. Куйбышев (и руководимый им ВСНХ) принимал участие в разработке первого пятилетнего плана (оптимального варианта). Тем самым нэп был «выброшен к черту» (выражение Сталина), фактически начался пересмотр ленинской стратегии и тактики построения социализма в нашей стране. Дебаты в Политбюро весной 1928 г. становились все более острыми. По существу, из всех членов Политбюро, вошедших в него после XV съезда партии, Сталина безоговорочно поддержали только В.В. Куйбышев и В.М. Молотов²⁴⁴. 19 сентября 1928 г. В.В. Куйбышев выступал с докладом перед партийным активом г. Ленинграда. Он выдвинул тезис об ускорении темпов социально-экономического развития. «Вопрос о темпах является важнейшим вопросом нашей политики. Это принципиальный вопрос, по которому наша партия большевиков не должна делать уступок»²⁴⁵. И далее он вторил в унисон Сталину: «...Чем успешнее будет идти дело социалистического строительства, тем в большей степени будет нарастать сопротивление и противодействие со стороны враждебных нам сил как внутри, так и извне». По сути дела, Валериан Куйбышев, вслед за вождем всех времен и народов, сформулировал тезис о том, что отмирание классов будет протекать «в обстановке обостряющейся борьбы»²⁴⁶. Итак, экономические законы развития общества В.В. Куйбышевым не принимались в расчет, а в качестве универсальных методов выступали административный нажим и насилие над народными массами, директивное планирование, безусловное подчинение провинции центру и т.д.

Биографы В.В. Куйбышева отмечают его роль в борьбе против так называемого правового уклона в партии и его лидеров Бухарина, Томского и Рыкова (как известно, никакого правового уклона в партии не было, а Бухарин, Рыков и Томский были реабилитированы. — П.К.). По их мнению, генеральное сражение состоялось 4 ноября в 1928 г. на заседании Совета труда и обороны СССР: «... На этом заседании Куйбышеву пришлось выдержать ожесточенный бой с одним из лидеров правового уклона А.И.Рыковым, занимавшим в ту пору пост Председателя Совнаркома и СТО СССР.

В своем выступлении В.В. Куйбышев доказывал, что необходимо всемерно форсировать развитие именно тяжелой индустрии. «Если, — подчеркивал он, — производство средств производства не будет центром приложения новых вложений в промышленность, то, само собой разумеется, что, в конце концов, мы создадим условия очень трудные для строительства социализма...»²⁴⁷.

А.И. Рыков счел возможным возразить В.В. Куйбышеву: «Они (то есть капиталовложения в тяжелую индустрию - П.К.) должны быть центром всех вложений при условии сохранения рыночного равновесия»²⁴⁸.

Великий мастер политической интриги Сталин умело срамливал между собой членов Политбюро, с тем, чтобы крепче привязать к своей колеснице наиболее преданных своих сторонников. 31 августа 1928 г. он пишет В.В. Куйбышеву: «Как твои дела? Слышал, что Томский собирается обидеть тебя. Злой он человек и не всегда чистоплотный. Нет, мне кажется, что он не прав. Читал твой доклад о рационализации. Доклад подходящий, чего требует от тебя Томский?»²⁴⁹.

Наконец, следует остановиться на основных тезисах доклада о пятилетнем плане, с которым В.В. Куйбышев выступил на XVI конференции ВКП (б). Их суть заключается в том, что перед советским народом ставилась задача «во что бы то ни стало в короткий исторический период догнать и перегнать своих исторических врагов»²⁵⁰. Он внес определенную лепту в обоснование необходимости коллективизации сельского хозяйства. По его мнению, в СССР «...10% верхнего слоя крестьянства, включая сюда кулачество и часть зажиточного середнячества... являются держателями 30% товарного хлеба, то к концу пяти-

летия... 43% товарного хлеба будет в руках обобщественного сектора»²⁵¹. И далее он заявил: «Классовая борьба будет совершенно неизбежным и обязательным спутником этих социалистических сдвигов. И смешно было бы думать, что это победоносное внедрение социалистических элементов в сельское хозяйство может проходить «мирно», «безмятежно», без обострения классовой борьбы в деревне»²⁵².

Он призывал также к решительной борьбе с правым уклоном, который, по его мнению, был не чем иным, «как проявлением мелкобуржуазной стихии»²⁵³. Как видим, В.В. Куйбышев и в этот самый сложный период был соратником и соучастником Сталина со всеми вытекающими из этого факта последствиями. В.В. Куйбышев сделал все для того, чтобы превратить ЦКК-РКИ в инструмент, послушный ЦК, лично Сталину²⁵⁴. Будучи одним из идеологов ускорения индустриализации в нашей стране, В.В. Куйбышев выступал с резкой критикой тех членов партии, которые провидчески говорили о том, что они «в проектировании пятилетнего плана видели доказательства сверхиндустриальной политики партии, авантюризма и полнейшего забвения элементарных экономических причин», и далее они предсказывали неизбежность «величайших и политических потрясений и катастроф»²⁵⁵. Конечно, «творец» первого пятилетнего плана не мог не выступить против инакомыслящих.

Видный советский экономист Гавриил Попов справедливо отмечает, что «курс на форсирование индустриализации был неразрывно связан с курсом на ускоренную коллективизацию. Оба стали базой и оправданием «нажима». Оба стали основой связанных с ним поисков «врагов народа», на которых можно было бы свалить эти трудности»²⁵⁶. Но предоставим слово самому В.В. Куйбышеву. Он уже в 1929 г. заговорил о том, что в стране имела место «широкая волна вредительства, которая теперь разоблачена, во всех областях»²⁵⁷. А в 1930 г. он писал о том, что «шахтинское дело сигнализировало опасность на фронте кадров»²⁵⁸. Вероятно, В.В. Куйбышев должен разделить и ответственность за репрессии по отношению к так называемой «Трудовой крестьянской партии» (которой не существовало — П.К.) и за гибель выдающихся экономистов А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева — «лидеров» этой мифической организации.

Словом, именно в 30-е годы Административная Система (одним из создателей ее был В.В. Куйбышев) стала применять к инакомыслящим все более ожесточавшиеся карательные меры, вылившиеся в массовый террор во второй половине 30-х гг. Будучи теоретиком и практиком Административной Системы, он несет прямую ответственность за ускоренные темпы коллективизации сельского хозяйства, за те потери, которые понес советский народ в результате волюнтаристской политики Сталина и его окружения. Примерные потери за период 1927-1936 гг.: 2 млн. человек покинули пределы СССР, 3,8 млн. человек умерли от голода, 2,8 млн. человек погибли в местах заключения и от голода. Общий итог составил 8,6 млн. человек²⁵⁹.

А каковы же итоги «великого перелома»? Реализовать в полной мере оптимальный вариант первого пятилетнего плана не удалось. Вместо 17 млн.т. чугуна удалось выпустить 6,2 млн.т. В 1931-1933 гг. темпы развития индустрии быстро упали с 23,7% в 1928-1929 гг. до 5% в 1933 г. «Подхлестывание» слишком дорого обошлось стране, оно сбивало с курса на ускоренную индустриализацию в интересах социализма²⁶⁰. Не был выполнен план и по другим показателям. Вместо 170 тыс. тракторов было произведено 40 тыс., вместо 200 тыс. автомобилей было произведено 24 тыс. Электроэнергии в 1932 г. произведено 13,5 млрд., квт.-ч. при 22 млрд., по пятилетнему плану, минеральных удобрений - 0,9 млн.т. вместо 8 млн.т. и т.д.²⁶¹

Но эти провалы в выполнении первого пятилетнего плана не могли удержать В.В. Куйбышева от славословий в адрес Сталина, которые прозвучали в его докладе, сделанном на XVII съезде партии: «Гениальный вождь нашей партии товарищ Сталин... А эта его гениальная прозорливость и блестящее руководство борьбой рабочего класса обеспечили постановку величественных, делающих эпоху в истории человечества задач второго пятилетия. Окончательно ликвидировать капиталистические проблемы вообще, полностью уничтожить причины, порождающие классовые различия и эксплуатацию, завершить реконструкцию всего народного хозяйства, сделать зажиточной и культурной жизнь каждого рабочего и колхозника»²⁶². Я вполне разделяю тезис А.В. Антонова-Овсеенко о том, что оглушающе трубить о достигнутых под его водительством победах было для Сталина половиной дела. «Он хотел поразить

народ, нет, весь мир грандиозным планом второй пятилетки. С этой целью в доклады Молотова и Куйбышева был заложен испытанный трюк и за точку отсчета принят 1913 г.: по сравнению с довоенным уровнем промышленная продукция к 1937 г. возрастает в 8 раз! У некоторых слушателей дух перехватило»²⁶³.

Какое же место занимал В.В. Куйбышев в окружении Сталина? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Автор сценария и документального фильма о Куйбышеве «Чтобы понять» Я.Филиппов говорит о том, что якобы Куйбышев занимал второстепенное место в Политбюро. А коль это так, то вполне понятно, что он не может нести ответственность за ошибки и просчеты в руководстве нашей страной. Приведенные в настоящей статье факты убедительно свидетельствуют о том, что в переломные моменты нашей истории В.В. Куйбышев был одним из тех, кто наиболее последовательно проводил указания Сталина в жизнь. Гавриил Попов вполне справедливо относит его к числу умеренных, наиболее прагматичных и наиболее технократически настроенных руководителей²⁶⁴. Как правило, В.В. Куйбышев в 20-х – первой половине 30-х гг. безропотно выполнял «предначертания» Сталина. Это повиновение и послушание, в конечном счете, привели к деградации личности Председателя Госплана. «... За последнее время Куйбышев очень изменился, стал сутулиться, появилась растерянность в глазах, участились приступы стенокардии, при этом он позволял себе выпивать лишнего. Сталин знал об этом, но относился снисходительно, даже поощрял», - говорил в интервью корреспонденту «Волжской коммуны» Я.Филиппов²⁶⁵.

Трагедия Валериана Куйбышева состояла и в том, что его высокие посты Председателя ВСНХ СССР, затем Госплана, члена Политбюро, первого заместителя Председателя Совета народных комиссаров СССР не могли спасти от репрессий его братьев: Анатолий был сослан в Комсомольск-на-Амуре, а комкор Николай Куйбышев погиб в сталинских застенках в 1938 г.

Валериан Куйбышев внес большой вклад в борьбу против самодержавного правительства. Можно отметить его усилия по сплочению самарского пролетариата в борьбе за власть Советов. Но были в его жизни и такие моменты, когда он поддавался панике, проявлял слабование и трусость. Не будучи выдающимся теоретиком, он обладал такими организаторскими спо-

собностями, которые вполне удовлетворяли Сталина. Занимая ключевое место в Политбюро, он не нашел в себе мужества выступить против произвола Сталина, проявлял послушание, а потому вполне вписывался в ту Административную Систему, которая нанесла серьезный ущерб идеалам социализма и в конечном счете привела страну в состояние кризиса.

Подводя итоги, хотелось бы отметить следующее. Я буду считать свою задачу выполненной, если приведенные в настоящей статье факты позволят читателю внести коррективы в хрестоматийный образ В.В. Куйбышева, увидеть его таким, каким он был, со всеми его достоинствами и недостатками. Я думаю, что, наконец, мы все должны осознать настоятельную необходимость очищения отечественной истории от мифов и легенд. Этот этап очищения будет способствовать возрождению исторического сознания и утраченных нравственных устоев.

*«Голос земли Самарской. Куйбышевское книжное издательство.1990. С.4-27»

§ 2. Борис Николаевич Ельцин*

Праведник! О мой отец державный!
Возри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.
От вас я жду содействия, бояре.
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный еще народной волей.

(А.С. Пушкин. «Борис Годунов»)

Ощущение дежа вю почти никогда не покидало меня, когда я смотрел новости по всем практически российским телевизионным каналам, читал газеты. Видеть воочию такого я точно не мог — все-таки в советское время и народ был другим, и власти вели себя иначе — была, скорее, империя, держава.

Иногда она казалась незыблемым Колоссом, забывалось временами даже, что ноги у великана глиняные. Тогда откуда это чувство — было уже это, было, и не ново под нашим солнцем? А однажды я понял — злую шутку сыграла со мной профдеформация: события в сегодняшней России — точная копия тех, что происходили в Смутное время. Иначе можно утверждать: прошлое — сценарий будущего. Исторически говоря, реконструкция — жуткая, ужасающе достоверная, но оттого не менее болезненная для страны и всего народа.

«Вслед за революцией наступал заморозок, вслед за ним — легкое послабление для выпуска пара, называемое «оттепелью». После режим впадал в маразм, и никакого способа преобразовать его, кроме революции, не было: он давно не реагировал ни на что, кроме топора. Всякая новая топорная революция отбрасывала страну на полвека назад, отнимала немногие завоевания и губила тех, чьим именем затевалась, после чего новое закрепощение порождало новых правителей и протестантов, — протестанты выросли и умнели, правители старели и тупели, власть падала, протестанты в хаосе вымирали с голоду, и новый тиран на руинах прежнего противостояния запускал часы по новому кругу».

(Д. Быков. «ЖД»)

Уверенность популярного современного публициста выглядит обоснованной, но довольно спорной с научной точки зрения. Здесь, как мне кажется, нельзя объяснить все одной только роковой закономерностью. Однако трудно оспорить тот факт, что в смутные времена народ — измученный, заблудившийся, потерявшийся — избирает на престол лидеров, абсолютно схожих по психотипу. Борис Годунов, после пресечения династии Рюриковичей, становится царем. Он долго шел к этому: 1570-е, 80-е, 90-е гг. — он проявлял нечеловеческую активность, ловкость, изворотливость и потрясающее упорство. И что же? До вождя цели добралась только оболочка некогда непобедимого боярина, перед которым «все трепещет», кукла, безвольная, снедаемая душевными терзаниями, растратившая себя на интриги.

«Борис, ты не прав!» — сказал Ельцину когда-то Егор Лигачев, бывший соратник по партии. Сколько еще раз звучали эти слова, когда секретарь Московского горкома партии шел к российскому престолу — и, наконец, его нарекли первым президентом независимой России? Множество людей восхищались его тракторной энергией, примкнули к его соратникам, встали под знамена демократии. А скольких он просто перешагнул? Его методы, порой, заставляли вспомнить тактику большевиков. Примкнувшие смотрелись солидно и убедительно — строители новой России, как никак. Строительство в нашей стране всегда уважали и любили, под него можно было получить неплохие инвестиции — не этим ли объяснялось небывалое число «прорабов»? В том числе и так называемой перестройки, которая привела к краху СССР.

В 1993 году экраны всего мира обошла ужасающая картина: Президент стреляет из пушек по собственному парламенту. Объяснить это было нереально, понять — невозможно! Гражданская война не была развязана только потому, что Ельцин — следует отдать должное — всегда умел договариваться. Волевые, личностные качества «на престоле», казалось, просто покинули его, зато прочие достоинства засверкали новыми гранями.

Но однажды и они изменили ему. Вернее, он не сумел договориться со временем — роковая ошибка! Не зря, все-таки, считают, что время — действующее лицо: показавшись по телевизору в больничном халате, предполагал ли он, что вместо умилительного — «Он такой же человек!», — народ с ужасом узнавания подумает — «Он такой же, как Черненко!». Слишком уж недавно была та, партийная геронтократия. У меня же он вызвал только ассоциацию из моей казанской юности — бабай. Воображение подсказало — бабай возле денежного мешка. Ну и дальше — «вчерашний раб, татарин, зять Малюты, зять палача и сам в душе палач...» Круг замкнулся.

*Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?*

(Э.Б. Браунинг. «Плач детей»)

XIX век — эпоха первоначального накопления капитала. На разных стадиях в разных странах, как ее можно описать? Само-

убийства, предательства, ложь, слеза ребенка... То же самое можно сказать и о России эпохи приватизации. Как-то теща поинтересовалась, где мой ваучер? Я честно и вполне правдоподобно предположил, что мой ваучер — доля в государственной собственности — отдыхает сейчас на Карибах — это и модно, и логично. Предполагалось, правда, что счастливый обладатель чудо-талона сможет получить квартиру. На худой конец, машину. Но иллюзии рассыпались в прах, истаяли дымом, ушли в песок. Зато общество приросло новым сословием — собственников. По версии журнала «Форбс» у нас в России самое большое количество миллиардеров, причем, очень неожиданных: появлялись, как грибы после дождя и делились секретом, как за три года заработать первый миллиард. Мне сложно сказать что-то о Р. Абрамовиче, но я помню, как шокировал работниц конвейера АвтоВАЗа Б. Березовский, внезапно появляясь в тренировочных штанах: «Компьютерный гений, что возьмешь!» — вероятно, думали они.

*И треснул мир напополам, дымит разлом,
И льется кровь, идет война добра со злом.*

(Песня из фильма «Ночной дозор»)

Эпоха перелома, видимо, всегда была болезненной темой для культового режиссера Тимура Бекмамбетова: сотрудничество с Анжелиной Джоли, экранизация бестселлеров Сергея Лукьяненко... А мне он запомнился еще по рекламным роликам банка «Империал». Во-первых, они все были посвящены историческим деятелям и эпизодам из их нелегкой жизни. А, во-вторых, сняты были, все-таки талантливо. Я прекрасно понимал, что в реальности ни один из этих сюжетов не отвечал исторической правде, но смотрел с удовольствием — талант, одно слово! Сейчас меня, как историка, иногда интересует, а где же этот щедрый на рекламу банк «Империал»? Или — еще всплыл в памяти — банк «Менатеп»? Эти пирамиды мгновенно обогатили кучку финансовых гениев и беспринципных бизнесменов, но что осталось остальным? Чеченская война, финансовая нестабильность, абсолютно невнятная внутренняя политика, олигархи — что мы делаем с собой, как распорядились мы своей свободой?

*На брошенных укреплениях,
На сломанных фонарях,
На стенах тоски вседневной
Я имя твое пишу.
Могуществом этого слова
Я возвращаюсь к жизни,
Рожденный дружить с тобою,
Рожденный тебя назвать —
Свобода!*

(П. Элюар. «Свобода»)

Русский язык, как и всегда в трагическую эпоху, отразил изменения в обществе. Можно сказать, не выдержал первым: невнятицу социальных отношений, финансовых неполадок стало модно называть иностранными словами — и красиво, хоть не всегда и понятно, и не так страшно. Киллер сменил простого убийцу, выяснение отношений заканчивалось не дракой, а импичментом, — так камуфлировалась реальность. Москва стала походить на Нью-Йорк засильем вывесок на английском языке. Думается, что китайская позиция — как всегда жесткая — была бы более уместна для страны с богатой — вопреки всему — культурой: все объявления, все названия, все вывески только на родном языке и только маленькими буквами, не более 20 см, — на глобальном английском. Это не изоляционизм — это самоуважение своей страны, своей культуры, своей истории.

Show must go on

Падение в бездну продолжалось... В телевизионных новостях все чаще стали звучать ремарки секретаря Ельцина Костинова типа «рукопожатие Президента было крепким». Или, президент «много и усиленно работает над важными документами». Также демонстрировались почти постановочные теннисные соревнования на президентской даче. Вызывало это страх — за Россию и, наконец, человеческую жалость — к Ельцину: больной, уставший человек, казалось, уже не с судьбой, а смирился с участью гаранта, причем гаранта стабильности, безнаказанности, безответственности для своего исключительно окружения. «Семьи» как тогда говорили. Трагедия страны была очевидной.

*«...И в процессе представленья
Создается впечатленья
Что куклы пляшут сами по себе.»*

(Андрей Макаревич)

В те времена была чрезвычайно популярна программа «Куклы» — главные персонажи сошли с кремлевских высот и, по меткому выражению одного шоумена, «снимались в мультфильмах». Волшебник, мифотворец и по совместительству вице-премьер, министр экономического развития Лившиц с артистизмом исполнял колыбельные на фоне развала страны. Причем, и в реальной жизни тоже. Министр иностранных дел А. Козырев успешно продолжил игры Э. Шеварднадзе. Войны на окраинах бывшей Советской империи отвлекали внимание народа от финансовых разделов в столице. А воспитанием народа занялась новая поп-интеллигенция — удачно ушедшие от налогов звезды-миллионеры вдруг полюбили Президента и не мыслили своей жизни без него. Так началась борьба за новый срок Ельцина. Коммунист Зюганов тоже не смог победить время и по той же причине, что и Ельцин когда-то: уж очень недавно алые стяги были единственным нарядным пятном в нашей жизни и — вызывали отторжение. Что могло спасти Россию?

*«Принципы, которые были принципиальны,
были непринципальны.»*

(В.С. Черномырдин)

Афоризмы нового премьер-министра Виктора Степановича Черномырдина пережили его и стали фольклором. Его образная речь была меткой, если вслушаться и попытаться понять и, наверное, лучше всего отразила те чувства и выразила мысли, которые терзали всех. Велик и могуч, все же, русский язык... Хотя для высокого чиновника «рваная» речь была недопустима. Но тип крепкого хозяйственника тогда был популярнее и ближе, чем экономически грамотный, медоточивый «гарвардский мальчик», сладко причмокивающий монетарист Е. Гайдар. К тому же, богатое производственное прошлое объясняло лакуны в речи премьер-министра Черномырдина.

Политика его была полностью ельцинской, но все же наметилось и противостояние новым собственникам: рассуждая по-

хозяйски, Черномырдин не мог позволять, как минимум, воровать как прежде — объемы требовалось сократить. Но власть тогда еще не могла бороться со своим порождением, слишком уж взаимосвязаны были успешные финансисты и кремлевские обитатели.

Бессилие с пугающей очевидностью показали переговоры Виктора Степановича — по новой телевизионной моде абсолютно прозрачные — с Шамилем Басаевым. Захват заложников в больнице Буденновска стал не только человеческой трагедией, он стал трагедией власти — беспомощной, униженной, не способной (или не хотящей?) ответить адекватно на удар.

Передышку, пусть краткую, дал стране генерал Лебедь, заключивший мир в Хасавюрте. Страна должна была отойти от шока, вызванного позорной чеченской кампанией Грачева. Но это было единственное позитивное событие.

Страну продолжало лихорадить: руководил правительством С. Кириенко — молодой, амбициозный, но неопытный. Его прозвали киндер-сюрприз за компактность и неоправданный, раздражающий всех оптимизм. Дефолт 1998 года доказал, что у нашего народа даже в экономических вопросах хорошая интуиция. Оглушенная Россия затихла... Е. М. Примаков, сменивший в критический момент горе-управленца, начал постепенно — что было особенно важно — проводить линию на укрепление национальных интересов государства. Хотя укреплять тогда было особо нечего: старые ценности девальвировались, новые не успели возникнуть, даже статус государства был неясным — то ли прежняя сверхдержава, то ли сырьевой придаток всего мира. Психологи называют такое состояние кризисом самоидентификации. Кто мы? В какой стране мы живем? Зачем?

«Камо грядеши?..»

После добровольного ухода с главного поста страны Ельцина — второго в истории России, — фактически начался новый этап. Президент В. В. Путин провозгласил реставрацию российской государственности главной целью: внутренняя политика предполагала укрепить вертикаль власти, внешняя — вернуть Россию в ряды держав, проводящих активную самостоя-

тельную политику. Решение такой задачи не могло прийти моментально, да и нет готового решения. Созидание по определению подразумевает длительный процесс, совместные усилия всех и волевые действия каждого. Наверное, так же возрождали Россию после Смутного времени – всем миром.

*«Дайте государству двадцать лет покоя
внутреннего и внешнего
и вы не узнаете нынешней России.»*

(П. А. Столыпин)

Россия вступает и активно работает в самых разных международных объединениях, политических, экономических, гуманитарных, экологических – и с ней начинают считаться. Но ведь национальные интересы – это, прежде всего, интересы нации, народа, конкретнее, каждого гражданина. По-моему, и эта линия начинает постепенно осуществляться.

Нетипично для России, но эти преобразования стараются проводить правовыми методами. И здесь важнейшим достижением является взаимодействие Президента и правительства с парламентом. Митинговая демократия толпы сменилась цивилизованной законодательной деятельностью. Изменения эти были необходимы и отрадно сегодня видеть, как о сильной и свободной России мечтают не только политики в предвыборных роликах, но и молодые люди, пенсионеры, бизнесмены и военнослужащие. И не просто мечтают, а готовы строить ее и доказать, что в Россию можно не только верить.

*«Страну развалить можно, в общем, любую.
Но ответственность если за нее у граждан
есть – то разваливать ее не надо. А нужно лечить».*

(А.И. Солженицын в интервью программе «Вести», 2005 г.)

*Кабытов П.С. Сквозь «лихие» и «нулевые». Самара.2912.С.17-25.

Раздел IV. АКАДЕМИК СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ ПЛАТОНОВ И САМАРА

§ 1. Академик Сергей Федорович Платонов*

Труднейший процесс становления новой российской государственности неразрывно связан с возрождением историко-культурного наследия нашей великой Родины. Многие имена деятелей науки и культуры возвращаются из небытия, из тлена забвения. Реабилитация выдающихся представителей российской интеллигенции, репрессированных в годы сталинского произвола, идет одновременно с публикацией наиболее значимых литературных и научных трудов из их наследия. Вот и в 1993г. опубликован один из основных, главных трудов крупнейшего русского историка, академика Сергея Федоровича Платонова «Лекции по русской истории», выдержавшего 10 изданий (1-е – 1899г., 10-е – 1917г.) и в советское время прочно забытый. «Лекции по русской истории» академика Платонова по сути дела стоят в одном ряду с аналогичными курсами лекций по всеобщей истории профессоров Т.Н. Грановского, Н.И. Кареева, В.В.Бартольда, Р.Ю. Виппера, а также курса лекций по истории России выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского. Ведь в них не только воссоздана яркая и широкая панорама исторического прошлого. Но эти поистине бесценные труды историков помогают понять в каких условиях создавалось их историческое наследие, проникнуть в их духовную жизнь и их мысли, раскрыть их творческую лабораторию.

Уже в конце 20-х гг. стали набирать обороты репрессии против интеллигенции, которые в 30-е гг. переросли в массовый террор против партийных кадров, военных и населения вообще. В конце 1928г. был необоснованно арестован и С.Ф. Платонов. Ему было предъявлено обвинение в организации контрреволюционного заговора в целях свержения советской вла-

сти. Специальная следственная комиссия ОГПУ во главе с Я.Х. Петерсом сфабриковала «дело» Платонова. Члены комиссии обнаружили в архивах Пушкинского дома, Археографической комиссии и Библиотеки Академии наук (Платонов возглавлял эти научные центры) подлинные документы отречения от престола последнего российского императора Николая II, материалы Департамента полиции, документы, связанные с созывом и роспуском Учредительного собрания, архивы политических партий и другие уникальные источники революционной эпохи и гражданской войны. Вполне понятно, что ОГПУ увидело в этом не административный просчет, а прямую угрозу для советской власти, так как данные документы необходимо было запрятать в надежные хранилища Центрального архива, скрыть их от исследователей, сделать их недоступными. Главная ошибка Платонова, как считают его новейшие биографы, состояла в том, что он несвоевременно отдал распоряжение о выявлении этих документов и направлении их в Центральный архив.

Этот административный просчет стал поводом для создания крупного политического процесса. Платонов был объявлен главой «контрреволюционного заговора». Напомню, что в этот же период шел процесс по делу так называемой «Трудовой крестьянской партии», которой якобы руководил выдающийся русский экономист А.В.Чаянов. Оба эти процесса по сути дела были высосаны из пальца. Всего по «делу» Платонова проходило 115 человек, в том числе академики Н.П. Лихачев, Е.В. Тарле, М.К. Любавский, профессора Ю.В. Готье, А.И. Яковлев и др. Всем им инкриминировалась связь с белой эмиграцией для «осуществления планов интервенции против СССР, свержения советской власти и установления конституционно-монархического строя в стране». Но власти побоялись провести публичный судебный процесс над историками. На основе постановления коллегии ОГПУ С.Ф. Платонов был сослан в Самару, куда он приехал в августе 1931г. в сопровождении своих дочерей. В нашем городе он жил около полутора лет и умер 10 января 1933 года из-за острой сердечной недостаточности (диагноз хронический фиброзный миокардит). Похоронен Сергей Федорович в Самаре на городском кладбище. В Самаре академик Платонов проживал в доме №21 по улице Красинской, которая находилась между современными улицами Оси-

пенко и Первомайской. Название «Красинская» (по имени известного сподвижника В.И.Ленина) улица получила 13 февраля 1925 года. Ранее эта улица входила в состав пригородного поселка 4-й Молоканский сад. По данным записи акта о смерти профессор русской истории Платонов накануне кончины проживал в доме № 60 по ул. Красинской.

Но возвратимся к «Лекциям по русской истории» С.Ф. Платонова. Думается, что в условиях глубочайшего политического кризиса и экономической катастрофы политические деятели всех рангов снизу доверху могли бы не обращаться к западным рецептам, а попытаться извлечь уроки из нашего собственного исторического прошлого.

Вот как описывает академик Платонов социально-политическую ситуацию, которая сложилась после избрания Земским собором на трон Михаила Федоровича Романова: «По приезде в Москву Михаил Федорович не отпустил выборных земских людей, которые и оставались в Москве до 1615г., когда они были заменены другими. Итак, дело шло до 1622г.; один состав собора сменялся другим, одни выборные уезжали из Москвы к своим делам... и заменялись другими... Таким образом, в течение десяти лет Москва имела постоянный Земский собор (и после этого времени соборы бывали очень часто и длились долго, но постоянных больше не было). *В этом видна мудрая политика, подсказанная правительству самой жизнью* (выделено мною — П.К.): смута еще не прекратилась, и беспорядки продолжались. Нам издали теперь ясно, что смута должна была прекратиться, так как люди порядка стали с 1612-1613гг. сильнее своих противников; но для современника, который видел общее разорение, казачьи грабежи и бессилия против них Москвы, не мог взвесить всех событий, не понимал отношений действующих одна против другой сил, — для современника смута еще не кончилась, на его взгляд снова могли одолеть и поляки, и казаки. Вот против них-то и надо было сплотиться сторонникам порядка. Они и сплотились, выражая свое единодушие Земским собором при своем царе. И царь понимал всю важность действовать заодно с избравшими его и охотно опирался на Земский собор как на средство лучшего управления. Никаких вопросов между избравшими царя и их избранником о взаимных правовых отношениях не могло быть в ту минуту. Власть и

«земля» были в союзе и боролись против общего врага за существование, за свои «животы», как тогда говорили. Минута была слишком трудная, чтобы заниматься правовой метафизикой, да и не было налицо той вражды, которая всегда к ней располагает ...».

Комментарии, как говорится, излишни. Но все же. Веление современной эпохи — не артподготовка в августе и решительная схватка в сентябре, не референдум и новая конституция, а забвение во имя России своекорыстных интересов и создание союза «ветвей» власти законодательной и исполнительной, который и сможет вывести нашу многострадальную Родину из очередной смуты.

*История у нас трагична. Записки историка. Самара, 1995.с.53-55.

§ 2. Памяти Академика Платонова*

«Итак, на первых порах история определяется, как художественно-прагматический рассказ о достопамятных событиях и лицах».

(С.Ф. Платонов. Полный курс лекций по русской истории. Ч.1.)

Жизнь великого русского историка Сергея Федоровича Платонова может быть образцом того самого понимания истории, которое было принято еще древними греками. Кропотливая работа и популярные учебники, своеобразные исторические теории и огромная практическая деятельность, монархические убеждения и, как следствие, политические репрессии после 1917 года — все здесь — правда, и все — трагедия: трагедия человека, трагедия ученого, трагедия поколения.

В последние годы на самых представительных форумах историков звучит мысль о том, что Самара становится одним из лидеров в деле увековечивания памяти выдающегося российского историка академика С.Ф. Платонова. «В городе названа улица его именем, поставлена стела на предполагаемом месте захоронения, снят фильм о самарском периоде жизни и, нако-

нец, начиная с 1996 г. проводится ежегодная Всероссийская конференция-конкурс студентов и молодых ученых «Платоновские чтения».²⁶⁶

Поводом для такой важной и напряженной мемориальной деятельности самарской общественности явился заключительный период жизни С.Ф. Платонова. В Самару он был сослан по окончании следствия по так называемому «Академическому делу». Рассказ об одном только этом деле, достоин нескольких томов — и научных, и художественных, но нам, самарским историкам хотелось увековечить его память, как человека выдающегося, но завершившего, увы, типично для своего поколения жизнь. В той стране, в ту эпоху ни выдающиеся ученые, ни честные историки, ни принципиальные люди не требовались. Судьба академика С.Ф. Платонова тому подтверждением.

В августе 1931 г. академик прибыл в Самару в ссылку, которая продлилась, до его кончины, последовавшей в январе 1933 г. Как известно, краткие сведения о самарском периоде жизни академика С.Ф. Платонова были опубликованы в 1993 г. в журнале «Отечественная история» доцентом Российского государственного педагогического университета В.С. Брачевым.²⁶⁷ В апреле 1994 г. архивистом информационного центра Управления внутренних дел Администрации Самарской области А.Г. Удинцевым была обнаружена запись акта о смерти № 35, где указывается, что Сергей Федорович Платонов умер 10 января 1933 г. Указывалась причина смерти — хронический миокардит. В акте имеются сведения о том, что о смерти академика сообщила его дочь Мария Платонова. Сообщается также и место жительства С.Ф. Платонова — улица Красинская, д.60.

Данная актовая запись позволяет уточнить время смерти С.Ф. Платонова. Также можно утверждать, что накануне кончины академик жил не в доме № 21 по улице Красинской, а в доме № 60, по той же улице.²⁶⁸

«Еще древние говорили, что *история*
есть наставница жизни(magistra vitae).

От историков ждали такого изложения прошлой жизни человечества, которое бы объясняло события настоящего и задачи будущего, служило бы практическим руководством для общественных деятелей и нравственной школой для прочих людей». (С. Ф. Платонов.)

Изначальной целью проведения Всероссийских «Платоновских чтений» была пропаганда научного наследия академика и формирование нового поколения российских историков. Из года в год на пленарных заседаниях «Платоновских чтений» санкт-петербургские и самарские ученые историки постоянно обращаются к творческому наследию и жизненному пути С.Ф. Платонова. На чтениях выступали видные ученые В.М. Панеях, А.П. Павлов, М.Б. Свердлов, Н.Н. Смирнов и др.²⁶⁹ И если с научным наследием С.Ф. Платонова было все более или менее понятно, то становление новой генерации историков, на мой взгляд, невозможно было без постоянных напоминаний о судьбе великого ученого в нашей стране, о его трагической и вместе с тем величественной судьбе: ведь судя по тому, что в 1937 году, уже после смерти, была опубликована монография «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.», то можно предположить, что и в Самаре С.Ф. Платонов мог вероятно заниматься научно-исследовательской работой.

Сведений о жизни академика С.Ф. Платонова сохранилось крайне мало. В 2011 г. правнучка академика Татьяна Дмитриевна Федорова любезно предоставила редколлегии общественно-политического и научного журнала «Самарский земский сборник» переписку Сергея Федоровича Платонова и его дочерей, содержание которой позволяет воссоздать условия жизни историка в Самаре, увидеть боль и трагизм людей попавших под жернова сталинской эпохи. Переписка содержит множество бытовых деталей. Здесь и условия проживания, и радость, связанная с получением писем от дочери Надежды продовольственных посылок и почтовых переводов и сообщения о состоянии здоровья опального академика. В письме к дочери Надежде Сергеевне он сообщает 23 января 1932 г.: «Не писал тебе вчера (очередной день), потому что вчера нездоровилось: в маленьком домике было слишком тепло и душно».²⁷⁰ В самарской ссылке трогательно заботились о Платонове его дочери Мария Сергеевна и Нина Сергеевна. О прогрессирующей болезни отца с болью и душевным волнением сообщала сестре Надежде Нина Платонова 1 января 1933 г.: «Беспомощен он как ребенок: мы с Марусей кормим его с ложечки. — Иначе он не может»²⁷¹.

Итак, мы решили установить место захоронения академика Платонова. Похоронен он был на Всесвятском кладбище вблизи от железнодорожного вокзала, которое в 1934 году было решено ликвидировать. Как всегда — и с практической пользой (построили жилые дома и хлебозавод), и, как говорится, для души — часть кладбища была отведена под детский парк им. Щорса. Знаковые для новой власти могилы — например, Щорса — перенесли на новое городское кладбище. Но большая часть захоронений осталась, вернее сказать, исчезла. Первую попытку обнаружить захоронение С.Ф. Платонова предпринял учитель истории, краевед Василий Михайлович Круглов. Но усилия краеведов натолкнулись на советскую бюрократическую неразбериху еще 1930-х гг. и отсутствие информации в наши дни. В Государственном архиве Самарской области «регистрационные книги погребенных на городских кладбищах имеются, только начиная с 1943 года»²⁷² Место захоронения академика Платонова обнаружить не удалось.

*Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!»*

(Г. Мур. Вечерний звон. Пер. И. Козлова.)

В акте о смерти С. Ф. Платонова указано, что в Самаре он проживал в доме №60 по улице Красинской. Свое название эта улица получила в феврале 1925 года, а ранее входила в состав 4-го Молоканского сада. На его территории в настоящее время расположены нынешние улицы Больничная, Полевая, Первомайская, Осипенко. Здесь, на самой окраине тогдашней Самары, в 1920-30-гг. велось активное строительство одноэтажных деревянных домов. Отыскать тот самый дом и хотя бы этим напомнить о судьбе Платонова в наши дни оказалось нереально. Но, в начале 70-х дома на улице Красинской еще не были снесены. И я сам того не ведая не раз проходил по этой маленькой улочке, не предполагая, что в одном из этих деревянных домов жил когда-то опальный академик С.Ф.Платонов. Во второй половине 70-х, здесь был построен новый микрорайон

— теперь это исторический центр города, здесь много учреждений и многоквартирных домов. Но нам все-таки казалось важным, чтобы имя ссыльного академика появилось на карте рокового для него города. На заседаниях топонимической комиссии мы не раз обращали внимание, что существует множество улиц с почти одноименными названиями. Нет, не в московском варианте — 2-ая Строителей и 3-я Парковая, — это уж совсем примитивно, а с исторической точки зрения. Например, множество названий в Самаре связано с именем В. И. Ульянова — Ульяновская улица, а с его псевдонимом (партийной кличкой) — еще больше: проспект Ленина, Ленинская улица, Ленинский район. Волга — великая русская река — конечно, вне политики и вне времени, но зачем в Самаре Волжская улица — абсолютно сухопутная, проверено не одним поколением студентов и преподавателей Самарского государственного университета, — и Волжский проспект одновременно? Название проспекта хотя бы оправдано — вдоль Волги тянется. К тому же, нам показалось, что создание такого вот «академического» уголка — улица академика Павлова и улица академика Платонова — возле классического университета стало бы, как говорят математики, красивым решением нашей проблемы. Мэр Самары Г. С. Лиманский воодушевленно принял нашу идею, но дальше одобрения дело не двинулось, и только в 2007 году при В. А. Тархове на карте города появилось имя академика Платонова.

«Вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино».

(Из беседы В. И. Ленина с А. В. Луначарским.

«Советское кино» N 1-2,1933, стр.10)

Мое знакомство с кинорежиссером и поэтом Валерием Бакировым в начале 2008 года придало новый импульс процессу увековечивания памяти академика С. Ф. Платонова. Порывистый и колоритный — настоящий поэт, Валерий Бакиров горел идеей снять фильм об академике Платонове. Кинулся писать бумаги по инстанциям, искать деньги на этот проект. И тут же возникла идея установить памятный знак на бывшем Всесвятском кладбище.. И, казалось бы, все потихоньку стало складываться... Но впереди нас ждали казалось бы непреодолимые трудности. На очередном заседании топонимической комис-

сии я вновь поднял вопрос об увековечивании памяти выдающихся жителей города, но как только упомянул имя академика С.Ф. Платонова, сразу же столкнулся с неожиданной реакцией — «А это кто? А его-то за что?». Оценить масштаб личности великого российского историка и соотнести его с масштабом нашего города многим из участников заседания оказалось явно не под силу. Даже, мне кажется, большая часть участников заседания особенно и не пыталась вдуматься в значение для Самары проживания здесь когда-то такого знаменитого историка, сосланного в наш город по воле тоталитарного государства.

Такое пещерное историческое сознание почему-то именно в тот момент показалось мне невыносимым — я вышел, хлопнув дверью. До сих пор не могу понять — была ли это естественная реакция на отторжение прошлого со стороны моих коллег, их неумение, а главное, нежелание, ничего знать, узнавать, понимать, или я интуитивно выдал им «прием К.С. Станиславского»? Практика показала, что сработал все-таки прием Станиславского. К тому же я постоял у окна, собрал в кулак свою волю и возвратился на заседание. Такой эпатажный прием вызвал растерянность у моих оппонентов. Как всегда меня активно поддержали А.Н. Завальный и Л.В. Кузнецова. Поэтому большинство членов комиссии проголосовало за увековечивание памяти неизвестного им самарского жителя. Да, от такой неискренности стало горше, но ведь я добился результата — на бывшем Всесвятском кладбище стали готовиться к установке памятного знака академику Платонову. Валерий Бакиров каким-то образом сумел собрать деньги и на изготовление памятника и на его установку.

Однажды мне довелось три часа провести в мастерской по изготовлению памятников на могилы. Так уж получилось, что в Самаре у академика Платонова никого не осталось — так обычно говорят про родных людей, и я — лучше всех «знающий» его, должен был проследить за камнем-памятником. Мастеров нашел все тот же В. Бакиров. Мы вместе с ним пришли в мастерскую. И убедились, что эти простые люди — мастера относились к своей работе не как к ремеслу, или как творчеству. Их интересовали и личные подробности жизни семьи академика С.Ф. Платонова, и вкусы заказчика. Оказалось, что они являются знатоками истории Самары. И это как-то согрело мне

душу. «Не все еще потерянно», - подумал я. «Это нужно живым...» — действительно, наши воспоминания об академике Платонове, наверное, важнее для нас, для нашей молодежи, для всех граждан нашей державы.

Неожиданно для меня дело об увековечивании памяти С. Ф. Платонова получило всероссийский резонанс: ученые из Санкт-Петербургского института истории РАН — академик РАН Б.В. Ананьич и директор института, профессор В.Н. Плешков помогли нам встретиться с его внучкой, показали бывшую квартиру ссыльного академика, кое-какие — уцелевшие — личные вещи. В. Бакиров продолжал снимать документальный фильм «Академик Платонов в Самаре», и, причем талантливо, соединил в судьбе академика два главных для его судьбы города — Санкт-Петербург и Самару.

А в Самаре в мае 2008 года все-таки торжественно открыли памятник на главной аллее парка им. Щорса. И фактически Самара первой увековечила память С. Ф. Платонова. На открытие памятника пришли студенты исторического факультета Самарского государственного университета, преподаватели самарских вузов, глава городского округа Самара В.А. Тархов.

В Санкт-Петербурге только в 2009 году установили мемориальную доску на доме, где жил академик. Уже в 2010 году я и Э.Л. Дубман были приглашены в Санкт-Петербургский университет на Всероссийскую научную конференцию, посвященную памяти С. Ф. Платонова. Участники конференции во главе с академиком С.О. Шмидтом возложили цветы к мемориальной доске С.Ф. Платонова, а затем зашли в его бывшую квартиру. Но только зашли...

Потому что сегодня в квартире в 12 комнатах проживают 12 квартиросъемщиков. Квартира С.Ф. Платонова превращена в обычную классическую питерскую коммуналку, где страшно жить: график дежурств напоминает об обязанностях обитателям почти что ночлежки, ржавая ванна не используется по назначению и из страха техногенных катастроф. Кухня с обшарпанными стенами и выщербленными паркетными полами...

О ней лучше умолчать. «Бывшую квартиру» С.Ф. Платонова вполне можно использовать Мосфильму и другим кинопанамиям в качестве природы при создании повседневной жизни советских людей в коммунальных квартирах... А может быть

поговорить с коллегами о другом?» — подумал я. И вот тут я стал говорить питерским коллегам о том, что эту квартиру надо передать Санкт-Петербургскому университету и создать в ней музей академика С.Ф. Платонова. Но мне возразили — трудно в Питере расселить такую «Воронью слободку», и власти не хотят связываться с таким безнадежным, затратным, абсолютно не PR- проектом. Что остается сказать по этому поводу? И вновь на память приходит известная до боли сентенция. Что имеем, не храним...

А наши Платоновские чтения, как мне кажется, успешно справляются со своими задачами: о Сергее Федоровиче мы помним, вспоминаем, упоминаем. А среди участников чтений за эти годы уже стали 300 кандидатов исторических наук, есть среди «платоновцев» и доктора наук. Это хороший задел для формирования нового поколения российских историков. А то, что они помнят об академике Сергее Федоровиче Платонове — лишнее свидетельство, что ничто на земле не проходит бесследно.

*Кабытов П.С., Дубман Э.Л. С.Ф.Платонов и Самара: история и память. Самара, 2015.С.9-26».

Раздел V. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

§ 1. Сергей Митрофанович Дубровский*

Видный советский историк Сергей Митрофанович Дубровский относится к числу первых советских исследователей истории аграрной революции начала XX в. Его перу принадлежит большое число монографических исследований по крестьянскому движению периода первой российской революции, стлыпинской аграрной реформе, массового аграрного движения в эпоху революции 1917 г. В начале 20-х гг. в связи с юбилеем первой русской революции он выступил составителем документального сборника (совместно с женой Б.Б. Граве) по истории революционного движения в 1905-1907 гг. Итоговым исследованием стала его монография, работа над которой завершилась за несколько дней до его смерти²⁷³.

Биография С.М. Дубровского нашла отражение на страницах Википедии²⁷⁴, журнала «Вопросы истории» (некролог)²⁷⁵, во вступительной статье профессора Г.А. Арутюнова, председателя комиссии по изданию научных трудов С.М. Дубровского²⁷⁶.

С.М. Дубровский (2 марта 1900 г. — 19 октября 1970 г.) родился в с. Короськово, Кромского уезда Орловской губернии. В 1916 г. шестнадцатилетний Дубровский влился в состав «Группы социалистической молодежи» в Орле, стал штудировать работы К. Маркса «Капитал» и В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». Летом 1918 г. он вступил в коммунистическую партию²⁷⁷, а в период Гражданской войны находился в рядах Красной Армии на политической работе.

Изучением истории аграрных отношений и классовой борьбы в деревне в начале XX в. С.М. Дубровский стал заниматься на студенческой скамье Института Красной профессуры, который был создан по инициативе В.И. Ленина. Так, в 1920 г. он

приступил к работе по изучению документальных материалов по проблемам истории первой русской революции. А в 1922 г. издательством «Новая деревня» была опубликована монография историка «Очерки русской революции», которая была переиздана в 1923 г.²⁷⁸

Педагогическая, общественная и научная деятельность С.М. Дубровского в 20-е г. носила многогранный характер. После завершения учебы в Институте Красной профессуры с 1924-1927 гг. молодой историк работал профессором и деканом экономического факультета Тимирязевской сельскохозяйственной академии в Москве. Дубровский инициировал создание аграрной секции Коммунистической академии, которая была преобразована в Международный Аграрный институт, где он выполнял обязанности заместителя директора по науке. По его инициативе были созданы журналы « На аграрном фронте», «Аграрные проблемы». Одновременно он состоял в секции русской истории РАНИОН, сотрудничал с Истпартом. Кроме того С.М. Дубровский с 1927 г. был членом Крестьянского интернационала и как член Президиума Крестинтерна входил в состав деревенского отдела Исполкома Коминтерна.

Г.А. Арутюнов отмечает, что С.М. Дубровский во время VI Конгресса Коминтерна принимал участие в разработке его решений. Он также был привлечен к работе в составе комиссии по подготовке решений по аграрному вопросу накануне созыва XV съезда ВКП (б)²⁷⁹.

Одновременно он занимался совместно с женой Б.Б. Граве выявлением в архивах документов по крестьянскому движению 1905-1907 гг.²⁸⁰, этот проект авторы выполняли по плану Центрального Истпарта в связи с 20-летием первой русской революции. В состав издания вошли документы из фонда Департамента полиции. Привлекает внимание, включенная в состав сборника диаграмма, которая дает представление о динамике выступлений крестьян и стачечного движения рабочих в городах, что, по мнению составителей, указывает на зависимость крестьянского движения от борьбы пролетариата.

Фундаментальный характер имела также монография С.М. Дубровского о столыпинской реформе, которая первым изданием вышла в Ленинграде в 1925 г., вторым в Москве в 1930 г.²⁸¹ Монография написана на основе широкого привлечения архи-

вных материалов, впервые введенных в научный оборот. Историк использовал также обширный документальный материал, извлеченный из статистических изданий, прессы, воспоминаний участников событий. Эту работу по изучению столыпинской аграрной реформы он продолжил во второй половине 50-х — начале 60-х гг. В конечном счете, этот труд завершился в 1963 г. публикацией третьего издания монографии, в которой документальная база была еще более расширена. Отметим, что С.М. Дубровскому в целом удалось показать состояние российской деревни накануне проведения столыпинской реформы и проанализировать ее ход и итоги. Он однозначно говорит о крахе реформы. Как справедливо отмечает В.Г. Тюкавкин, оценивая это исследование Дубровского, что автор «основной упор сделал на недостатки в проведении реформы, нередко не подтверждая их фактическим материалом»²⁸². Он также отмечает, что «монография его крайне политизирована и тенденциозна и по отбору материала, и по выводам»²⁸³. В этой книге, как и в ходе дискуссий 60-х гг. С.М. Дубровский выступал в качестве ортодоксального защитника ленинских положений, которые содержатся в произведениях вождя большевистской партии по аграрному вопросу и аграрной истории России. И в этой связи С.М. Дубровский писал: «... нельзя весь аграрный строй дореволюционной России характеризовать как преобладающий полукрепостнический и писать, что даже в годы столыпинской перестройки деревни господствующими оставались полукрепостные производственные отношения»²⁸⁴.

Отметим также и монографию С.М. Дубровского, в которой дан анализ крестьянского движения в революции 1917 г.

С.М. Дубровский принял в 1927 г. участие в дискуссии Коминтерна о путях развития восточных стран и опубликовал книгу об азиатском способе производства²⁸⁵, в которой была дана критика троцкистских воззрений. Он выступал также во второй половине 20-х гг. с критикой концепции А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, Н.П. Макарова, А.Н. Челинцева и других историков и экономистов, которые в 20-е годы, по мнению правоверных ленинцев, затушевывали социальные противоречия в российской деревне.

Но ортодоксальные взгляды и непримиримая критика оппонентов не спасли С.М. Дубровского от репрессий. В 1935 г.

С.М. Дубровский переезжает в г. Ленинград, где работает профессором, а затем деканом исторического факультета Ленинградского государственного университета. Но в 1936 г. он был обвинен в связях с Л.Д. Троцким и приговорен 25 декабря 1936 г. за организацию контрреволюционной деятельности к 10 годам исправительных трудовых лагерей и 5 годам лишения политических прав. Во время следствия и суда историк вину свою не признал.

Отбывал С.М. Дубровский наказание на Соловках, где читал лекции для заключенных. Переведен в Норильлаг, а затем Каларгон с последующим расстрелом. Затем возвращен в Норильск. За примерное поведение его срок наказания был снижен на 8 месяцев, а затем еще на 6 месяцев. Освобожден условно-досрочно 30 мая 1946 г. Жил в Казани, работал ученым секретарем в Государственном музее ТАССР. В Казани в 1949 г. был вновь арестован и сослан на поселение в Енисейск, где работал водоносом, а затем консультантом по построению экспозиции в музее, участвовал в разработке технико-экономических планов.

Освобожден в 1955 г. и последние годы жизни работал в Институте истории АН СССР (Институт российской истории РАН), где активно включился в научно-исследовательскую работу. «С.М. Дубровский принимал активное участие во многих научных сессиях, симпозиумах и международных советских учениях, являлся членом советской делегации на VII и VIII международных конгрессах историков. Он избирался в Президиум Комитета по высшему образованию, в котором работал под руководством Г.М. Кржижановского, был также членом ВАК»²⁸⁶.

И на закате жизненного пути он продолжал оставаться на позициях марксистско-ленинской методологии. Это ярко проявилось в ходе дискуссии об особенностях аграрного строя России, где в эмоционально насыщенной форме он отстаивал свою концепцию о значительном развитии аграрного капитализма в российской деревне²⁸⁷.

Как мы уже указывали выше в начале 60-х гг. издательство «Наука» опубликовала монографию С.М. Дубровского, в которой он вновь подчеркнул свою приверженность ленинским оценкам аграрного строя России. Так он писал: «Правильная

оценка остатков крепостничества — основа для верного понимания предпосылок первого демократического этапа революции. В то же время правильное представление о степени развития капитализма дает возможность верно оценить и наличие предпосылок второй социальной войны...»²⁸⁸.

Социально-политическая ситуация 50-х XX в. — первая оттепель не повлияли на эволюцию взглядов С.М. Дубровского. В силу инерции он оставался на прежних позициях. Безусловно, это было связано как с возрастом и лишениями в Гулаге, но и с той романтикой революционной эпохи, которая совпала с самым плодотворным периодом научной и общественно-политической деятельности С.М. Дубровского.

А потому и в заключительной, итоговой монографии изданной в 1975 г. он оставался на прежних позициях²⁸⁹. Как и ранее эта монография носит ярко-выраженный политизированный характер. Она по существу отражает уровень развития советской аграрной историографии, которая продолжала воссоздавать исторический процесс на основе марксистско-ленинской методологии. Тем не менее, современный историк-аграрник не может не учитывать историографических фактов, которые были созданы талантом одного из ведущих советских историков.

* «Кабытова Н.Н., Кабытов П.С., Кондрашин В.В. Аграрная история XX века: Историография и источники. Самара, 2014. С.10-13».

§ 2. Андрей Матвеевич Анфимов*

Научное наследие Андрея Матвеевича Анфимова, выдающегося российского историка-аграрника, велико. Его жизненный путь нашел отражение в кратком очерке А.П. Корелина и И.Н. Слепнева, который был опубликован в сборнике, посвященном памяти А.М. Анфимова²⁹⁰. В этом очерке приведены данные биографического характера. Отмечается, что он родился 28 октября 1916 г. в селе Полтевы Пеньки Тамбовской губернии в крестьянской семье, которая в 1933 г. попала под раскулачивание. Биографы сообщают, что к тому времени Анфимов окончил 7 классов, работал год в начальной школе, за-

тем поступил в ФЗУ в г. Горьком. Но в связи с раскулачиванием семьи Анфимов вынужден был вернуться в свой район, где он работал бухгалтером дорожного отдела райисполкома²⁹¹. Далее. Биографы пишут об учебе в Московском дорожно-механическом техникуме, службе в Красной Армии на Дальнем Востоке и в Бурятии, участии в Великой Отечественной войне, учебе на истфаке МГУ, а также службе офицера А.М. Анфимова в железнодорожных войсках в послевоенный период. Они повествуют о его учебе в аспирантуре Московского государственного университета, где под руководством профессора А.Л. Сидорова он подготовил и защитил в 1955 г. кандидатскую диссертацию²⁹².

В 1956 г. он был принят в качестве научного сотрудника в Институт истории АН СССР (Институт Российской истории РАН), где прошел все ступени карьеры от научного сотрудника до руководителя сектора истории России периода капитализма. В институте он работал вплоть до 1995 г.

Научное наследие А.М. Анфимова включает в себя серию фундаментальных исследований по истории российского крестьянства пореформенного периода, начала XX в. и Первой мировой войны. Кроме того, его перу принадлежат монографии о крупном помещичьем хозяйстве Европейской России (по этой проблеме он защитил докторскую диссертацию), земельной аренде. Цикл его работ посвящен сельской поземельной общине, деятельности Крестьянского поземельного банка, П.А. Столыпину и столыпинской реформе.

Особое место в творчестве А.М. Анфимова занимают труды по методологии аграрной истории, историографии, методике изучения крестьянского движения и социальной структуры деревни. Весьма значима его деятельность как археографа, редактора и составителя фундаментальных публикаций документов и материалов, вошедших в сборники серии «Крестьянское движение» в конце XIX – начала XX вв., сельской поземельной общины. В качестве составителя он участвовал в издании сборника документов «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции» (части II и III).

Им написаны очерки о выдающихся советских ученых Н.М. Дружинине, С.Г. Струмилине, В.К. Яцунском²⁹³.

Новейшие биографы А.М. Анфимова А.П. Корелин и И.Н. Слепнев отмечают его заслуги в организации «сессий симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы»²⁹⁴. По нашим подсчетам он участвовал в организации 21 сессии симпозиумов по истории Восточной Европы, начиная с первой сессии, которая состоялась в 1958 г. в г. Таллине, и включая XXI сессию в Казани в 1986 г. На этих форумах он выступал с докладами, которые стимулировали ход многолетней дискуссии о характере аграрного строя России конца XIX — начала XX вв. Совместно с профессором Е.И. Индовой он принимал участие в организации Средневолжского объединения историков-аграрников, редактировал материалы научных конференций, которые были проведены в Йошкар-Оле (1976 г.) и Саранске (1978 г.). Он также многие годы являлся редактором «Материалов по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР», «Ежегодников по аграрной истории Восточной Европы»²⁹⁵. Он принимал участие в редактировании трехтомной истории крестьянства России с древнейших времен до 1917 г., ряда региональных монографий, опубликованных в сериях «Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма», «Истории северного крестьянства», четвертого тома «Истории Украинской ССР» (Украина в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Отмена крепостного права и развитие капитализма XIX в.), «Истории крестьянства Западного региона РСФСР» и др. Отметим А.М. Анфимова как научного редактора монографий краснодарского историка его ученика — В.Н. Ратушняка, башкирского историка Х.Ф. Усманова, а также исследований его коллег по Институту истории СССР АН СССР А.Я. Авреха, П.Н. Зырянова, М.С. Симоновой и др.

Значительное место в научном наследии А.М. Анфимова занимают труды по истории столыпинской аграрной реформы и его исследования о жизни и деятельности последнего реформатора Российской империи П.А. Столыпина. Следует также выделить его научные труды, в которых дана характеристика царствования императора Николая II. И в этой связи особо отметим его вклад в качестве редактора и составителя такого уникального издания как «Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник», который был издан в 1995 г. в Санкт-Петербурге совместно с главным научным сотрудником Ин-

ститута российской истории РАН Авениром Павловичем Корелиным. А.М. Анфимов в конце 80-х гг. XX в. инициировал подготовку и издание заключительного тома серийной документальной публикации, которая в дореволюционное время издавалась И.Ф. Макаровым²⁹⁶.

В данном очерке можно перечислять и перечислять проблематику исследований А.М. Анфимова. Мы подчеркиваем, что его научная деятельность носила многогранный характер. Он одновременно выполнял несколько проектов. Писал монографии и статьи, рецензии на научные труды историков, редактировал монографии и сборники статей, выявлял в архивах и библиотеках страны документы и материалы, которые затем были включены в сборники документов и материалов и другие документальные публикации, занимался организационной работой. Был внимателен к коллегам по институту и отечески опекал аспирантов и докторантов. Подчеркнем и такое замечательное качество историка – умение вести дискуссию, и аргументировано обосновывать свои концептуальные построения.

Оглядываясь в прошлое, отмечу, что для нас, студентов-историков 60-х гг., монографии и статьи А.М. Анфимова имели ключевое значение в становлении как историков-профессионалов. Во-первых, нас привлекала концепция А.М. Анфимова, суть которой состояла в том, что в аграрном строе Российской империи сохранились живые остатки крепостничества. В 60-е гг. в дискуссиях с С.М. Дубровским А.М. Анфимов сумел выстроить стройную систему доказательств, которая была основана на новом прочтении работ В.И. Ленина. В ходе этих дискуссий возникло новое направление в советской исторической науке, которое противостояло марксистско-ленинской концепции аграрной истории России. Новейшие биографы А.М. Анфимова правомерно считают, что для развития советской исторической науки особое значение имел анализ историком ленинского наследия, который носил «характер далеко не только историографического изыскания, был по тем временам весьма смелым шагом. Он показал, что можно и нужно рассматривать ленинские идеи не только в их развитии, но и корректировать их с учетом позднейших высказываний»²⁹⁷. Нам, молодых историков в 60-е годы, восхищало то, что вступая в дискуссию с С.М. Дубровским и другими ортодоксальными

историками, он способствовал формированию новой историографической ситуации. Следует особо подчеркнуть, что дискуссия велась традиционно, так как сторонники нового направления А.М. Анфимов, К.Н. Тарновский, В.П. Данилов, П.Г. Галузо, П.В. Волобуев, Л.М. Иванов, И.Ф. Гиндин, В.В. Адамов, М.Я. Гефтер, как и ортодоксальные советские историки С.М. Дубровский, И.Д. Ковальченко свои выводы о характере аграрного капитализма и типах аграрной эволюции обосновывали цитатами из произведений В.И. Ленина²⁹⁸. Тем не менее, дискуссия 1960 г., также как и дискуссии о мелкотоварном производстве²⁹⁹ и многоукладности экономики России³⁰⁰, по существу придали мощный импульс формированию новой проблематики и активизировали ход научных разработок по аграрной истории в регионах России.

Правда «нарушителям спокойствия» – представителям нового направления в советской историографии – пришлось заплатить слишком дорогую цену за новое прочтение ленинского наследия и создание новых концептуальных построений. Суть их концепции сводилась к тому, что нельзя выводить социалистическую революцию из зрелости российского капитализма, что в аграрном секторе модернизационные процессы шли замедленными темпами из-за наличия крепостнических пережитков, что необходимо признать роль стихийности в ходе аграрной революции 1917 г. Эти и другие выводы были негативно восприняты официальной историографией. «По согласованию с отделом науки ЦК КПСС в 1972 г. была проведена дискуссия, на которой противники «нового направления» остались в меньшинстве. В июле 1972 г. бюро отделения истории Академии наук СССР по инициативе академика и партийного деятеля П.Н. Поспелова приняло постановление, осуждавшее «новое направление». В марте 1973 г. состоялось совещание в отделе науки ЦК КПСС, на котором «новое направление» было охарактеризовано, как ревизионизм в марксизме. Заведующий отделом С.П. Трапезников, заявил, что «новое направление» представляет собой покушение на теоретические, программные, стратегические и тактические основы ленинизма»³⁰¹. Член-корреспондент АН СССР П.В. Волобуев был освобожден от поста директора Института истории СССР АН СССР. Эти решения в значительной степени воссоздавали эпоху 30-х гг., когда

партийные органы грубо вмешивались в научный процесс, а административные репрессии, по сути, означали возврат к сталинским методам руководства научными исследованиями. Это грубое администрирование по отношению к А.М. Анфимову и другим участникам «нового направления» было осуждено лишь во второй половине 80-х гг. XXв.

В условиях грубого административного нажима А.М. Анфимов (он был освобожден от должности заведующего сектором) вынужден был отказаться от своих концептуальных выводов, которые в завершённом виде были представлены им в фундаментальных монографиях об эволюции земельной аренды и российской деревне в период Первой мировой войны³⁰².

К числу пионерских монографических исследований следует отнести также монографию А.М. Анфимова об эволюции крупного помещичьего хозяйства Европейской России³⁰³.

Для меня эта монография А.М. Анфимова имела огромное значение, так как под влиянием выводов этой монографии я принял решение обратить особое внимание на разработку проблем истории дворянства России и социально-экономического строя помещичьих хозяйств, что успешно реализовали мои ученики П.И. Савельев, Н.Ф. Тагирова, Е.П. Барина, О.А. Курсева, З.М. Кобозева, Г.А. Третьякова. Но обратимся вновь к монографиям А.М. Анфимова, который, как и в прежних работах 60-х гг., продолжал обосновывать тезис о преобладании в аграрном строе России остатков крепостничества.

Так, в 1980 г. издательством «Наука» была опубликована монография А.М. Анфимова, во «Введении» которой автор был вынужден «указать на ошибочность высказанного нами в 1959 г. тезиса о повсеместном преобладании полукрепостнических отношений в российской деревне»³⁰⁴. В этом исследовании, как и в вышедшей в 1984 г. монографии был дан глубокий анализ экономического положения и классовой борьбы крестьян³⁰⁵, рассмотрен широкий комплекс вопросов, воссоздающих панораму жизни российской деревни. «С высочайшим профессионализмом ученый исследовал в частности поземельное устройство крестьян, основные структурные составляющие их хозяйства, баланс доходов и расходов, что позволило глубже раскрыть внутренний экономический строй крестьянского хозяй-

ства, выявить причины, формы крестьянских выступлений, методически обосновать и уточнить их статистику»³⁰⁶.

Парадоксально, но факт. Официально отказавшись от своей концепции, в этих монографиях весь пафос и их содержание объективно доказывает, что историк по-прежнему при анализе многих проблем аграрной истории пореформенной России оставался на прежних теоретических позициях.

К числу важнейших проблем, которые находились в центре внимания А.М. Анфимова, относятся столыпинская аграрная реформа и личность П.А. Столыпина – последнего российского реформатора. Укажем, что столыпинскую аграрную реформу историк стал изучать еще на студенческой скамье. Он написал дипломное сочинение о деятельности Крестьянского поземельного банка и в 1955 г. опубликовал по этой теме статью в академическом журнале «Вопросы истории»³⁰⁷. Две статьи о столыпинской аграрной реформе и ее крахе были опубликованы в 1965 г. в многотомной «Истории СССР»³⁰⁸. Он выступал рецензентом материалов сборника документов и материалов, подготовленного к печати С.М. Сидельниковым³⁰⁹. В 90-е гг. эти проблемы выходят на первый план в творчестве историка. По нашим подсчетам, в это время им было опубликовано 12 научных статей в журналах «История СССР», «Беларусска байка», «Вопросы истории» и в других изданиях, а также в 2002 г. он подготовил к печати монографию «Столыпин и российское крестьянство»³¹⁰. Отметим, что А.М. Анфимов в своих исследованиях традиционно считал, что столыпинская аграрная реформа потерпела крах. При этом он обосновывал свой вывод на данных о выходе крестьян из общины. Так, сокращение числа выделенцев в 1910 г. он характеризовал так: «Это падение можно назвать катастрофическим для столыпинских реформаторов»³¹¹.

В 90-е гг. А.М. Анфимов принял участие в редколлегии серии «Памятники экономической мысли», в которой были изданы биографии А.В. Чайнова³¹² и Н.Д. Кондратьева³¹³, В.В. Новожилова³¹⁴.

Наконец, следует отметить факт признания научных трудов А.М. Анфимова зарубежной историографией. Он участвовал в ряде международных научных конференций. «Ряд его трудов

были переведены и опубликованы в США, ФРГ, Италии, Венгрии и Румынии»³¹⁵.

Несомненно, одно, что научное наследие А.М. Анфимова продолжает занимать центральное место в современной аграрной историографии, а его концептуальные представления обогатили отечественную историческую науку. Монографии А.М. Анфимова воссоздают широкую панораму жизни российского крестьянства второй половины XIX – начала XX вв.

*«Кабытова Н.Н., Какбытов П.С., Кондрашин В.В. Аграрная история XX века: Историография и источники. Самара, 2014. С.13-18.

§ 3. Сигурд Оттович Шмидт*

Уважаемые коллеги! Выражаю глубокую признательность оргкомитету Восьмых Всероссийских краеведческих чтений за приглашение выступить с докладом, в котором показано взаимодействие академика Сигурда Оттовича Шмидта с самарскими историками и краеведами. В нем предпринята попытка выявить его роль в издании воспоминаний академика М.Н. Тихомирова и реализации других краеведческих проектов.

Впервые я услышал о С.О. Шмидте на лекциях по историографии дореволюционной России, которые нам студентам 3 курса отделения истории Казанского государственного университета читал его ученик, ведущий научный сотрудник Института истории СССР Академии наук СССР доктор исторических наук Александр Александрович Зимин. Более детально я стал изучать научные труды С.О. Шмидта в 70-х – 80-х гг. XX в., включая их в материалы своих лекций и рекомендуя студентам на семинарских занятиях по истории России XVI в.³¹⁶

Мои первые встречи с Сигурдом Оттовичем носили мимолетный характер. Во второй половине 70-х гг. я вместе с профессором Е.И.Медведевым случайно встретились с С.О. Шмидтом в коридоре 3-го этажа Института истории СССР. Я увидел стройного, высокого мужчину 40-лет, обладающего особым магнетизмом воздействия на собеседника. Он улыбнулся и приветливо сказал: «Вот и Самара приехала». Были также мимолетные встречи во время моей учебы в МГУ на факультете по-

вышения квалификации в 1977 и 1986 гг. Помнится также короткая беседа с С.О. Шмидтом в историко-архивном институте, куда я был приглашен профессором Ф.А. Каревским, заведующим кафедрой истории СССР этого престижного вуза, одного из центров исторического образования советской страны. Эти встречи оставили в моей памяти неизгладимое впечатление. Я не мог не восхищаться вниманием С.О. Шмидта к самарским коллегам. В нем не было ни грана снобизма, так свойственного некоторым представителям московской интеллигенции. Он был интереснейшим собеседником, который не подавлял своей эрудицией, а стремился воссоздать живой и неповторимый образ события, или исторической личности. У него была феноменальная память. Здесь можно было бы перечислять и перечислять все его заслуги, но, несомненно, одно — он обладал выдающимся талантом не только педагога-просветителя, но и организатора научных исследований. И, конечно, нельзя не отметить его особой любви к краеведению, которое он образно именовал «краелюбием». И в этой связи, конечно, отметим его неутомимую деятельность по организации такого общественного объединения историков как Союз краеведов России и организатора Всероссийских научных конференций и всероссийских краеведческих сборников статей, выполняющих роль интегратора в продвижении новых форм краеведческой работы и современных методов исследовательской деятельности.

О научных контактах С.О. Шмидта с самарскими историками и краеведами можно судить как, опираясь на научные труды С.О. Шмидта, так и на воспоминания тех самарцев, которые оказались в орбите его внимания. Так, в 80–90-х гг. он встречался и переписывался с ректором Самарского государственного университета, профессором Л.В. Храмковым, приглашая на конференции и его дочь Е.Л. Храмкову.

В 1990-е гг. и начале XXI в. мои контакты с С.О. Шмидтом наполнились новым содержанием. Под его воздействием и при поддержке был выполнен ряд научных проектов. Но вначале расскажу о том, что С.О. Шмидт находил время и для того, чтобы возвращать ростки, которые появлялись в школьном краеведении. Во второй половине 80-х — 90-х гг. XX в. самарская общеобразовательная школа № 58 вошла в число лидеров по

организации краеведческих исследований. На базе этой школы была создана площадка, стали проводиться научные работы, олимпиады и конференции. Одним из лидеров школьного краеведения стал учитель истории Василий Михайлович Круглов – выпускник юридического факультета Самарского (Куйбышевского) государственного университета. Сигурд Оттович поддерживал начинания самарских учителей и оказывал им научную и методическую помощь. По его инициативе в 90-е гг. велись работы по поиску могилы академика С.Ф. Платонова. К сожалению, эти поиски не дали результата, но, тем не менее, они стали одним из поводов для проведения на базе Самарского государственного университета Всероссийских Платоновских чтений. Помниться на третьих Всероссийских краеведческих чтениях я рассказал С.О. Шмидту о безвременной смерти В.М. Круглова, и он очень сожалел об уходе из жизни этого замечательного самарского учителя.

С.О. Шмидт хорошо знал о деятельности общественного комитета Самары, о проведенных во второй половине 1980-х гг. двух топонимических конференций, об активизации краеведческой работы в связи с возвращением исторического имени областному центру.

Такое внимание Сигурда Оттовича к самарской истории и самарским краеведам не случайно. Он знал, что его учитель академик М.Н. Тихомиров в 1919-1923 гг. был преподавателем Самарского государственного университета, а академик С.Ф. Платонов был выслан в Самару в 1931 г. по так называемому Академическому делу и «10 января 1933 г. скоропостижно скончался от сердечной недостаточности»³¹⁷.

И вот наступил 1993 год. Это было необычайное для историков – преподавателей кафедры российской истории Самарского государственного университета время, когда наш коллектив, преодолевая организационные и финансовые трудности, сумел завершить работу по написанию истории Самарского края и даже издать двухтомную монографию «Самарская летопись» тиражом 20 тыс. экземпляров³¹⁸. Тогда же по постановлению губернатора Самарской области К.А. Титова был объявлен «Год Петра Владимировича Алабина», посвященный памяти крупного общественного деятеля второй половины XIX в., историка – краеведа, автора фундаментальных книг по истории Са-

мары. Добавим также и то, что нам удалось издать «Самарский земский сборник», который в 1996 г. был преобразован в общественно-политический и научный журнал. Именно тогда в 1993 г., так памятно для народа России негативными событиями октября, которые завершили крушение рудиментов советской системы, Сигурд Оттович прислал мне рукопись воспоминаний выдающегося советского историка академика Михаила Николаевича Тихомирова³¹⁹. Объем этой рукописи составлял около 100 машинописных страниц. Я в буквальном смысле в течение двух часов «проглотил» этот текст. Затем, я вновь и вновь перечитывал мемуары всемирно известного историка, и «не мог, не восхититься тем, как автор описывает повседневную жизнь городского населения, которое вынуждено выживать в экстремальных условиях гражданской войны и новой экономической политики»³²⁰. После консультации с С.О. Шмидтом было принято решение не только опубликовать воспоминания М.Н. Тихомирова, но и предпослать им статью Сигурда Оттовича, в которой он дал характеристику воспоминаний как исторического источника и подчеркнул значимость самарского периода для М.Н. Тихомирова. В частности он писал: «Самарские годы стали для М.Н. Тихомирова школой и житейского опыта и профессиональной выучки. Воспоминания его о Самаре содержат интересные знания о Самаре и Самарском крае времен гражданской войны и последующих лет, о Чапаевской дивизии, и особенно жизни интеллигенции и прежде той ее части, которая по словам автора — стремилась занять себя интересной для нее исторической работой. Здесь имена важные для истории Самары и российской науки тех лет. Они, употребляя выражение М.Н. Тихомирова — источниковеда «вводят нас в круг общественной жизни быта» Самары того времени»³²¹. Согласимся с С.О. Шмидтом в том, что информативная ценность воспоминаний М.Н. Тихомирова весьма значима. В них впечатляют характеристики профессоров Самарского университета, рассказ о буднях красноармейца Тихомирова, призванного в ряды 25-й Чапаевской дивизии. Он пишет о спасении рукописей, хранившихся в иргизских монастырях и артефактах Аксаковского музея. «И я понял, — писал о впечатлениях от воспоминаний М.Н. Тихомирова автор этих строк — счастливо сошлись звезды, и судьба дает мне шанс выступить из-

дателем этой книги, которой я дал такое говорящее название «Самара в моей жизни»³²². Кроме текста воспоминаний в книгу, которая была опубликована издательством «Самарский университет» в 1994 г. вошли раздел «От составителя» (П.С. Кабытов) и статья С.О. Шмидта. Помимо того, в книгу были включены две статьи М.Н. Тихомирова, написанные им в Самаре — «К истории колонизации Самарского края» и «Самара в половине XVII в.», а также «Отчет М.Н. Тихомирова обществу археологии, истории и этнографии при Самарском университете о вывозе архива Аксаковых 5 августа 1921 г.». Общий объем книги составил 6,5 п.л. Об издании воспоминаний М.Н. Тихомирова и участии в реализации проекта посвященного памяти своего учителя С.О. Шмидт приводит библиографические сведения в книге пропагандирующей Тихомировские традиции³²³.

Издание воспоминаний академика М.Н. Тихомирова стало одним из стимулов активизации научно-исследовательской работы кафедры российской истории Самарского государственного университета, выступавшей уже в 80-е гг. XX в. в качестве интегратора краеведческих исследований в Самарской области. Активизация краеведческой работы была связана также с возвращением областному центру исторического имени Самара. В 2000 г. было опубликовано 6-ти томное издание «История Самарского края с древнейших времен до наших дней»³²⁴ Как отмечали в рецензии на него уфимские историки «по охвату источников и широте рассмотренных проблем данный труд без сомнения носит энциклопедический характер»³²⁵. Кроме того, как приложение к нему были изданы два тома документов и материалов, ставшие подспорьем для студентов и краеведов в поисковой работе³²⁶.

Один из крупнейших проектов, реализованных самарскими историками — организация и проведение ежегодных научных конференций, посвященных памяти академика С.Ф. Платонова. Сигурд Оттович высоко оценивал участие в этих конференциях молодых историков. В «Предисловии» к первому тому собрания сочинений С.Ф. Платонова он писал: «В Самаре проводятся Всероссийские Платоновские чтения, и в 1997 г. там выпущена медаль с изображением ученого»³²⁷.

А в докладе на юбилейной конференции, посвященной 150-летию С.Ф. Платонова Сигурд Оттович подчеркнул: «В Са-

маре, где скончался высланный туда историк, с 1996 г. в университете проходят ежегодные Платоновские чтения, и одной из улиц города присвоено имя Платонова»³²⁸. Добавлю также о том, что по нашей инициативе 7 июня 2008 г. в парке имени Н.А. Щорса, на территории бывшего Всесвятского кладбища в Самаре был открыт памятник С.Ф. Платонову, на котором начертана надпись: «Светлой памяти великого русского историка профессора Санкт-Петербургского университета академика Сергея Федоровича Платонова. 16. VI. 1860 — 10. I. 1933»³²⁹. Вскоре кинорежиссером В.Бакировым был снят документальный фильм «Академик Платонов в Самаре», получивший высокую оценку научной общественности Москвы, Санкт-Петербурга и Самары³³⁰.

Я вспоминаю наши беседы с Сигурдом Оттовичем во время конференции, посвященной юбилею С.Ф. Платонова. Неожиданно для меня он вспомнил о том, как складывались его взаимоотношения с отцом — знаменитым полярником Отто Юльевичем Шмидтом. Машина времени вдруг внезапно перенесла меня в 30-е годы. И я невольно, благодаря таланту замечательного историка Сигурда Оттовича, вдруг реально увидел панораму повседневной жизни молодежи и интеллигенции 30-х годов. Затем разговор перешел на краеведческие темы. И он вновь, в который раз, подчеркнул необходимость оказания методической и научной помощи учителям — историкам, энтузиастам развития школьного краеведения, мотивируя это тем, что в будущем эта юная поросль пополнит ряды студентов исторических факультетов. И, конечно, мы очень много говорили о М.Н.Тихомирове и С.Ф.Платонове. И он искренне радовался тому, что в городской топонимике Самары представлены имена этих великих русских историков.

Но возвратимся вновь к воспоминаниям М.Н. Тихомирова. В 2004 г. вновь представилась возможность опубликовать эти воспоминания в серии «Классика Самарского краеведения». Данная серия была предпринята в связи со 150-летием создания Самарской губернии по инициативе автора этих строк и профессора Э.Л. Дубмана. В первом выпуске, осуществленном при финансовой поддержке Самарского губернского фонда поддержки общественных инициатив, опубликованы научные труды А.Ф. Леопольдова, К.И. Невоструева, Г.И. Перетяткови-

ча, П.А. Преображенского, П.П. Пекарского, П.А. Матвеева и других историков и краеведов. Редакторы и составители этого издания отмечали в «Предисловии», что «среди публикуемого научного наследия, не побоимся высоких слов, классиков Самарского краеведения, есть разные по своей значимости труды. Есть исследования, которые написаны рукой профессионального историка, есть новеллы, позволяющие воссоздать поэтику повседневной действительности, передать ее живой неповторимый колорит³³¹. В подготовке текстов к публикации и вступительных статей к ним принимали участие Э.Л.Дубман (П.И. Рычков, А.А. Гераклитов, С.В. Бахрушин, Г.И. Перетяткович, К.И. Невоструев, Г.Г. и Н.Г. Чернецовы), А.Н. Завальный (Н.А. Архангельский, П.П. Пекарский, П.К. Попов), Л.В. Храмков (П.А. Преображенский), П.С. Кабытов (А.Ф. Леопольдов, П.А. Матвеев). Таким образом, научные труды историков второй половины XIX – начала XX в. входившие в число раритетов стали доступны для студентов, аспирантов и краеведов. А антология открыла новую серию самарской историко-краеведческой библиотеки.

К 2006 г. воспоминания М.Н. Тихомирова стали библиографической редкостью. Было принято решение предпринять переиздание этого важнейшего источника. Во второй выпуск «Классики самарского краеведения, изданном при финансовой поддержке ОАО «Версиво», редакторы и составители П.С. Кабытов и Э.Л. Дубман включили два раздела: «М.Н. Тихомиров и Самарский край» и «А.А. Гераклитов о Самарском крае в XVII в.». Как отмечали составители, по сравнению с предшествующим изданием самарского наследия М.Н. Тихомирова, «настоящая книга включает в себя ряд новых, ранее нигде не издававшихся работ, написанных рукой историка. К ним относится уникальный комплекс материалов, связанных с деятельностью Михаила Николаевича по спасению ценностей иргизских монастырей: доклад о первой поездке на Иргиз, предисловие из «Описания рукописей Иргизских монастырей» и перечень рукописей из этого «Описания ...», которые были вывезены в Самару»³³². Кроме того были опубликованы «Письмо М.Н. Тихомирова С.А. Хованскому» об обстоятельствах поездки на Иргиз в 1923 г., статья М.Т. Белявского и А.Г. Сукаева, а также новые материалы о М.Н. Тихомирове из

Государственного архива Куйбышевской области. Совокупность включенных в антологию новых материалов позволяет внести коррективы в освещение научной, педагогической деятельности М.Н. Тихомирова и представить масштабы его работы по спасению ценнейших рукописей иргизских монастырей и артефактов семейного архива Аксаковых. Отмечу также и то, что новое издание Тихомировского научного наследия было позитивно воспринято С.О.Шмидтом.

Здесь можно было бы много говорить о прямом и опосредованном воздействии академика С.О. Шмидта на самарское краеведение. Ясно одно, что если сопоставить современное состояние самарского краеведения с послевоенными десятилетиями (а тогда оно едва-едва теплилось), то вторая половина 80-х гг. XX в. и новейший период свидетельствуют о динамичном развитии историко-краеведческих исследований. Отмечу, что помимо антологии «Классика Самарского краеведения» (III — выпуск)³³³, были изданы монографии³³⁴ по истории Самарского губернского земства, истории Самары³³⁵, самарского нотариата³³⁶, истории банковского дела³³⁷. Здесь можно перечислять и перечислять работы профессиональных историков и самарских краеведов, которые свидетельствуют не только о масштабах краеведческой работы, но об ее новых формах.

И, конечно, нельзя не отметить воздействие на региональное краеведение Всероссийских краеведческих чтений, инициатором которых был Сигурд Оттович Шмидт.

Так в кулуарах Всероссийских краеведческих чтений я не раз обсуждал с С.О. Шмидтом перспективы развития исторического краеведения в Самарской области. Я также просил его дать согласие принять участие в документальном фильме о жизни и деятельности М.Н. Тихомирова. Но финансовые трудности не позволили реализовать этот проект. В связи с открытием в Самарском государственном университете аспирантуры по историографии, источниковедению и методике исторических исследований он подписал экспертное заключение и дал ряд ценных методических советов по изучению актуальных проблем по этому научному направлению.

Вновь подчеркну значимость для российского краеведческого сообщества Всероссийских краеведческих чтений, в ходе которых обсуждались актуальные проблемы развития истори-

ческого краеведения, шел оживленный обмен опытом, вспыхивали дискуссии. Сами краеведческие чтения стали не только форумом краеведов, но и общественной институцией, продвигающей в социальную практику опыт и исследования краеведов. А Сигурд Оттович Шмидт, выступал в качестве мудрого учителя — ревнителя исторического «краелюбия» объединяя вокруг себя энтузиастов — краеведов.

* Доклад прочитан на Восьмых Всероссийских краеведческих чтениях в г. Москве. Май 2013 г.

§ 4. Виктор Григорьевич Тюкавкин*

Имя лауреата Государственной премии, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Виктора Григорьевича Тюкавкина широко известно российским историкам, как одного из выдающихся историков-аграрников. Его жизнь и творческая биография отражены на страницах энциклопедий и биографических изданий, вышедших в новейшее время. Как правило, среди авторов статей и очерков преобладают ученики и коллеги Виктора Григорьевича. Особо выделим работы Л.М. Дамешек³³⁸, А.В.Лубкова.³³⁹ Из новейших изданий отметим мемуары доктора исторических наук, профессора А.Ф. Киселева, в которых в разделе «Созидатель» воссоздан портрет В.Г. Тюкавкина и приведены биографические сведения о его жизни в Чите, Иркутске и Москве³⁴⁰. О В.Г. Тюкавкине писал и автор настоящих страниц³⁴¹. Ценные сведения о жизни историка содержатся в ряде статей, опубликованных в энциклопедиях и справочных изданиях Иркутской области³⁴² и Сибири³⁴³. В 2000 г. были опубликованы статьи, в которых освещается творческий путь В.Г. Тюкавкина. Речь идет о публикациях Л.В. Зандановой³⁴⁴, А.Ф. Киселева.³⁴⁵ Сведения о деятельности В.Г. Тюкавкина по сохранению историко-культурного наследия г. Иркутска мы находим в статье Н. Полуниной³⁴⁶, а также в его воспоминаниях о первых шагах Иркутского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры³⁴⁷. Важное значение имеют также его биографические сведения, которые он включил в моно-

графию «Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа». Кроме того, при написании настоящей статьи использованы материалы устной истории – воспоминания доктора экономических наук, профессора Самарского государственного университета Николая Михайловича Тюкавкина³⁴⁸.

Важнейшим источником, позволяющим проследить эволюцию взглядов историка по аграрной истории конца XIX-начала XX в. является его творческое наследие, в состав которого входят его монографии по истории крестьянства Сибири, столыпинской аграрной реформы, а также проблемам историографии и методологии аграрной истории.

Биография В.Г. Тюкавкина распадается на 3 периода. Он родился 31 июля 1928 г. в Забайкалье в селе Александровский завод (в те годы районный центр) Сретенского округа Дальневосточного края. В Википедии указан Читинский округ. Его отец Григорий воспитывался в большой семье. Он был вторым по старшинству. Кроме него в семье было еще три брата и сестра – Прокофий, Иван, Акулина и Александр³⁴⁹. Семейные мифы донесли предания о том, что Тюкавкины вместе с другими переселенцами – русскими людьми прибыли в Забайкалье из Польши, Белоруссии и Украины во второй половине 50-х гг. XVIII в. Позднее В.Г. Тюкавкин указывал, что его отец Григорий Ефремович в 20-х гг. учился в Иркутске на рабфаке и окончил 4 курса юридического факультета. Судьба отца трагична. Он вместе с семьей переехал в 1930 г. в Читу, где в 1941 г. был арестован и реабилитирован лишь в 1955 г. Внезапный арест отца и начавшаяся Великая Отечественная война в буквальном смысле перевернули жизнь семьи Тюкавкиных. Но тринадцатилетний подросток, оказавшийся в экстремальной ситуации выживания, сумел преодолеть жизненные невзгоды.

Уже 30 июня 1941 г. его мобилизовали на сельскохозяйственные работы в колхоз «Светлый путь». Читинского района. В 1942 г. его направили в совхоз «Красный великан». Позднее он вспоминал: «Там я освоил весь цикл работ и познакомился с дореволюционной сельхозтехникой: работал на американских конных сенокосилках и граблях Мак-Кормика и Диринга, крутил веялки Кейтона (в селах их называли «клеветнами»). Профессор РГГУ М.А. Давыдов также пишет о том, что В.Г. Тюкавкин вспоминал, как он работал на «американских» сеялке и

жатке производства еще 1912-1913 гг.³⁵⁰ Не избежал В.Г. Тюкавкин и тяжелой работы на лесозаготовках в лесхозе «Ингодинский» (1943 г.). Зимой он приобретал знания на школьной скамье. Одновременно он осваивал типографские работы, что не мешало ему учиться на отлично. И вот наступил завершающий год учебы в школе. Он претендовал на золотую медаль, что могло вызвать недовольство со стороны властных структур. Администрация школы лихорадочно искала выход из этого положения. И на выпускном экзамене по русскому языку ему поставили четверку. «Награждать золотой медалью за успехи в учебе сына репрессированного сочли опасным для школы, и Виктор довольствовался аттестатом с отличием»³⁵¹.

Несмотря на то, что над В.Г. Тюкавкиным как дамоклов меч висело клеймо сына репрессированного отца, тем не менее, он принял решение продолжить учебу. И даже в тех сложнейших жизненных ситуациях необходимы были воля, выдержка и вера в то, что можно преодолеть все преграды на жизненном пути.

В 1947 г. завершился читинский период и В.Г. Тюкавкин принимает решение поступать на исторический факультет Иркутского государственного педагогического института. На собеседовании с секретарем приемной комиссии Г.С. Мальцевым он дал правдивый ответ на вопрос об отце. «Я сказал, что мой отец, арестован, и он достал какую-то анкету и сделал там пометку (впоследствии это спасло меня от исключения из комсомола и из университета), — писал он позднее в своем дневнике»³⁵².

Как бы там ни было, но уже в сентябре 1947 г. В.Г. Тюкавкин стал студентом Иркутского государственного пединститута. Жизнь в Иркутске принимала другие очертания. Помимо повседневных работ связанных с учебой он не мог не восхищаться архитектурными комплексами города, его зеленым нарядом: но более всего восхищала Ангара, которая в его представлении выступала в качестве величавой красавицы, несущей свои чистейшие воды в реку Енисей.

В биографической литературе отмечено, что В.Г. Тюкавкин выделялся среди других студентов. Он стремился вникнуть в суть научных проблем и уже на студенческой скамье он планировал поступать в аспирантуру. Но эти планы в условиях куль-

та личности Сталина были не сбыточны. В связи с тем, что ему отказали в приеме в аспирантуру, В.Г. Тюкавкину предстояло сделать выбор вектора своей деятельности. Но вот наступил 1953 г. Смерть вождя народов изменила ситуацию, как в обществе, так и в высшей школе. Виктор Григорьевич поступает в аспирантуру. Ему утвердили научного руководителя родоначальника сибирской школы историков Всеволода Ивановича Дулова, который специализировался по истории Восточной Сибири и сибирского крестьянства второй половины XIX – начала XX вв. В Г. Тюкавкин избрал в качестве темы кандидатской диссертации «Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской реформы». Выбор темы был не случаен. Во второй половине 40-х гг. XX в. интерес к столыпинской аграрной реформе усилился. Заметно возросло количество защищенных кандидатских диссертаций, в которых была предпринята попытка дать анализ всех направлений реформы и показать причины ее так называемого «краха». Конечно, многие авторы, изучая эту проблему, традиционно оставались в плену тех концептуальных представлений, которые были сформулированы в работах вождя большевистской партии В.И. Ленина и зафиксированы в сталинском «Кратком курсе истории ВКП (б)». Диссертация В.Г. Тюкавкина была написана в условиях первой советской оттепели, что не могло не повлиять на мировоззрение молодого историка. На ход научной работы оказало воздействие реабилитация в 1955 г. отца В.Г. Тюкавкина. Диссертантом была скрупулезно изучена историография проблемы, выявлены и введены в научный оборот материалы Российского (Центрального) государственного исторического архива, госархивов Красноярска и Иркутска, что позволило В.Г. Тюкавкину представить оригинальное научное исследование. Вместе с тем в нем органично сочетаются традиционные представления и в тоже время появились новые подходы в оценке итогов новой имперской аграрной политики.

В.Г. Тюкавкин изучал эту проблему около 6 лет, так как в 1954 г. он был избран ассистентом, а затем старшим преподавателем кафедры истории педагогического института. Работа над диссертацией была завершена в 1958 г. и представлена в диссертационный совет Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Обосновывая актуальность и научно-

практическую значимость изучаемой проблемы, В.Г. Тюкавкин акцентирует внимание на том, что его исследование «имеет большое значение и помогает более правильному пониманию таких важнейших проблем, как развитие капитализма вширь, столыпинской аграрной реформы...»³⁵³ и освоение Восточной Сибири русским крестьянством. При этом он приводит данные о переселении, которые свидетельствуют о том, что за 300 лет русское население Азиатской России достигло 4,5 млн. чел., а за 9 лет перед Первой мировой войной в нее переселилось 2,5 млн. чел., что было связано с реализацией столыпинской аграрной реформы. И далее следовал вывод: «Без конкретного рассмотрения переселения крестьян на окраины нельзя изучать аграрную реформу в целом»³⁵⁴.

Весьма предствительно выглядит историографический обзор, в котором показаны достижения предшественников и акцентируется внимание на дискуссионных вопросах и проблемах в изучении темы исследования. Конечно, здесь не обошлось без комплиментарных высказываний в адрес «гениальных произведений В.И. Ленина». Но это было общим явлением для всех советских историков, начиная с академиков и кончая аспирантами. Эти ссылки на вождя носили ритуальный характер. Пожалуй, новым является то, что В.Г. Тюкавкин выявил факторы, влиявшие на ход и темпы переселения крестьян в Восточную Сибирь. Традиционно в духе советской историографии отмечается воздействие пережитков крепостничества в сельском хозяйстве губерний Европейской России. К числу пережитков он относит: сохранение помещичьего землевладения, отработки, кабалу и сельскую поземельную общину. В качестве важного фактора указывается курс имперского правительства на разрушение сельской общины, что вызвало переселение крестьян в Сибирь на свободные земли. Новым было то, что автор диссертации выдвигает тезис о влиянии циклов в развитии капиталистического производства, а также приливов и отливов революционного движения в России. Несомненно, воздействовали и изменившаяся переселенческая политика правительства и весь комплекс мероприятий проводившейся правительством П.А. Столыпина в 1906-1911 гг. В.Г. Тюкавкин установил, что в Восточную Сибирь переселялись «в основном

бедняки, имевшие от 3 до 8 десятин на двор»³⁵⁵. По его мнению, это были средние слои бедняков.

В диссертации дан анализ правительственной политики, основное содержание которой сводилось после 1906 г. к отказу от ограничений и всемерному поощрению крестьян к переселению в восточные районы империи.

Анализ статистических данных позволил диссертанту в полной мере раскрыть динамику переселения крестьян в районы Восточной Сибири и выявить подъемы и спады в миграции. Так, если в 1906-1909 гг. произошел рост переселения, то в 1910-1911 г. поток переселенцев снизился в два раза, что было вызвано с оживлением революционного движения и далее традиционно говорится о том, что этот спад связан с «крахом столыпинской реформы».³⁵⁶ Но голод 1911 г. в Поволжье вызвал новую волну переселенцев.

Достаточно полно говорится о правительственных мероприятиях по организации переселения крестьян. В том числе о создании 3-х переселенческих районов Енисейского, Иркутского и Забайкальского, в которых функционировали более 20 подрайонов. Эти органы были призваны заниматься устройством переселенцев, организацией землеустроительных работ, строительством социальной инфраструктуры – дорог, школ, больниц; оказанием агрономической помощи населению. Эти мероприятия стали «большим шагом вперед по сравнению с предыдущим периодом»³⁵⁷. Но дефицит денежных средств в имперской казне стал тормозом в организации этих мероприятий в широких масштабах.

Не обойдена вниманием В.Г. Тюкавкина «Записка» П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина о поездке в Сибирь и Поволжье, в которой авторы ставили цель «распространения на окраины столыпинской реформы и перейти от общинного землевладения к частному, чтобы усилить кулачество...»³⁵⁸. Далее он приводит данные о количестве хуторов и отрубков – 8,5 тыс., в распоряжении которых находилось 340 тыс. дес. земли, а затем о количестве обратных переселенцев. Возвратилось из Сибири в 1906-1911 гг. 25 тыс. чел., или 10,6 % всех переселенцев, в 1911-1915 гг. – 28 тыс. чел. или 22,4 %. А далее следовал вывод: «значит новый курс не принес ожидаемых результатов. Переселенческая политика потерпела крах».³⁵⁹

Но этот вывод явно диссонирует с другими выводами и наблюдениями, которые сформулировал В.Г. Тюкавкин в третьей главе диссертации, где он приводит данные о том, что в годы реализации столыпинской аграрной реформы в Восточную Сибирь переселилось 338 тыс. чел. В этот период население региона увеличилось на 420-430 тыс. чел., или более чем на 20 %.³⁶⁰

Прибывшие в Сибирь крестьяне селились по обе стороны транссибирской железной дороги; в регионе возникло более тысячи новых сел, в том числе в Енисейской губернии – 700, Иркутской – 300. Введено в хозяйственный оборот 100 тыс. десятин земли, на которых высевались лен, кукуруза, конопля. Стали развиваться пчеловодство и садоводство.

Особое значение приобретает в то время вывод автора о прогрессивном значении реализации переселенческой политики, особенно в связи с освоением Советским Союзом целинных земель в Казахстане, Алтае и Сибири. В.Г. Тюкавкин обоснованно считает, что переселение крестьян в Сибирь стимулировало развитие производительных сил и капиталистических отношений в Сибири, что существенно повысило роль Сибири в модернизации экономики России. Он приводит сведения о том, что в начале XX в. транссибирская магистраль была убыточной, а в 1910-1912 гг. она едва стала справляться с транспортировкой в Европейскую Россию на экспорт зерна, мяса, масла и дала в фонд России в 1912 г. 13,4 млн. руб. Сибирь стала крупным поставщиком сельскохозяйственных продуктов на внутренний и внешний рынки.³⁶¹

Диссертацию В.Г. Тюкавкин защитил в то время, когда в российской аграрной историографии стали пробивать себе дорогу новые тенденции. И они отчетливо проявились как в содержании исследования, так и в выводах сибирского историка. Историографическая ситуация стала резко меняться в 60-х гг. XX в., когда вспыхнули дискуссии о характере аграрного строя России, о многоукладности экономики России и мелкотоварном производстве³⁶². Особо отметим воздействие на историков концептуальных воззрений представителей нового направления в советской историографии А.М. Анфимова, К.Н. Тарновского, М.Я. Гефтера, П.В. Волубаева, чьи исследования будировали в 60-е гг. научную мысль историков-аграрников. «Важную роль в координации научных исследований сыграл Аграр-

ный симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, который многие годы проводился Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства»³⁶³.

В.Г. Тюкавкин чутко улавливал изменения, происходящие в аграрной историографии. Несомненно, на выбор темы докторской диссертации оказали влияние многие факторы. В 60-е гг. он стал принимать активное участие в научных конференциях, которые проводились в вузах Сибири. Он также участвовал в работе сессий Аграрного симпозиума, что позволило установить научные контакты с ведущими историками страны. В 1958 г. он опубликовал статью в таком престижном издании как «Научные доклады высшей школы»³⁶⁴.

И все же подчеркну значение для становления историка работы над кандидатской диссертацией, которая позволила существенно расширить горизонты видения научных проблем, а историографическая ситуация 60-х гг. вольно или невольно определила вектор его дальнейших исследований. Отметим также и то, что именно в этот период резко возрос интерес к изучению истории Сибири, что было обусловлено той ролью Сибири и Дальнего Востока, которую они стали играть в модернизации экономического потенциала Советского Союза.

Эти и другие факторы предопределили выбор темы докторской диссертации, над которой он работал восемь лет. В эти годы он резко активизировал работу по выявлению документальных источников и материалов в государственных архивах Иркутска, Красноярска, Читы, Новосибирска, Томска и Омска. Существенно прирос комплекс источников за счет материалов, выявленных в фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне ГАРФ), Центрального государственного архива народного хозяйства (ныне РГАНХ) и конечно, документов Центрального государственного исторического архива. Не были обойдены им документальные публикации, статистические сборники, издававшиеся Центральным статистическим и губернскими комитетами. Он детально изучил дореволюционную научную литературу, а также труды сибирских историков Р.Ф. Складорова, В.А. Степынина, Н.П. Малахинова, В.И. Дулова, Л.М. Горюшкина, И.А. Асалханова и др. Позднее в докторской диссертации он отмечает общий недостаток, характерный для исследователей Сибири – недоста-

точный учет особенностей развития страны, механическое перенесение условий и форм развития капитализма в центральных губерниях на Сибирь³⁶⁵. Он также тщательно разобрался в перипитиях научных дискуссий 60-х гг.³⁶⁶ Работа археографа, источниковеда и историографа создавала условия для формирования новых концептуальных представлений по истории сельского хозяйства и крестьянства Сибири.

Активность историк проявил и в ходе апробации своих исследований. По теме докторской диссертации он опубликовал 15 научных трудов, в том числе в «Вопросах истории» (1964 № 4 в соавторстве с В.И. Дуловым), в научных изданиях Томска, Новосибирска, Иркутска, Владивостока, Омска; в материалах сессий Аграрного симпозиума, состоявших в Москве и Кичинево. Кроме того, перу В.Г. Тюкавкина принадлежат X, XI, и XIII главы, опубликованные в третьем томе «Истории Сибири».

Диссертация была представлена к защите в 1966 г. в диссертационный совет при Институте истории АН СССР.³⁶⁷ Этому предшествовало издание монографии, в которой была представлена яркая панорама эволюции сибирской деревни в начале XX в.³⁶⁸ В качестве официальных оппонентов на защите докторской диссертации выступали А.М. Анфимов и С.М. Дубровский.

Остановимся на наиболее существенных результатах исследования В.Г. Тюкавкина. Изучая поставленные в диссертационном исследовании проблемы, В.Г. Тюкавкин исходил из того, что сибирская деревня является частью аграрного сектора экономики России, в которой проявлялось действие общих законов развития капитализма. А само сельское хозяйство претерпевало значительные изменения «под воздействием всего капиталистического рынка страны и международного капитала»³⁶⁹. Актуальность проблемы возрастает в связи с ее недостаточной научной разработкой, а также необходимостью анализа особенностей развития аграрного капитализма на окраинах Российской империи. Поэтому в исследовании был сделан акцент на изучении процесса формирования капиталистического рынка, выявлении места и роли аграрного капитализма в производстве сельскохозяйственной продукции, поступавшей в больших объемах на российский и внешний рынки.

В центре внимания оказались и такие проблемы как землевладение и землепользование, разложение крестьянства и формирование крупных капиталистических хозяйств, усиление хозяйственной специализации и воздействие на крестьянство финансовой инфраструктуры и кооперации.

В отличие от кандидатской диссертации автор рассматривает проблему эволюции сельского хозяйства и крестьянства на материалах Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, а также Акмолинской и Забайкальской областей. Сравнительно-сопоставительный метод, используемый В.Г. Тюкавкиным дал возможность выявить общее и особенное в развитии капитализма в земледелии и в метрополии, и в Сибири. Доказано, что обеспеченность землей крестьян Сибири была выше, чем в Европейской России – по величине земельного надела в 5-6 раз, по пашне в 2 раза, посевной площади в 4 раза, сенокосных угодий у сибирских крестьян было в 6 раз больше, пастбищ в 30 раз. Но и здесь в сельском хозяйстве преобладали экстенсивные методы³⁷⁰.

В диссертации раскрыты особенности землевладения в Сибири – прежде всего наличие государственной и кабинетской форм собственности. Специфика состояла и в отсутствии помещичьего и надельного землевладения. Большое распространение получило захватное землевладение, которое имело много общих черт с захватом земель на западе США. Вместе с тем он отмечает отличие сибирской ситуации от американской: в США оно регулировалось демократическим государством, а в Сибири полукрепостническим³⁷¹.

Приведены данные о реализации закона 1901 г., реализация которого потерпела полный крах. Насадить помещичью собственность в Сибири не удалось. А законопроект о введении частной собственности крестьян на землю разработанный правительством застрял в комиссиях Государственной Думы.

В.Г. Тюкавкиным выявлены особенности социального расслоения сибирского крестьянства в начале XX в. Суть их состояла в том, что здесь удельный вес зажиточных крестьян колебался от 14 до 32 %, а беднейшие слои составляли от 30 до 60 %. Отмечена и другая особенность связанная с тем, что процесс разорения крестьян характерен был не только в среде старожилых крестьянства, но и в том, что удельный вес бедноты

пополнялся за счет расслоения переселенцев и ссыльнопоселенцев³⁷².

В сибирской деревне были представлены сельская буржуазия и сельский пролетариат, численность которого доходила до 370 тыс. чел., кроме того в капиталистическом земледелии было занято более 400 тыс. полупролетариев. В сибирской деревне возник рынок наемной рабочей силы.

В.Г. Тюкавкиным поставлена и успешно решена проблема развития в сибирской деревне торгового земледелия, которое внесло существенные коррективы в специализацию районов, увеличения удельного веса посевов пшеницы, развития животноводства. Подчеркнута роль транссибирской магистрали, которая стала важнейшей артерией, доставлявшей в Сибирь сельскохозяйственную технику и машины (он отмечает деятельность Американской компании жатвенных машин) и вывоз сельскохозяйственной продукции в Европейскую Россию и за границу.

Актуальное значение для советской историографии имел вывод В.Г. Тюкавкина о том, что в 1906-1910 гг. по железной дороге из Сибири ежегодно вывозилось до 93 млн. пудов зерна, а в торговле хлебом принимали участие крупные монополии и компании, в том числе концерн «Иван Стахеев и К^о». Значение Сибири как крупной житницы страны особенно возросло в годы Первой мировой войны. К 1917 г. Сибирь стала производить шестую часть (до войны менее 10-й части) всех хлебов, обогнав Северный Кавказ и Украину³⁷³.

Впечатляют данные приведенные В.Г. Тюкавкиным о развитии торгового скотоводства и сибирского маслоделия. Удельный вес вывозимого масла на внешний рынок из Сибири составил 90 % всего экспорта России. Только в 1913 г. было вывезено 6 млн. пудов сибирского масла, в производстве которого было занято свыше 3 тыс. кооперативов³⁷⁴.

Так же обстоятельно дан анализ развития сибирской кооперации. Выделены три этапа в ее развитии и доказано, что денежно-торговый кооперативный капитал «разрушал первобытные формы кабалы и личной зависимости и подготавливал обобществление средств производства и обмена, сохранял капиталистическое присвоение и распределение прибылей»³⁷⁵. Развитые формы кооперации, представляя кредиты и обеспечивая

сбыт продукции, подготавливали основу для перехода к крупному капиталистическому производству в маслоделии.

Несомненен вклад В.Г. Тюкавкина в дискуссию о характере аграрного строя России, направлениях и темпах аграрно-капиталистической эволюции. По мнению историка, в Сибири сложились лишь элементы класса фермеров. Борьба сибирского крестьянства в целом шла за то, чтобы убрать препятствие, прежде всего, царизм и «помещиков»³⁷⁶ центра с пути эволюции крестьянско-буржуазного типа. Важное значение имел и другой теоретический вывод сибирского историка «Тип аграрного капитализма нельзя путать с уровнем развития капитализма, так как последний зависит не только от типа эволюции, но и от конкретно-исторических условий, от того на какой стадии находится это развитие»³⁷⁷.

Конечно, в условиях второй половины 60-х гг. ознаменовавший поворот в советской историографии к ленинско-сталинской концепции Великой российской революции В.Г. Тюкавкин в своей докторской диссертации сформулировал вывод о преобладании частнокапиталистического мелкобуржуазного уклада в деревне. Далее, он говорит о сравнительно низком удельном весе крупных капиталистических хозяйств и тут же противореча своим выводам пишет о том, что эти хозяйства производили 60 % зерновых культур и 50 % продуктов животноводства. И все же новым в историографии был вывод о том, что аграрный строй в сибирской деревне еще не сложился в окончательном классическом виде.

Эти концептуальные построения позднее были развиты и дополнены В.Г. Тюкавкиным в ряде обобщающих работ по истории Сибири. Но, несомненно, одно. Дискуссия на защите докторской диссертации, в ходе которой В.Г. Тюкавкин аргументировано обосновывал свою концепцию показала, что им представлено к защите оригинальное исследование, в котором в полной мере были сформулированы новаторские идеи сибирского историка, воспринятые позитивно научным сообществом страны.

Защита докторской диссертации придала новый импульс научной и общественной деятельности В.Г. Тюкавкина. Вскоре он был избран заведующим кафедрой истории, сменив на этой должности своего учителя профессора В.И. Дулова. Он прини-

мает активное участие в защите уникальных архитектурных комплексов Иркутска – Спасской церкви и собора Богоявления и вместе с директором художественного музея А.Д. Фатьяновым направляет в Москву телеграмму, в которой обосновывает необходимость сохранения этих шедевров русской архитектуры. Его активная позиция получила поддержку городского сообщества и с 1967 по 1974 гг. он возглавляет Президиум Иркутского областного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Биограф В.Г. Тюкавкина А.Ф. Киселев за его подвижничество в деле сохранения и реставрации памятников по праву именует сибирского историка создателем. В центре его внимания оказались здания связанные с именами декабристов. Но предоставим слово В.Г. Тюкавкину, который перед отъездом в Москву оставил такую запись в дневнике: «...завершены полностью работы по реставрации Спасской церкви, дома Трубецкого, внешнего облика Собора Богоявления...»³⁷⁸. Как видим его труды оставили зримые следы в историко-культурном пространстве Иркутска.

Его исследовательское поле во второй половине 60-х – первой половине 70-х гг. существенно расширилось. Он принимает участие в редактировании очерков истории Сибири³⁷⁹. Совместно с В.Н. Пановым издает учебное пособие по краеведению для учащихся 7-10 классов средней школы³⁸⁰. Он также редактировал сборник «Комсомолия Прибайкалья».

Здесь можно было бы указать и другие историографические факты, связанные с творчеством В.Г. Тюкавкина, который прошел в Иркутском государственном педагогическом институте все ступени от студента до ассистента, доцента, профессора, заведующего кафедрой. Органичное сочетание педагогической, научной и общественной деятельности выделяли его среди историков Сибири. Он сумел преодолеть все невзгоды и препятствия на своем пути. Его целеустремленность и научное предвидение стали решающими факторами в становлении его как ученого. Сибирский период стал стартовой площадкой для становления Тюкавкина как одного из лидеров российской аграрной школы историков. Заслуги историка были отмечены в его родном вузе. Его имя внесено в список выдающихся выпускников исторического факультета, а 24 апреля 2008 г. на корпусе университета по ул. Сухе Батора, 9 установлена мемориаль-

ная доска из черного долерита с фотопортретом и текстом. «В этом здании в 1954-1974 гг. работал заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор Виктор Григорьевич Тюкавкин (1928-2002 гг.)».

В 1974 г. В.Г. Тюкавкин переезжает в Москву. Он был приглашен в Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина заведующим кафедрой истории СССР профессором Д.С. Бабуриным. В кратчайшие сроки он вошел в коллектив кафедры исторического факультета. Об этом подробно повествует в своих мемуарах А.Ф. Киселев. Он рассказывает о впечатлении от доклада В.Г. Тюкавкина, с которым он выступил на одном из заседаний кафедры. Им были высказаны идеи вызвавшие дискуссию. Мемуарист замечает: «...стало очевидно, что коллектив кафедры пополнился талантливым ученым и педагогом с фундаментальной общегуманитарной и специальной подготовкой, умеющим аргументировано и корректно отстаивать собственные научные взгляды»³⁸¹.

Уже в 1976 г. В.Г. Тюкавкин был избран на должность заведующего кафедрой. Отмечу, что в московский период педагогическая, научная и общественная деятельность приобрела новые очертания и масштабы. Как известно, существуют критерии оценки деятельности ученых. В.Г. Тюкавкин опубликовал свыше 100 научных работ. Много это, или мало? На этот вопрос сложно ответить. Но если говорить о вкладе В.Г. Тюкавкина в российскую аграрную историографию, то несомненен его вклад в изучение истории Сибири, в том числе в написании и издании многотомного коллективного издания. Как мы помним им были написаны и защищены кандидатская и докторская диссертации по истории сибирского крестьянства. К этому добавим его участие в издании третьего тома «Истории крестьянства Сибири». И все же исподволь В.Г. Тюкавкин продолжал работать над своей главной проблемой — он, как и прежде, изучал историю великорусского крестьянства и столыпинскую аграрную реформу. Свидетельства этого мы находим в списке его научных работ.

Так в 1980 г. он выступил в Воронеже с докладом о влиянии столыпинской аграрной реформы на правовое и социально-политическое положение крестьянства на XVIII сессии симпозиума по изучению аграрной истории, в котором он сформули-

ровал вывод о расширении прав крестьян как юридических лиц и изменении их социально-политического положения. В его выводах и в это время сохранялись традиционные представления, характерные для советской историографии 80-х гг. XX в. В частности историк считал, что влияние реформы и не только в центре, но и на окраинах на социально-политическое и правовое положение крестьянства носило те же черты непоследовательности, половинчатости, ограниченности, что и реформ 60-70-х гг. XIX в.»³⁸².

В рамках традиционных доктринальных установок дан анализ ленинского наследия о трех российских революциях, который содержится в учебном пособии по спецкурсу для студентов исторических факультетов. Его авторы В.Г. Тюкавкин и Э.М. Шагин значительное внимание уделили не только анализу ленинского наследия, но и дали содержательную критику дискуссионных проблем аграрной истории начала XX в.³⁸³ В этом издании помимо обзора историографии (собственно ленинских произведений) работ, вышедших в 60-е — первой половине 80-х гг., авторы обращают внимание на методологические вопросы аграрной истории. Особое значение имеет вывод авторов о факторах, влиявших на формирование разных концепций по аграрной истории начала XX в. «Существование разных точек зрения, — пишут авторы, — обычно объясняется недостаточной изученностью данного вопроса, недостатком необходимых исторических источников, связано с диалектической противоречивостью многих процессов»³⁸⁴ И, конечно, они уделили внимание таким ключевым проблемам как проблема уровня развития аграрного капитализма, а также разработке В.И. Лениным стратегических вопросов революционного движения. Авторы выявляют сущность прусского и американского пути аграрной эволюции, но вместе с тем вслед за Л. Сидоровым говорят, что можно выделить и русский путь развития аграрного капитализма, мотивируя это тем, что «в каждой стране были свои черты, особые условия сочетания общего и особенного, и в этом смысле можно выделить много различных типов, по числу форм землевладения или по другим признакам»³⁸⁵.

Важное значение имеет вывод о том, что в Сибири «сельское хозяйство развивалось по американскому пути»³⁸⁶. Вновь констатируется, что попытки насадить помещиков в Сибири

закончилось крахом»³⁸⁷ и подчеркивается тормозящая роль царизма, которая сдерживала темпы развития аграрного капитализма.

Что касается оценок столыпинской аграрной реформы, то и в этой книге они не претерпели значительных изменений. Вновь отдана дань традициям советской историографии. Вслед за В.И. Лениным авторы учебного пособия считают, что П.А. Столыпин заменил принцип постепенного перехода земель в руки крестьян «крутой беспощадной ломкой общины»³⁸⁸. А подводя итоги реформирования российской деревни они полагали, что реформистский путь «исчерпал себя через несколько лет проведения столыпинской реформы, которая вызвала сильное сопротивление крестьянства, что привело ее к краху»³⁸⁹.

Новые подходы в оценке столыпинской реформы наметились в период перестройки. В 1987 г. В.Г. Тюкавкин и Э.М. Шагин опубликовали книгу для учителя, которая генетически связана со спецкурсом «В.И. Ленин о трех российских революциях»³⁹⁰. Книга начинается с главы «Ленинская концепция для аграрно-крестьянского вопроса в буржуазно-демократической революции», которая носит теоретический характер. В ней помимо вопросов теории, рассмотрена историография проблемы. Здесь же даны методические рекомендации учителям. В этом издании наряду с традиционными оценками наметились новые подходы. Так, анализируя процесс разрушения сельской общины, авторы вновь повторяют тезис о крахе столыпинской реформы, но вслед за этим считают, что выдел «четверти дворов из общин нельзя считать незначительным — реформа представляла определенный шаг по пути капиталистического развития»³⁹¹.

Так же неоднозначно оценивается процесс насаждения хуторов и отрубов: «...эта цель столыпинской реформы не была достигнута, хотя здесь был сделан значительный шаг в направлении усиления и расширения кулацкой прослойки»³⁹². Анализируя переселенческую политику имперского правительства, авторы использовали многофакторный подход. Ими выявлены причины роста переселения крестьян в период столыпинской реформы, что объясняется общими и временными факторами, а также комплексом правительственных мер по организации переселения. И вновь авторы делают вывод о крахе столыпин-

ской аграрной политики в процессе насаждения хуторов и отрубов. И далее они приводят статистические данные о росте населения в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке, что позволило освоить более 30 млн. дес. земли и увеличить производство зерновых хлебов на 60-80 млн. пудов³⁹³. А потому диссонансом звучит вывод о том, что «цели переселенческой политики не были достигнуты»³⁹⁴.

И, конечно, нельзя обойти и раздел, в котором в традиционном ключе рассмотрены причины краха столыпинской аграрной реформы. «Причин было несколько: противодействие крестьянства, недостаток выделяемых средств на землеустройство и переселение, плохая организация землеустроительных работ и устройства новоселов в Сибири, подъем рабочего движения в 1910-1914 гг. Но главное из них было революционное сопротивление крестьянства проведению новой аграрной политики»³⁹⁵.

Ситуация в российской историографии существенно стала меняться во второй половине 80-х гг. Уже в это время В.Г. Тюкавкин приступил к написанию монографии, в которой по новому освещались многие проблемы аграрной истории начала XX века. Им были пересмотрены многие оценки реформаторской деятельности П.А. Столыпина и значения столыпинской аграрной реформы как одного из факторов ускоряющих темпы развития сельского хозяйства России. В этой связи, значительный интерес представляет «Предисловие», которое написал В.Г. Тюкавкин к книге К.А. Кривошеина, в которой воссоздан портрет одного из выдающихся политических деятелей Российской империи Александра Васильевича Кривошеина³⁹⁶. Уже на первой странице «Предисловия» историк показывает причины, по которым имя этого реформатора было скрыто от народа. Одна из причин «безликость» нашей литературы по истории вообще, от которой мы начинаем избавляться только в последнее время»³⁹⁷. Историк иначе, чем прежде оценивает реформаторскую деятельность П.А.Столыпина. «Сам Столыпин свою политику называл проведением равнодействующей линии»³⁹⁸. По новому В.Г. Тюкавкин раскрывает причины изменения правительственной политики по аграрному вопросу. Имперское правительство перешло от политики сохранения сельской общины, к ее разрушению. Он обращает внимание на

мотивацию такого крутого поворота: «и тут мысли многих чиновников обратились к крестьянской общине. Именно община фигурировала во всех правительственных проектах, но варианты были разными»³⁹⁹. По-новому характеризуется и сельская община. В.Г. Тюкавкин, казалось бы, при ее характеристике опирается на ленинские постулаты, но вместе с тем в его оценке есть и новеллы: «...с экономической точки зрения община к концу века уже себя изжила, по крайней мере в тех российских условиях». И далее он пишет: «(Последнее замечание приходится добавить, исходя уже из новейшего опыта я понял, где община смогла стать организацией самого передового производства и имеет ряд преимуществ перед частными хозяйствами). [Но и наша община могла бы трансформироваться при условии эволюционного развития аграрного строя. — П.К.]. Русская община тогда была слишком громоздкой для создания совместного производства, слишком консервативной для введения новых технологий, и низок был общий уровень механизации»⁴⁰⁰. Казалось бы, можно согласиться с этими выводами В.Г.Тюкавкина, но они скорее характеризуют общину Европейской России, хотя и в ней замедленными темпами пробивали дорогу ростки нового. И все же жесткая регламентация, чересполосица, дальнотемелье тормозили введение в хозяйственную практику новых агроприемов.

В «Предисловии» показана значимость Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. под руководством С.Ю. Витте, которое он характеризует как «первый практический шаг к осуществлению новой крестьянской реформы». Четко охарактеризованы разные подходы в проектах Витте. На Особом совещании были определены основные положения столыпинской реформы, но Витте «выступал» за полную добровольность выхода из общины»⁴⁰¹. Большое внимание В.Г. Тюкавкин уделяет проекту Кутлера, который кроме разрушения общины предусматривал создание земельного фонда «за счет государственных, монастырских, удельных земель и частично отчуждения...земель помещиков»⁴⁰². Проект был негативно воспринят участниками совещания. Также отмечена роль комиссии под руководством начальника земского отдела

В.И. Гурко, который принял участие в разработке Указа 9 ноября 1906 г. о выходе крестьян из общины⁴⁰³.

В.Г. Тюкавкин вносит ясность, почему новая аграрная реформа стала называться столыпинской: «почти все ее положения были разработаны до его [Столыпина – П.К.] прихода в правительство»⁴⁰⁴. Он дает четкий ответ на этот вопрос. «Лишь один Столыпин своей железной волей и решительностью смог объединить усилия министров и решился на проведение реформы до созыва второй Думы, хотя против этого высказалось большинство Государственного Совета и часть министров...»⁴⁰⁵.

Венчает «Предисловие» вывод о том, что реализация столыпинской аграрной реформы способствовала подведению «нового, более прочного фундамента под российское государство, российскую деревню, под здание всей России со всеми ее народами»⁴⁰⁶. Как видим, историк стал пересматривать свои взгляды по многим проблемам аграрной истории начала XX века. Ему удалось преодолеть революционный романтизм, который инерционно транслировался из десятилетия в десятилетие в советской историографии, опиравшейся на марксистско-ленинскую методологию. И в этой связи особое звучание приобретает его заключительный вывод: «...попытка решения аграрного вопроса, хотя бы и не самым быстрым способом, но все же путем мирных реформ без революции и кровопролитнейшей гражданской войны, которая неизбежно последовала за революцией, была явлением прогрессивным»⁴⁰⁷.

Эти новые концептуальные положения во многом определили пафос и содержание его итоговой монографии⁴⁰⁸. Сибирский период стал своего рода плацдармом для становления мировоззрения историка. Работа над кандидатской, а затем докторской диссертациями во многом определили направление его научной работы, которая вышла за рамки такого крупнейшего региона России как Сибирь. Изменилось не только географическое пространство, но и во многом под воздействием происходивших в Советском Союзе событий, менялось и его мировоззрение. Историк по новому стал оценивать события начала XX в. Во многом формированию новых концептуальных представлений способствовали дискуссии, которые возникали как в ходе защиты В.Г.Тюкавкиным докторской диссертации, так и на научных сессиях Аграрного Симпозиума. Но предоставим

слово В.Г. Тюкавкину: «В Оргкомитете Аграрного Симпозиума и на его многочисленных конференциях я работал совместно с известными историками-аграрниками: академиком Н.Д. Ковальченко, академиком Л.В. Миловым, докторами исторических наук В.К. Яцунским, А.В. Фадеевым, А.М. Анфимовым, Э.М. Шагиным, Н.Б., Селунской, старшим научным сотрудником М.С. Симоновой и другими. Их замечания по моим докладам, беседы и споры с ними, особенно горячие дискуссии с моим вечным оппонентом А.М. Анфимовым, помогли мне заметить недостаточную аргументацию некоторых положений...»⁴⁰⁹.

Историк также отмечает значение бесед по проблемам истории крестьянства с С.М. Дубровским, который «обратил мое внимание на необходимость дальнейшей разработки проблем реформирования деревни в начале XX в.»⁴¹⁰.

Монографию предваряет предисловие «От автора», в котором историк приводит важнейшие для историографа сведения о том, когда собственно началась работа над монографией: «после переезда в Москву с 1974 г. стал заниматься исследованием русского крестьянства всей России. Много времени собирал материалы в Центральных и местных архивах, в книгохранилищах»⁴¹¹. Итак, в центре исследования великорусское крестьянство начала XX в., изучение которого ведется в тесной взаимосвязи с реализацией столыпинской аграрной реформы. Поэтому историк в качестве главной проблемы видит «проблему соотношения крестьянства и власти, способов реформирования деревни, влияния реформы на положение крестьянства и крестьянское хозяйство»⁴¹².

Во «Введении» дан обстоятельный анализ научной литературы. По новому оцениваются труды авторов политико-экономического направления – представителей политических партий и политических направлений, на основе которых разрабатывались аграрные программы партий. Речь идет о работах В.И. Ленина, В.М. Чернова, С.Л. Маслова, Н.Н. Суханов-Гимера, А.А. Кауфмана, А.В. Пешехонова и др. В.Г. Тюкавкин отмечает характерную черту этой литературы: «политизированность и идеологизированность была свойственна в той или иной мере не только большевикам, но и всем партийным авторам»⁴¹³. Отмечен и такой позитивный момент. Многопартийная литература способствовала возникновению дискуссий, хотя чаще всего

они носили схоластический характер. Подверг острой критике историк авторов публицистических статей и материалов, которые явно враждебно относились к верховной власти страны, к министрам и губернаторам. Ничем не прикрытая «ненависть и отрицательное отношение к самодержавию распространялись на всю российскую государственность»⁴¹⁴. И в этом большая вина лежит на интеллигенции, которая распространяя антиправительственные и антигосударственные настроения дестабилизировала ситуацию в России, подталкивая страну к очередной смуте. В этой связи историк акцентирует внимание читателя на отношении П.Б. Струве, Н.А. Бердяева, А.И. Солженицына к такой позиции российской интеллигенции⁴¹⁵.

Высоко оценивает историк исследования по аграрному вопросу А.С. Ермолова, А.А. Кофода, В.В. Морачевского, В.В. Светловского. Особенно ценно замечание В.Г. Тюкавкина о том, что после 1905 г. «мировоззрение всего высшего чиновничества и его идеологов изменилось в сторону признания неизбежности более быстрого проведения реформы»⁴¹⁶. И, конечно, историк не мог пройти мимо таких историографических фактов, как научные исследования представителей организационно-производственного направления А.В. Чайнова, А.Н. Челинцева, Н.П. Макарова и др. Как известно, советская историография приклеила им ярлык неонародников. А между тем для аграрной историографии, отмечает историк, их труды являются «ценным исследованием связи крестьянских хозяйств со всеми элементами этой [социально-экономической, технической, природной и историко-культурной — П.К.] среды»⁴¹⁷.

Завершает раздел историографического обзора, в котором дан анализ дореволюционной научной литературы вывод, имеющий важное методологическое значение. Вслед за Н.Л. Рогашиной он констатирует отсутствие кризиса русской историографии: «Большое количество исследований по аграрно-крестьянскому вопросу, разнообразие поднятых проблем, разработка новых методологических подходов и выводов...доказывают, что в начале XX в. не было « загнивания» исторической науки, о чем с конца 30-х годов писали в официальных учебниках»⁴¹⁸.

Традиционно обзор научной литературы, вышедшей в советский период, В.Г. Тюкавкин начинает с анализа ленинских работ. Но этот историографический прием необходим для него

в связи с тем, что советская историография опиралась с одной стороны на ленинскую концепцию истории России, а с другой стороны мощное воздействие оказывали сталинские установки. Отход от этих канонов на практике приводил к репрессиям, а в хрущевско-брежневский период — к административным преследованиям. А потому советская историография развивалась в жестких доктринальных границах. Как известно, в работах Ленина сформулированы две концепции об уровне развития капитализма в российской деревне: « развитие бесповоротно идет по капиталистически и в помещичьем и в крестьянских хозяйствах, что это остается доказанным»⁴¹⁹.

В то же время вождь большевиков неоднократно говорил о сохранении пережитков крепостничества, сохранении помещичьего землевладения, отработочной системы и кошмарил русскую деревню такими ярлыками «самая дикая деревня», «бесконечные формы татарщины» и др.

Эти и другие концептуальные оценки В.И. Ленина воспринимались советскими историками как библейские истины. Такой подход и привел к тому, что одна часть историков старалась наполнить фактическим материалом ленинские положения о значительном развитии аграрного капитализма, но с обязательным указанием на огромные пережитки крепостничества. Другая часть историков больше подчеркивала крепостнические черты, пережитки феодализма, не отрицая полностью, что в России был капитализм»⁴²⁰. По мнению В.Г. Тюкавкина оба направления сопоставимы с направлениями «оптимистов» и «пессимистов» в зарубежной историографии. «Советские «пессимисты», — отмечает историк, — более яростно обличали весь старый строй России, чем западные, советские «оптимисты» были ближе к западным «пессимистам», ибо тоже давали больше критических оценки»⁴²¹.

Высоко оценивает историк историографические труды К.Н. Тарновского, в которых представлен анализ дискуссий по аграрной истории. Вновь подчеркнута значимость для изучения истории великорусского крестьянства ценных работ « Н.Д. Кондратьева, А.В. Чайнова, Л.Н. Литошенко, А.Н. Челинцева, в которых дан большой фактический материал» и показано, что крестьянское хозяйство в России претерпело существенные положительные сдвиги»⁴²².

В более развернутом виде по сравнению с предыдущими историографическими обзорами, дана историографическая ситуация 60-х – 70-х гг. Особое место занимает дискуссия об аграрном строе России (1960 г.) между А.М. Анфимовым, который сформулировал положение о полном господстве пережитков в российской деревне и С.М. Дубровским, который опираясь на ленинское наследие отстаивал тезис « о значительном уровне капитализма в России»⁴²³.

Соглашаясь в целом с оценками В.Г. Тюкавкина дискуссий 60-х гг. отмечу, что они способствовали активизации исследований по аграрной истории России начала XX в. Позитивным является и то, что историки обратили внимание не только на эволюцию крестьянских хозяйств, но и стали изучать помещичье хозяйство. Особо подчеркну значимость региональных исследований. И все же историки во многом оставались в плену старых традиционных представлений, по-прежнему транслируя некую предопределенность развития событий, приведших Россию к революции. Новые подходы в советской историографии органично сочетались с традиционными представлениями.

Да и сам В.Г. Тюкавкин, подчеркивал успехи советских историков «в исследовании социального расслоения и классовой борьбы в деревне, в анализе названных выше экономических процессов», говорил о том, что «политизация исторической науки привела к увеличению негативных сторон, к выпячиванию отсталости сельского хозяйства России, к описанию бесконечных «кризисов», «крахов», «кризисных явлений», которые А.М. Анфимов называл «феодално-крепостническими депрессорами»⁴²⁴.

Значимость историографического обзора существенно возрастает в связи с тем, что В.Г. Тюкавкин включил в него анализ зарубежной историографии, в том числе научных трудов Дж. Кеннана, Л. Волина, Т. Шанина, Д. Мейси, К. Мацузато, Р. Пайпса. Как известно в зарубежной историографии представлен широкий спектр как общетеоретических, так и конкретных вопросов эволюции аграрных отношений в России. Он высоко оценивает достижения зарубежных историков в изучении проблем истории российского крестьянства и столыпинской аграрной реформы. И, конечно, историком не обойдены работы Т. Шанина, в частности «Революция как момент исти-

ны»⁴²⁵, в которой автор говорит о выработке в начале XX в. двух основных программ радикальной трансформации российского общества, связанных с именами Столыпина и Ленина⁴²⁶. «Сопоставление стратегий Ленина и Столыпина, — замечает В.Г. Тюкавкин, — как взаимодополняющих», хотя и «диаметрально противоположных» вызывает много раздумий и сомнений»⁴²⁷. Далее он говорит о целесообразности проведения специального монографического исследования зарубежной историографии. Важное значение, по мнению историка, является признание зарубежными историками «наличие особенностей России по сравнению с западноевропейским опытом»⁴²⁸. И все же историк считает, что многие вопросы изучаемой проблемы либо не изучены, либо изучены недостаточно западными историками⁴²⁹.

Историографический обзор В.Г. Тюкавкин дополняет (речь идет о второй и третьей главах — П.К.) такими сюжетами как «К постановке проблемы» и «Историографические замечания».

Изучение крестьянства историк начинает с главы первой, в которой анализируется численность и географическое размещение великорусского крестьянства. Исследование ведется на основании данных Первой всеобщей переписи населения России 1897 г., предварительных итогов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. и других изданий Центрального статистического комитета. Историк опирается в своих выводах на исследования А.Г. Рашина, Я.Е. Водарского, В.М. Кабузана, А.М. Анфимова и других историков и демографов, в работах которых представлена демографическая ситуация в России конца XIX- начала XX вв. Такой подход позволил историку установить, что в 1897 г. в Российской империи насчитывалось 92,9 млн. крестьян, или 73,8%⁴³⁰, а доля великорусского населения в стране в 1897 г. достигала «55 млн. 75,5 тыс., что составило 44,2 % жителей, а в 1917 г. его численность увеличилась до 76 млн. 676 тыс., а его доля возросла до 45,9 %»⁴³¹. Изучая такой показатель как прирост русского населения В.Г. Тюкавкин устанавливает, что если в первой половине XIX в. произошло увеличение рождаемости, то после 1861 г. «рождаемость снизилась в среднем по стране с 52 до 50 %, но оставалась самой высокой в Европе»⁴³². Динамика роста населения России в 1858-1913 гг. показывает рост городского населения

до 14,8 % в 1913 г. и снижение удельного веса сельского населения до 85,8 %, что было вызвано переселением крестьян в города⁴³³. Раскрыты также особенности размещения сельского населения и показана динамика этого процесса в 1897-1917 гг. Но при этом историк акцентирует внимание на то, что в историографии существуют разные оценки взаимоотношений русского народа с другими народами и этносами. Историк считает, что термин «русские» с полным правом можно распространить на три родственные народы: великорусы, малороссы и белорусы – именно они сыграли важную роль в освоении Поволжья, Юга России и Сибири.

Актуальное значение имеют выводы историка о том, что «главная роль в развитии российской государственности в освоении новых незаселенных земель принадлежала великорусским крестьянам»⁴³⁴. И далее: «Великорусский народ, и прежде всего крестьянство, нес основную нагрузку создания единого экономического пространства на территории огромной страны. Но великорусское крестьянство не имело никаких особых прав на переселение и освоение новых земель»⁴³⁵. В.Г. Тюкавкин развенчивает миф, созданный В.И. Лениным и транслируемый с подачи VIII съезда РКП(б) о том, что якобы русский народ и русское крестьянство «угнетали» другие народы, а в коммунистическую программу (1919 г.) было введено понятие «угнетающая нация». И в этой связи В.Г. Тюкавкин подчеркивает важность изучения истории великороссов.

Особую остроту уже в конце XIX в. стал приобретать национальный вопрос. В.Г. Тюкавкин детально анализирует процесс возникновения и развития национализма на Украине, показывает воздействие на формирующийся национальный этнос со стороны Австро-Венгрии, Польши и Германии⁴³⁶.

В монографии приведены данные об удельном весе русских по группам районов Российской империи. В первую группу историк включил губернии центральной части Европейской России, во вторую вошли Предкавказье, Новороссия, Белорусско-Литовский регион и Украина; в третью группу Прибалтика и Закавказье. Историк удалось установить сокращение удельного веса русских в центральных великорусских губерниях и увеличение его на окраинах, что было обусловлено массовой миграцией, на окраины и в первую очередь за Урал»⁴³⁷.

Многие десятилетия историки и демографы обсуждали проблему аграрного перенаселения русской деревни. В 1901 г. императором Николаем II была создана Комиссия, которая должна была исследовать динамику движения населения России, но ее данные были подвергнуты критике историками и экономистами, как дореволюционными, так и советскими. В.Г. Тюкавкин критикует А.М. Анфимова, который основываясь на этих данных, доказывал отсталость российской деревни и путем экстраполяции получил данные о том, что в 1913 г. в деревне насчитывалось 32 млн. лишних рабочих рук из 57 млн.⁴³⁸

Историк считает более удовлетворительными данные С.А. Короленко, который пришел к выводу о том, что избыток мужского населения составлял 4,2 млн. чел. Эти же данные совпадают с подсчетами академика Л.В. Милова: «1906-1910 гг. в среднем выдавалось уже 9,4 млн. паспортов и неземледельческий составлял более половины общего числа крестьян-отходников»⁴³⁹.

Приведенные В.Г. Тюкавкиным сведения о занятости великорусского крестьянства позволили развенчать миф о крестьянах-лежебоках, что противоречит историческим фактам «... Крестьяне России, составляли менее 8% населения мира, производили 25% всех хлебов, поставляли четверть мирового экспорта хлебов, много льна, мяса, масла, сахара, яиц и других продуктов»⁴⁴⁰.

Центральное место в монографии занимают глава II «Крестьяне и земля» и глава III «Столыпинская аграрная реформа». Автор показывает воздействие факторов, влиявших на обострение аграрного кризиса в русской деревне и рост числа малоземельных крестьянских дворов. Отмечено, что на этот процесс влияли традиции и нормы обычного права, которые предписывали делить землю и имущество после смерти главы семьи по равным долям между сыновьями. Воздействие оказывали также и природно-климатические условия. И об этом историк подробно пишет в разделе « У нас родит не земля, а небо»: влияние природно-климатических условий на земледелие». В центре внимания автора оказался и вопрос о распределении наделной земли – общинной и подворной. Показана неравномерность обеспеченности землей крестьян: « У общинников Европейской России 1,9 млн. дворов или 26,3% имели наделы

менее 6 десятин на двор. Эта группа крестьян (около 10,5 млн. человек) проживала в основном в центральных губерниях, и прожить со своих наделов не могла даже при подъеме агротехники»⁴⁴¹. Заслуживают внимания и данные о росте земельной частной собственности великорусских крестьян. Так, в XX в. крестьяне покупали земли ежегодно в 1,5 раза больше чем в конце XIX в. Важное значение имеет вывод о том, что крестьянское сословие « за счет покупок прибавила к 138 млн. дес. наделной земли еще 34,4 млн. дес. частной, или увеличило свое землепользование на 24,9 %. Значит, из крестьянства выделялись капиталистические хозяйства, которые могли заплатить за землю сотни миллионов рублей...»⁴⁴². В монографии рассмотрены арендные отношения, показана их роль в крестьянском землепользовании. Уделено внимание условиям аренды и характеру обработок в великорусской деревне. По мнению В.Г. Тюкавкина «аренда земли не только не уменьшала, но напротив, увеличила неравномерность наделов разных общин и разных дворов внутри общины...»⁴⁴³. Зажиточные дворы арендовали в среднем 10-12 дес., середняцкие по 3-4 дес. и бедняцкие 1-1,5 дес. земли. В целом абсолютное большинство арендованных земель находилось в распоряжении зажиточных слоев деревни. Анализируя характер обработок в русской деревне, историк полемизирует с А.М. Анфимовым и констатирует, что «обработки и отработочная система в России не свидетельствовали о крепостничестве, полукрепостничестве и т.д. Их сравнительно широкое распространение объяснялось тем, что открывшаяся в 1861 г. возможность для помещиков перейти к собственному крупному хозяйству могла реализоваться только при наличии крупных капиталов»⁴⁴⁴. Поэтому историк правомерно считает, что эта система сыграла положительную роль как переход к рыночным отношениям»⁴⁴⁵.

Впечатляет и картина поземельных отношений великорусского крестьянства, ведущего земледельческое производство на окраинах России, где обеспеченность землей крестьян была намного выше, чем в губерниях Центральной России.

Новые концептуальные построения сформулированы В.Г. Тюкавкиным в главе III-й «Столыпинская аграрная реформа». Особое место в ней занимают разделы «К постановке проблемы» и «Историографические замечания». В первом из

них историк пишет о том, что он стал заниматься этой проблемой в 1952 г. и обнаружил два различных подхода в оценке новой аграрной политики: негативное восприятие реформы — труды В.И. Ленина и сочинения советских историков и положительная оценка, зафиксированная в громадном материале делопроизводственной документации.

Но подлинным открытием для начинающего исследователя стали встречи с переселенцами и сбор студентами Иркутского педагогического института материалов устной истории, в которых представлена яркая панорама переселения крестьян и их обустройства на просторах Сибири. «Десятки тысяч человек, — отмечает В.Г. Тюкавкин, — от Урала до Тихого океана — памятник не только тем миллионам крестьян-переселенцев, но и работникам переселенческих организаций и столыпинской земельной реформе»⁴⁴⁶.

Здесь же он однозначно говорит, о том, что не было «краха» реформы. «Было замедление выходов из общины после 1910 г., которое Ленин назвал «крахом», но с 1911 г. резко возросло землеустройство [в связи с принятием «Положения о землеустройстве 1911 г. — П.К.]. Крестьянину не нужно было предварительно проходить процедуру получения разрешения на выход из общины, не нужно было укреплять землю — документы о землеустройстве его двора давали ему право на личное владение его участком»⁴⁴⁷. Он считает, что Первая мировая война помешала провести землеустройство 6174,5 тыс. дворов, что составило 67 % общинных хозяйств⁴⁴⁸.

«В историографических заметках», которые существенно дополняют и расширяют анализ научной литературы, представленной во «Введении» дана обстоятельная критика работ В.И. Ленина, выдвинувшего ряд неверных тезисов, «которые стали определенными стереотипами в советской историографии»⁴⁴⁹.

Речь идет о двойственном характере оценок аграрной реформы. Одни, их В.Г. Тюкавкин называет «пессимисты», писали о прогрессивных чертах реформы, но приводили большое количество материалов о ее отрицательном значении. Другие «оптимисты», также писали о реакционности новой аграрной политики, но уделяли большое внимание о ее положительном воздействии на развитие аграрного строя.

В этой связи, историк развенчивает миф, который заложен в основу первого стереотипа о том, что столыпинская реформа была вызвана революцией 1905-1907 гг. «В действительности, — пишет В.Г. Тюкавкин, — все мероприятия реформы были обсуждены, подготовлены и даже одобрены в «верхах» еще до революции 1905 г. и даже до известных массовых выступлений крестьян в 1902 г.»⁴⁵⁰. И далее он детально воссоздает процесс разработки нового аграрного законодательства и говорит о работе Комиссии П.А. Валуева, законодательстве 90-х XIX в., о введении нового паспортного законодательства, о разработке С.Ю. Витте и И.Л. Горемыкиным законопроекта о частичной, а затем и полной отмене круговой поруки с 1896 г. Автор также подчеркивает значение записки С.Ю. Витте императору Николаю II (октябрь 1898 г.), в которой министр предлагал пересмотреть аграрную политику. 16 ноября 1901 г. была создана Комиссия во главе с В.Н. Коковцевым, а в январе 1902 г. были образованы две комиссии по аграрному вопросу. «Подчеркнем, что именно в январе, т.е. до крестьянских массовых выступлений и созданы именно две комиссии, а не одна во главе с Витте»⁴⁵¹. Новые данные приведены о законодательской деятельности видных политических деятелей начала XX в. С.Ю. Витте, П.А. Столыпина, В.И. Гурко, А.В. Кривошеина, К.А. Кофода.

К числу негативных стереотипов В.Г. Тюкавкин относит мнение о том, что якобы целью П.А. Столыпина было разрушение всех общин. Этот вывод сформулирован в работах А.М. Анфимова, П.Н. Зырянова. По мнению В.Г. Тюкавкина общая цель реформы «по мысли, Гурко, Кривошеина, Столыпина и других заключалась в создании слоя зажиточных хозяйств, которые были бы образцом и постепенно способствовали выходу других крестьян»⁴⁵².

В.Г. Тюкавкин критикует и сторонников третьего стереотипа о том, что реформу проводили насильственно, всегда используя полицейский нажим на общины. Казалось бы, для такого вывода есть основания, существует документальный материал, да и представители политических партий кадеты, большевики и, прежде всего Ленин, эсеры и даже правые критиковали власть за уничтожение общины. Историк также говорит о том, что случаи насилия были, но исследователи не всегда акцентируют внимание на соотношении добровольных и насиль-

ственных выходов. Он также приводит циркуляр П.А. Столыпина от 21 января 1909г., запрещающий использовать при реализации реформы принудительные меры⁴⁵³. И далее он говорит о том, что более 3 млн. домохозяев подали заявления о выходе из общины и «более 6 млн. — о проведении землеустройства — это весомое доказательство добровольности... Такое количество заявлений невозможно было «выбить» под нажимом»⁴⁵⁴.

Новое прочтение дано в монографии вопросу, почему реформа получила название столыпинская. Против такого определения выступила часть историков, обосновывая это тем, что идея реформирования была сформулирована в ходе Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. под председательством С.Ю. Витте, в комиссиях Гурко, Кутлера, Кривошеина.

В.Г. Тюкавкин приводит биографические сведения о жизни и деятельности П.А. Столыпина. Он правомерно считает, что главное для Столыпина «заключалось в признании необходимости реформирования деревни проблемой укрепления российской государственности. Так, что Столыпин не только воспринял многие предложения Витте, Гурко, Кривошеина, Кутлера, Риттиха, Кофода и других, но и выдвинул на первый план социально-политическую сторону реформ (не только одной земельной). В.И. Ленин понял это как подведение более прочного фундамента под самодержавие, а Столыпин понимал шире — более прочного фундамента под российскую тысячелетнюю государственность»⁴⁵⁵.

Историк подчеркивает, что Столыпин выступал как главный организатор реформы, главный ее защитник в палатах российского парламента, прессе, отстаивал целесообразность ее проведения в докладах императору — все это и позволило историку дать аргументированный ответ: «название реформы — «столыпинская» — можно считать правомерным»⁴⁵⁶.

В монографии дана оценка роли императора Николая II в проведении реформы «Роль царя в проведении реформы, — подчеркивает историк, — была, безусловно, весьма значительной, а на отдельных этапах решающей. Вместе с тем его нерешительность, а более всего установившийся порядок прохождения законопроектов через бюрократический аппарат надолго задержали реформирование деревни»⁴⁵⁷.

Впечатляет раздел монографии, в котором анализируется состояние русской общины накануне и в ходе реализации столыпинской земельной реформы. Раскрыты положительные и отрицательные стороны крестьянского социума начала XX в. Автор вновь акцентирует внимание на ленинских работах, в которых содержится двоякий подход к общине. Дает историк ответ и на «такой дискуссионный вопрос многие годы обсуждаемый российскими историками: хотело ли крестьянство уничтожить общину, или оно боролось за ее сохранение»⁴⁵⁸. Дан анализ исследований по общине П.Н. Зырянова, О.Г. Вронского, Л.В. Даниловой и В.П. Данилова, С.М. Дубровского, А.М. Анфимова. Устанавливая количество беспредельных общин в великорусской деревне, историк приходит к выводу о том, что «столыпинская аграрная реформа была подготовлена отказом многих общин от переделов»⁴⁵⁹. А освобождение от фискальной обязанности и отмена круговой поруки означает, что «община во многих местах не выполняла своей главной функции»⁴⁶⁰.

Актуальное звучание имеет вывод о том, что «выход крестьян из общины не ликвидировал сельское общество и главное сельский сход»⁴⁶¹, на котором решались жизненно важные вопросы сельского мира.

Отвечает В.Г. Тюкавкин и на вопрос, что было причиной протестных действий крестьян во время проведения реформы. Мотивы выступлений сводились к следующему. Беспокойство, что они потеряют землю, в том случае если не будет запрета ее продавать. Но главное они выступали против расселения на хутора, так как тем самым они стремились сохранить веками создаваемый деревенский образ жизни⁴⁶². И далее историк пишет: «Деревенский менталитет, деревенский образ жизни не противоречили разделу общей земли (надельной и купчей) на подворные участки и полосы, но он мало подходил к хуторскому землевладению, не соответствовал жизни в удалении друг от друга»⁴⁶³.

Анализ состояния русской общины в период реализации реформы историк начинает с мероприятий имперской власти, которые нашли отражение в законодательных актах, расширяющих правовое положение крестьян (таких как Манифест 3

ноября 1905 г., Указ 6 октября 1906 г.) и создавших условия для принятия Указа 9 ноября 1906 г.

В.Г. Тюкавкин приводит данные о выходе крестьян из общины и констатирует, что масштабы подачи заявлений удивили сторонников ее сохранения. «Но самым ошеломляющим для «общества» и революционных партий стали 1908 и 1909 гг., когда число заявлений достигло 1 млн.490 тыс., т.е. всего за 3 года около 8 млн. чел. собрались выйти из общины и укрепить за собой участки в личную собственность»⁴⁶⁴.

Эти и другие данные свидетельствуют не о «крахе» реформы, а скорее о ее незавершенности. Сказалось и отрицательное воздействие Первой мировой войны, в ходе которой землеустройство было приостановлено. В.Г. Тюкавкин считает формулировку В.И. Ленина и советских историков о «разгроме» общины неверной «тем более не ставилась цель «разгромить» все общины»⁴⁶⁵.

Историк считает, что необходимо отказаться от оценки реформы по проценту дворов вышедших из общины, необходимо учитывать, что с 1911 г. проведение землеустроительных работ становится основной целью реформы.

Впечатляют материалы и выводы, сформулированные историком в заключительной четвертой главе, в которой рассмотрен весь комплекс вопросов по данной проблеме – от анализа переселенческой политики имперской власти, до организации переселенческого дела, организации количества переселенцев, формировании земельного фонда, географического размещения переселенцев и об устройстве их в новых районах проживания, предоставления денежных ссуд, а также экономического положения переселенцев.

В монографии дан аргументированный ответ, что получило великорусское крестьянство от столыпинской аграрной реформы. Вновь подчеркнуто, что ее задачи за 8 лет были решены примерно на одну треть. Прежде всего, произошло значительное перераспределение наделных земель. Крестьяне купили 10 млн. дес. частновладельческой земли. Переселенцы получили за Уралом бесплатно более 30 млн. дес. земли. Около 2 млн. домохозяев получили единоличные участки, 91 % в отрубках. В ходе землеустроительных работ ликвидированы принудительные севообороты, дальноземелье, чересполосица. Существен-

но поднялся уровень агротехники, стала оказываться финансовая и агроэкономическая помощь крестьянам, резко возросли темпы кооперативного движения.

Квинтэссенцией звучит заключительный вывод: «...материалы монографии, приведенные в заключении общие данные свидетельствуют, что начавшееся обновление крестьянского социально-экономического строя (термин П.А. Столыпина) дало существенный положительный сдвиг в развитии сельского хозяйства и в улучшении положения крестьянства»⁴⁶⁶.

Подведем предварительные итоги. В научной биографии В.Г. Тюкавкина, которая длилась 50 лет, выделяются два этапа. Особо отметим иркутский период, где в стенах Иркутского государственного педагогического института шло формирование мировоззрения ученого, прошедшего путь от студента до доктора наук, заведующего кафедрой истории.

Важное значение имела его трудовая деятельность на колхозных и совхозных полях в годы военного лихолетья, а также многочисленные беседы со старожилками-переселенцами, которые приоткрыли существовавший в то время идеологический занавес, скрывавший многие десятилетия советской эпохи реальное состояние дореволюционной великорусской деревни.

В условиях идеологического диктата его концептуальные построения во многом совпадали с общепринятыми нормами в советской историографии, но в содержании кандидатской, а затем и докторской диссертации приводились материалы, свидетельствующие о поступательном развитии сельского хозяйства и подчеркивалась роль переселенцев в освоении новых земель и в формировании новой российской житницы поставившей зерно, масло и другие сельскохозяйственные продукты на внутренний и внешний рынок.

В течение 20 лет В.Г. Тюкавкин изучал проблему переселения крестьян в Сибирь и историю крестьянства Сибири. Несомненно, он внес громадный вклад в исследование аграрного строя Сибири, его выводы и наблюдения получили признание со стороны научной общественности, а его исследования были продолжены при написании многотомной истории Сибири и истории сибирского крестьянства.

В московский период (1974-2002 гг.) диапазон его научной деятельности существенно расширился. Его эрудиция и талант

полемиста особенно проявились во время дискуссий на сессиях Аграрного симпозиума, а также в ходе работы над учебным пособием «В.И. Ленин о трех российских революциях» и книги для учителя «Крестьянство России в период трех революций» (соавтор профессор Э.М. Шагин), а также в ряде других публикаций. Но вплоть до второй половины 80-х г. его концептуальные построения шли в рамках марксистско-ленинской методологии. Хотя в одной из работ говоря о «крахе» столыпинской аграрной реформе по его признанию «сопровождалось указанием на слишком короткий срок ее проведения»⁴⁶⁷.

Отказ от многих стереотипов произошел в ходе работы над монографией «Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа», в которой в яркой и полемичной форме характеризуются работы В.И. Ленина, дореволюционных историков и экономистов, а также труды советских историков. В книге представлена ярчайшая панорама жизни великорусского крестьянства и его взаимодействие с властью во время проведения столыпинской аграрной реформы. В.Г. Тюкавкин показывает реальные результаты реформы, которая, безусловно, способствовала росту сельскохозяйственного производства в России.

Его монография «Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа» это гимн созидательной деятельности многострадального русского крестьянства, внесшего громадный вклад в освоение новых земель и развитие сельского хозяйства России. Одновременно это и дань уважения к виднейшим политическим деятелям и прежде всего к П.А.Столыпину, А.В. Кривошеину, В. И. Гурко, К.А.Кофоду и к другим представителям имперской администрации, занимавшихся обустройством крестьян-переселенцев периферийных районах Российской империи и внедрявших в жизнь новые социальные практики и новые приемы ведения земледелия.

Еще одно направление научной деятельности В.Г.Тюкавкина – подготовка кандидатов и докторов исторических наук. Среди его учеников свыше 40 кандидатов наук. Назову также докторов наук, у которых он выступал в качестве научного консультанта – Л.М.Дамешек, О.Г.Вронский, Г.В.Аксенова, В.В.Воронин, Е.П. Баринова и др.

Отметим и другой вектор деятельности В.Г. Тюкавкина в московский период, связанный с подготовкой и изданием

учебников по истории России XIX – начала XX вв. Так, он издал в 1990 г. «Хрестоматию по истории СССР 1860-1917 гг.». Его перу принадлежат учебники «История ССР 1860-1917 гг.» (изданный в 1990 г.) и «История России XIX век», который был опубликован в 2001 г. Есть учебники, написанные совместно с преподавателями кафедры: И.А. Проскуряковой, Г.В. Аксеновой, А.Б.Клименко, а также его соавторами при написании «Новейшей истории Отечества» в 2-х частях были А.Ф. Киселев и Э.М. Шагин. В числе соавторов учебного пособия по отечественной истории выступал и видный российский историк А.В. Ушаков. Можно по разному относиться к учебной литературе, которая выходила в «лихие» 90-е и начале нулевых годов XXI в. Но авторы этих изданий представили не только событийную сторону исторического процесса, но и сумели учесть достижения отечественной историографии пореформенного периода российской истории. Несомненно, эта учебная литература сыграла положительную роль в подготовке профессиональных кадров для российской школы.

Ясно одно, что В.Г. Тюкавкин входит в плеяду выдающихся историков-аграрников России.

*«Аграрная история XX века: Историография и источники Самара. 2014. С.19-46».

§ 5. Ефрем Игнатьевич Мегведев*

Писать воспоминания о пережитом - дело невероятно трудное. Практически никто из мемуаристов не может сохранить объективность при освещении событий, в которых он или принимал участие, или являлся их очевидцем. Вольно или невольно на первый план выступает сам автор воспоминаний со своими представлениями о жизни, чувствами и переживаниями, зачастую с предрассудками. Поэтому, приступая к первым наброскам воспоминаний о прошедших событиях, я попытаюсь говорить не столько о себе, сколько о людях, с которыми мне довелось встречаться и многие годы работать.

Впервые о Ефреме Игнатьевиче Медведеве и его научной деятельности я услышал на лекции профессора Казанского государственного университета Ивана Михайловича Ионенко, который в 1967 г. читал для студентов-историков спецкурс «Великая Октябрьская социалистическая революция в Поволжье».

Напомню, что вторая половина 50-х — начало 60-х гг. представляет собой важный этап в жизни советского общества. XX съезд КПСС и его решения вселяли веру в то, что процесс демократизации всех норм жизни станет необратимым. Эти настроения подпитывались и первой волной «Великой реабилитации», а также оживлением деятельности творческой интеллигенции — писателей и поэтов, художников и музыкантов. Несмотря на то, что оттепель сопровождалась сильными порывами северного ветра и возвратом к старым, испытанным временем административным методам управления, тем не менее, новые веяния захватили и научную интеллигенцию. У многих исследователей появилась тяга к пересмотру проблематики исследований, возникла осознанная необходимость в оживлении научно-исследовательской работы, ее координации. В этой связи в 1959 г. по инициативе академика И.И. Минца был создан научный совет по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». А на местах стали возникать секции научного совета. В Поволжье секцию, объединившую историков Великого Октября, возглавил профессор Куйбышевского государственного педагогического института Е.И. Медведев, который был известен широкой общественности как автор ряда крупных работ по истории революционного движения и гражданской войны.

Помимо координации научных исследований, проведения всесоюзных и региональных конференций и совещаний, научный совет и его секции на местах запланировали подготовить и издать к 50-летию революции серию обобщающих монографий. Такая работа была начата и в Поволжье, к ней привлекались не только «маститые» ученые, но и молодая поросль историков — аспиранты и студенты.

Как видим, появление спецкурсов и спецсеминаров по истории Октябрьской революции было не случайным явлением в вузах Поволжья. Активизация научно-исследовательской работы повлияла на учебный процесс. А это в свою очередь сказалось на подготовке научной смены.

Работая в спецсеминаре профессора И.М.Ионенко, я стал изучать литературу по истории революционного движения крестьян Поволжья в 1917 г. и воочию убедился в правомерности высокой оценки вклада Е.И.Медведева в научную разработку многих вопросов истории Поволжья.

С Е.И. Медведевым лично я познакомился в июне 1970 г. на конференции историков, которая проводилась институтом истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР. Конференция была посвящена истории Гражданской войны.

Одной из секций руководил профессор из Куйбышева, который скорее походил на крестьянина. Он отличался от остальных своей физической мощью, густыми бровями, под которыми как бы прятались небольшие острые глаза с блеском юмора. Он тяготился возложенными на него обязанностями, а напускная серьезность едва-едва сдерживалась усилием воли. Вдруг, во время доклада о жизни и деятельности В.И.Чапаева, он встрепенулся, хитро взглянул на докладчика и спросил: «Товарищ Артемов, вы долгое время занимаетесь этой темой, а нашли ли вы новые документы о Чапаеве?» В корень смотрел Ефрем Игнатьевич. И вопрос его был не случаен, так как этой темой до Артемова занимались многие историки. Поэтому ценным становился каждый новый документ, проливающий свет на деятельность Чапаева в годы гражданской войны.

Вторая моя встреча с Е.И.Медведевым произошла весной 1971 г. в Саратове, где обсуждался ход работы над подготовкой к переизданию монографии «Октябрь в Поволжье». Я вел протокол этого совещания и могу судить о том, как скрупулезно Е.И.Медведев отнесся к подбору авторского коллектива и к срокам предъявления рукописи. Итоги совещания были впечатляющими. Казалось, что через два года второе издание будет опубликовано. Но, увы, эта затея потерпела крах из-за бесплодных согласований и говорильни. Именно тогда в Саратове состоялось мое знакомство с Е.И.Медведевым. Узнав о том, что я собираю материал по столыпинской земельной реформе в Поволжье, он написал записку заведующей читальным залом государственного архива, в которой просил ее оказать содействие в работе с архивными фондами.

Осенью 1971 г. я был командирован в Куйбышев для сбора материала по теме кандидатской диссертации. По просьбе И.М. Ионенко позвонил Е.И. Медведеву домой. Мне сказали, что в настоящее время он находится в обкомовской больнице на ул. Чапаевской, назвали номер палаты и время свидания с больным. Прихожу в больницу и вижу, что по лестнице со второго этажа спускается Е.И.Медведев. Он сразу же вспомнил, что мы встречались в Саратове и после того, как я ему назвал тему своей кандидатской диссертации, задал вопрос на «засыпку»: «А как звали Столыпина? — и удовлетворенно кивнул головой после ответа: «Петр Аркадьевич».

Конечно, эти мимолетные встречи создавали лишь общее впечатление о Е.И.Медведеве как человеке и ученом. Постоянные контакты между нами установились с августа 1972 г., когда я после окончания аспирантуры был направлен на работу ассистентом кафедры истории СССР Куйбышевского государственного университета, и продолжались вплоть до его кончины в конце июня 1982 г.

Напомню, что Е.И.Медведев в 1969 г. был приглашен на работу в только что открывшийся Самарский (Куйбышевский) государственный университет. Ему было поручено создать кафедру истории СССР. С этой задачей он успешно справился. Уже к 1972 г. на кафедру были приглашены специалисты, окончившие аспирантуру Московского, Казанского и Саратовского университетов, которые на всю жизнь связали свою судьбу с молодым вузом. Рост кафедры был стремительным, и в 1976 г. она стала основой для создания кафедр дореволюционной отечественной истории (ныне кафедра российской истории) и советской истории (кафедра отечественной истории и историографии).

Оглядываясь в прошлое, скажу, что Е.И.Медведев как заведующий кафедрой никогда не подавлял коллег своим авторитетом. Он не навязывал им традиционных суждений, господствовавших в то время в историографии, тем самым, стимулируя творческие поиски молодых преподавателей. Часто бывал у них на лекциях, стремился ободрить коллег добрым словом. Уважение к преподавателю и его труду было неотъемлемой чертой характера профессора Медведева. Лишь однажды мне довелось услышать его осторожное замечание о лекции одной из

коллег: «Все хорошо, но лекция была какой-то клочковатой». Демократизм и доступность, умение выслушать коллег и студентов, стремление поддержать их в трудную минуту - эти и другие черты характера отличали Медведева от большей части столичной профессуры, да и провинциальной. Хорошо зная о материальных трудностях, с которыми сталкивались молодые преподаватели и студенты, Ефрем Игнатьевич нередко вынимал деньги из кармана и говорил: «Возьми, сколько тебе надо». Он помогал многим: студентам, преподавателям, аспирантам. Одним - советом, другим щедро дарил свой опыт, знания и идеи. Думаю, что многие его аспиранты вспоминают своего Учителя добрым словом - так щедро была поддержка научного руководителя накануне и во время защиты кандидатских диссертаций. И здесь для него главное состояло в том, что завершённая диссертация есть только ступенька к дальнейшему творческому труду, а поэтому возводить препоны на этом пути нельзя. Нельзя и сводить какие-то личные счёты с диссертантом или его научным руководителем.

Главный урок из общения с Медведевым для меня состоял в том, что руководитель кафедры должен создавать оптимальные условия для работы каждому преподавателю с тем, чтобы он смог полнее реализовывать свои творческие способности, свой научный интерес. Только при таких условиях на кафедре будет нормальный психологический климат, так необходимый для многих творческих коллективов.

Видимо, поэтому Ефрем Игнатьевич никогда не навязывал студентам и аспирантам своих тем. Его ученики, как правило, писали работы по истории советского общества, преимущественно по истории Поволжья и Самарского края. Предлагая такие темы, он обычно говорил: «Вы будете и Соловьевым, и Ключевским». При этом он исходил из того, что молодой историк имеет возможность впервые ввести в научный оборот новые документы и материалы и самостоятельно сформулировать выводы и наблюдения.

Научные интересы Е.И. Медведева сформировались в конце 20-х - первой половине 30-х годов. Ещё будучи студентом общественно-экономического факультета Казанского Восточно-педагогического института, он проявлял интерес к историческому краеведению. В становлении его как историка-краеве-

да немалую роль сыграли профессора Н.Н. Фирсов, Н.Н. Эльвов. Много давало и общение с молодыми историками Е.И. Чернышевым, М.К. Корбутом, участником гражданской войны Назарием Ежовым, сотрудником Института истории партии Евгением Грачевым. После окончания в 1929 г. Восточно-педагогического института он продолжал учиться на экономическом факультете Казанского университета, а в начале 30-х годов поступил в аспирантуру этого старейшего университета России. Все это дает основание говорить о том, что творческий путь и сама биография ученого представляют для нас особый интерес, так как Е.И. Медведев по сути дела является связующим звеном между старой и новой российской интеллигенцией.

Жизнь Е.И. Медведева не была усыпана розами. Он пережил, как и многие его сверстники, революционную эпоху 1917 г. и страшные годы Гражданской войны. Но главные испытания выпали на его долю в то время, когда, казалось бы, ничто не могло помешать его карьере. А она была весьма успешной. Молодой специалист, только что окончивший педагогический институт, был назначен управляющим Татарским центральным архивом, одновременно он исполнял обязанности директора Центрального музея Татарии, работал доцентом в ряде высших учебных заведений Казани и, как я указывал выше, обучался в аспирантуре. Помимо административной деятельности и учебы, Медведев уже в 1930 г. заявил о себе как автор статей о социально-экономическом положении и классовой борьбе пролетариата Казанской губернии в начале XX века. Эти статьи, так же как и опубликованные в центральных и местных изданиях документы и материалы, позднее были положены в основу кандидатской диссертации «Революционное движение в Татарии в годы Первой мировой войны», которую он защитил в 1942 г.

Вполне естественно, что, кроме истории пролетариата, молодой историк заинтересовался деятельностью Казанской большевистской организации в 1917 г. Но, пожалуй, главное достижение Медведева в 30-е годы как историка и археографа состояло в кропотливой работе по выявлению документов истории массового революционного движения. Он был составителем двух сборников документов - «Царская армия в период мировой

войны и Февральской революции», а также «Первый год пролетарской диктатуры в Татарии», научная значимость которых сохраняется до сих пор. Тогда же им был написан краеведческий учебник «Юные колхозники».

Здесь можно было бы многое сказать о вкладе Медведева в развитие исторической науки в Поволжье. Но я ограничусь тем, что отошлю читателя к историографическим работам Е.Н. Городецкого, И.И. Минца, В.И. Миллера, И.М. Ионенко, А.Л. Литвина, В.А. Шестакова, в которых дана позитивная оценка многих его работ. Теперь же хочу сказать о другом. Та проблематика, которой всю жизнь занимался Медведев, не могла быть иной, а его основные выводы и наблюдения, сформулированные в 30-х гг., не выходили за рамки официальной трактовки закономерностей победы большевиков в октябре 1917 г. Отсюда в его работах превалировали положительные оценки стачечной борьбы пролетариата, выпячивалась на передний план деятельность местных большевистских организаций, а об их противниках - эсерах и меньшевиках или умалчивалось, или им давалась отрицательная характеристика.

Описываемые молодым историком события революционной эпохи представляли только в двухцветном — черно-белом изображении. Но можем ли мы с позиции сегодняшнего дня осуждать за это историков 20-30-х годов? Вероятно, нет. Иные были времена, иные пелись песни. Но пройти мимо опытов историков первого советского призыва нельзя, тем более сейчас, когда ученые пытаются переосмыслить многие проблемы отечественной истории. Надо взять из этого опыта все лучшее.

Несмотря на то, что Медведев, как все историки тех лет, доказывал наличие «объективных и субъективных предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции», тем не менее, он не избежал репрессий со стороны пролетарского государства. Я не раз расспрашивал Медведева о той драме, которая разыгралась в середине 30-х гг. в Казани, когда многие партийные и советские работники, а также представители творческой и научной интеллигенции, были арестованы. Кстати, об этих событиях писала в своих воспоминаниях мать писателя В. Аксенова, Евгения Гинзбург. В них упоминался и Медведев. Но он к ее воспоминаниям относился негативно и говорил, что не был знаком с их автором.

Когда я расспрашивал его о причинах ареста в середине 30-х гг., то, как правило, вначале Медведев отвечал неохотно. Но затем, видя неподдельный интерес молодого историка к его судьбе, рассказал о том, как случайно избежал ареста, не явившись на собрание актива в губком ВКП (б), затем сообщал о причинах ареста и о любопытных деталях своего пребывания в Казанской тюрьме.

Медведева арестовали за то, что он не «разоблачал явного «троцкиста» профессора Казанского университета Н.Н. Эльвова, который являлся его научным руководителем. Он прошел унижительную процедуру допросов. О том, как это происходило, никогда не говорил. Но как бы там ни было, Медведеву «крупно повезло» – он избежал лагерей Гулага. По постановлению Особого Совещания при НКВД СССР от 15.X.1935 г. он был лишен права проживания в режимных пунктах СССР сроком на три года и выслан вместе с семьей в Самару. И, конечно исключен из рядов коммунистической партии.

В Самаре оказался безработным. Ему было запрещено преподавать историю в школах и высших учебных заведениях. Поначалу работал экономистом хлебозавода № 8, нередко грузчиком - таскал мешки с мукой. Затем выполнял обязанности завуча в школе, какое-то время учился заочно на географа в Московском университете. Был лаборантом, аспирантом и доцентом пединститута.

После Великой Отечественной войны поступил в докторантуру института истории АН СССР. Но затем вновь начались гонения и мытарства: исключили из ВКП (б), отчислили из докторантуры, как и прежде снова нужно было искать работу. И только 20 октября 1955 г. Президиум Верховного Совета Татарской АССР в составе председателя т. Крылова, членов президиума гг. Бусырева, Муратова и Калиулина с участием и.о. прокурора ТАССР т. Абубекерова вынес решение о реабилитации: «Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 15.X.1935 г. в отношении Медведева Ефрема Игнатьевича отменить и делопроизводство прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления».

Конечно, все эти репрессивные меры не могли не сказаться на научной работе Медведева, которую пытались искусственно прервать. Тем не менее, ему удалось опубликовать два сборни-

ка документов, в годы военного лихолетья защитить кандидатскую диссертацию, в соавторстве с казанскими историками издать книгу об Октябрьском вооруженном восстании в Казани. И все же в течение 20 лет он вынужден был лишь мечтать об активной научной работе.

Несмотря на все перенесенные невзгоды, Медведев не осуждал эти акты сталинского произвола. Обычно он говорил: «Время было такое». И старался забыть это время, вытравить его из памяти. Отсюда: в лекциях строгое следование схемам «Краткого курса истории ВКП (б)», а позднее брежневской концепции развитого социализма, резкий крен в историческое краеведение, которое стало для него своеобразной экологической нишей. Наконец, реальной отдушиной была научно-исследовательская работа, занятия со студентами и аспирантами. Много внимания он уделял переписке со своими коллегами из других городов, участниками Октябрьской революции и гражданской войны, и выпускниками пединститута и университета.

50-е годы стали важнейшим этапом в творческой биографии куйбышевского историка. Вдохновение в научной работе было связано с его реабилитацией, новыми веяниями в общественной жизни, вызванными решениями XX съезда КПСС.

Немаловажное значение для него имел приказ, полученный из Министерства просвещения РСФСР: «Восстановить в докторантуре Института истории АН СССР кандидата исторических наук, доцента Медведева Е.И. по специальности «история СССР» сроком на два года с 1 октября 1956 г. по 1 сентября 1958 г.». Все это создавало особый настрой для творческой деятельности. К нему как бы пришло второе дыхание. Медведев сосредоточил внимание на завершении докторской диссертации, которая была успешно защищена в 1960 г. в Ученом совете Института истории АН СССР. «Установление и упрочнение Советской власти на Средней Волге» - такова тема докторской диссертации Ефрема Игнатьевича. Вышедшая в 1958 г. монография по этой проблеме вызвала живейший интерес у специалистов-историков. Она получила высокую оценку академика И.И. Минца, профессора И. Штаермана, генерал-лейтенанта А.И.Тодоровского и др.

52 года продолжалась научно-исследовательская и преподавательская деятельность профессора Медведева. Его научное

наследие велико. Он написал более 20 монографий, книг и брошюр, которые являются основными вехами его творческой биографии. Значителен вклад Медведева как археографа. Он был составителем шести сборников документов. Не менее важно отметить, что профессор написал множество пособий по историческому краеведению, которыми смогли воспользоваться сотни учителей области.

Наконец, им написано большое число биографий, очерков о видных участниках революционной эпохи, в том числе об А.И. Ульянове, С.М. Кирове, братьях Георгии и Александре Коростелевых, Г.Д.Гае, В.И. Чапаеве, М.Н. Тухачевском и др.

Но попытка с помощью сравнительно-исторического и иллюстративного методов создать широкую панораму событий, в которой бы отражалась вся противоречивость революционного времени, Медведеву не удалась. Вновь, как и прежде, события были представлены односторонне с явной апологетикой тактики большевиков. Да и можно ли было ожидать другого? Освобождение от старых прописных истин никогда не происходит мгновенно, если речь не идет о приспособленцах в науке, восхваляющих любой политической режим. А Ефрем Игнатьевич был честным и искренним человеком. Так, он выступал в поддержку научных выводов, содержащихся в докторской диссертации А.Х. Бурганова (эта диссертация была утверждена Высшей аттестационной комиссией лишь через 23 года после ее защиты). Он дважды выступал официальным оппонентом по докторской диссертации саратовского историка С.А. Соколова, нередко высказывал «еретические мысли». Но в целом он считал, что правительство Брежнева-Косыгина идет «верным ленинским курсом», радовался за успехи страны, горько переживал неудачи. И все-таки нельзя не отметить того, что очень часто в узком кругу он внезапно переходил на шепот (и стены слышат!) и говорил о диссидентах — П.Якире, которому от всей души сочувствовал, А.Солженицыне. Но открыто выступать против властей предрержавших не хотел, да и, имея собственный опыт, не мог.

До последних дней своей жизни Медведев следил за новейшей научной литературой, продолжал писать книги и статьи. Из увлечений профессора назову его страсть к фотографии. У многих историков сохранилось большое количество любитель-

ских фотографий, собственноручно изготовленных Медведевым. Другое увлечение — дача на поляне им. Фрунзе. Он любил приезжать туда с кем-нибудь из коллег. За чаем и немудреными бутербродами шел нескончаемый обмен мнениями по житейским и научным проблемам.

Жил Медведев очень просто. Был неприхотлив, не претендовал на какие-то привилегии, хотя, как заслуженный деятель науки России, мог на них рассчитывать. Медведев не был особенно «обласкан» областной властью. Видимо потому, что не всегда «был удобен», не толпился в предбанниках больших кабинетов, без особой нужды не ходил «по начальству». Как правило, чиновная знать обходилась услугами непрофессионалов. И вспоминала о нем, когда нужна была консультация, или когда возникала необходимость «пристроить» свое чадо в вуз, или в аспирантуру.

Несколько слов о научной школе Медведева. Обычно в школу того или иного ученого включают его аспирантов. Здесь успехи Медведева были значительными. Под его руководством защищено более 30 кандидатских диссертаций. Его ученики работают не только в Самаре, но и во многих городах России и в «ближнем зарубежье» — Грузии, Прибалтике. Среди них есть доктора наук, в том числе бывший ректор Самарского университета — Л.В.Храмков.

Думается, когда речь идет о научной школе, необходимо учитывать не только конкретный вклад ученого в разработку проблем отечественной истории (в том числе и индекс цитирования его трудов), но и то, как идеи историка воспринимались в научной среде, как стимулировался исследовательский поиск. Ученый должен быть генератором идей и организатором научных исследований. Весьма важен и нравственный аспект — взаимоотношения с учениками и коллегами. Всеми этими качествами обладал Медведев. Но организаторские способности у него проявлялись в большей степени. Отмечу, что научные конференции в 60-х — 80-х гг. проводились по его инициативе. Немало усилий приложил Медведев для изучения аграрной истории. Он не только объединил вокруг себя историков-аграрников в университете и в Самаре, но и деятельно участвовал в организации Средневолжского проблемного объединения по изучению аграрной истории.

В течение многих лет он работал в областном отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, обществе «Знание», областном институте усовершенствования учителей, опубликовал множество статей и очерков в областных газетах, поддерживал контакты со многими краеведами области. Это дает основание говорить о том, что научная и общественная деятельность Ефрема Игнатьевича Медведева оставила заметный след в культурной жизни Поволжья.

* Кабытов П.С. Записки историка. Самара 1998. С.73-83».

§ 6. Иван Михайлович Ионенко*

10 июня 2013 г. исполняется сто лет со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Татарстан, участника Великой Отечественной войны, орденоснца [так когда-то писали в титрах кинофильмов 30-х 40-х гг. XX века о заслуженных и особо почитаемых актерах] доктора исторических наук, профессора Казанского государственного университета Ионенко Ивана Михайловича. Он родился в крестьянской семье в деревне Зайцевка Краснинского уезда Смоленской губернии. Не раз в беседах со студентами и аспирантами он подчеркивал, что является земляком выдающегося российского поэта Александра Трифоновича Твардовского, тем самым подчеркивая, значимость для России Смоленской земли. Вероятно, само происхождение И.М.Ионенко, так или иначе, обусловило его научные интересы, для многих историографов он предстает, прежде всего, как историк – аграрник, внесший существенный вклад в изучение многих проблем второй российской революции.

Его биография нашла отражение в ряде историографических исследований, обзорах и очерках. Особо выделим брошюру, которая была написана учениками И.М. Ионенко доцентами Н.А. Федоровой и В.Ф. Телишевым ⁴⁶⁸. Она была издана к 200-летию Казанского государственного университета. Об Ионенко И.М. как историке несколько статей написал и автор настоящих строк ⁴⁶⁹. Упомяну также и нашу совместную с В.А. Шестаковым монографию, в которой содержится анализ

научных работ И.М. Ионенко по истории второй российской революции⁴⁷⁰. Тема И.М. Ионенко — археограф и источниковед нашла освещение в работах А.А.Сальниковой и Н.М. Силаевой⁴⁷¹. Нельзя не отметить и воспоминания учеников И.М. Ионенко, которые были опубликованы в газете Казанского университета, а так же в ряде изданий республиканской печати, и в брошюре «Жить историей. Казань, 1999»⁴⁷². Речь идет о статьях И.Р. Тагирова, Н.А. Федоровой, В.Ф. Телишева, А.П. Хорева, Т.И. Сабирзянова и др.

В своей статье я попытаюсь уделить внимание основным направлениям научной работы профессора И.М. Ионенко. И, конечно, нельзя пройти мимо главной проблемы, которая находилась в центре его научных изысканий — аграрной истории. И в этой связи, безусловно, надо затронуть вопрос, почему именно аграрная история привлекала в течение нескольких десятилетий внимание И.М. Ионенко?

Уже на школьной скамье в Монастырщинской школе-девятилетке у него обнаружилась тяга к знаниям, а с другой стороны он мечтал стать школьным учителем. Вскоре он заканчивает Соболевский педагогический техникум. Затем И.М.Ионенко работал учителем начальных классов, а в 20 лет юный педагог был назначен директором школы крестьянской молодежи⁴⁷³. Он рассказывал о своем участии в коллективизации сельского хозяйства.

Но затем судьба преподнесла сюрприз. Он был направлен на учебу в Ленинградский педагогический институт. В 1934 г. он поступил на педагогический факультет, который в 1935 г. был закрыт, а потому на втором курсе он стал студентом исторического факультета и по существу влился в первый призыв в ряды профессиональных историков. В 1939 г. он окончил институт и переезжает на постоянное жительство в Казань.

В Ленинградском педагогическом институте он проходил специализацию в семинарах академика Б.Д. Грекова⁴⁷⁴. А затем он стал учеником Владимира Владимировича Мавродина — выдающегося советского историка, который многие десятилетия был деканом исторического факультета Ленинградского государственного университета. Под его научным руководством И.М.Ионенко написал дипломную работу «Смоленское княжение в IX по XIV век», которая была отмечена на общегород-

ском конкурсе студенческих работ. Тогда же была опубликована его статья в Ученых записках Ленинградского педагогического института⁴⁷⁵. Казалось бы, компетенции, приобретенные И.М. Ионенко в процессе специализации, могли бы предопределить вектор его дальнейших научных изысканий. Но ситуация сложилась так, что в послевоенный период история трех российских революций выдвинулась в число актуальных проблем советской исторической науки.

Не в малой степени это было вызвано и тем, что уже в 50-е гг. у общества возникла потребность приобрести достоверные знания об историческом прошлом страны. Как я уже писал выше интерес к аграрной истории, истории российского крестьянства был обусловлен и происхождением И.М. Ионенко. Вольно или невольно в общении с учениками он неоднократно говорил о том, что с детских лет занимался крестьянским трудом. К тому же история революции на многих кафедрах вузов входила в число престижных научных проблем. Эти и другие факторы и предопределили выбор темы кандидатской диссертации.

К изучению аграрной революции на материалах Казанской губернии И.М. Ионенко приступил в 1949 г. В республиканском архиве он выявил и ввел в научный оборот огромное число документов и материалов, на основе которых воссоздал масштабы крестьянского движения в Казанской губернии. Сопоставляя результаты научной разработки проблемы И.М. Ионенко с работами Д.Д. Ананьева, В.Л. Кузьмина, А.А. Шишкина, Е.И. Медведева, можно прийти к выводу, что исследование И.М. Ионенко носило новаторский характер⁴⁷⁶. Во-первых, оно отличалось по широте привлеченных источников и оригинальности выводов. В диссертации, а затем и в монографии, впервые прослежено общее и особенное в развитии массового аграрного движения. Убедительно выглядит количественная и качественная характеристика различных этапов крестьянского движения. Впервые был поставлен вопрос о необходимости изучения социально-психологических мотивов крестьянских выступлений, о соотношении социального и национального в революционной борьбе крестьян – татар, мари, чувашей. Можно так же сказать и о том, что Ионенко одним из первых в стране доказал наличие осенью 1917 г. блока казанских большевиков

с левыми эсерами. Впервые Ионенко ставит вопрос о необходимости изучения деятельности низовых крестьянских организаций. Уже в начале 60-х гг. его вклад в изучение революционного движения крестьян Казанской губернии получил положительную оценку в ряде историографических исследований⁴⁷⁷. Тогда же он вошел в состав Научного совета АН СССР по комплексной проблеме Великая Октябрьская социалистическая революция, который возглавлял академик И.И. Минц.

Под научным руководством и редакцией Ионенко в 1958 г. издается сборник документов «Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября» (составитель Н.М. Силаева), в котором было опубликовано 692 документа. Немногим историкам удавалось опубликовать документы, на основе которых была написана монография. И до сих пор этот сборник является уникальным по богатству и содержанию материалов и документов о классовой борьбе крестьянства в 1917 году⁴⁷⁸. Успешная защита кандидатской диссертации, издание монографии, а затем сборника документов и материалов, придали мощный импульс научной работе ученого.

Отмечу, что если в конце 40-х-50-х гг. И.М. Ионенко изучал аграрную революцию в границах Казанской губернии, то в 60-80-х территориальные рамки его исследований расширились. Он постоянно подчеркивал, что необходимо преодолевать локальность в исторических исследованиях, и сам показывал пример ученикам и маститым историкам. Большинство его научных исследований написаны на материалах Казанского военного округа, в который входили обширные территории Поволжья и Приуралья. Исследования И.М. Ионенко написаны на общероссийском фоне, но в них присутствуют все необходимые компоненты макро и микро истории: региональный, губернский, уездный, волостной и даже сельский уровень. Такой подход к изучению истории аграрной революции, безусловно, следует считать новаторским.

Изучая крестьянское движение, И.М. Ионенко обратил внимание на то, что из поля зрения историков выпала роль армии в подготовке и проведении революции. В этой связи заявкой на новое исследование стала его статья о роли солдат и матросов в борьбе за землю⁴⁷⁹. Вышедшие в период с 1958 по 1966 гг. статьи⁴⁸⁰ органично вошли в диссертационное исследование:

«Революционная борьба и национально демократическое движение солдатских масс Поволжья и Приуралья накануне Великого Октября». Ее разработка сразу привлекла внимание научной общественности.

Острота и актуальность темы двойка: в современном мире нетрудно найти убедительные факты, свидетельствующие о необходимости вести неустанную борьбу за армию. Не прошел, конечно, историк и мимо проблемы национально-демократического движения в армии. Наконец, изучение революционных процессов в армии давало обильный материал о блоках и соглашениях с левым крылом социалистических партий и организаций. Историк уделил пристальное внимание анализу демократических организаций, возникших в армии после падения царизма. В центре его внимания оказались низовые солдатские комитеты, гарнизонные и окружные комитеты, окружные конференции и окружные съезды делегатов солдатских Советов, национальные военные съезды. В научный оборот были введены большие пласты новых документов и материалов, многие из которых ранее почти не привлекали внимание исследователей⁴⁸¹. Он впервые ввел в научный оборот архивные дела казанского военно-окружного комитета, материалы газеты «Известия», ВОК и другие документы. И.М. Ионенко привел данные по другим округам и фронтам, что позволило показать общее и особенное в революционной борьбе и национально-демократическом движении солдатских масс накануне Октября. В работе широко и критически использовались документы и материалы социалистических партий: эсеров, меньшевиков, а также демократических организаций в армии, военных национальных комитетов, материалы мусульманских, украинских съездов и т.п.

В те же годы была опубликована монография «Октябрь в Казани» в соавторстве с И.Р. Тагировым, получившая высокую оценку научной общественности. Выходит в свет коллективный труд «Октябрь в Поволжье»⁴⁸². В этом издании, помимо редактирования, И.М. Ионенко были написаны «Введение», ряд параграфов 3-й главы, глава 4-я и «Заключение». Особый интерес привлекали материалы о национально-освободительном движении и борьбе солдатских масс гарнизонов Поволжья за власть Советов. В 60-е годы и в начале 70-х гг. историком

были опубликованы историографические статьи, которые оказали существенное влияние на изучение мало исследованных проблем второй русской революции в Поволжье⁴⁸³. По существу в 60-70-е годы XX в. в Казанском государственном университете стала складываться научная школа И.М. Ионенко. Его ученики приступили к научной разработке тех проблем, которые впервые были сформулированы И.М. Ионенко в кандидатской, а затем в докторской диссертациях.

Второе направление научной деятельности И.М. Ионенко – изучение Великой Отечественной войны. По этой проблематике под его научным руководством защитили диссертации 3 доктора и 10 кандидатов наук. Здесь очевидно – оба главных события XX века находились в центре внимания казанского ученого.

В 70-80-е годы научная школа И.М. Ионенко стала пополняться докторами и кандидатами наук. Под его научным руководством защищено более 20 кандидатских диссертаций, в том числе по аграрной проблематике около 10. Из 8 докторов исторических наук шесть активно участвуют в изучении аграрного строя Поволжья, входят в Средневолжское объединение историков-аграрников. И.М. Ионенко еще в кандидатской диссертации обосновал необходимость изучения национально-демократического движения в 1917 г. Эту проблему многие годы изучают его ученики доктор исторических наук, академик Республики Татарстан, профессор И.Р. Тагиров и профессор Р.М. Валеев. Научную разработку истории русской армии и демократических организаций в гарнизонах Поволжья продолжили доктор исторических наук профессор Р.С. Цейтлин и доцент С.И. Ионенко. В конце 60-х гг. И.М. Ионенко в ряде историографических статей обосновывал необходимость изучения аграрного строя Поволжья в начале XX в. Несомненно, эта инициатива исходила от учителя под непосредственным воздействием дискуссий историков о характере аграрного строя России и многоукладности экономики Российской империи, которые велись в конце 50-х начале 60-х гг. Эта проблема нашла отражение в кандидатской, а затем и докторской диссертации автора этих строк⁴⁸⁴.

Вспоминая наши многочасовые встречи с учителем, на которых обсуждались такие вопросы как земство и его роль в

создании аграрной инфраструктуры, типы сельских общин, сельское и волостное самоуправление, роль сельской поземельной общины в экономической и духовной жизни крестьянства. Както раз он обратил мое внимание на то, что функции сельской общины постоянно изменялись. И действительно, позднее я убедился в том, что в период реализации столыпинского земельного законодательства сельская община стала функционировать активнее, что было вызвано стремлением сельских сходов выработать программу противодействия новой имперской аграрной политике.

Вольно или невольно он обращал мое внимание на необходимость пересмотреть традиционные точки зрения как на саму общину, так и на темпы аграрной капиталистической эволюции в различных регионах России. Он неоднократно говорил мне о своей переписке с видными историками России. Настоятельно советовал мне в аспирантские годы обратить особое внимание на научные труды Кофода, Кауфмана, Булгакова, Маслова, Огановского, Лосицкого, Кочаровского, Чернышова, Энгельгардта, Бруцкуса, Чайнова, Макарова, Челинцева. Вспоминаю также и о том, что в 60-е годы он не раз подчеркивал аспирантам значение для молодых историков дискуссий о характере и особенностях аграрного строя России. И в этой связи он настойчиво рекомендовал аспирантам и студентам изучать научные труды представителей нового направления в советской историографии П.В. Волобуева, А.М. Анфимова, К.Н. Тарновского, В.П. Данилова, М.Я. Гефтера. Эти и другие факты убедительно свидетельствуют о том, что И.М. Ионенко был на « гребне историографии» и не только чутко улавливал все те новые тенденции, которые с трудом «прорастали» в эпоху неосталинизма⁴⁸⁵, но и предпринимал реальные шаги для расширения проблематики научных исследований и использования новых методов анализа источников, в том числе математических методов с использованием ЭВМ.

Я был восхищен, когда в конце 70-х гг. на одной из региональных конференций историков-аграрников Среднего Поволжья И.М. Ионенко поставил вопрос о необходимости изучения роли крестьянской общины в условиях советской власти. Не раз он говорил и о том, что земельный кодекс 1922 г. так же оказал влияние на эволюцию крестьянской общины. И, конеч-

но, И.М. Ионенко не мог не поддержать инициативу Н.Н. Кабытовой приступить к изучению истории взаимоотношений власти и общества в 1917 г. И.М. Ионенко поддерживал и всячески поощрял продвижение новых научных проектов. В частности он всегда выступал, как тогда говорили, за комплексное изучение истории земств Поволжья, выделил в этой проблематике деятельность земско-статистических отделов и оценочных бюро. Много раз он говорил мне о том, что необходимо начать изучение первичных материалов подворных переписей крестьянских хозяйств и материалов Всероссийской и сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. И.М. Ионенко поддерживал изучение социально-экономического строя помещичьих хозяйств Поволжья. А одна из кандидатских диссертаций по этой теме была защищена в диссертационном совете при Казанском государственном университете. Так же позитивно он отнесся к моей идее о необходимости изучения регионального рынка Поволжья второй половины XIX – начала XX вв.

Здесь можно много говорить об идеях, которые были высказаны И.М. Ионенко. Частично они реализованы его учениками. Но он неоднократно говорил о необходимости написания многотомной истории Поволжья и многотомной истории крестьянства Среднего Поволжья. Убежден в том, что идеи И.М. Ионенко по созданию этих многотомных историй все таки будут реализованы учеными Поволжья.

*«Кабытова Н.Н., Кабытов П.С.М., Кондрашин В.В. Аграрная история XX века. Историография и источники. Самара, 2014. С.74-80.»

§ 7. Григорий Наумович Вульфсон*

Я часто вспоминаю своего учителя, профессора, доктора исторических наук Григория Наумовича Вульфсона. Не знаю почему, но мне он оказывал поддержку на всех этапах моей жизни. Даже когда я стал жить в Самаре – тогда еще Куйбышеве, – он мне часто звонил, писал письма. Отношения развивались иногда так, что можно было подумать, что Вульфсон уже не просто учитель, но как-то по-дружески относится ко мне и к моей семье. Он часто спрашивал во время очередной встре-

чи: «Как там Надежда Николаевна, как там изменщица?», — потому что он надеялся, что она будет писать дипломное сочинение, а затем и кандидатскую диссертацию под его научным руководством. Но жизнь наша сложилась иначе. Мы вынуждены были уехать из Казани в тогдашний Куйбышев.

Наша последняя встреча с Григорием Наумовичем произошла 19 октября 2002 года. Дело в том, что накануне, 18 октября, я выступал в Казанском университете в качестве официального оппонента на защите кандидатской диссертации Бориса Аккуратова, аспиранта Владимира Миннатовича Бухараева. Это было очень интересное исследование о казанском мещанстве. Сам Аккуратов — человек очень увлеченный. Среднего роста, очень худощавый, глаза горят необычным светом. Судя по диссертации он очень много работал в архиве Республики Татарстан и скрупулезно изучил материалы фонда мещанской управы, привлек и обработал материалы Всероссийской переписи 1897 г., творчески использовал другие статистические источники. Но более всего меня потряс неожиданно глубокий для аспирантской работы анализ той полемики о мещанстве, которая велась уже тогда, в первой четверти XX века. И когда я читал исследование Аккуратова и писал отзыв на его диссертацию, я как-то внутренне понял, что эта тема, так занимавшая и российских писателей, публицистов и деятелей политических партий, стала частью жизни соискателя. Мне даже показалось, что он живет в этой среде. Причем аспирант не ограничился статистическим анализом: он попытался доказать, что мещанство как сословие императорской России нельзя расценивать только отрицательно, нельзя говорить, что это был тупой и затхлый мещанский мирок, что там ничего не происходило. Ведь в действительности мы видим, что из среды мещан вышло очень много писателей, поэтов, ученых, наконец, профессуры. А учителя? Они тоже были выходцы из мещанства. И поэтому мне, конечно, было очень интересно выступать на этой защите. Ну, и сам соискатель доказывал, что эта тема для него не является чем-то проходным, что она его очень глубоко интересует и на самом деле является истинно актуальной проблемой. Хотя на первый взгляд, казалось бы, там все уже изучено, и ничего особо актуального там уже нет — но, тем не менее, все зависит от отношения аспиранта к выбранной теме,

и от того, насколько в работе чувствуется рука научного руководителя.

Когда я приехал в Казань, чтобы выступать на этой защите — приехал в пятницу, тогда еще поезда из Самары в Казань ходили каждый день, — то поселился у Владимира Миннатовича. Там меня встретила Жанна, его жена, окружила меня заботой и вниманием. После защиты мы долго общались, говорили, вспоминали студенческую жизнь... В субботу я должен был уезжать в Самару.

И вот утром в субботу я проснулся где-то в пятом часу от шума осеннего дождя и листопада. Бухараевы живут на четвертом этаже бывшего «обкомовского» дома, построенного в 1953 году, и окна там достаточно большие. И вот сквозь утреннюю дрему я слышу, что дождь идет сплошной стеной. И тут я вспомнил, что во время защиты на заседании диссертационного совета Григорий Наумович Вульфсон сказал мне: «Ты мне очень нужен. Ты обязательно должен прийти ко мне домой. Приходи в субботу». И вот с пяти до десяти утра, пока шел дождь, у меня было такое странное состояние: я думал о том, что мне обязательно нужно прийти к Вульфсону, что бы ни случилось, в любую погоду, даже если это будет ураган, даже если это будет цунами, я обязательно должен с ним встретиться. Потому что он сказал: «Ты должен быть у меня обязательно где-то часов в десять». А Володя Бухараев мне говорил: «Что ты попрешься в такой дождь? Видишь, как на улице льет, давай лучше позавтракаем, чаю попьем, пообщаемся, и потом мы с Жанной тебя отвезем на вокзал». Но я решился, созвонился с Вульфсоном, и он еще раз сказал: «Я тебя жду». И это уже было как приказ.

Путь к Вульфсону занял семь минут. Григорий Наумович жил напротив Химико-технологического университета, на третьем этаже, в квартире № 6. Я всегда восхищался его мужеством — он должен был за день раза два, а то и три, подниматься наверх, хотя он ходил на протезе. На войне он был ранен в ногу, которая в госпитале была частично ампутирована, и долгие десятилетия он жил мучаясь, потому что протез был сделан на отечественном предприятии у нас, в Советском Союзе, и от этого изделия у него образовывались на ноге язвы. И, несмотря на все эти явления, Григорий Наумович все равно подни-

мался по лестнице пешком. Как-то он мне сказал: «Знаешь, почему я не меняю квартиру и не стремлюсь жить на первом этаже? Потому что мне очень важно, чтобы работало сердце. Я поднимаюсь по лестнице ради физической нагрузки».

И вот я прихожу к нему, открывается дверь, меня встречает лай собачки, и Вульфсон, такой доброжелательный, выходит навстречу: «Вы приехали! Заходите». А у него была большая четырехкомнатная квартира, я хорошо знал ее расположение, она выходила на две стороны — на улицу, по которой шли трамваи и «шастали» студенты химико-технологического университета, и во двор.

Для меня Вульфсон представлял особый интерес. Он был не только профессиональным исследователем, который занимался второй половиной XIX века, но с давних пор он увлекался коллекционированием произведений искусства и старинных артефактов. У него были богатейшие коллекции. Одно время он собирал часы. Я помню, как одни часы помогал ему доставлять домой, — тяжелые, бронзовые; когда я их увидел, у меня сердце так и ушло в пятки, но, тем не менее, я эти часы доставил благополучно. И, когда бы я ни пришел к Григорию Наумовичу домой, эти часы стояли у него в кабинете, время от времени громко били, и он спрашивал: «Помнишь, как ты их тащил?». У него было очень много часов фирмы «Павел Буре», он собирал различные шкатулки, картины, антиквариат. И этим он занимался практически всю свою жизнь, что придавало ему особый шарм.

В тот день, 19 октября 2002 года, для меня стало неожиданностью, что у него в гостях сидел какой-то старикан. Вульфсон говорит: «Познакомься, это мой ученик, Сергеев Валентин Дмитриевич». Он родился 13 августа 1940 года, был выпускником Казанского университета и со студенческой скамьи находился под мудрым попечительством Вульфсона. Он работал в Кировском педагогическом университете, в 1978 году он защитил диссертацию — «Общественно-политическая борьба в Вятском крае в середине 50-х годов 19 века», а затем написал книгу о Степане Халтурине. Мы познакомились, он посидел немножко и ушел на кухню, к Дине Халиловне. Потом слышу — раздается трель звонка, и Вульфсон говорит: «Сейчас я тебя познакомлю со своей ученицей». И вот входит в кабинет Свет-

лана Фролова, одна из его учениц, и он говорит: «Знаешь, я понял, что должен ее передать тебе. Она пишет докторскую диссертацию, доведи ее, пожалуйста, до защиты». Вся эта история показалась мне каким-то знамением. Мы разговорились со Светланой, и я выяснил, что уже писал внешний отзыв на ее кандидатскую диссертацию по истории рода дворян Молоствовых. Она просто обожает искусство, и очень увлечена краеведением, музейным делом. Ей поручили создать специальный музей в Татарской академии государственной службы при Президенте Шаймиеве, выделили большое помещение, где-то 80 или 100 квадратных метров, и она создала великолепный музей. Каждый раз, когда я приезжаю в Казань, у нее уже обозначены туристические маршруты, куда она меня поведет. Мы с ней ездили несколько раз в Раифский монастырь, потом она мне показывала казанские достопримечательности. Несмотря на то, что я хорошо знаю город, она всякий раз находила что-то новое: «Давайте сходим вон туда, посмотрим, вот там церковь отреставрировали». Светлана Фролова из интеллигентной семьи, и отсюда у нее культурологические склонности, любовь к истории Казани, к архитектуре XVIII-XIX веков. Она очень сожалеет, кстати, о том, что в ходе подготовки к 1000-летию Казани много подлинных архитектурных памятников было утрачено. Тема ее докторской оказалась очень интересной — это частная школа, гимназии и пансионы первой половины XIX века, и мне это тоже очень близко. Где-то два часа мы сидели, говорили с ней. А потом мне уже нужно было идти брать сумку, ехать на вокзал, и она меня провожала до квартиры Бухарарева. А дождь все лил, лил и лил. И, вы знаете, у меня было такое щемящее чувство: я тогда уже чувствовал, что больше Вульфсона я не увижу, и этот этап в жизни Вульфсона закончился тем, что он передал мне свою докторантку, выполнил то, что не сумел, точнее, не успел довести ее до защиты.

А 22 октября Григорию Наумовичу стало плохо. И 4 ноября его не стало — остановилось сердце, на 82-ом году жизни. Где-то года через два, летом — нет, скорее осенью — в сентябре, — я снова приехал в Казань, и Света показала мне его могилу, которая находится на территории городского кладбища. Ученики сделали для его памяти очень много — поставили памятник, замечательную надгробную плиту. И в том же году мы

часто общались с его любимой ученицей, доктором исторических наук, профессором Еленой Вишленковой, и много вспоминали Григория Наумовича.

И вдруг летом 2010 года я получаю письмо из Казани, от Наташи Федоровой по электронной почте: она сообщает мне, что в Казани вышли воспоминания Вульфсона, и что у нее есть два экземпляра. Я ей пишу: немедленно высылай! И еще до конца июля получил эту книгу, великолепно изданную и очень интересную.

Получилось так, что «нулевые» годы XX века неожиданно дали большое количество воспоминаний историков. Среди них — воспоминания профессоров Саратовского университета, изданные к 100-летию юбилею университета в 2009 году (университет был создан при активном содействии и колоссальной помощи со стороны Петра Аркадьевича Столыпина. До 1917 года он существовал в составе одного медицинского факультета. Тем не менее, Саратов еще до второй русской революции стал университетским городом и тем самым отличился от других губернских центров Поволжья). В связи с 200-летием Казанского университета тоже были изданы очерки о профессорах, академиках, небольшие книжечки листа в три-четыре. Из учителей моих еще до своей смерти успел опубликовать «Записки штабного офицера» Иван Михайлович Ионенко. Потом, уже в «лихие девяностые», журнал «Волга» опубликовал часть воспоминаний Василия Ивановича Адо, который учился вместе с Ефремом Игнатьевичем Медведевым в Казанском Восточно-педагогическом институте. И вот теперь оказалось, что Вульфсон тоже писал воспоминания. Но делал он это очень необычным образом. У него была аспирантка, которая потом стала кандидатом наук, Юлия Лексина. Она приходила к Григорию Наумовичу домой, он диктовал ей свои воспоминания на магнитофон, а затем она переводила это все в компьютер, и он редактировал готовый текст.

Воспоминания Григория Наумовича Вульфсона сами по себе очень драматичные, насыщенные потоком повседневной жизни, которая, как лава, кипит, клокочет. И в этом замечательном нарративе дано личное восприятие Вульфсоном потока истории. Хотя не везде и не всюду это можно заметить: более ярко и эмоционально описаны детские годы, и особенно студенческая жизнь. Удивительно, но факт: он помнит всех своих

учителей. Он приводит такие детали, которые невозможно вообще-то помнить, которые быстро выветриваются из памяти. Конечно, у него были информаторы, с которыми он советовался и сверял детали, например, однокашники. Но меня восхитило то, что книга насыщена иллюстративным рядом – фотографиями, которые сохранились в архиве Вульфсона. Здесь представлены не только те люди, с которыми он учился, но и его учителя, доценты-историки Казанского университета.

Конечно, в книге есть воспоминания Григория Наумовича о военном лихолетье. Вообще, ситуация складывалась так, что о своем участии в войне он никогда не рассказывал. Само его пребывание в зоне боевых действий, на фронте, было очень недолгим. Он был ранен, а затем после излечения комиссован. Я никогда не видел на пиджаке доцента, а затем профессора Г.Н.Вульфсона никаких наград. Только много позднее появились юбилейные медали. Он стал получать их на закате жизненного пути, во второй половине 1980-х и в 1990-е годы. Однажды, когда у него был очередной юбилей, я приехал в Казань, чтобы его поздравить. И вот я встречаюсь с Вульфсоном и вижу, – меня это в буквальном смысле потрясло, – у него на лацкане пиджака какой-то значок. Я его спрашиваю: «Григорий Наумович, что это такое? Вы же никогда никаких значков не носите!». Он отвечает: «Ты понимаешь, Петя, я сегодня иду в обком партии. И я надел этот значок, чтобы показать, что у меня вообще нет никаких наград, кроме этого значка». Я говорю: «Григорий Наумович, неужели вы думаете, что власть обратит внимание на это? Власть живет своей жизнью, и ей до этих ваших вызовов просто нет никакого дела».

Очень интересно представлена в воспоминаниях Вульфсона его ученическая школьная компания, взаимоотношения с учителями. Он, допустим, признается, что восхищался учителем литературы, но при этом очень критично относился к историку, который вызывал у него какое-то внутреннее отторжение. Более того: перед войной он поехал в Ленинград поступать на филологический факультет университета, сдал вступительные экзамены, но чуть-чуть не добрал баллов. Ему предложили поступить на семито-хамитское отделение, но предупредили, что места в общежитии не дадут. Жить Григорию было негде, и поэтому он вынужден был возвратиться обратно в Казань. Очень интересно он описывал, как его выселяли из

ленинградского общежития: ему там выдали постельное белье и одеяло, но потом это одеяло у него украли. И когда он, не поступив в университет, ходил с обходным листом — «бегунком», этот обходной ему не подписывали, потому что требовали, чтобы он заплатил за одеяло. И тогда, — рассказывает Вульфсон, — он встретился со своим однокашником Борей Тумановым, который тоже приехал в Ленинград поступать в какое-то высшее учебное заведение, успешно поступил, был горестно разочарован, что Грише этого не удалось, и сразу спросил: «Чем тебе помочь?». И вот что они сделали. До этого Вульфсон, чтобы скопить денег на обратный билет в Казань, работал грузчиком, разгружал вагоны, но денег все равно не хватало. А теперь они вдвоем стали на вокзале заниматься своеобразным бизнесом — занимали очередь за билетами, а потом продавали свое место в очереди, и таким образом они за три дня сумели сколотить небольшой капитал, который позволил Вульфсону уехать домой. Себе его одноклассник не взял ни копейки.

А затем Григорий Наумович описывает ситуацию, связанную с его возвращением домой. В Казань он ехал с пересадкой, через Москву. В столице он заехал к родственникам, и неожиданно для самого себя встретился со своим отцом, которого как раз направили в Ленинград учиться на курсы Торгово-промышленной академии. И Григорий ему предложил: мол, знаешь, если ты едешь в Ленинград и тебе там дают общежитие, мы можем там вместе жить, и тогда я смогу учиться в университете. Но отец отнесся к этой идее очень прохладно, и Григорий Наумович был этим очень расстроен. Тогда он придумал еще один план: попытаться поступить в педагогический университет в Москве. У родственников в прихожей он увидел большой сундук, такой, что на нем можно было спать. И он обращается к дяде и тете, говорит: может быть, я у вас останусь, и попробую поступить в московский вуз. Но и те встретили его идею без энтузиазма. Приехав домой, он рассказал об этом своей маме, и та в негодовании написала родственникам письмо: мол, что же это такое, почему вы Гришу не приютили? И те ей отвечают: мол, «тут много родственников ездит в Москву, кто учиться, кто лечиться, кто просто проездом... Неужели мы с женой не имеем права хотя бы один день побыть вдвоем?». Конечно, они же, когда писали, еще не могли догадываться, что поезд их жизни уже идет в Казань, что они будут

туда эвакуированы в начале войны, и почти всю войну будут жить в Гришиной университетской квартире (бывших конюшнях Лобачевского)... Конечно, такие ситуации очень интересны, и колоритно передают и реалии времени, и сплетения человеческих взаимоотношений.

Есть в воспоминаниях Вульфсона и очень личные эпизоды. Он, например, рассказывает о том, что на выпускном вечере его вместе с одной девушкой из параллельного класса, к которой он выказывал симпатию, послали за пивом, они купили пива, и вдруг он неожиданно для себя самого эту девушку поцеловал. Банка пива разбилась, но для них это было уже неважно. Начались свидания, но потом, когда он уезжал в Ленинград, она почему-то не пришла его провожать, и с этого момента судьба их развела. Только много лет спустя, уже на закате его жизни, они сумели отыскать друг друга и встретиться... Воспоминания об этой встрече — один из самых эмоциональных эпизодов в книге. Но потом она предложила ему больше не созваниваться и не встречаться, чтобы остаться в памяти друг друга молодыми, и он пишет об этом с большой горечью. Очень интересны, насыщены эмоциями, конечно, и воспоминания Григория Наумовича о студенческой жизни, о его взаимоотношениях с первой женой, писательницей Тамарой Ян. Вульфсон приводит множество фактов, которые позволяют увидеть изнутри жизнь университетской молодежи военных лет.

Но потом воспоминания Григория Наумовича становятся более сдержанными: с определенного момента он пишет только о своей профессиональной деятельности, не рассказывая ни о повседневности, ни о ситуации на факультете, внутри коллектива. Возможно, это связано с тем, что Григорий Наумович был очень осторожный человек: он многое видел и знал, но не хотел никого задеть и обидеть в своих воспоминаниях, и поэтому предпочитал о чем-то умалчивать и талантливо прятать интересные сведения «за своей бородой». Зато он очень много рассказывает о другом — о своей работе в качестве создателя музеев: Музея Ленина в Казанском университете, мемориальной Ленинской аудитории, которую восстанавливали в университете к 100-летию юбилею вождя, мемориального дома-музея И.И.Шишкина в Елабуге и других музейных экспозиций. Здесь он, конечно, всегда был «на белом коне».

Я думаю, что Вульфсон в своей жизни, на самом деле, совершил несколько подвигов. Один из этих подвигов — то, что он стоически перенес разлуку с любимой женщиной, Тamarой Ян, и это не помешало ему воспитать замечательного сына Сергея, доктора химических наук, ученого, который сейчас живет в США. Потом Григорий Наумович встретил другую, изумительную женщину, Дину Халиловну Бакееву, и с ней у него сложилась счастливая семейная жизнь.

Научный подвиг Григория Наумовича Вульфсона, на мой взгляд, состоит в том, что он в своих трудах сумел воссоздать многоплановую панораму жизни разночинца дореволюционной эпохи. Сейчас говорят, что только в наши дни стали заниматься историей повседневности. Так вот, Вульфсон досконально знал повседневность казанского студента позапрошлого века. Он знал, как питалась студенческая молодежь, на какие бигуди накручивала девушка-разночинка волосы, да и не только это. Он был, конечно, просто специалистом экстра-класса по истории Казани XIX — начала XX века.

Ну, и, конечно, его подвиг как учителя — те ученики, которых он привел в историческую науку. Все они очень необычны. Почти все они прошли через работу в республиканском музее. У Григория Наумовича были две страсти, помимо коллекционирования: сотрудничество с Казанским республиканским музеем, где он знал всех искусствоведов, и то, что он колоссальное внимание уделял библиотеке Казанского университета. У него даже был свой кабинет в университетской библиотеке, где он работал — ему выделили этот кабинет в знак особого расположения, особых заслуг. Библиографы, сотрудники его просто обожали. Он умел расположить к себе людей. В нем жил внутренний романтизм. Но в то же время он мог быть блестяще язвительным и колким. Он умел разыгрывать небольшие сценки, владел театральными технологиями, знал, как и когда их применять. Я думаю, что и борода у него появилась не случайно: в этом явно проявилось стремление сформировать себе узнаваемый, неповторимый образ.

Помню, был один случай, когда я пришел к нему просить за студента. У нас в Казанском университете была студентка Квакина, гимнастка, такая тупая, но симпатичная, стройная девушка — как говорится, «все ушло в ноги». И вот Вульфсон ей не поставил зачет. Я пошел к нему и говорю: «Зачем же вы,

Григорий Наумович, ей зачет не поставили? Вы же знаете, что на факультете процветают спартакиады, олимпиады»... Да, таких студенток, кстати, было две — Квакина и Филиппова. Я говорю: «Григорий Наумович, вы добрый человек. Квакиной надо поставить зачет». Он отвечает — нет, ни в коем случае, ничего не будет! Я говорю: да, конечно, поставите вы зачет, когда узнаете, на что Квакиной хватило ума, смелости, мужества — она ожидает рождения ребенка. Он на это отвечает: ну, ты меня убедил, пусть приходит Квакина. То есть Вульфсон мог войти в положение студента, даже такого. Это был единственный случай, когда я его попросил за нашу студентку. Но Вульфсон стал меня поддразнивать: я однажды иду навстречу ему по лестнице, а он говорит, с таким неподражаемым выражением: «На факультете процветает квакиада и филиппиада!».

Ну, и, конечно, книгу очень украшают многочисленные приложения. Здесь на фото он еще без бороды, с усами. В приложении помещена «Книга бытия казанских Вульфсонов», своеобразное родословное древо, составленное Григорием Наумовичем вместе с историком Московского государственного университета профессором Сергеем Сергеевичем Дмитриевым. Вульфсоны были родом из-за черты оседлости. Григорий Наумович рассказывал, что когда его отец, Наум Вульфсон, приехал в Казань, здесь был голод 1921 года, хлеба не хватало, и отец сумел организовать в городе целую сеть пекарен и был за это назван героем труда. Кроме того, в приложении к книге помещена очень интересная лекция Вульфсона о методике работы с текстами личного происхождения.

Вот так и получилось, что эта книга [воспоминания Г.Н. Вульфсона — авт.] стала для меня последней весточкой от Григория Наумовича Вульфсона, и эта весточка, эти воспоминания многое навяли. Григорий Наумович был замечательный историк, прекрасный человек, и то, что о нем помнят его ученики, что они посмертно издали эту книгу — это, безусловно, дань уважения к нему как к личности. Он всегда помогал своим ученикам, не прощая только одного — необязательности и того, что люди не интересуются историей своей Родины.

* «Кабытов П.С. Сквозь «лихие» и «нулевые» Самара, 2012. С.210-220».

§ 8. Юрий Ильич Смыков

18 марта 2015 г. в Казани умер крупнейший организатор исторических исследований по аграрной истории России, истории Среднего Поволжья и Республики Татарстан, заслуженный деятель науки Республики Татарстан, доктор исторических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета Юрий Ильич Смыков⁴⁸⁶. Он родился 6 июля 1931 г. в г. Куйбышеве Новосибирской области⁴⁸⁷. В его жизни и научной деятельности условно можно выделить два периода – сибирский и казанский. О первом периоде имеются скупые автобиографические сведения. Второй период, который начинается с 1950 г и длился 65 лет, получил освещение во многих справочных изданиях и, прежде всего, в региональных энциклопедиях республик – Чувашии, Татарстана⁴⁸⁸, а также библиографических словарях⁴⁸⁹. В Казанском периоде условно можно выделить три этапа. Первый этап 1950-1955 – время учебы Ю.И. Смыкова в Казанском государственном университете. Постигая историю, он попал под обаяние своего будущего учителя Григория Наумовича Вульфсона, который в 1951 г. защитил в Московском историко-архивном институте кандидатскую диссертацию на тему «Борьба вокруг реформы 1861 г. в Казанской губернии». Заметив, что студент увлеченно занимается изучением сложнейших проблем социально-экономической истории, он посоветовал Ю.И. Смыкову приступить к разработке проблемы «Социально-экономическое развитие пореформенной деревни Казанской губернии в 60-80-е гг. XIX в.»

Во время второго этапа (1955-1960 гг.) Ю.И. Смыков работает научным сотрудником в государственном музее ТАССР. Его карьера в этом научном учреждении была успешной. Трудолюбие историка, его научные компетенции, профессионализм были высоко оценены руководством музея. Вскоре его назначают на должность старшего научного сотрудника, а затем заведующего отделом. Именно тогда завершилось становление Ю.И. Смыкова как профессионального историка. Помимо многообразной музейной работы он основательно штудирует историю Татарстана и его столицы Казани. Краеведческая работа существенно расширила масштабы его видения исторического процесса. Но все же, аграрная история остается основным направлением в его научной деятельности. Именно

в этот период он подготовил и издал две книги, в которых проанализировал протестное движение в Казанской губернии в 60-70-е гг. XIX в.⁴⁹⁰ В то же время под руководством Г.Н. Вульфсона он активно работает над завершением кандидатской диссертации: «Пореформенная деревня Казанской губернии в 60-80-е гг. XIX в.», которая была успешно защищена в диссертационном совете при Казанском университете в 1961 г.⁴⁹¹

Трудолюбие и талант молодого исследователя были замечены научной общественностью Казани. В 1960 г. начинается самый плодотворный этап научной деятельности Ю.И. Смыкова. Защита кандидатской диссертации и переход на работу в Институт языка, истории и литературы имени Г.Ибрагимова Казанского филиала АН ССР придали мощный импульс его научной работе. Помимо текущей плановой работы в институте он продолжал изучение аграрной истории второй половины XIX века, но уже на региональном уровне в границах Среднего Поволжья, куда он включает Казанскую, Симбирскую и Самарскую губернии. Такой подход был правомерен, и он связан с новой историографической ситуацией в советской историографии, которая возникла в конце 50-х — начале 60-х гг., теми дискуссиями, которые вспыхнули при обсуждении особенностей аграрного строя и многоукладности экономики Российской империи⁴⁹².

Впервые я познакомился с Ю.И. Смыковым осенью 1965 г. И вплоть до 1972 г. я ежедневно видел его или в читальном зале научной библиотеки университета, или в государственном архиве ТАССР⁴⁹³. Он был широкоплеч, его лицо украшали интеллигентные (в стиле XIX века) борода и усы. Большие глаза Ю.И. Смыкова были скрыты очками; что привлекало внимание к собеседнику во время разговора. Его энергия, настойчивость при анализе сложных и порой противоречивых процессов XIX века не могли не восхищать. Судя по всему, в те годы он активно работал над докторской диссертацией, в которой он пытался представить становление капиталистических отношений в средневожской деревне и выявить общее и особенное в протестном движении. Иными словами он пытался воссоздать объемную панораму жизни пореформенной деревни в губерниях Среднего Поволжья.

1960-1991 гг. занимают особое место в научной биографии Ю.И. Смыкова. Кроме работы в научно-исследовательском

институте, сбора материалов по докторской диссертации, он совместно с директором института профессором М.К. Мухарямовым инициировал создание Средневолжского объединения историков-аграрников, которое объединило историков автономных республик Поволжья, Ульяновской, Саратовской, Куйбышевской и Пензенской областей. Оно должно было заняться интеграцией научных исследований и созданием многотомной аграрной истории Среднего Поволжья. Эта инициатива была поддержана И.М. Ионенко, Е.И. Медведевым, П.С. Кабытовым, А.С. Патрушевым, А.В. Клеянкиным и другими историками.

Ю.И. Смыков являлся организатором научных конференций в Йошкар-Оле (1976), Саранске (1978), Казани (1980), Чебоксарах (1982) и др. Немалую роль в интеграции историков региона сыграла ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук Е.И. Индова⁴⁹⁴. В ряде конференций принимали участие А.М. Анфимов, Н.А. Ивницкий и другие ведущие историки-аграрники Института истории СССР АН СССР⁴⁹⁵.

Научную работу Ю.И. Смыков органично сочетал с педагогической деятельностью. Неоднократно выступал в Казанском государственном университете председателем государственной экзаменационной комиссии, читал лекционные курсы. В 1991 году он переходит с должности ведущего научного сотрудника Института языка, истории и литературы на работу в качестве профессора исторического факультета Казанского университета, где работал вплоть до 2012 года. Многие выпускники университета с глубоким почтением вспоминают яркие, эмоционально насыщенные лекции профессора Ю.И. Смыкова. Он читал лекции по истории России XIX века, истории русской культуры, истории предпринимательства. Совместно с профессором Е.А. Вишленковой издал курс лекций по истории России XIX века (Казань, 2003), являлся редактором учебников по истории России, опубликованных в Казани в 1998-2003 гг. в пяти частях.

Несомненен его вклад в подготовку и издание биобиблиографических справочников, в которые вошли материалы о профессорах Казанского университета⁴⁹⁶. И, конечно, нельзя не упомянуть такие значимые для республики Татарстан научные издания как «Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан» (1999), а также книгу «Республика Татарстан: православные памятники (середина XVI- нач. XX вв.)» (1998),

которые были подготовлены по его инициативе и руководством. Он участвовал в издании учебников по отечественной истории, истории Казани и Татарстана, а также истории Казанского университета⁴⁹⁷. Заслуживают внимание также его участие в издании ряда сборников научных статей по аграрной истории⁴⁹⁸. Велика его заслуга в подготовке кандидатов и докторов наук. Им подготовлено 12 кандидатов наук и 2 доктора исторических наук. Он много раз выступал оппонентом на защитах диссертаций в Казани, Москве, Самаре. Он является автором десятков отзывов ведущей организации на кандидатские и докторские диссертации.

Обратимся к анализу исследований Ю.И. Смыкова по аграрной истории. Выше уже отмечалось, что во второй половине 50-х гг. XX века были опубликованы две его книги. Наибольшую ценность и научную значимость имеют монографии Ю.И. Смыкова, которые были написаны в ходе подготовки докторской диссертации, и которые по-существу обозначили новый вектор развития региональной аграрной историографии. Работа над монографией «Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю» продолжалась более 12 лет⁴⁹⁹. Она была опубликована в 1973 г. в Казани Татарским книжным издательством. Монография написана в традиционной для советской историографии манере, в которой негативно оценено «мрачное феодальное время»; воспеваются «вольнолюбивые призывы Емельяна Пугачева». Автор подчеркивал значение Безднинского восстания 1861 г., «которое выдвинуло Среднее Поволжье на передний край борьбы против грабительских условий отмены крепостного права»⁵⁰⁰. Отдана дань деятельности в регионе революционеров-народников, которые пытались соединить революционную теорию с протестным движением. И, конечно, дана позитивная оценка концептуальных воззрений вождя российских большевиков В.И. Ленина. Ю.И. Смыков, обосновывая актуальность и научно-практическую значимость своего исследования, ссылается на работы В.И. Ленина «К деревенской бедноте», «Развитие капитализма в деревне», «Аграрная программа русской социал-демократии в первой русской революции» и др. Но тогда были такие времена, и другие пелись песни. Не прошел историк мимо ленинского учения о двух социальных войнах и проблемы двух путей буржуазной аграрной эволюции в России. К сожалению, в монографии

отсутствует характеристика историографической ситуации — дискуссий об особенностях аграрного строя России начала XX в. и многоукладности экономики, которые развернулись между сторонниками «нового направления» в советской историографии и ортодоксальными историками. Их ход завершился победой ортодоксов. Вероятно, поэтому Ю.И. Смыков счел целесообразным акцентировать внимание на этих дискуссионных «болевых» проблемах советской аграрной историографии. Во «Введении» дан лишь общий обзор региональной историографии по изучаемой проблеме. Упоминаются исследования Н.Н. Фирсова, Г.Н. Вульфсона, Е.И. Чернышева, Е.И. Устюжанина, Н.Д. Кузнецова и других авторов.

В те годы проблема изучения классовой борьбы в российской деревне во второй половине XIX — начале XX вв. относилась к числу приоритетных. Она активно изучалась как в Институте истории СССР АН СССР, так и ведущих университетских центрах страны. Да и ход дискуссий об особенностях аграрного строя России и многоукладности экономики Российской империи стимулировал историков к созданию как обобщающих исследований по истории крестьянского движения, так и изучению этой проблемы в границах губернии или отдельных регионов. В этой связи Ю.И. Смыков подчеркивает значимость создания обобщающего труда на материалах Среднего Поволжья. Вполне правомерно историк считал, что этот регион, занимая центральное место на восточной окраине Европейской России (автор настоящих строк, а также Э.Л. Дубман относят Симбирскую, Самарскую и Саратовскую губернии к юго-востоку Европейской России), был типичным аграрным регионом⁵⁰¹. И, конечно, в духе советской историографии изучение крестьянского движения ведется на основе марксистко-ленинской методологии.

Значительный интерес представляет фундированность исследования казанского историка. В течение многих лет он скрупулезно изучал материалы Центрального государственного архива ТАССР (так в те годы именовался Национальный архив Республики Татарстан). Он неоднократно приезжал в областные государственные архивы г. Ульяновска и г. Куйбышева; выявлял материалы в фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации), в Центральном государственном ис-

торическом архиве (Российский государственный исторический архив), а также в Центральном государственном военно-историческом архиве (Российский государственный военно-исторический архив). Им обработаны уставные грамоты, что позволило проследить изменение землепользования крестьян, помещицкой, государственной и удельной деревни. Ю.И. Смыков выявил неравномерность в распределении наделного землепользования у различных категорий крестьян, как на губернском, так и на региональном уровнях. Подчеркивается, что менее обеспеченными землей оказались бывшие помещицки крестьяне⁵⁰². Наиболее запутанным оставалось землепользование в бывшей государственной деревне, где сохранялись сложные общины (лесные уезды Симбирской и Казанской губернии – П.К.). Очевидные преимущества были у государственных и удельных крестьян Самарской губернии (лесостепные и степные уезды – П.К.), что создавало условия для формирования зажиточных хозяйств. По мнению Ю.И. Смыкова реформа для нерусского крестьянства в государственной деревне Казанской губернии «обернулась неравноправным земельным обеспечением по сравнению с русским...»⁵⁰³.

Ю.И. Смыков, анализируя динамику землевладения и землепользования в губерниях Среднего Поволжья, пришел к выводу о наличии в лесной и части лесостепной зоны Казанской, Симбирской и Самарской губерниях буржуазно-помещицкой аграрной эволюции. По новому звучит вывод о том, что в степном Самарском Заволжье «вызревали элементы фермерского буржуазно-крестьянского пути аграрной эволюции»⁵⁰⁴. Но далее он подчеркивает, что речь идет «о складывании лишь элементов этого пути»⁵⁰⁵.

В монографии представлены материалы, характеризующие динамику развития крестьянского сельского хозяйства. Анализируя такой показатель как обеспеченность крестьянских хозяйств лошадьми, Ю.И. Смыков отмечает рост числа безлошадных и однолошадных дворов. По губерниям Среднего Поволжья этот показатель колебался в 1899-1900 гг. от 69,2% в Казанской губернии до 65,2% в Симбирской губернии. В Самарской губернии этот показатель достиг лишь 43%. И наоборот число зажиточных крестьян было больше в Самарской губернии (16,5%). Удельный вес зажиточных крестьян в Казанс-

кой губернии был невелик и колебался от 9 до 15%, в Симбирской от 12 до 20%⁵⁰⁶.

Ю.И. Смыков анализирует различные стороны крестьянского хозяйства, приводит данные о динамике посевных площадей, урожайности зерновых, товарности хозяйств, отмечает новые тенденции в производстве и приобретении крестьянами усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря и машин. Обоснованно звучит вывод о том, что для Среднего Поволжья (особенно для лесной полосы – П.К.) общее направление эволюции земледелия обнаружило тенденцию к снижению его уровня⁵⁰⁷. По нашим данным, в части степной полосы, примыкавшей к железным дорогам и пристаням (рынкам сбыта товарного хлеба), наблюдался рост темпов развития товарного зернового земледелия. Вероятно, необходимо внести коррективы и в его вывод о том, что ни крестьянские, ни помещичьи хозяйства «так и не смогли стать основой подлинно капиталистического производства сельскохозяйственных продуктов»⁵⁰⁸.

Ю.И. Смыков ведет анализ крестьянского движения в губерниях среднего Поволжья в пореформенный период с учетом новых тенденций в советской историографии, наметившихся в исследованиях А.М. Анфимова, Б.Г. Литвака, Н.Н. Ляшенко, Н.И. Нифонтова, которые внесли большой вклад в разработку методики подсчета крестьянских выступлений. Достижением Ю.И. Смыкова является фронтальное изучение как опубликованных документов, так и выявленных им архивных источников. Он уделяет внимание их сопоставлению, что позволило не только определить формы и методы протестного движения, но и выявить особенности крестьянского движения в многонациональной деревне Среднего Поволжья. Ю.И. Смыковым составлена хроника крестьянского движения, что позволило показать его масштабы, выявить этапы и направленность протестных действий. Но самое важное состоит в том, что Ю.И. Смыков на основе хроники крестьянского движения создал общую картину протестных действий в губерниях исследуемого региона и помимо количества протестных действий, он привел данные о числе их участников. Им установлено, что в 1861-1900 гг. произошло не менее 602 выступлений в 890 селах и деревнях⁵⁰⁹, а число участников достигло 117748 человек. Лидером протес-

тного движения являлась Казанская губерния, на втором месте находилась Самарская губерния.

Но вряд ли можно согласиться с Ю.И. Смыковым, который считал возможным увеличить общее число участников движения с 117,7 тыс. крестьян до 470 тыс. В этом проявилось неизбежное стремление советских историков к мифологизации — представить изучаемый регион лидером крестьянского движения в России.

Традиционно Ю.И. Смыков помимо общей характеристики крестьянского движения приводит данные о количестве выступлений по формам борьбы и констатирует, что наибольшее количество выступлений было направлено против податей и повинностей. Значительный интерес представляют статистические данные о степени участия народов региона в протестном движении. Ю.И. Смыковым установлено, что лидером протестного движения являлись русские крестьяне, на втором месте находились татары, а замыкали этот ряд протестующих — чуваш и мордва.⁵¹⁰ Та же динамика прослеживается и в таблице, в которой приведены данные об участии в протестном движении крестьян различных сословных разрядов, где на первом месте находились бывшие помещичьи крестьяне⁵¹¹. Ю.И. Смыков приводит данные о динамике выступлений крестьян и подчеркивает, что наибольший размах движение принимало в уездах, расположенных вдоль Волги и Камы, в Самарской губернии выделялся Николаевский уезд. Также он отмечает, что наибольшее количество выступлений приходилось на весну, а затем на зиму. Спад выступлений происходил во время полевых работ и уборки урожая — летом и осенью. Исследователь воссоздает также и действия коронной администрации по подавлению выступлений. По его подсчетам 45% всех крестьянских выступлений власти подавляли с помощью военной силы. Автор особое внимание уделяет описанию таких протестов, которые принимали массовый характер.

Монография Ю.И. Смыкова оказала позитивное воздействие на развитие аграрной историографии в Среднем Поволжье. Она получила высокую оценку в исследованиях А.С. Патрушева, Н.Л. Клейн, П.С. Кабытова, П.И. Савельева⁵¹².

Работа над докторской диссертацией была продолжена в 1970-первой половине 1980-х гг. Она была завершена в 1983 г.,

когда историк защитил ее в Институте истории СССР АН СССР. Позднее, материалы диссертации были опубликованы в 1984 г. издательством «Наука» в качестве монографии⁵¹³.

Тогда же совместно с И.М. Ионенко я опубликовал рецензию на эту книгу в журнале «Коммунист Татарии»⁵¹⁴ В журнале «Вопросы истории» также была опубликована рецензия П.С. Кабытова и П.И. Савельева на монографию казанского историка⁵¹⁵. В ней отмечается, что обзор состояния крестьянского хозяйства, тенденций аграрного развития накануне падения крепостного права приводит Ю.И. Смыкова к заключению, что в Среднем Поволжье «крестьянское хозяйство создавало несравненно больше предпосылок для формирования и развития в деревне капитализма, чем помещичье»⁵¹⁶. Следовательно, наличие в пореформенном аграрном развитии двух путей буржуазной эволюции не являлось лишь результатом реформ 60-х гг. XIX века, а обуславливалось предыдущим развитием региона. Благодаря дифференцированному изучению пореформенного крестьянства, помещичьей, государственной и удельной деревни, детально прослеживая реализацию реформ, Ю.И. Смыков преолюлеват нередкий в историографии разрыв между исследованием реформ и последующего развития аграрного капитализма во второй половине XIX – начале XX века.

Как известно, реформа усложнила всю структуру бывшего помещичьего крестьянства, создав различные по экономическому и правовому положению группы: крестьяне временнообязанные на издельной повинности, временнообязанные на оброке, крестьяне-собственники на выкупе, наконец, дарственники. Опираясь на анализ уставных грамот, Ю.И. Смыков отмечает, что в общих потерях крестьянами земли значительную роль сыграли «отрезки» у дарственников⁵¹⁷. Это усугубляло раздробленность крестьянства, затрудняло его борьбу за землю и волю.

Не во всем, однако, можно согласиться с автором в решении вопроса о сроках реализации и общей оценке реформ. По его мнению, преобразования в удельной деревне Самарской губ. завершились уже к 1865 г.⁵¹⁸. Между тем известно, что в ряде местностей, населенных удельными крестьянами, особенно там, где они соседствовали с башкирами, решение управленческих, бытовых, а главное, земельных вопросов растянулось на многие десятилетия. Движение удельных крестьян за дарственный надел также выходит за рамки 60-х годов XIX века.

Вызывает возражения также и противопоставление реформ 1863 и 1866 годов. Если первая, по мнению Ю. И. Смыкова, «ликвидировала прежнюю феодальную зависимость крестьян от удела, ускорила вызревание буржуазных отношений в деревне», то вторая «не ликвидировала полностью феодальную зависимость государственных крестьян от казенного ведомства, так же как и их сословную обособленность от остального сельского населения»⁵¹⁹. Противопоставление реформ 1863 и 1866 гг. неправомерно потому, что обе реформы были направлены на возможно большее сближение положения различных категорий крестьянства. Эта точка зрения, выдвинутая академиком Н.М. Дружининым, представляется более плодотворной. Ю.И. Смыков считает, что иа место зависимости от удела пришли чисто экономические связи крестьян с домом Романовых. В такую схему не укладываются ограничения по продаже наделов, а также движение крестьян за предоставление им дарственного надела, вызванное именно стремлением крестьян освободиться от зависимости, наконец — пореформенная чересполосица, лишение лесных и других угодий, выколачивание недоимок по платежам и т. п. В реальных аграрных отношениях зависимость крестьян от удела сохранялась еще длительное время.

Вопрос об общине эпохи капитализма является до сих пор одним из наименее изученных. Ю.И. Смыков сосредоточил внимание на одной из важнейших сторон жизни общины — землепользовании. Оригинальны наблюдения автора о начале процесса распада сложных общин в 70–80-х годах XIX в. в ходе введения владенных записей, об изживании коренных переделов земли и замене их переверстками⁵²⁰. Автор делает вывод, что «в пореформенной общине шел интенсивный процесс социального передела надельной земли, постепенной, но неуклонной концентрации ее в руках зажиточной деревенской верхушки, что в значительной степени подрывало один из коренных принципов сельской общины — землепользование»⁵²¹.

Распределение надельных земель между разными категориями крестьян было крайне неравномерным. Комбинационная таблица Ю. И. Смыкова подтверждает этот вывод. Ясно видны тяжелое положение крестьян помещичьих и несколько лучшая обеспеченность землей — государственных. Вывод же автора о том, что наличие так называемых мало-, средне- и многозе-

мельных общин служит признаком процесса «буржуазного расслоения пореформенной деревни Среднего Поволжья, т. е. выделения в ней зажиточной части крестьянства, с одной стороны, и сельского бедняка с ничтожным наделом — с другой», еще требует обоснования. Указанное соотношение не отражает ничего большего, кроме различий в землепользовании. Многоземельные общины существовали и в дореформенную эпоху, но это само по себе не означало социальной дифференциации крестьянства.

В вопросе о социальном расслоении крестьянства основное внимание автора направлено на сравнительную характеристику уровня расслоения в национальной и русской деревне Среднего Поволжья. Новые данные об имущественном и социальном неравенстве (по Николаевскому и Новоузенскому уездам Самарской губ.) содержатся в разделе о крестьянской аренде. Значение их превышает вспомогательную роль, отведенную им в книге: они позволяют судить о далеко зашедшем процессе буржуазной ломки старых производственных отношений в зоне преобладания «американского» пути.

В книге определен господствующий тип крестьянской аренды в средневожском регионе. Вывод автора о том, что «в 80–90-х гг. XIX в. на территории Среднего Поволжья преобладала предпринимательская аренда» следует считать вполне доказанным²²². Тем самым значительно продвинулось вперед решение одной из важнейших дискуссионных проблем — проблемы капиталистической земельной ренты. Наблюдения Ю.И. Смыкова многое здесь проясняют, но и наводят на мысль о необходимости уточнить понятия «арендная плата» и «рента». Полное отождествление их для пореформенной деревни не всегда верно, поэтому при определении характера ренты необходимо, прежде всего, учитывать способ производства. Колебания же размеров самой арендной платы зависят не только от наличия или отсутствия крепостнических пережитков (в качестве которых у Ю. И. Смыкова выступает по сути дела одно лишь помещичье землевладение), но и от других условий. Тесно связан с этой проблемой и другой аспект экономического строя крестьянского хозяйства. В монографии прослежены основные этапы развития земледелия и животноводства. Наиболее существен-

ное здесь — определение уровня товарности крестьянского хозяйства⁵²³.

На современном этапе изучения аграрной истории все более настоятельной становится необходимость продолжить исследование внутреннего строя крестьянских хозяйств. Имеющийся значительный документальный материал массового характера позволяет применить в анализе крестьянского хозяйства математические методы и конкретизировать процесс смены в нем феодального способа производства капиталистическим. И здесь крайне важно решить вопрос о критериях качественных оценок. Представляется, что крестьянское хозяйство испытывало на себе большое воздействие помещичьего. Сохраняет свою актуальность задача показать во всей полноте и многообразии взаимодействие этих двух основных компонентов аграрного строя пореформенной России. Следует также, по примеру Ю.И. Смыкова, продолжить дифференцированный анализ социальных процессов в деревне. Определяя уровень расслоения крестьянства, его революционную активность, необходимо учитывать реально существовавшие различия в развитии бывшей помещичьей, удельной и государственной деревни.

Подведем итоги. В научном наследии Ю.И. Смыкова можно выделить несколько направлений. Несомненную ценность представляют его труды по отечественной истории, истории Республики Татарстан, которые созданы в ходе педагогической деятельности в Казанском университете. Научную значимость сохраняют его труды, в которых представлены памятники истории и культуры Республики Татарстан. Несомнен его вклад в разработку истории Казанского университета.

И все же центральное место в творчестве Ю.И. Смыкова занимает аграрная история, а его монографии, научные статьи стали мощным фундаментом, на основе которого развивается современная аграрная историография. Думается, что его деятельность в качестве инициатора и координатора научных исследований оказала стимулирующее развитие на процесс создания новых исследований по истории российского крестьянства.

Раздел VI. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

§ 1. Новейшие исследования по аграрной истории Поволжья второй половины XIX — начала XX вв.*

Аграрный вопрос в Российской империи входил в число ключевых проблем второй половины XIX — XX веков, которая находилась в центре внимания, как государства, так и общества. Полемикой о путях развития аграрного сектора экономики страны пронизана историческая и публицистическая литература. В дискуссиях о путях развития аграрного капитализма принимали участие и лидеры политических партий и течений. Острый характер приняло обсуждение предстоящей реформы в первом российском парламенте. Не оставалось в стороне и российское крестьянство, которое в ходе протестных действий в первые годы XX столетия сформулировало требование о конфискации частновладельческих земель.

Заявленная тема моего доклада на научной конференции, посвященной памяти выдающегося историка-аграрника, доктора исторических наук, профессора К.Ф.Усманова достаточно широка, поэтому остановимся лишь на некоторых общих вопросах научной разработки аграрной истории Среднего Поволжья. Конечно, эти ограничения носят условный характер. Рассмотрим основные тенденции развития аграрной историографии и современное состояние проблемы.

В развитии аграрной исторической науки можно обнаружить на определенных этапах подъема и спады, которые зависели от социально-политической ситуации в стране. Если говорить о периоде 1920-1960-х гг., то изучением аграрной истории, как в России, так и в Поволжье занимались спорадически, как правило, в очень узких границах истории трех российских революций и гражданской войны. В центре внимания ис-

ториков находились проблемы изучения крестьянского движения, деятельности большевиков и других политических партий в деревне. В соответствии с марксистско-ленинской методологией авторы намечали неизбежную predeterminedность союза беднейшего крестьянства с пролетариатом. В тоже время с завидным постоянством говорилось об ухудшении социально-экономического положения крестьянства и углублении социального расслоения деревни.

Ситуация стала меняться в 1950-е гг., когда профессором Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова П.А. Зайончковским и его учениками началось изучение Великих реформ и, прежде всего, реализации реформы 1861 г. Тогда же существенно возрос интерес к изучению аграрной политики имперского правительства, суть которой состояла в отказе от традиционной поддержки (консервации сельской поземельной общины) и создании нового слоя земельных собственников в деревне в лице землеустроенных крестьян – хуторян и отрубников.

В этой связи были защищены кандидатские диссертации по истории реализации столыпинской аграрной реформы, как в отдельных губерниях Поволжья, так и в целом в границах всего региона. Новым было то, что авторы кандидатских диссертаций ввели в научный оборот значительное число делопроизводственной документации и статистического материала. Хотя, как и прежде, традиционные оценки итогов столыпинской аграрной реформы такие как «аграрный бонапартизм», «крах» реформы продолжали сохраняться.

Во второй половине 50-х- 60-х гг. определились основные центры, в которых началась разработка проблем аграрной истории. Прежде всего, необходимо отметить роль поволжских историков – И.Д. Кузнецова (Чебоксары) и Е.И. Медведева (Куйбышев). О жизненном пути этих исследователей детально говорится в кандидатских диссертациях Г.В. Балашова и Ю.А. Богомазовой, защищенных в диссертационных советах при Казанском и Самарском государственных университетах. Об их научном вкладе говорилось также и на научных конференциях в 2003 г. в Самаре и в 2005 г. в Чебоксарах. Следует также в качестве центра назвать и столицу республики Башкортостан Уфу, так как в 1987 г. К.Ф.Усманов издал моногра-

фию «Столыпинская аграрная реформа в Башкирии», в которой была дана широкая панорама жизни башкирской деревни в период проведения столыпинского землеустройства. Отметим также научные труды уральских историков-аграрников Ф.П. Быстрых, Т.Л. Левиной, Л.И. Легошина, Я.Л. Ниренбурга, П.И. Хитрова, которые были опубликованы на рубеже 50-х-60-х гг. XX столетия.

Особенно активно научная разработка многих проблем аграрной истории велась И.М. Ионенко, М.К. Мухарьямовым, Ю.И.Смыковым (Казань), А.В.Клеянкиным (Саранск). Именно они в 1976 г. поддержали инициативу доктора исторических наук, профессора Е.И.Индову, которая стояла у истоков создания Средневолжского объединения историков-аграрников. В 70-е гг. XX в. изучением аграрной истории стали заниматься представители новой генерации историков. В трудах Г.А. Герасименко (история низовых крестьянских организаций), Ю.И. Смыкова (крестьянство Среднего Поволжья 60-90-е гг. XIX в.), Н.Л. Клейн (экономическое развитие Поволжья), П.С.Кабытова (аграрные отношения в Поволжье в период империализма) в конце 1970-х – начале 1980-х гг. наметились новые подходы к изучению проблем аграрной истории, которые явственно стали проявляться во второй половине 80-х гг.

Отмечу также определенное воздействие на трансформацию концептуальных взглядов историков-аграрников публикации материалов семинаров в журнале «Отечественная история» «Современные концепции аграрного развития», которые были организованы выдающимся российским историком Виктором Петровичем Даниловым и Теодором Шаниным, что во многом позволило преодолеть кризисные явления в методологии и отказаться от традиционных подходов при анализе аграрных отношений.

Убежден также и в том, что это помогло нам преодолеть наши организационные неурядицы. Дело в том, что деятельность аграрного объединения историков Среднего Поволжья во второй половине 1980-х гг. была прервана. Оно было вновь воссоздано на рубеже XX-XXI веков, что придало мощный импульс научной разработке многих проблем аграрной истории. Научные конференции проводились не только в Йошар-Оле, Чебоксарах, Казани, Саранске, но в Ижевске, Оренбурге,

Самаре, что является существенным расширением географических границ научной деятельности Средневолжского объединения. Это яркое свидетельство активизации нашей работы.

Позитивные результаты в изучении аграрной истории Среднего Поволжья были обусловлены влиянием координации научных исследований нашего аграрного объединения. На рубеже XX-XXI веков успешно защитили докторские диссертации В.В. Кондрашин, А.Г. Иванов, В.А. Юрченков, П.И. Савельев, Ю.Н. Смирнов, Н.Н. Кабытова, Н.Ф. Тагирова, Э.Л. Дубман, М.И. Роднов, Е.П. Баринаова, Л.М. Артамонова, Е.К. Минеева и др. Назову лишь некоторые публикации, которые отражают современный уровень научных разработок. Были изданы монографии об аграрной эволюции Поволжья во второй половине XIX века (П.И.Савельев)⁵²⁴, крестьянстве Уфимской губернии (М.И. Роднов)⁵²⁵, крестьянских хозяйствах Татарстана в 1920 х гг. (Р.В. Шайдуллин)⁵²⁶, о формировании и функционировании рынка Поволжья (Н.Ф. Тагирова)⁵²⁷. Проблемы освоения Поволжья и взаимодействие власти и общества в этом процессе нашли отражение в монографиях Э.Л. Дубмана и Ю.Н. Смирнова⁵²⁸.

Важное значение уделялось изучению истории помещичьих хозяйств, по этой проблеме защищены одна докторская и пять кандидатских диссертаций с использованием традиционных и математических методов. Безусловным лидером в этой проблематике является П.И.Савельев. Изучалась также история дворянства Поволжского региона. По этой проблематике защищены одна докторская и четыре кандидатских диссертаций. Новые подходы ярко проявились в Поволжье и при разработке проблемы «Власть и общество» в период войн и социальных катаклизмов в начале XX века и в период гражданской войны.

Историки – аграрники принимали активное участие в создании обобщающих трудов по истории республик и областей Поволжья, в создании энциклопедий и справочных изданий. Пожалуй, новым явлением стало издание «Очерков истории юга-востока России» (авторы Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.), а также монографий «Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период» и «Поволжье – внутренняя окраина России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI- начало XX вв.)». При этом по отношению

к Поволжью (в том числе и к Среднему Поволжью) вводится в научный оборот новое понятие «внутренняя окраина России». Данное понятие как ключевое было предложено П.С.Кабытовым и Э.Л. Дубманом во время совещания (2002) в институте «Открытое общество», на котором было принято решение о подготовке серии учебных пособий по истории регионов Российской империи. При этом мы исходили из того, что территория Поволжья окончательно была закреплена под юрисдикцией метрополии в течение второй половины XVI – первой половины XVIII вв., однако, социально-экономическое освоение края, формирование на его пространстве постоянного сельского и городского населения, складывание административной системы продолжалось вплоть до начала XX века. В течение всего этого периода большая часть территории региона, прежде всего его юго-восточные окраины, активно осваивались. Одновременно, начиная с конца XVI–XVIII вв. Поволжье становится военным плацдармом для активного продвижения России далее на восток и юго-восток, превращается в базу для дальнейшего территориального продвижения Российской империи. Эти и другие факторы, несомненно, подчеркивают актуальность и научную значимость предложенной нами дефиниции.

Наконец есть и еще один позитивный итог нашей работы – это значительное расширение научной проблематики, что, несомненно, связано с освоением междисциплинарных методов исследования, и в том числе использования опыта зарубежных историков. В этой связи взаимодействие с западными историками (например, публикация трехтомной антологии «Американская русистика») позволяет активнее изучать повседневную жизнь российской деревни.

Один из актуальных вопросов, который всегда находился в центре внимания историков, юристов, социологов, литераторов и представителей других наук судьба и особенности сельской поземельной общины. Историография общины обширна. Вопрос о необходимости изучения общины был поставлен в 70-е гг. XX века на одном из аграрных симпозиумов в Вологде. В советское время об общине писали В.А. Александров, В.П. Данилов, А.В. Милов, А.М. Анфимов, М.М. Громыко, Н.А. Миненко. Особо хотел бы отметить вклад в изучение сельской поземельной общины П.Н.Зырянова. О необходимости

изучения общины конца XIX – начала XX вв. говорил на конференциях в Йошкар-Оле казанский историк И.М.Ионенко. Если мы внимательно посмотрим на литературу по аграрной истории конца 1960-1970-х гг., то мы можем констатировать, что эта проблема, активно изучалась историками республик Поволжья (А.С. Патрушев, Н.В.Полин, В.К.Абрамов, Х.Ф. Усманов, А.И. Акманов, Л.Г. Филатов, И.И. Фирстов и др.). Но затем эволюция сельской поземельной общины во второй половине XIX века изучалась спорадически. По нашим данным в Урало-Поволжском регионе в 1990-е гг. защищено лишь три кандидатских диссертации: А.Х. Биккузиной, Т.В. Ефериной Т.В. и А.В.Бирюковым ⁵²⁹.

Надо отметить, что в данных исследованиях лишь намечены новые подходы к изучению эволюции крестьянской общины. Так, А.В. Бирюков анализирует нормативно – правовую базу функционирования общины, а далее сосредотачивает внимание на земельных, хозяйственных и социальных функциях сельской общины. А.Х. Биккузина помимо традиционных правовых аспектов, отмечает сохранение в башкирской деревне простых, составных и раздельных общин. Весьма важен вывод о том, что в общине к концу XIX в. наметилась тенденция к отказу от норм обычного права, что было вызвано переходом на путь официального законодательства. Эта тенденция обусловлена ростом товарно-денежных отношений. А.Х.Биккузина анализирует также изменения в системе землепользования в связи с реализацией Правил от 10 февраля 1868 г., в ходе которых шло разграничение владений между селениями вотчинников и их арендаторов. Подчеркивается роль сельской общины в регулировании земельных наделов между семьями, распределении сенокосных угодий и в контроле над лесными угодьями. Исследователь отмечает, что регулятивная функция общины более активно проявлялась по отношению ко всем видам сенокосов. Весьма интересен анализ социально-правовой деятельности общины, что позволило сформулировать вывод о том, что к началу XX века нельзя говорить о полном разрушении общинных начал.

В исследовании Т.В. Ефериной помимо анализа историко-правовых аспектов функционирования сельской общины на территории Мордовии отмечено, что к началу XX в. в общинном землепользовании параллельно существовали две тенден-

ции: общинно-передельная и подворная. Передельческий фонд расширялся за счет приобретения земли как единолично, так и товариществами. Другая тенденция (она была характерна для всего многонационального крестьянства региона) ярко проявилась в затухании земельных переделов. Лишь в некоторых общинах переделы земли проводились ежегодно. Но в целом их сроки возросли до 12 и более лет. Исключение составляли сенокосные владения. Т.В. Еферица указывает, что в период проведения столыпинской земельной реформы основной крестьянской единицей продолжала оставаться община, что было вызвано рядом причин и, прежде всего, сохранением традиций, консерватизмом, тем, что община была гарантом социальной стабильности крестьян.

В той или иной степени проблемы эволюции сельской общины затронуты новейшими исследователями столыпинской земельной реформы. Как мне кажется, при оценке итогов столыпинских преобразований некоторые историки следуют за традиционными выводами советских историков, что столыпинская аграрная реформа потерпела или крах (Р.Р.Батыршин)⁵³⁰, или провал (А.А. Трегуб)⁵³¹, или неуспех (С.В.Максимов)⁵³². И все таки, в новейшее время появились исследования, авторы которых отказались от традиционных, догматических подходов. Речь, в частности идет о кандидатской диссертации О.М. Семериковой «Реализация столыпинской аграрной реформы на Урале (Вятская и Пермская губернии) в 1906-1917 гг.», в которой представлена реальная картина хода реформы в уральской деревне и выявлено общее и особенное в ее реализации.

Встает вопрос. Почему мы все еще придерживаемся традиционных взглядов? Что это? Инерционность мышления? Или что-то другое? Судя по всему, исследователи вольно или невольно остаются заложниками старых представлений, суть которых сводится к тому, что любая реформа должна в кратчайшие сроки дать позитивные результаты. Как известно последний реформатор Российской империи П.А. Столыпин говорил о том, что для переустройства России необходим длительный срок (20 лет). Но реализация реформы шла в сложнейшей социально-политической ситуации, когда у реформатора фактически отсутствовала социальная опора. К тому же, новейшие исследователи столыпинской аграрной реформы образно говоря «топчутся на одном и том же месте». Они не смогли увидеть

те реальные сдвиги, которые произошли в деревне в результате капиталистической модернизации. Внешне деревня продолжала оставаться прежней, но многие хозяйства даже бедняцко-средняцкие зачастую вынужденно стали ориентироваться на рынок. С другой стороны часто преувеличивают степень и уровень аграрной эволюции. В этой связи я хотел бы сослаться на собственный опыт изучения истории крестьянства.

В докторской диссертации я исследовал проблемы аграрной истории на стыке отечественной истории и истории народного хозяйства, или, как сейчас говорят, экономической истории. Но меня интересовали и проблемы духовной жизни русского крестьянства особенно в период войн и революций начала XX века. В этой связи я попытался по-новому прочесть уже известные историкам документы и материалы, увидеть в них то, что из-за так называемой «профессиональной слепоты» не смогли заметить мои предшественники.

Когда говорю о «профессиональной слепоте», то имею в виду, что советские историки, опираясь на марксистско-ленинскую методологию и принцип партийности, во многих документах о крестьянском движении видели только информацию о времени и месте крестьянского выступления, его направленности — против помещика, имперской администрации и т.д. Но они опускали чрезвычайно важные сведения, характеризующие состояние сельской поземельной общины, роль сельского схода в организации выступлений, поведение крестьян и частных владельцев накануне и во время выступления. Словом, новое прочтение ранее известных документов дает возможность выяснить сдвиги в настроении крестьян, определить мотивы их выступлений.

Поэтому в центре моего внимания оказался довольно внушительный корпус источников: донесения представителей коронной администрации о крестьянских выступлениях, жалобы помещиков на крестьян. Приговоры сельских сходов, наказания, письма крестьян и солдат действующей армии родным, цензорские отчеты, а также записи крестьянских высказываний, вошедшие в книгу сестры милосердия Софьи Федорченко «Народ на войне», которая была издана в 1917 г. и выдержала несколько изданий.

И вот здесь я для себя сделал несколько открытий: в изученных мною материалах сельская поземельная община пред-

ставала несколько иной, чем в полемических сочинениях Ленина и опиравшихся на них трудов советских историков.

Во-первых, удельный вес зажиточного крестьянства в центральных уездах Великороссии был очень невелик: колебался от 4 до 6 процентов. В работах марксистов, стремившихся во что бы то ни стало доказать капитализм в сельском хозяйстве России (и правоту Маркса) карикатурилась степень социальных противоречий, раздиравших общину, преувеличивался накал выступлений бедноты против сельской буржуазии. Это не соответствовало историческим реалиям конца XIX – начала XX вв.: противоречия внутри крестьянства пребывали в стадии эмбриональной, а вся община объединялась заинтересованностью освободиться от цепких остатков крепостничества.

Во-вторых, из поля зрения советских историков выпадал факт, что сельская община являла собой организатора выступлений крестьян против помещиков и коронной администрации, а правовой основой для таких радикальных действий служил сельский сход: он в своих приговорах формулировал экономические, а в годы первой русской революции и политические требования.

В-третьих, в 1905-1907, а также в годы реализации столыпинской земельной реформы функции общины расширились, существенно изменилось и содержание приговоров сельских сходов. Община стала решать вопросы выхода из нее отдельных домохозяев и укрепления земли в личную собственность, что усилило противодействие ее новой аграрной политике правительства.

В-четвертых, в сельской общине сформировалось демократическое большинство, включавшее радикально настроенных крестьян. Именно оно инициировало многие протестные выступления в период между двумя российскими революциями.

Убежден в том, что те позитивные сдвиги, которые наметились на современном этапе в российской историографии помогут предпринять реальные шаги по подготовке и изданию многотомной истории крестьянства Среднего Поволжья. Об этом неоднократно говорили основатели нашего объединения историков-аграрников Среднего Поволжья.

* «Аграрная история XX века: Историография и источники. Самара, 2014. С.427-434».

§ 2. Сельская поземельная община в период реализации Столыпинской аграрной реформы (обзор научной литературы)*

Уважаемые коллеги! Благодарю Оргкомитет VI Всероссийской (XIII Межрегиональной) конференции историков-аграрников за приглашение принять участие в столь значимом научном мероприятии, которое станет еще одним шагом в процессе интеграции научных исследований по аграрной истории Поволжья. Сегодня мы обсуждаем актуальную проблему – место и роль сельской общины в истории региона и страны. Сразу же отмечу, что длительное время ее история находилась на периферии советской историографии. Между тем, институт сельской поземельной общины включал всю территорию страны, свыше 90% ее населения. Изучение общины велось крайне неравномерно и во многом зависело от социально-политической ситуации в стране. Так, например, реализация Великих реформ и столыпинской аграрной реформы обострила интерес к общине⁵³³. Но после краха Российской империи стал преобладать вал исследований, в которых первенствующее значение отводилось истории революции и классовой борьбе. В данном выступлении я останавливаюсь лишь на основных тенденциях в изучении исследуемой проблемы и затрону те концептуальные построения, которые более ярко характеризуют историографическую ситуацию, которая складывалась в тот или иной рассматриваемый период.

Условно можно выделить три периода. В дореволюционный период (1900-1917 гг.) представлены оценочные суждения представителей консервативного, либерального и радикального направлений. Здесь речь идет о трудах А.А. Кауфмана⁵³⁴, А.И. Чупрова⁵³⁵, А.А. Кофода⁵³⁶, В.И. Ленина⁵³⁷. Ценные сведения об отношении крестьян к столыпинской аграрной реформе, оценочные суждения о ее целесообразности и негативное восприятие правительственных нововведений содержится в двухтомном сочинении И.В.Чернышова⁵³⁸.

Второй период (1917 –середина 1980 гг.), характерен тем, что в нем можно выделить три этапа. На первом этапе до начала 1930-х гг. в историографии сохраняется многоцветье раз-

личных оценок, которые присутствуют в трудах С.М.Дубровского, П.Н.Першина, Б.Д. Бруцкуса. Но уже в конце 1920-х гг. преобладают оценки, основанные на теоретических постулатах В.И.Ленина о крахе столыпинской аграрной реформы, аграрном бонапартизме, проведении реформы в интересах помещиков. Второй этап с 1930-х до середины 1950-х гг. интересен тем, что изучение сельской поземельной общины отходит на второй план, а первостепенное внимание уделяется анализу социально-экономических предпосылок второй русской революции. Можно также констатировать угасание интереса историков к столыпинской аграрной реформе. Но историческая ситуация стала меняться в начале 1950-х гг., когда вновь возник интерес к данной проблематике⁵³⁹. По инерции в названиях диссертаций все еще сохранялись традиционные представления о главенствующей роли классовой борьбы в историческом процессе. Авторы пытались проследить влияние столыпинской реформы на социально-классовую структуру крестьянства, изменения в землевладении и землепользовании в связи с выходом крестьян из общины и укреплением земли в личную собственность. Наблюдалось единодушие и в оценках реформы как ее краха в поволжских губерниях. К числу характерных особенностей этих исследований следует отнести то, что авторы не выявили степень деформации общины, не смогли установить особенности аграрной эволюции в различных регионах Поволжья. Так как основное внимание в диссертациях уделялось анализу крестьянского движения, сельская поземельная община фактически оказалась вне поля зрения исследователей.

Формирование новых подходов в отечественной историографии стало возможным благодаря дискуссиям конца 1950-х — начала 1960 —х гг. о характере и особенностях аграрного строя и многоукладности экономики России. Вопрос о необходимости изучения сельской общины был поставлен в 1970-е гг. на одном из аграрных симпозиумов в Вологде⁵⁴⁰. В этот период общину изучали С.М. Дубровский, А.М. Анфимов, В.А. Александров, В.П. Данилов, Л.В. Милов, М.М.Громыко, Н.А. Миненко и многие поволжские историки. Так, казанский историк И.М. Ионенко на одной из межрегиональных конференций в Йошкар-Оле призвал историков обратить внимание на особен-

ности эволюции общины в начале XX в. В 1970 – первой половине 1980-х гг. эта проблема нашла отражение в исследованиях А.С. Патрушева, П.С. Кабытова, Н.В. Полина, В.К. Абрамова, И.И.Фирстова и др.

Вторая половина 1980-х гг. органично сохраняет рудименты традиционных представлений, которые сочетаются с новыми подходами в изучении столыпинской аграрной реформы. В этот период проблематика исследований существенно расширилась, что было связано с выбором путей общественного развития, валом публицистических статей, появившихся в годы перестройки, жгучим интересом к реформаторской деятельности П.А. Столыпина. Появилось большое число исследований, характеризующих причины формирования нового вектора в имперской аграрной политике. Особо выделим фундаментальные исследования выдающегося историка-аграрника В.Г. Тюкавкина⁵⁴¹, а также монографию П.Н. Зырянова⁵⁴². Если В.Г. Тюкавкин давал позитивную оценку столыпинским преобразованиям в деревне, то П.Н. Зырянов полагал, что община в начале XX века сумела в той или иной степени приспособиться к новым условиям. Более того, по мнению историка, община смогла обеспечить в определенной степени подъем в хозяйственной сфере. Но вряд ли можно согласиться с этим суждением, так как изучение аграрной эволюции в Поволжье дает несколько иную картину. Например, в лесной и лесостепной полосах, где существовали сложные общины, наблюдалась консервация патриархальных отношений, землевладение и землепользование представляло мозаику владений разных поселений, неразмежеванных и включенных в один план. В социальной структуре крестьянства более 70% составляли беднота и середняки, а удельный вес потомственных пауперов доходил до 20%. Аграрная перенаселенность способствовала сохранению архаики, а потому восприятие новаций, исходящих со стороны коронной администрации и земских учреждений, отличалось от крестьянских воззрений фермеров степных уездов, где общинные связи рушились и формировались характерные черты собственника, ведущего товарное хозяйство. Выделим исследования, в которых предпринята попытка осветить деятельность последнего реформатора Российской империи П.А. Столыпина⁵⁴³, который активно проводил в жизнь Указ 9 ноября 1906 г., закон 14 июня

1910 г. и принял участие в разработке Положения о землеустройстве 1911 г.

Одна из задач, которая приобрела особую остроту в новейший период, состояла в том, чтобы преодолеть избитые штампы и стереотипы в оценке столыпинской реформы, которые транслировались официальной советской историографией. Так, в 1970-1980 — х гг. в работах историков сохранялись такие рудименты как отрицательное отношение к сельской общине, которая якобы находилась в кризисном состоянии и являлась тормозом в развитии капитализма и введении в социальную практику новых агроприемов. Педалировались и такие оценки «консервативность реформы», ее ограниченность, дуализм, а также из работы в работу кочевал ленинский термин «аграрный бонапартизм Столыпина». Например, в обобщающей монографии ленинградских историков говорилось: «Столыпинская реформа, одной рукой открывавшая путь к капитализму в сельском хозяйстве, другой, пытавшаяся его закрыть, преследовавшая цель создать и законсервировать мелкого земельного собственника была очередной реакционной утопией в аграрном вопросе»⁵⁴⁴. Сохранялись и такие оценки — реформа была жизненно необходима, но она потерпела крах. Или видный историк В.С. Дякин поставил такой вопрос «Был ли у Столыпина шанс реформировать страну?»⁵⁴⁵.

Новый вал диссертаций по столыпинской аграрной реформе приходится на 1990-2000 — е гг. Но и в них все еще сохраняются архаичные представления историков советской эпохи. Причем они органично соседствуют с новыми выводами и наблюдениями. Например, С.В. Максимов пришел к выводу, что реформа не принесла успехов⁵⁴⁶. Заслуживает внимание тезис казанского историка В.И.Люкшина, который считает, что попытка реформаторов «расколоть общину и положить конец господству в аграрном секторе национального производства неэффективных способов ведения хозяйства обернулось еще большим сплочением общинного крестьянства...»⁵⁴⁷. Вряд ли с этим можно согласиться. Хуторские и отрубные хозяйства проявляли большую заинтересованность, нежели общинные в интенсификации производства. Скорее научную значимость имеет его вывод о «возрождении и актуализации норм и ценностей общинной этики выживания»⁵⁴⁸. В работе Р.Р. Батыршина об-

ращено внимание на изучение форм и методов организации местными органами власти мероприятий по реализации реформы, созданию землеустроительных комиссий, организации землеустроительных работ и активизации земств, включившихся в формирование земской инфраструктуры, строительство элеваторов и зерновых складов, проведение агрономических мероприятий, выставок. Он констатирует, что при проведении реформы «без силовых методов власти обойтись явно не могли»⁵⁴⁹.

Несколько иначе формулирует выводы об итогах реализации реформы и ее влиянии на общину пензенский историк О.А. Прилуцкая⁵⁵⁰, которая считает реформу объективно обусловленной внутренней политикой самодержавного правительства. Она отмечает зависимость темпов образования хуторских и отрубных хозяйств от уровня развития аграрного капитализма в регионе. И в этом заметна генетическая связь выводов О.А. Прилуцкой с теоретическими построениями автора этих строк⁵⁵¹. Тезис о зависимости результатов реформы от уровня развития капитализма повторил в своей диссертации С.Б. Котляров, отмечая при этом, что общины «мордвы, татар, чувашей отличались от русских большей прочностью и консерватизмом»⁵⁵². Несмотря на то, что по мнению автора, реформа не достигла своих социальных и политических целей, она создала условия для роста земледельческого производства. А.А.Трегуб полагает, что реформа могла быть реализована без административного нажима. По его мнению, реформатор сделал ставку на социально-экономические преобразования, не требовавшие гражданской активности населения, но отсутствие поддержки со стороны населения негативно сказалось на ходе реформы⁵⁵³.

В новейший период активно изучалось протестное движение, настроение и социальное поведение народных масс в период Первой мировой войны⁵⁵⁴, революционное движение в национальной деревне Поволжья – марийской, мордовской и чувашской – в годы Первой мировой войны (И.Б. Ниманов), общественное сознание и социальное поведение крестьянства (А.А. Казанцев, М.Д. Журавлева).

Несмотря на все многообразие работ, сельская поземельная община периода столыпинской аграрной реформы все еще остается недостаточно изученной. На наш взгляд, необходимо представить реальную картину социальных протестов крестьян

в 1906-1907 гг. и показать роль общины по противодействию столыпинскому землеустройству. В этой связи заслуживает внимания вопрос о социальном составе общины, на который оказал влияние выход из нее полярных слоев, как зажиточных крестьян, так и пауперов, порвавших связь с деревней. По сути дела белым пятном остается и степень деформации общины в связи с мобилизацией солдат в действующую армию. Пока что гендерные аспекты лишь декларируются, но исследований по этой тематике нет. Встает и такая проблема как анализ влияния притока в Поволжье беженцев и военнопленных, не выявлена степень деградации деревни в годы Первой мировой войны и в связи с этим уровень маргинальности крестьян, призванных в армию.

* Аграрная история XX века: Историография и источники. Самара, 2014. С.434-438.

§ 3. Историки на войне и в мирное время

Проблема «Историки на войне и в мирное время» многогранна. Ее изучение сопряжено с рядом трудностей, так как помимо историографических фактов — монографий и научных статей, которые дают представление о характере научной деятельности историков в послевоенный период и их вкладе в научную разработку проблем отечественной истории, необходимо выявить комплекс документальных источников, хранящихся в архивах вузов, личных архивах историков, воспоминаний историков и их учеников.

В настоящей статье предпринята попытка показать участие историков в Великой Отечественной войне и проследить процесс становления их как профессионалов в мирное время. При написании статьи был изучен комплекс материалов, которые позволяют провести реконструкцию биографий самарских (куйбышевских) историков А.И. Медведева, Е.И. Медведева, В.Г. Толкачева, А.П. Негуляева, Ф.А. Каревского, К.Я. Накшина, С.Г. Басина, казанских историков И.М. Ионенко, М.К. Мухарямова, Е.И. Устюжанина, Г.Н. Вульфсона; саратовских С.М. Стама, Л.А. Дербова

Трудность изучения этой проблемы состоит в том, что лишь часть личных архивов историков хранится в фондах государственных республиканских и областных архивах. Так в Саратовском государственном архиве хранятся личные фонды Л.А. Дербова, Д.П. Ванчинова. В Самарском — Е.И. Медведева, К.Я. Наякшина. Лишь некоторые историки на закате жизни написали воспоминания, в которых представлены материалы о периоде военного лихолетья. Более полно воссоздана их деятельность в послевоенный период. Исключение составляют воспоминания И.М. Ионенко «Нам жить и помнить. Записки штабного офицера», воспоминания С.М. Стама и Г.Н. Вульфсона. Но если в воспоминаниях И.М. Ионенко представлены события военной поры, то в воспоминания Стама и Вульфсона включены разделы об их становлении как личности — учебы в школе и высших учебных заведениях, воссоздана панорама повседневной жизни в период войны и показано их участие в боевых действиях. Их воспоминания являются важнейшим источником, позволяющим реконструировать различные социальные практики историков, как во время войны, так и в послевоенный период.

При написании настоящей статьи использованы биографические очерки, опубликованные в региональных энциклопедиях, которые вышли в свет в 90-е гг. XX в. — в начале XXI в. Но участие историков в Великой Отечественной войне в этих статьях представлено крайне скудно и фрагментарно. Важная информация об этом периоде содержится в личных делах историков и, прежде всего, в личных листках по учету кадров и автобиографиях. Но и эти записи, которые заполнялись историками во время приема на работу в вузы, весьма лаконичны и напоминают протокольную запись. Большой объем информации содержат автобиографии, но в них лишь упоминается об участии в боях в составе той или иной армии, или войскового соединения. Иногда указывается род войск.

Надо особо отметить, что многие десятилетия участники войны не охотно делились воспоминаниями о войне, а главное о своем непосредственном участии в боях с родными и коллегами. О войне напоминали лишь орденские колодки, да ордена и медали, которые, как правило, украшали их праздничные

пиджаки в день Победы и во время других торжественных мероприятий.

Ситуация стала меняться лишь в 80-е годы, когда ветераны, преодолевая своеобразную немоту, стали в исповедальной форме рассказывать наиболее значимые сюжеты собственной военной истории. Часть этих эпизодов вошла в статьи учеников ветеранов, опубликованных в связи с их юбилеями. И все же в полном объеме осуществить реконструкцию участия историков на фронтах Великой Отечественной войны невозможно без использования воспоминаний ветеранов войны. Но как мы, указывали выше, мы можем воссоздать военную биографию И.М. Ионенко, С.М. Стама, Г.Н. Вульфсона

Иная ситуация возникает при выявлении, сборе, анализе и интерпретации документального материала, отражающего научную, педагогическую и общественную деятельность историков в послевоенный период. Безусловно, при создании научной биографии первостепенное значение имеют монографии и научные статьи ученых, которые позволяют выявить основные направления научной деятельности, проследить воздействие на их концептуальные построения социально-политической ситуации в стране. Представляется возможным выявить проблематику их исследований, а также показать конкретный вклад ученого в разработку проблем отечественной истории. И в этой связи большое значение имеют такие историографические факты как рецензии на их труды, обобщающие историографические исследования по отдельным проблемам, а также очерки и статьи, в которых содержится историографический анализ их научных трудов.

Вехи довоенной биографии историков отражены в воспоминаниях, личных листках по учету кадров и автобиографиях. Судя по этим источникам можно установить, что на фронтах Великой Отечественной войны воевали красноармейцы 1900-1924 года рождения. К числу тех, кто родился в 1900 г. относится Кузьма Яковлевич Наякшин. Казанский историк Евгений Иванович Устюжанин родился 9 декабря 1902 г. В 1913 г. родились казанский историк И.М. Ионенко и саратовский медиевист С.М. Стам. Е.И. Медведев – в 1903 г. Л.А. Дербов – в 1909 г. Ровесником второй российской революции является

А.И. Медведев (11 марта 1917 г.), С.Г. Басин – Гражданской войны в 1918 г. В 1920 г. родились Г.Н. Вульфсон и Ф.А. Каревский, а в 1922 г. М.К. Мухарямов, в 1924 г., В.Г. Толкачев, А.П. Негуляев.

Биографические данные позволяют установить место рождения будущих историков и их социальное происхождение. Например, С.М. Стам родился в Суконной слободе города Казани, Е.И. Устюжанин в городе (станции) Конспекты Семипалатинской области; Л.А. Дербов – в Барановичах, С.Г. Басин в Екатеринославле; Е.И. Медведев, В.Г. Толкачев, А.П. Негуляев в Оренбургской губернии, Ф.А. Каревский в Воронежской губернии, А.И. Медведев в Самарской, И.М. Ионенко в Смоленской, М.К. Мухарямов в Башкирской автономной республике, Г.Н. Вульфсон – в Новосибирске. По социальному происхождению: С.М. Стам и С.Г. Басин, Г.Н. Вульфсон потомки рабочих, Е.И. Устюжанин из казаков; А.И. Медведев, Е.И. Медведев, Ф.А. Каревский, К.Я. Наякшин, А.П. Негуляев, И.М. Ионенко в анкетах указали свое крестьянское происхождение.

Начальное образование будущие историки получили в сельской местности. Лишь житель Суконной слободы С.М. Стам и Г.Н. Вульфсон учились в городских школах города Казани.

Все они до службы в Красной Армии работали учителями в сельской местности. С.М. Стам после окончания 9 классов работал учителем в деревне Контузла Красноборского района⁵⁵⁵. В 1932 он был зачислен в число студентов Московского историко-философского института Московского государственного университета. С июля 1919 года начинается семипалатинский период жизни Устюжанина. Здесь он поступил в семинарию, которая в годы гражданской войны «была переименована сначала в практический институт народного хозяйства, потом в педагогический техникум»⁵⁵⁶. После окончания техникума в 1924 г. Е.И. Устюжанин стал исполнять обязанности учителя опытной школы при семипалатинском педтехникуме. Опыт педагогической деятельности был у И.М. Ионенко, который после окончания девятилетки поступил учиться в Соболевский педтехникум, а затем был направлен на работу учителем начальных классов. Педагогическая карьера И.М. Ионенко была успешной. В 20 лет юный педагог был назначен директором школы

крестьянской молодежи⁵⁵⁷. После окончания школы на рабфаке учился и Ф.А. Каревский. Студент МГУ Л.А. Дербов в 1931-1934 гг. преподавал социально-экономические дисциплины в Ново-Черкасском педтехникуме⁵⁵⁸. В 1946-1948 гг. в учительском институте учился В.Г. Толкачев. Несколько иначе складывалась трудовая биография К.Я. Наякшина, который в 1913 г. окончил 2-х классное училище, затем учился в мензелинском сельскохозяйственном училище, но был исключен за неудовлетворительное поведение. В 1917 г. он участвовал в революционных событиях, работал в земельном комитете, а затем в волостном совете. Он является участником Гражданской войны входил в состав красногвардейского отряда, затем продовольственного отряда. В 1919 г. был среди тех, кто подавлял крестьянские восстания. В 1924-1925 г. работал в партийных органах на Урале.

А.И. Медведев после окончания школы работал в 1934-1938 гг. трактористом, а затем инструктором школы комбайнеров.

С.Г. Басин, завершив образование в школе, решил получать специальность техника-радиста⁵⁵⁹. Вскоре он был зачислен в Витебский политехникум на отделение коротких волн.

Судя по этим данным в период социалистического строительства тяга к получению высшего образования у будущих историков была велика.

Реконструируя их биографии, мы установили, что И.М. Ионенко, С.Г. Басин, Е.И. Устюжанин стали студентами Ленинградского педагогического института. Но С.Г. Басину не удалось завершить учебу, так как 23 июля 1941 г. студент 4 курса подал заявление в военкомат с просьбой направить его в действующую армию⁵⁶⁰. Лишь после демобилизации в 1942-1943 гг. он смог завершить обучение в Куйбышевском педагогическом институте. К.Я. Наякшин в 1926 -1929 г. учился на историко-экономическом отделении Пермского государственного университета. Становление Е.И. Медведева как историка произошло в стенах Казанского Восточно-педагогического института, который он успешно закончил в 1928 г., а вначале 1930-х гг. поступил в аспирантуру Казанского государственного университета. Медведев был назначен управляющим Татарским центральным архивом, одновременно исполнял обязанности дирек-

тора Центрального музея Казани. Он заявил себя как автор ряда научных работ по истории пролетариата Казанской губернии начала XX в. и публикатор документальных сборников по истории Первой мировой войны и второй русской революции. Был арестован в 1935 г. и сослан в Куйбышев. Но и в этих труднейших условиях он продолжал научную работу и в 1942 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Революционное движение в Татарии в годы первой мировой войны»⁵⁶¹. Л.А. Дербов в 1928 г. был зачислен на филологический факультет МГУ, а в 1934 г. поступил в аспирантуру, где под руководством выдающихся историков Н.Л. Рубинштейна и С.В. Бахрушина вел изучение такой проблемы как «Борьба русского государства за выход к Балтийскому морю во второй половине XVI века». Кандидатскую диссертацию Л.А. Дербов защитил в 1944 г. Ф.А. Каревский в 1934-1938 г. получил среднее образование на рабфаке Воронежского государственного университета, затем несколько месяцев учился в сельскохозяйственном институте, а в 1939-1940 г. был зачислен на исторический факультет Воронежского педагогического института. Начавшаяся война прервала учебу. Но затем после ранения в 1942 г. его демобилизовали из армии, и он был принят на исторический факультет Куйбышевского педагогического института, который окончил в 1945 г.

Необычна студенческая судьба С.М. Стама. Выше мы уже писали, что он был зачислен в МИФИ в 1932 г., но в 1933-1935 гг. он обучался в японском отделе при институте Востоковедения. В 1935 г. он вновь переводится в МИФИ, который был преобразован в МИФЛИ. Затем его зачислили в аспирантуру, а научным руководителем утвердили академика С.Д. Сказкина⁵⁶².

Перипетии поступления в Ленинградский университет подробно описаны в воспоминаниях Г.Н. Вульфсона. Он с горечью сообщает о том, что в 1939 г. ему не хватило двух баллов на отделение русской литературы. Он был разочарован, когда ему сообщили, что он может быть зачислен только на семито-хамитское отделение без представления общежития. Вульфсон решил возвратиться в Казань⁵⁶³, где был зачислен на исторический факультет Казанского государственного университета. В апреле 1942 г. он принял решение добровольно идти в ар-

мию. Учебу в университете он продолжил в 1943/1944 учебном году, а в 1945 г. он успешно сдал госэкзамены и защитил дипломную работу на тему «Безднинское восстание в освещении «Колокола» и оценке Герцена»⁵⁶⁴.

А.П. Негуляев поступил на исторический факультет МГУ в 1948 г. «С большим уважением и теплотой он говорил о своих учителях академике Б.А. Рыбакове, член-корреспонденте АН СССР [в те года – П.К.] М.Н. Тихомирове, профессоре С.С. Дмитриеве»⁵⁶⁵. В 1948-1949 г. На историческом факультете Кзыл-Ординского педагогического института учился В.Г. Толкачев.

Удивительно, но факт. Даже в условиях военного лихолетья появлялась возможность повысить образовательный уровень офицеров Красной Армии. Судьба была благосклонна к А.И. Медведеву, который в 1943 г. прошел курс обучения в Военно-политической академии имени В.И. Ленина⁵⁶⁶. В 1945-1947 он учился в Высшей партийной школе в Москве, а в 1950-1955 гг. в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Все перечисленные выше историки принимали участие в боевых действиях против фашистских войск. Исключение составляют Е.И. Медведев⁵⁶⁷ и Л.А. Дербов, которые преподавали исторические дисциплины в Куйбышевском педагогическом институте и Саратовском государственном университете. К.Я. Накшин воевал в войсках Брянского, 2-го Прибалтийского и 1-го Белорусского фронтов. Он исполнял обязанности заместителя начальника политотдела дивизии, агитатора и лектора политотдела армии. С мая 1945 г. – ноябрь 1946 г. находился в составе советских оккупационных войск в Германии. С.Г. Басин окончив курсы политуправления Красной Армии становится в ряды политбойцов. В середине июля 1941 г. был направлен на Западный фронт в 24-ю армию, участвовал в Ельнинской операции, получил два тяжелых ранения в живот и ногу, был эвакуирован в Ташкент, а затем его направили на излечение в г. Куйбышев⁵⁶⁸. Лейтенант И.М. Ионенко в 1941 г. участвовал в Ельнинской операции. Получил контузию и ранение. После выписки из госпиталя был направлен в формирующуюся в Казани 334 стрелковую дивизию. Вскоре И.М. Ионенко переводят на должность помощника начальника штаба в оперативный отдел 4-й ударной армии, где он принимал участие в

описании истории боевых действий войсковых соединений Красной Армии⁵⁶⁹.

Так же как и И.М. Ионенко методы исторического исследования в годы войны успешно использовал С.М. Стам. В начале войны он записался в народное ополчение, в истребительный батальон. Но вскоре был направлен на Дальний Восток, где проходил службу в японской редакции 7 отдела политуправления 17-й армии. Он написал и опубликовал монографию «Вторая ассоциация помощи трону и внутреннее положение Японии». Исследовательская работа была продолжена в 1945 г. накануне вступления СССР в войну с Японией. Его книга «Звериное лицо японского милитаризма» имела практическое значение в условиях войны, как для политработников, так и для солдат Красной Армии.

Е.И. Устюжанин был призван в армию 15 июля 1941 г. О своей службе в отделе контрразведки «Смерш» в Саратове и Куйбышеве в 1941-1944 гг. он не рассказывал. В 1944 г. он был направлен из госпиталя на службу в Казань, а 10 ноября 1945 г. поступил приказ об увольнении из органов контрразведки капитана Е.И. Устюжанина⁵⁷⁰.

А.И. Медведев служил в Красной Армии с 1938 по 1944 гг. Начал службу в Энгельсе, затем закончил курсы политруков в Куйбышеве. Участвовал в боях в составе 2-го дорожного эксплуатационного полка 20-й армии Западного фронта под Оршей и Смоленском. В составе 393 стрелковой дивизии под Великими Луками, Калининым и Ржевом. Был ранен, лечился в госпитале в Энгельсе. После окончания Военно-политической академии был назначен на должность инструктора политотдела 97 стрелкового корпуса, 22-й армии 2-го Прибалтийского фронта. 4 января 1944 г. получил ранение, находился на лечении в госпитале г. Кирова.

Кратковременным было участие Г.Н. Вульфсона на фронте. Он был призван в действующую армию весной 1942 г. Проходил строевую и специальную лыжную подготовку. В составе лыжной бригады № 10 в феврале 1943 г. участвовал в боях на территории Украины. 19 марта 1943 г. в районе деревни Поповки на берегу Северного Донца был тяжело ранен. «Осколком снаряда оторвало часть правой ноги, осколки попали в левую ногу, а один угодил в шею»⁵⁷¹. Был вынесен с поля боя,

направлен в эвакуогоспиталь, а затем на излечение в Пензу, позднее в Казань.

Ф.А. Каревский был призван в армию в 1940 г. С первых дней войны находился на фронте. В августе 1941 г. в районе Старой Русы был тяжело ранен и вплоть до начала 1942 г. находился на лечении в госпиталях. Затем был демобилизован и зачислен студентом исторического факультета Куйбышевского педагогического института, который закончил в 1945 г.

Командир танковой роты, выпускник Сызранского танкового училища, М.К. Мухарямов участвовал в сражениях под Сталинградом и на Курской дуге. Был дважды тяжело ранен. В 1944 г. демобилизован по состоянию здоровья. В госпитале ему ампутировали правую ногу.

А.П. Негуляев в октябре 1942 г. пошел на фронт добровольцем. Он воевал заряжающим, командиром орудия в составе 366 артиллерийского полка в 65 армии «В декабре 1943 г. под Мозырем был тяжело ранен и находился в течение 7 месяцев в госпитале. 25 октября 1945 г. Негуляев был демобилизован⁵⁷². До 20 июля 1945 г. работал учителем в Секретарской школе Оренбургской области, учился в Московском государственном университете, а затем работал цензором в Главлите СССР. В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию в Казанском университете. В 1971 г. переехал в г. Куйбышев и прошел по конкурсу на должность доцента кафедры истории КПСС Самарского (Куйбышевского) государственного университета.

Ратный подвиг историков Родина отметила орденами и медалями. Но и в мирное время многие из них получили награды и почетные звания.

В послевоенный период, преодолевая невзгоды и трудности, историки смогли органично вписаться в мирную жизнь страны. Более того им удалось совершить невозможное. Они вернулись в высшие учебные заведения, защитили кандидатские, а позднее в 60-80 — е гг. — докторские диссертации, создали научные школы и внесли существенный вклад в подготовку высококвалифицированных кадров для народного хозяйства. Нельзя не отметить, что все они являются авторами научных трудов, которые получили признание научной общественности. Значима их роль и в общественно-политической жизни Поволжья.

И.М. Ионенко, В.Г. Толкачев, С.М. Стам, Ф.А. Каревский, Е.И. Устюжанин, Л.А. Дербов, В.Г. Толкачев, К.Я. Наякшин, Е.И. Медведев, С.Г. Басин многие годы руководили кафедрами в вузах Казани, Самары и Саратова. Особо отметим поистине неутомимую деятельность Г.Н. Вульфсона, как организатора музея в Казанском госуниверситете и деятельного участника реставрации актового зала университета и научного руководителя биобиблиографического словаря «Казанский государственный университет». И, конечно, многие выпускники с благодарностью вспоминают И.М.Ионенко, инициировавшего организацию в Казанском университете «Снежных десантов», изучавших боевой путь воинских соединений, сформированных в Казани в период войны

Преподаватели и студенты Самарского государственного университета с особым почтением вспоминают А.И. Медведева, который в послевоенный период работал в партийных органах. Он прошел путь от политрука до заведующего отделом горкома в Казахстане. Несколько лет он возглавлял отдел ЦК компартии Молдавии. Наиболее значимой была его роль как ректора Кишиневского университета. Он внес колоссальный вклад в создание Самарского (Куйбышевского) университета, стоял в 1969-1973 гг. у истоков формирования научных школ. Так же велика и роль М.К. Мухарямова как крупнейшего организатора научных исследований и директора института языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР. Для всех наших героев, которые не щадя жизни защищали Родину вполне применимы слова саратовского историка Л.А. Дербова: «относился к занятиям историей с уважением, бережно, ответственно и серьезно. Много и упорно трудился, старался сделать все как можно лучше»⁵⁷³. И, конечно, историки Поволжья с благодарностью вспоминают и чтят своих учителей, которые героически защищали Родину и тем самым приближали Великую Победу.

§ 4. Хроника событий «Самарская губерния: день за днем. 1890–1905 гг.» как источник для изучения региональной истории

Уважаемые коллеги! Выражаю искреннюю признательность оргкомитету настоящей конференции за приглашение выступить с докладом и поделиться опытом подготовки региональных хроник событий. Вы все хорошо знаете, что в Самарской губернии сбором и выявлением источников по истории края впервые стали заниматься сотрудники Самарского губернского статистического комитета. Так, уже в первых изданиях «Списка населенных мест Самарской губернии» мы находим сведения о заселении территории региона русскими переселенцами из центральных уездов великорусских губерний, мигрантов из Украины. В освоении Самарского края активное участие принимали народы Среднего Поволжья, а также немцы-колонисты. Мы отмечаем также значительный вклад в изучение самарской истории видного общественного деятеля второй половины XIX века, почетного гражданина Вятки, Софии и Самары Петра Владимировича Алабина. Большой резервуар исторических сведений содержится также в земско-статистических изданиях, которые были инициированы земскими статистиками при подготовке и издании сборников статистических сведений по Самарской губернии, подворных переписей, сельскохозяйственных обзоров, материалах оценки земель⁵⁷⁴. И, конечно, все мы высоко оцениваем краеведческую картотеку К.П. Головкина, в которой представлен большой комплекс разнообразных материалов по истории дореволюционной Самары, «скрупулезно собранных и обработанных в последние годы жизни (1923–1924гг.)»⁵⁷⁵. Это издание, также как и книги П.В. Алабина представляют в совокупности энциклопедию Самары и Самарского края, в которой читатель найдет множество свидетельств о самых разнообразных явлениях в жизни населения Самары и Самарского края.

Первая хроника, в которой запечатлены события и факты Самарской губернии была опубликована в 1918 г.⁵⁷⁶ Ее составителем является присяжный поверенный, кадет, член Самарского археологического общества Александр Григорьевич Ел-

шин. Хроника составлялась в условиях революции 1917 г. и начавшейся Гражданской войны. Она носит незавершенный характер. Отсутствует научно-справочный аппарат. В отдельных случаях не точно определено время событий.

Работа по составлению хроник событий была продолжена в 20-е гг. XX в сотрудниками Самарского и Средневолжского Истпартов. Но выявление документальных материалов велось в жестких границах марксистско-ленинской методологии. Составители хроник, выполняя социальный заказ правящей коммунистической партии, акцентировали внимание на классовой борьбе пролетариата и крестьянства против имперской администрации, помещиков и буржуазии. И вполне понятно, что центральное место в этих изданиях занимали события трех российских революций и деятельность коммунистической партии. В связи с 10-летием Великой Октябрьской социалистической революции, в Самаре, так же как и в других республиканских и губернских центрах были опубликованы хроники событий, в которых нашли отражение деятельность большевистской партии в 1917 году. Сотрудник Самарского истпарта И.И. Блюменталь, кроме выявления опубликованных в большевистской газете «Приволжская правда» материалов, привлек сведения, извлеченные из социалистических и буржуазных газет. Поэтому, кроме деятельности большевиков, он привел разнообразные факты участия в революции местных организаций партии социалистов-революционеров, социал-демократов интернационалистов, кадетов, меньшевиков-оборонцев и др.⁵⁷⁷ В связи с этим «Хроника» И.И. Блюменталья существенно отличалась от других идеологизированных истпартовских изданий. А ее автор был подвергнут резкой критике в журнале «Пролетарская революция»⁵⁷⁸.

Работа по созданию хроник, в которых нашли отражение деятельность большевиков и протестное движение в городах и сельской местности, продолжалась в 30-е гг. XX в. Но изучение этих событий велось в границах Средневолжского края, а позднее Куйбышевской области. В качестве составителей хроник выступали сотрудники Средневолжского истпарта В.В. Троцкий, А.Д. Демидов⁵⁷⁹. Эта традиция была продолжена другим сотрудником истпарта Ф.Г.Поповым, который выявлял документы и материалы по истории революционного движения с

тем, чтобы включить их в «Хронику деятельности самарской организации большевиков с 1902 по 1917 гг.». Но эта работа была прервана в связи с его арестом. Вновь Ф.Г. Попов возобновил ее уже в ранге пенсионера и краеведа. Его многолетний труд был опубликован в 1969 г., но, как и прежде, в центре внимания самарского краеведа находились деятельность самарских большевиков и революционное движение в регионе. Отличие состояло в том, что Ф.Г. Попов ввел в научный оборот большой пласт документальных источников, отложившихся в фондах Государственного архива Самарской области⁵⁸⁰. Истпартовскую традицию Ф.Г. Попов транслировал и в хрониках событий «1918 год в Самарской губернии», а также в хрониках, отражающих события 1919 и 1920 годов⁵⁸¹. Составитель этих хроник Ф.Г. Попов традиционно выявлял документальный материал, уделяя первостепенное внимание деятельности самарских большевиков, а после установления пролетарской диктатуры советских органов власти.

Те же методологические принципы были использованы коллективом составителей хроники «Самара-Куйбышев», которая была опубликована Куйбышевским книжным издательством к 400-летию юбилею города Самары⁵⁸². В период горбачевской «перестройки», приведшей к развалу Советского Союза, была издана хроника «Так было», в которой составители, на основе архивных, опубликованных документов, воспоминаний участников событий и материалов периодической печати показали деятельность самарских большевиков в начале XX в. В хронике содержатся также сведения о деятельности Куйбышевского обкома КПСС в период строительства социализма и его роль в создании промышленного потенциала и развития социокультурной сферы региона⁵⁸³. В какой-то степени отход от привычных стереотипов и стандартов произошел в 90-е гг. XX в., когда Государственный архив Самарской области инициировал издание двухтомной хроники событий, приуроченной к 150-летию Самарской губернии⁵⁸⁴.

В полной мере отказ от традиционных принципов составления краеведческих хроник произошел в ходе работы по составлению такого фундаментального, на наш взгляд, издания как «Самарская губерния день за днем... Хроника событий», в котором зафиксированы даты и события в крае с

1891 по 1905 гг.⁵⁸⁵ Идея подготовки и издания «Хроники» возникла в конце 80-х гг. XX в. в ходе деятельности общественного комитета «Самара», ставившего цель вернуть городу Куйбышеву историческое имя. Можно констатировать, что эта идея возникла спонтанно при обсуждении актуальных проблем истории края. Она принадлежит сотруднику Государственного архива Самарской области, заслуженному работнику культуры Российской Федерации Юрию Емельяновичу Рыбалко, который длительное время собирал документальный материал в фондах государственного архива. Идея была поддержана главным библиографом Самарской универсальной научной библиотека, заслуженным работником культуры РФ Александром Никифоровичем Завальным и доктором исторических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, заведующим кафедрой российской истории Самарского государственного университета Петром Серафимовичем Кабытовым. Сразу же было сформулировано несколько исследовательских задач. Прежде всего, планировалось предпринять фронтальное изучение фондов Государственного архива Самарской области для того, чтобы максимально выявить факты и события, которые оказались вне поля зрения составителей прежних хроник. Учитывая то, что протестное движение (факты классовой борьбы), события трех российских революций уже зафиксированы в «Хрониках» Ф.Г. Попова и других подобных изданиях предполагалось уделить первостепенное внимание деятельности коронной администрации, органов местного самоуправления — земств и городских дум по созданию экономической и социокультурной инфраструктуры региона, а также событиям, в ходе которых возникала экстремальная ситуация. Речь идет о голоде 1891-1892 гг., 1901-1902 гг., русско-японской войне и др. Далее планировалось изучить документальные публикации, в том числе издания Самарского губернского статистического комитета (адрес-календари и памятные книжки), Самарского губернского земства (сельскохозяйственные обзоры, постановления Самарского губернского земства, отчеты земских уездных управ, журналы губернских земских собраний). Материалы для хроники извлекались также из «Журналов» Самарской городской думы, а также отчетов самарской городской управы. Составители уделили внимание изучению

материалов самарской периодической печати. В «Хронику событий» были включены сведения, извлеченные из таких газет как «Голос Самары», «Самарская газета», «Самарский вестник», «Самарские губернские ведомости», «Самарские епархиальные ведомости», а также из советских газет «Правда», «Волжская коммуна» и др.

События, связанные с экстремальной ситуацией, возникшие в связи с голодом 1891-1892 гг. и 1901-1902 гг. нашли отражение в таких значимых изданиях как «Русская мысль», «Русское богатство», «Правительственный вестник», «Вестник Европы», «Юридический вестник», на страницах которых публиковались статьи о событиях в Самарской губернии Г.И. Успенского, статистика И.М.Красноперова, В.О. Португалова и др. Кроме того в научный оборот были введены воспоминания участников событий и их эпистолярное наследие, в котором зафиксировано их отношение к самарским событиям 90-х гг. XIX в. — писателей Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Н.Г. Гарин-Михайловского и др. Цитируются также факты, извлеченные из книги А.С.Пругавина «Голодающее крестьянство» и собраний сочинений А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, Н.Г. Гарин-Михайловского, А.М. Горького. Можно было бы продолжать и продолжать описание источников, которые стали основой для составления «Хроники».

Как нам кажется, составителям удалось в полной мере включить в ее состав максимальное количество сведений, характеризующих многообразную жизнь городского сообщества губернского центра. Достаточно полно осещен ход событий на уездном уровне. В меньшей степени представлена повседневная жизнь уездных городов, что связано как с отсутствием документального материала, который был уничтожен в ходе революции 1917 г. и Гражданской войны, а также в результате макулатурных кампаний. В этой связи в «Хронике» имеются лакуны и пробелы, которые могут быть восполнены на основе изучения уездной прессы.

И все же составителям «Хроники» удалось воссоздать панораму повседневной жизни губернии, где представлен широчайший спектр событий, а в центре внимания находятся взаимоотношения власти — коронной администрации и общества. Материалы «Хроники» позволяют судить, сколь эффективна была

деятельность власти в период экстремальных ситуаций, например в период голода. Как правило, правительственная помощь голодающим запаздывала. И наоборот — более эффективными были меры, предпринимаемые обществом.

В ходе работы над «Хроникой» неоднократно обсуждался как представленный документальный материал, так и целесообразность включения тех или иных фактов в состав «Хроники». Пожалуй, самым важным достижением является то, что для составителей имели ценность как события на макроуровне-российского масштаба, так и на микроуровне — факты, связанные с жизнью губернии, уезда, волости и отдельного человека. Именно такой подход позволил отойти от традиционного освещения событий, где основное внимание уделялось политической истории.

Первый том «Хроники» был опубликован в 2004 г. Его тираж составил 300 экземпляров. Изложение материала ведется день за днем по годам. «Хроники» снабжены научно-справочным аппаратом. В конце каждого года приведены сведения о фактах, которые произошли в течение года, но определить их точную дату составителям не удалось. В первом томе приведены сведения, воссоздающие состояние экстрима, в котором оказалось население Самарской губернии в голодные 1891-1892 гг. В этой связи включены сведения, характеризующие как социально-экономическую ситуацию, так и меры, предпринимаемые властными структурами и обществом по преодолению голода и оказанию помощи голодающим.

В «Хронике» воссоздана деятельность властных структур и органов местного самоуправления по созданию системы народного образования — открытию в селах и городах губернии школ, в том числе и смешанного типа, в которых совместно учились мальчики и девочки. Значительный интерес представляют данные об открытии земских больниц, создании участковых благотворительных комитетов, врачебно-санитарных отрядов, столовых для голодающих крестьян, а также о мерах по предотвращению эпидемий холеры и тифа.

На наш взгляд составителям «Хроники» удалось перодолеть миф о том, что Самара была «шумным захолустьем», который тиражировался писателем Ю. Оклянским и рядом куйбышевских историков (1950-1970-е гг. XX в.). В «Хронике» представ-

лен широкий спектр событий, свидетельствующих о высоких темпах развития городской культуры, деятельности различных общественных объединений, проведении концертов и спектаклей, литературно-музыкальных вечеров, выставок картин художников и др.⁵⁸⁶

О привлекательности Самары как крупного экономического центра Российской империи свидетельствует то, что выдающийся русский писатель Антон Павлович Чехов в 1893 году направил прошение в Самарскую уездную земскую управу об определении его на должность уездного земского врача. Управой было принято решение считать А.П. Чехова «первым кандидатом»⁵⁸⁷. Но, к сожалению, дело завершилось только перепиской.

Второй том «Хроники» был издан в 2006 г. тиражом 200 экз.⁵⁸⁸ Отличие этого тома состоит в том, что в него включены «Указатель имен» и «Географический указатель». В связи с тем, что в первом томе эти указатели отсутствуют, то составители включили в структуру тома также указатели к первому тому. Источниковую базу хроники составили перечисленные выше архивные материалы, а также документальные публикации и самарская периодика. Здесь, как и в первом томе, отсутствуют сведения о протестном движении. Обычно историки, характеризующие вторую половину 90-х гг. XIX в. пытались акцентировать внимание на проявления системного кризиса, как в экономике, так и в духовной жизни населения Российской империи. Во «внутренней окраине» России, а Самарская губерния являлась составной частью этой «внутренней окраины», кризисные явления проявлялись в меньшей степени. Судя по всему, опираясь на документальный материал, мы можем сформулировать вывод о высоких темпах развития экономического и культурного потенциала Самарской губернии. Об этом убедительно свидетельствует рост числа учебных заведений, библиотек, больниц. Новым является также и рост благотворительной деятельности, проектов, направленных на повышение культурного уровня горожан, в частности в театре стали проводиться литературные чтения. «Хроника» зафиксировала мероприятия городской Думы по развитию городской инфраструктуры, строительству электростанции, Семейкинского шоссе, православных храмов, больниц. Особое внимание было уделено

благотворительной деятельности представителей самарского бизнес-сообщества.

Третий том «Хроники» был опубликован в 2008 г.⁵⁸⁹. Если объем первого тома составил 12,1 печатных листов, второго тома- 14,75, то объем третьего тома увеличился до 25,75 печатных листа. Это обусловлено тем, что эволюционное развитие России сменилось бурными событиями начала XX века, когда калейдоскоп событий и явлений стал резко возрастать. В «Хронике» зафиксированы кризисные явления, которые стали приобретать системный характер и на территории Самарской губернии. В этой связи в «Хронику» включены как этнодемографические сведения о структуре и составе населения региона, так и о численности школ и учащихся в них, открытии типографий, магазинов, рассмотрении городской Думой проектов строительства промышленных предприятий, телефонной и телеграфной связи, развитию электросети, канализации и других направлений городской инфраструктуры. Здесь можно найти сведения о деятельности кооперативных учреждений, открытию фотовыставок и выставок художников, деятельности общества народной трезвости. Широко представлена театральная жизнь губернского центра. И, конечно, в «Хронику» органично включены события в губернии, связанные с русско-японской войной. В «Хронику» также вошли материалы о стачечном движении в Самаре в 1904-1905 гг., ранее не включенные в предыдущие «Хроники событий».

К сожалению, в связи с безвременным уходом из жизни Е.Ю. Рыбалко и отсутствием финансовых средств, работа по составлению трех следующих томов «Хроники» [1906-1910гг.], а также [1911-1915 гг.] и [1916-1920 гг.] была приостановлена. Тем не менее, первый опыт создания полномасштабной «Хроники событий» следует признать удачным. Самое важное состоит в том, что наши читатели – учащиеся общеобразовательных школ и студенты высших учебных заведений, профессиональные историки и краеведы получили доступ к документальным материалам по многим проблемам истории Самарского края, которые были недоступны рядовым гражданам России. В их распоряжении оказалась своего рода нить Ариадны, с помощью которой они могут создать новые исследования по истории Самарского края.

§ 5. Новейшие издания по истории банковского дела в Самарском регионе

Уважаемые коллеги! Благодарю оргкомитет за предоставленную возможность выступить с докладом на настоящей конференции! Значимость настоящей конференции на наш взгляд обусловлена не только юбилеем одного из главных финансовых учреждений Российской Федерации, но и той ролью, которую играет Центральный банк России и его отделения в субъектах страны по формированию финансовой инфраструктуры обеспечивающей все сферы экономической, культурной и социальной жизни российского общества.

Великие реформы императора Александра II создавали благоприятные условия для ускорения модернизационных процессов российской экономики. Важная роль в реализации новой экономической политики отводилась Государственному банку России. Кроме того, имперское правительство выступило с инициативой создания Государственного Дворянского земельного банка и Крестьянского поземельного банка, которые призваны были выдавать ссуды дворянам-землевладельцам и крестьянам. Во второй половине XIX – начале XX вв. возникло большое количество коммерческих банков, а российские земства стали создавать кредитные кооперативы. На рубеже XXв. в России стала функционировать финансовая инфраструктура, обеспечивающая финансирование промышленных производств и аграрный сектор страны. Сведения о деятельности банков и других кредитных учреждений публиковались в статистических изданиях Центрального статистического комитета⁵⁹⁰, в изданиях Министерства финансов⁵⁹¹, в обзорах деятельности Крестьянского поземельного банка⁵⁹². Помимо статистических сборников появились монографические исследования З.С. Канцеленбаума⁵⁹³, Н.П. Мигулина⁵⁹⁴, в которых освещались деятельность коммерческих банков и их кредитная политика.

Великая российская революция и Гражданская война внесли существенные коррективы в процесс изучения истории банков. Эта важнейшая проблематика была отодвинута на второй план, так как предпочтение отдавалось истории коммунистической партии, классовой борьбе и строительству социа-

лизма. А история банков, российского предпринимательства долгие десятилетия относилась к числу не актуальных. Лишь в 50-е годы XX в. ситуация стала меняться, когда появились монографии А.П. Погребинского⁵⁹⁵ и И.Ф. Гиндина⁵⁹⁶, в которых воссоздавалась история финансов дореволюционной России и освещалась роль Государственного банка России в реализации имперской экономической политики в пореформенный период.

Из исследований, вышедших в 80-е гг. XX в. назову монографию А.М. Анфимова⁵⁹⁷, в которой анализируются аграрные отношения в деревне и А.П. Корелина⁵⁹⁸. В этой книге дан анализ кредитной политики банков по финансированию аграрного сектора дореволюционной России.

Историографическая ситуация по изучению истории банков и других кредитных учреждений стала существенно меняться в связи с тем, что в 70-е гг. XX в. существенно возрос интерес к аграрной истории Поволжья конца XIX — начала XX вв. В монографии Н.Л. Клейн⁵⁹⁹ анализировались особенности социально-экономического развития Поволжья и в этой связи подчеркивалась роль финансового капитала и его влияние на процесс капиталистической эволюции региона. В монографии автора этих строк акцентировалось внимание на воздействие финансовой инфраструктуры на процесс модернизации сельскохозяйственного производства Поволжья в начале XX в.⁶⁰⁰ Особое внимание было обращено на деятельность Государственного Дворянского земельного банка, который в начале XX в. стал утрачивать монопольное право на кредитование помещичьих имений. А дворяне и другие земельные собственники все чаще стали обращаться за кредитами или в Государственный банк, или в коммерческие банки.

Особо хотел бы подчеркнуть, что в 1969 г. мне удалось обнаружить в Центральном государственном архиве Куйбышевской области фонд самарского отделения Государственного Дворянского земельного банка в котором сохранились дела по залoгу дворянских имений Самарской, Оренбургской и Уфимской губерний. Численность этих единиц хранения составила около 70 тысяч. Эти материалы можно обрабатывать как используя традиционную методику, так и математические методы. Изучением материалов этого фонда в 80-х — 90-х гг. зани-

мались мои ученики П.И. Савельев и Н.Ф. Амирова (Тагирова). Они написали и защитили кандидатские диссертации по истории помещичьего хозяйства Самарской губернии и Юго-востока Европейской России. А затем они подготовили и защитили докторские диссертации – П.И. Савельев об особенностях аграрного капитализма⁶⁰¹, а Н.Ф. Тагирова о хлебном рынке Поволжья⁶⁰².

В новейшее время интерес к деятельности Центрального банка и в целом к истории формирования банковского дела в Самарском регионе усиливается. В 2012 г. по инициативе начальника главного управления Центрального Банка России К.Ю. Сурикова была издана фундаментальная книга «Банк России»⁶⁰³. Значимость этого издания подчеркнута во вступительной статье К.Ю. Сурикова. Книга была написана Л.Ю. Ледодаевым, А.В. Назаровым, В.Е. Морозовым, С.М. Кузнецовым, М.В. Никитиной, Н.В. Атаманюк. Книга состоит из двух частей. В первой дан аналитический обзор деятельности Банка с момента создания и до наших дней. Вторая часть представлена в качестве буклета. Особо следует отметить, что ранее подобных изданий не предпринималось. Актуальность этого издания несомненна, так как в нем дан анализ деятельности регионального отделения банка как в имперский, так и в советский и постсоветский период. С большим интересом читаются разделы о повседневной деятельности банка, обеспечивающего финансирование предприятий и самарских предпринимателей, из числа дворян, купцов-предпринимателей, крестьян-землевладельцев и других представителей бизнес-сообщества. С интересом читаются страницы, на которых представлена деятельность Банка в экстремальных ситуациях, в годы революции, гражданской войны и голода 1921 г.

И, конечно, значительный интерес представляет анализ деятельности Банка в период социалистического строительства и в новейшее время. Не менее интересна вторая часть книги, в которой приведены сведения о структуре регионального отделения Центрального Банка России. В книгу органично вписан иллюстративный материал, который также несет большую информацию о разных сторонах деятельности Банка.

Второе издание «История банковского дела в Самарской губернии»⁶⁰⁴ было предпринято по инициативе президента и

председателя правления Волго-Камского банка В.А. Чекмарева. В написании текста книги участвовали П.С. Кабытов, Н.Ф. Тагирова, Ф.Р. Тагирова, Е.А. Павленко, С.Ф. Лященко, Р.М. Темирбулатова, А.П. Кузьменкова, М.А. Михейкина, Л.М. Павловская. Книга состоит из четырех разделов. В первом показана эволюция банковского дела через призму эпох, стран, континентов и действующих персонажей. Использован многофакторный анализ и методы макро и микро истории. Зарождение денежного обращения и банковского дела прослеживается на материалах древнего мира. Затем фокус рассмотрения процесса эволюции банковской системы сужается до уровня Российской империи и Самарской губернии. Показана деятельность, как Государственного Банка, так и коммерческих банков.

Не обойдена вниманием и деятельность банков в советский период. Безусловно большее внимание уделено формированию банковской системы в период становления новой российской государственности.

Подводя итоги, отмечу, что новейшие издания позволяют в полной мере представить панораму финансовой инфраструктуры Самарского региона и увидеть тот реальный вклад финансовых учреждений в создание экономического потенциала и социокультурной сферы Самарской области. Значимость этих изданий заключается в том, что они окажут стимулирующее воздействие на процесс изучения этих важнейших институций, обеспечивающих создание новой инновационной экономики Российской Федерации.

§ 6. История Самарского края в исследованиях сотрудников Самарского и Средневолжского Истпарта (1920-1930-е гг.).

В 20-е – 30-е гг. XX в. изучением проблем социально-политической истории на региональном уровне стали заниматься институты истории партии. Как известно в августе 1920 г. В.И. Ленин предложил создать при Государственном издательстве комиссию по истории и конституировать ее как комиссию по истории коммунистической партии и Октябрьской револю-

ции и подчинив ее Наркомпросу⁶⁰⁵. В декабре 1920 г. комиссия вошла на правах отдела в структуру ЦК РКП (б)⁶⁰⁶.

Научное методическое и организационное руководство губернскими Истпартами осуществлял центральный Истпарт, который занимался координацией научно-исследовательской работы на местах, определяя приоритетные направления, к числу которых относились история коммунистической партии и ее местных организаций, история российских революций и Гражданской войны. На рубеже 20-х — начала 30-х гг. проблематика исследований расширилась за счет включения в планы работ изучение истории социалистического строительства.

Историография, рассматриваемой автором настоящего доклада невелика. Она нашла отражение в монографии В.А. Шестакова и П.С. Кабытова⁶⁰⁷, а также в двух статьях П.С. Кабытова⁶⁰⁸. Источниковую основу настоящей работы составили архивные материалы, отложившиеся в фонде 3500 «Самарский и Средневолжский Истпарт», который хранится в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории⁶⁰⁹. Этот фонд насчитывает значительное число единиц хранения, в которых отразилось становление историко-партийной науки в Самарском крае. Кроме того использовались такие историографические факты как издания Самарского и Средневолжского Истпарта: научные труды и хроники событий, воспоминания участников революционных событий, материалы периодической печати, а также рецензии, опубликованные в центральных периодических журналах, таких как «Пролетарская революция», «Каторга и ссылка», «Печать и революция», «Книгоноша» и др.

Совокупность этой документальной базы представляет возможность в полной мере осуществить реконструкцию деятельности Самарского и Средневолжского Истпартов, определить основные направления и формы их деятельности.

Принципиальное значение на наш взгляд имеет также выявление места и роли Истпартов в краеведческом движении. И в этой связи важное значение приобретает анализ взаимодействия Истпартов с органами власти, с учебными заведениями и учреждениями культуры, таких как губернские архив и музей. Эти и другие аспекты будут рассмотрены в настоящей статье.

Условно в деятельности Самарского и Средневолжского Истпартов можно выделить три периода. Первый период начинается с лета 1921 г. и продолжается до октября 1924 г. Он характеризуется как начальный этап, в ходе которого началось конституирование этой региональной организации, осуществлялась реализация организационных мероприятий по созданию сети уездных организаций. В соответствии с директивами партии и инструкциями центрального Истпарта проводились мероприятия по организации научно-исследовательской работы. Характерная особенность этого этапа состояла в том, что Самарскому Истпарту пришлось работать в сложнейших условиях. Прежде всего, на эффективность деятельности этой организации влияли такие факторы как отсутствие опыта научно-исследовательской работы у сотрудников Истпарта. К тому же многие из них совмещали работу в Истпарте с партийной, советской или хозяйственной деятельностью. Сказывалось и то, что поначалу не был определен статус этой организации. Процесс преодоления этих трудностей затянулся до октября 1924 г., когда появились освобожденные от других обязанностей сотрудники и Самарский Истпарт вошел в структуру губернского комитета партии.

Реализуя указания центрального Истпарта сотрудники Самарского Истпарта уже на стадии становления своей научной организации стремились позиционировать ее в качестве координирующего органа в изучении истории местной партийной организации и революционного движения в Самарском крае. В этой связи к совместной организационной и исследовательской работе привлекались как партийные и советские работники, которые принимали участие в трех революциях в России, так и сотрудники губернского архива и губернского музея, что было вызвано необходимостью выявления архивных материалов, созданием экспозиций историко-революционного музея и формированием фонда устной истории, в состав которого вошли материалы вечеров воспоминаний о революционных событиях и Гражданской войне.

Второй период — октябрь 1924-1928 гг. стал наиболее значимым для сотрудников Самарского Истпарта, что было обусловлено деятельностью заведующего Самарским Истпартом

Н.Н. Сперанского, а после его отъезда из Самары заведующего Самарского, а затем Средневожского Истпартами В.В. Троцкого, которые придали мощный импульс научной разработке историко-партийной проблематики в Самарской губернии. Если в первый период сотрудники Самарского Истпарта занимались сбором документов и материалов, проведением вечеров воспоминаний и публикацией сборников воспоминаний «Красная быль», то во второй период произошли качественные изменения в деятельности Истпарта. Наряду с выявлением документов и материалов были подготовлены и опубликованы документальные издания о революции 1905-1907 гг., Первой мировой войне, революции 1917 г. Кроме того велась работа по составлению хроник революционных событий 1917 г. в Самарской губернии. Во многом новый этап в деятельности Самарского Истпарта связан с И.И. Блюменталем, который кроме научной работы, написания очерков и составления хроники революционных событий, занимался организацией поисковой работы в архивах и библиотеках Самары и вел обширную переписку с центральным Истпартом и участниками событий.

Третий этап в деятельности Средневожского Истпарта начинается с 1928 г. и завершается в 1937 г. Основное внимание сотрудников Истпарта в этот период было сосредоточено на подготовке очерков по историко-партийной проблематике, составлении хроник революционного движения в границах Средневожского края. К числу новых проблем следует отнести участие сотрудников Истпарта в изучении истории социалистического строительства и в реализации проекта М. Горького по научной разработке проблем истории Гражданской войны, издание сборника воспоминаний о В.В. Куйбышеве и др.

Самарский Истпарт был создан губернским комитетом партии летом 1921 г. В его состав вошли Милонов, Цвилликовский, Яркоцкий. Но приступить к работе этот состав не смог в связи с отсутствием директив и инструкцией центрального Истпарта, а также отъездом из Самары Милонова. Лишь в газетах «Коммуна», «Известия» губкома была опубликована информация о создании бюро Истпарта⁶¹⁰. В начале 1922 г. в бюро Истпарта вошли Старцев, Тирман, М. Бешенковская, Лычев.

Тогда же был принят план работы, в котором предполагалось начать изучение состава Самарской организации РСДРП и выявление активных участников революции 1917 г. и Гражданской войны. В том числе планировалось изучение деятельности Комитета членов Учредительного собрания⁶¹¹.

В феврале 1922 г. Истпарт заслушал доклад уполномоченного губернского архива Хованского о положении архивного дела в губернии и необходимости совместной работы по выявлению материалов по истории партии и революционного движения. Истпарт пытался установить сотрудничество с истпрофом⁶¹². К лету 1922 г. комиссии Истпарта были созданы в Балаково, Пугачеве, Бузулуке, Бугуруслане, Мелекессе⁶¹³. Им Самарский Истпарт поставил задачу начать сбор материалов по истории Комуча⁶¹⁴. Но создать сеть Истпарта в губернии не удалось. В уездах, как правило, преобладали группы содействия Истпарту, в которые входили партийные работники и представители местной интеллигенции.

В 1922 г. Самарский Истпарт планировал выпуск сборника воспоминаний «Красная быль»⁶¹⁵. Одновременно велась работа по выявлению документальных материалов, воспоминаний по истории Комуча. В этой связи было направлено письмо в адрес партийных комитетов Сызрани, Симбирска, Пензы, Вольска, Хвалынска, Казани, Уфы, Челябинска и Златоуста с просьбой «сообщать об имеющихся у них материалах, рисующих эпоху учредиловки [Комуча — П.К.]⁶¹⁶.

К числу приоритетных направлений научной деятельности Самарского истпарта следует отнести такие основные проблемы, инициируемые центральным Истпартом, как изучение истории местной партийной организации с 1903 по 1916 г., истории первой российской революции, революции 1917 г. В этой связи Истпарт стремился установить тесное сотрудничество с губернским архивом. В протоколе Истпарта от 3 мая 1923 г. читаем: «Поручить тов. Хованскому (зав. губ. архивом) выделить историко-революционный архив, разобрать его, систематизировать, сделать подробную опись дел»⁶¹⁷. Помимо выявления архивных документов Истпарт стал проводить вечера воспоминаний. Уже в 1923 г. планировалось подготовить и издать сборник воспоминаний «о чехоучредилке, который приурочить к Октябрю»⁶¹⁸.

Изучался также фонд периодических изданий, отложившихся в Самарской городской Александровской библиотеке с тем, чтобы «выявить лицо газет Самары»⁶¹⁹, в том числе и буржуазных.

Совместно с губернским музеем, губернским архивом, истпрофом в Центральном рабочем клубе была организована выставка, которая состояла из четырех разделов: «1). подпольный период; 2). Февральская революция; 3). Октябрьский период; 4). Гражданская война; 5). Советское строительство». Эта выставка стала основой историко-революционного музея, который в середине 20-х гг. стал филиалом губернского музея.

В 1921-1923 гг. состав Истпарта постоянно менялся. Выше уже отмечалось, что в 1921 г. в состав бюро Истпарта вошли Цвилюховский, Милонов, Ярковский. Но уже 01.12.1921 г. был утвержден новый состав: Старцев (председатель), Тырман, Бирн, Ярковский, Бешенковская и Лычев. Конституирование состава бюро Истпарта затруднялось тем, что в силу различных причин сотрудники Истпарта не могли принимать активное участие в организационной и научно-исследовательской работе. Поэтому в делопроизводственной документации наряду с призывами к активизации работы акцентируется внимание на том, что сотрудники Истпарта перегружены партийной и советской работой. А потому Истпарт инициировал создание групп содействия Истпарту при райкомах партии. Сведения о текучке кадров зафиксированы в отчетах Истпарта за 1922-1923 гг. Так в сентябре 1922 г. Самарский Истпарт сообщил о загруженности различными работами Бирна, Тырмана, Бешенковской и Панова. Более того с июня по сентябрь 1922 г. образовался перерыв в истпартовской работе.

Кадровая чехарда в Самарском Истпарте продолжалась и в 1924 г. так с 15 апреля до 15 мая обязанности заведующего Истпарта исполнял А.В. Гавриленко, его сменил М.Н. Яшанов, а уже с сентября эти обязанности были возложены на В.В. Постникова. И наконец, 25 октября 1924 г. эту должность занял Н.Н. Сперанский⁶²⁰. Не популярной была и должность ответственного секретаря Истпарта, которую в 1923 г. занимал М.Н. Яшанов, затем до 18.01.1924 г. Прессман, а с 18.01.1924 г. И.И. Блюменталь.

Несмотря на возникшие трудности и отсутствие навыков научно-исследовательской работы, опираясь на научно-методическую помощь центрального аппарата, Самарский Истпарт в кратчайшие сроки сумел начать работу по изучению истории первой русской революции, октябрьскому перевороту и Гражданской войне. Истпарт привлек к поисковой работе как губернские архив и музей, так и участников событий, организовав для них вечера воспоминаний. В ходе переписки и непосредственных контактов с участниками революции, были установлены новые факты и имена революционеров. Эта поисковая работа стала основой для публикации сборников Истпарта. В первых выпусках «Красной были» были опубликованы воспоминания участников трех революций, начиная с 1905 г., завершая 1920 г. Помимо воспоминаний в сборниках даны биографии видных деятелей революционной эпохи⁶²¹. В третьем выпуске «Красной были» были опубликованы материалы по истории Комуча.

Но основное внимание Самарский Истпарт сосредоточил на подготовке к 20-летию первой русской революции. В этой связи была развернута поисковая работа по выявлению архивных материалов и сбору воспоминаний с тем, чтобы подготовить и издать книгу о ходе революции в Самарском крае⁶²².

Как было отмечено выше, наиболее успешным был второй период деятельности Самарского Истпарта, когда его руководителем стал Н.Н. Сперанский, а секретарем Истпарта был назначен И.И. Блюменталь.

Н.Н. Сперанский родился в 1886 г. в Вышнем Волочке, окончил гимназию, а в 1909 г. естественный факультет Санкт-Петербургского университета. Участник революционного движения в Рыбинске и Санкт-Петербурге, работал учителем в гимназии, коммерческом училище. В 1914-1915 гг. в качестве рядового участвовал в Первой мировой войне, был ранен. С июля 1915 г. по октябрь 1917 г. заведовал метеорологической сетью Самарского губернского земства. С июля 1918 г. член коммунистической партии. С отрядом особого назначения эвакуировал из Самары золотой запас в Казань. Затем находился на советской и партийной работе в Самарской губернии, Витебс-

ке. В 1922-1924 г. работал заместителем заведующего Главлита в Москве⁶²³.

Н.Н. Сперанский придал новый импульс подготовке к юбилею революции 1905-1907 гг. Активизировалась деятельность историко-революционного музея. К поисковой работе Истпарт привлекал учащихся школ города.

Итоги истпартовской деятельности не могли не отразиться на структуре и содержании сборника «1905 год в Самарском крае», который получил высокую оценку столичных историков Е.А. Мороховца, С.А. Пионтковского и других исследователей⁶²⁴. Высоко оценил труд самарских историков журнал «Каторга и ссылка»: «Рецензируемый сборник – самый объемистый из изданий провинциальных комиссий по празднованию юбилея 1905 г. Притом Самарский сборник отличается не только своим объемом, но и подбором материала и содержанием»⁶²⁵.

И действительно содержание самарского сборника отражает как деятельность социал-демократии и ее влияние на развитие революционного движения в Самарском крае (автор И.И. Блюменталь), так и характеристику крестьянского движения в период революции (автор Н.Н. Сперанский). Эти статьи написаны на обширном источниковом материале, что позволило авторам представить объемную панораму революционных событий.

В сборник включены также и прокламации Самарского комитета РСДРП, а также воспоминания руководителей Старо-Буянской республики Г. Солдатова и Л. Щибраева. Значительную ценность представляют также «Приложения» к этому сборнику, в которых дана хроника событий составленная на основе архивных материалов и периодической печати. Здесь же опубликован также список сел и деревень, крестьяне которых приняли участие в массовом аграрном движении⁶²⁶.

Следует также отметить участие сотрудников Истпарта в изучении самарского периода жизни В.И. Ленина. Эта работа началась в 1924 г., а уже в 1925 г. И.И. Блюменталь опубликовал несколько статей в газете «Коммуна» и издал брошюру⁶²⁷.

В 1925 г. заведующим Самарским Истпартом был назначен выпускник юридического факультета Петроградского университета В.В. Троцкий. Совместно с секретарем Истпарта

И.И. Блюменталем им была составлена программа исследований. Центральное место в ней было отведено подготовке к 10-й годовщине Октябрьской революции. Как и прежде сотрудники Истпарта проводили вечера воспоминаний, вели переписку с участниками событий. Была разработана инструкция для уездных юбилейных комиссий и начата работа по составлению хроники революционных событий. Истпарт вел переписку с 2530 участниками событий. Вечера воспоминаний в Москве организовывала группа содействия Истпарту, в которую вошли 60 участников революции 1917 г. в Самаре. В связи с юбилеем активизировалась работа групп содействия Истпарту в уездных центрах. Проводились мероприятия и в историко-революционном музее. Были выявлены архивные материалы по истории Красной гвардии в Самаре, составлен список красногвардейцев – рабочих трубочного завода.

Нельзя не отметить вклада И.И. Блюментала в создании хроники революционных событий 1917 г.⁶²⁸

В этом издании И.И. Блюменталь использовал материалы 27 газет за 1917 год. Составитель извлек информацию из 1130 номеров различных периодических изданий, составил 2900 карточек⁶²⁹. На первом этапе И.И. Блюменталь изучил материалы периодической печати, затем были выявлены документы, хранящиеся в фондах Самарского губернского архива, использовались также воспоминания и сведения, извлеченные из писем участников событий, а также листковой литературы 1917 г. Судя по всему составителю было присуще стремление расширить источниковую базу «Хроники». В «Хронике» цитируются материалы, как из большевистских изданий, так и из других социалистических и буржуазных газет 1917 г. Такой подход позволил составителю избежать одномерного отражения революционных событий. В «Хронике» представлена широкая панорама революции 1917 г. и фактически показана деятельность всех политических партий и их отношение к основным вопросам революционного времени. Отметим, что рукопись «Хроники» И.И. Блюментала обсуждалась в Москве на заседании группы содействия Самарскому Истпарту.

В целом «Хронику» И.И. Блюментала вполне можно отнести к лучшим публикациям такого типа научной продукции Ис-

тпарта. Но в 1927 г. она подверглась резкой критике в рецензии М. Эссен, которая полагала, что в ней отсутствует ясный план и преобладает механический подбор источников⁶³⁰. Главное, по мнению партийного рецензента М. Эссен, состояло в том, что в хронике «требовалось не только восстановление событий и точных дат, но и показ динамики развития революционных событий, движущиеся силы и ее влияние на массы»⁶³¹. Не имея опыта составления хроник И.И. Блюменталь при ее составлении использовал принципы по которым составлялась хроника «Революция 1917 г.» Н.Н. Авдеева. Блюменталь в докладной записке в центральный Истпарт сообщал в октябре 1927 г., что когда ему в 1925 г. «Истпарт поручил составление Хроники, то не было никаких руководящих указаний в этой области. Он мог только руководствоваться циркуляром Истпарта от 1.IV. 25 г., который образцом хроники указывал работу Н.Н. Авдеева»⁶³². Но в отношении расположения материала он в качестве образца использовал таблицы по хронологии революции 1905 г., опубликованные в журнале «Пролетарская революция»⁶³³.

Кроме рецензии М. Эссен в журналах были опубликованы и другие оценки хроники И.И. Блюменталья Так, в «Бюллетене Центральной Октябрьской комиссии» № 3 за 1927 г. на страницах 51-52 читаем: «Ценность книги несомненна». Другой рецензент К. Сидоров в «Известиях ЦИК» № 227 от 4 октября 1927 г. считает, что «автор проделал большую и кропотливую работу». И далее: «С технической стороны книга подготовлена тщательно и выпуск ее делает честь Самарскому Истпарту и ее автору»⁶³⁴. Вновь подчеркнем научную значимость хроники событий И.И. Блюменталья, которая значительно расширила источниковую базу. В ней освещались практически все аспекты революционной эпохи. Показателем ее научной ценности имеет и то, что к этому изданию обращаются все исследователи, изучающие историю Великой революции в Самарском крае.

Но в 1927 г. в партийных органах возобладала другая точка зрения. Ими учитывалась лишь критика, содержащаяся в рецензии М. Эссен. Другие положительные отзывы не были услышаны партийными функционерами. И.И. Блюменталья уволили из Самарского Истпарта. В 1928 г. он переехал в Москву, где работал сотрудником «Малой Советской энциклопедии».

После увольнения И.И. Блюменталя заведующий Истпартом В.В. Троцкий вплоть до 1928 г. работал один. В 1927 г. он составил хронику революционных событий в Самарской губернии в 1918 г., которая была опубликована после одобрения Центральным Истпартом в 1930 г.⁶³⁵ Кроме того на основе истпартовских материалов им была написана монография по истории революционного движения в годы Первой мировой войны⁶³⁶.

В 1928 г. в связи с образованием Средневожского края Центральным Истпартом было принято решение об организации Средневожского Истпарта, в который вошли Оренбургский, Бузулукский, Бугурусланский, Пензенский, Саранский, Сызранский, Кузнецкий, Ульяновский Испарты.

Функции Средневожского Истпарта заключались в координации научно-исследовательской работы в регионе. Традиционно Истпарт активизировал свою деятельность в связи с юбилеями первой русской революции и революции 1917 г.⁶³⁷ В штат Истпарта были приняты два сотрудника А.Д. Демидов и Ф.Г. Попов, которые включились в составление хроник революционного движения в границах Средневожского края⁶³⁸.

К 30-летию революции 1905-1907 гг. под редакцией А.А. Кузнецова был опубликован сборник воспоминаний, в который вошли материалы из сборников, изданных в Самаре в 1925 и 1931 гг. Итак, в течение 10 лет по истории первой русской революции выходили работы, которые вновь и вновь повторяли материалы сборника 1925 г.⁶³⁹

К числу новых тем следует отнести исследования и научно-популярные издания о чехословацком мятеже и Комуче, о дутовщине. Автором этих работ был сотрудник Истпарта Ф.Г. Попов. В 1935-1936 гг. он приступил к составлению «Хроники деятельности Самарской организации большевиков с 1902 по 1917 гг.» В связи с инициативой А.М. Горького по созданию многотомной истории Гражданской войны в Москве была создана Центральная комиссия. Средневожский Истпарт принял активное участие в работе по выявлению материалов по этой важнейшей проблеме.

Итак, подведем итоги. За 17 лет работы сотрудники Самарского и Средневожского Испартов внесли значительный вклад

в разработку истории трех революций. В трудах сотрудников Истпарта Н.Н. Сперанского, В.В. Троцкого, И.И. Блюменталья были поставлены и во многом решены многие вопросы истории Самарского края первой четверти XX в. Отметим особую значимость научных трудов по истории первой российской революции и хроники революционных событий И.И. Блюменталья. Исследования Средневолжского Истпарта выполнялись в строго очерченных рамках марксистско-ленинской методологии. А потому в них превалировала односторонняя оценка событий. Позитивным было лишь то, что в конце 20-х-30-х гг. сотрудники Средневолжского Истпарта проводили исследования в границах Средневолжского края. Несомненен вклад Истпарта в формирование фондов Самарского областного государственного архива социально-политической истории, в котором собраны и хранятся тысячи уникальных документов отражающих сложную и противоречивую революционную эпоху начала XX столетия.

§ 7 . Историческая концепция митрополита Санкт- Петербургского и Ладожского Иоанна*

В течение многих десятилетий русская церковная историография развивалась в условиях закрытости, а многие монографии и книги церковных историков были недоступны рядовому читателю. Ситуация стала меняться со второй половины 80-х гг., когда в библиотеки и на книжные прилавки хлынул поток литературы разных конфессий. Среди книжной продукции особенно выделялись книги митрополита Санкт- Петербургского и Ладожского Иоанна, который выступает перед нами в нескольких ипостасях: духовного пастыря, руководителя Куйбышевской епархии, а затем митрополита в Санкт-Петербурге, ученого богослова, церковного и гражданского историка, яркого публициста и вдумчивого теоретика-методолога.

Жизнь устроена так, что она иногда преподносит сюрпризы. В 1987 году архиепископ Иоанн пригласил меня прочитать лекции об охране памятников истории и культуры для священ-

нослужителей Куйбышевской области. Были и другие встречи. Я принимал участие в торжественном собрании, посвященном Тысячелетию принятия православия Русью, которое состоялось в здании оперного театра. Но особо следует отметить совместную работу в комитете “Самара”, который ставил цель вернуть областному городу его историческое имя. Архиепископ Иоанн пользовался авторитетом не только среди духовенства, его хорошо знали, любили, уважали прихожане. Но мало кто знал о том, что архиепископ Иоанн в течение многих лет скрупулезно занимался отечественной историей. Именно здесь была написана его докторская диссертация. В нашем городе были заложены благодатные основы для научной и публицистической деятельности владыки Иоанна в Санкт-Петербурге. Иными словами, многотрудные усилия церковного историка увенчались созданием цикла солидных обобщающих трудов и статей по отечественной истории⁶⁴⁰. Мне кажется, что появление этих публикаций было вызвано насущной потребностью российского общества и Российского государства, попавшего в который уже раз в очередную Великую Смуту. Поэтому особое значение приобретают раздумья митрополита Иоанна об особенностях исторического пути России, о необходимости возрождения русского национального самосознания. Так, в одной из статей владыка Иоанн отмечает: “Обладая огромным трагическим опытом десятилетий сатанинского учения (речь идет о советском периоде истории – автор), нам особенно важно заново осмыслить пройденный путь, научиться отличать добро от зла, истину от лжи, настоящую духовность от лукавой подделки”⁶⁴¹. И далее он подчеркивает, что настоятельной задачей является восстановление преемственности русского религиозно-национального самосознания.

Исключительно важное значение митрополит Иоанн уделял изучению благотворного воздействия православной церкви на народ и историю России. “Именно Церковь, – пишет Иоанн, – сообщила нашему народу свойство соборности”, с которым связано его второе и драгоценное «качество-державность»⁶⁴². В понятие державности церковный историк вкладывает глубокий смысл. Державность – это осознание каждым ответственности за всех, ответственности отдельной личности

за нравственное здоровье общества и крепость государства⁶⁴³. Но есть и третье качество народа, которое состоит в “открытости, всечеловечности русскою характера”⁶⁴⁴ — этих истинных ценностей. Необходимо также использовать богатейший опыт русской государственности.

Существенный интерес представляют взгляды митрополита Иоанна о государственном устройстве. В их основе лежит церковное учение о государственном устройстве как большой семье, о том, какой должна быть верховная власть. Владыка подчеркивает, что “верховная власть должна быть единой и неделимой, мощной и независимой от капризов толпы. Она должна быть связана с народом и живым повседневным опытом соборного единения”⁶⁴⁵. Апеллируя к историческому опыту, митрополит говорит о том, что должно быть и “взаимное разделение, гармоничное сочетание властей”.

Итак, мы остановились на общих чертах методологии владыки Иоанна. Эти оценочные суждения виднейшего иерарха русской православной церкви имеют неоценимое значение для всех, кто прилагает усилия для возрождения Великой России.

* Иоанновские чтения. Памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. 9–10 октября 1936 г. Самара, 1997. С. 5–6.

Раздел VII. ПУБЛИЦИСТИКА

§ 1. ... И тогда он заплакал. Слово о Фритьофе Нансене⁶⁴⁶

Выдающийся норвежский ученый и полярный исследователь Фритьоф Нансен родился 10 октября 1861 года недалеко от столицы Норвегии Христиании (ныне Осло). Основные черты характера — энергию и настойчивость, силу воли и несокрушимое чувство долга — Ф.Нансен унаследовал от своей матери Аделаиды. Но вместе с молоком матери он впитал и великие гуманистические идеи, корни которых восходят к библейским временам и нашли яркое выражение в емкой заповеди Иисуса Христа: *«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут»*. Именно эта заповедь вдохновляла многих предпринимателей и простых людей, деятелей науки и искусства на оказание благотворительной помощи в XIX — начале XX вв. тем, кто особенно в ней нуждался. А катаклизмы XX века приняли такие грандиозные масштабы, что потребность в этих гуманистических акциях резко возросла.

Фритьоф Нансен был хорошо осведомлен о положении дел в Советской России. А ситуация здесь приобретала катастрофический характер. Политика советской власти по отношению к крестьянству была очень жесткой. Продразверстка 1920 года лишила многие десятки тысячи крестьянских хозяйств не только продовольствия, но и семенного фонда. К тому же в 1920 году разразилась жесточайшая засуха, а затем в 1921 году наступил голод, который охватил Поволжье, десятки черноземных губерний и Украину. И в этот тяжелейший для российского крестьянства час руку помощи голодающим протянул Фритьоф Нансен. Он предпринял немало усилий для того, чтобы снять экономическую блокаду советской России со стороны капита-

листических государств. Ученый неоднократно выступал в Лиге наций с предложением об оказании прямой помощи голодающим районам России. Но Лига наций под теми или иными предлогами затягивала принятие решения об оказании экстренной помощи народу России, тогда Ф.Нансен организовал помощь по линии общественных и частных организаций, периодических изданий, церкви и отдельных лиц.

Осенью 1921 года Ф.Нансен совершил поездку в Самарскую губернию, где масштабы голода резко возросли. Вот что сообщал об этой поездке на IX Всероссийском съезде Советов председатель Самарского губисполкома В.А. Антонов-Овсеенко: *«Его (Нансена) повезли недалеко от Самары в одну из волостей Дубовый Умет. Там более 1500 человек, опухших от голода. В селе Колывань умерло голодной смертью 423 человека. В Дубовом Умете умерло 145 человек за ноябрь месяца. Из 4000 лошадей осталось 125. Когда Нансен там побывал и через переводчиков говорил с крестьянами, то женщины бросались ему в ноги, показывали своих истощенных детей и просили о помощи. И тогда заплакал этот человек, который не плакал перед лицом смертельных опасностей, который привык видеть смерть в глаза и не дрожать перед нею».* Эта жуткая картина голода, увиденная в Самарской губернии, навсегда врезалась в его память, она его потрясла. «Мне казалось, — говорил он, — что я то уж знаю, каково бороться с зимой, но тяжесть борьбы, идущей в Восточной России, превзошла, все самые смелые предположения. Я заранее был готов увидеть страдания, смерть и человеческое горе. Но я и не предполагал, что увижу целые селения и даже провинции, где все только и живут в ожидании смерти-избавительницы. Я не был подготовлен к тому, что увижу мужчин и женщин, которые доведены голодом и страданиями до самых черных деяний (нередко были случаи, когда голодающие съедали не только кошек, собак и крыс, но и собственных детей — автор). То, что мы видели описать невозможно... Пять недель прошло с тех пор, как я в приволжских степях видел обращенные ко мне огромные умоляющие глаза детей. Ради них и во имя милосердия обращаюсь я теперь к Вам, к общественности, а через Вас к правительствам. Давайте начнем действовать! Не то будет поздно!»

Призыв Нансена был услышан, и голодающему Поволжью была оказана широкомасштабная помощь. Ф.Нансен гордился тем, что Норвегия больше всех приложила усилий для борьбы с голодом в России, норвежский комитет по борьбе с голодом собрал 875444 крон, союз норвежских священников 60355 крон, студенты 375 тыс. крон, норвежское правительство выделило 770 тыс. крон и предоставило кредит на 585 тыс. крон, государственные железные дороги сократили на 50% тарифы на перевозку продовольствия, медикаментов и одежды.

Существенной была помощь Датского общества Красного Креста – 723109 крон, из них от газеты «Политикен» 126 тыс. крон и 100 тыс. крон из государственных средств. Английские организации внесли 472 тыс. фунтов стерлингов, редактор газеты «Манчестер Гардиан», друг Ф.Нансена доктор Скотт прислала 20 тыс. фунтов стерлингов. США взяли на свое обеспечение 2,5 миллиона детей, Шведский Красный Крест – 100 тыс. человек, квакеры религиозной общины – 350 тыс. детей. Нидерланды послали; 7 тыс тонн продовольствия и медикаментов. Франция собрала 6 млн. франков, итальянские социалисты 2,5 млн. лир. Глава Святого Престола – Папа Римский пожертвовал 1 млн. лир, организация АРА (американская организация помощи голодающим) – 60 млн. долларов, еврейские общины 500 тыс. долларов, которые пошли на покупку медикаментов.

Сама Нансеновская миссия собрала 40 млн. швейцарских франков и оборудовала 900 пунктов по оказанию помощи голодающим в 280 деревнях и селах.

В 1922 году Нансену была присуждена Нобелевская премия мира – за его заслуги в деле репатриации военнопленных и беженцев из России (эта благородная акция была совершена Нансеном в годы гражданской войны) и за оказание помощи голодающим российским крестьянам. Вся премия 122 тыс. крон и такая же сумма, добавленная издателем К. Эриксоном, пошли на создание двух показательных хозяйств в Поволжье и на Украине, часть – на нужды греков-переселенцев, обосновавшихся в Западной Фракии, а остаток был положен в банк на случай экстренной помощи беженцам какой-либо другой страны.

Многие жители Поволжья и Украины на всю жизнь запомнили нансеновские детские дома, столовые и медицинские пункты. Фритьоф Нансен и его миссия спасли от голодной смерти сотни тысяч людей. Благородная деятельность Фритьофа Нансена по оказанию помощи России в 1921-22гг. снискала любовь и уважение со стороны простых людей. Эмиль Людвиг в книге «Вожди Европы» писал: *«Какое значение имел Нансен для русского народа, мне сказал взгляд старой крестьянки, когда я посетил однажды Нижнее Поволжье спустя три года после пребывания Нансена в России. Когда я назвал его имя, она перекрестилась и спросила, широко раскрыв глаза, знал ли я его. Потом коснулась рукой моей груди, словно желая передать благословение своему спасителю».*

§ 2. Быть ли улице казачьей*

Начальный этап истории Самары неразрывно связан с казачьей вольницей, которая с давних времен облюбовала укромные места на Самарской Луке. Казаки под руководством воеводы князя Г. О. Засекина участвовали в 1586 г. в строительстве Самарской крепости и составили ядро ее гарнизона. О роли казачества в древней истории Самары свидетельствует топонимика — наука о названиях улиц, сел, городов, урочищ. Так, в Самарском крае старинные села Ермаково и Кольцово носят имена покорителя Сибири Ермака Тимофеевича и его сподвижника Ивана Кольцо. Когда-то казачьи топонимы были и на карте города Самары. В частности, именем казачьего атамана Барбоши называлась когда-то в дореволюционное время поляна имени М. В. Фрунзе. (Этот топоним восстановлен-П.К.) Один из крупнейших исследователей градостроительной истории Самары архитектор Е. Ф. Гурьянов отмечает наличие в XVII-XVIII столетиях дворов самарских казаков между современными улицами Алексея Толстого и Водников, которые располагались вплоть до северного острога деревянной крепости, т. е. почти до нынешней улицы Кутякова. Видный общественный деятель — городской голова Петр Алабин при описании торговли колониальными и мануфактурными товарами в Самаре указывает, что центром ее была Дворянская улица, кото-

рая прежде называлась «Казачьей» (первыми ее заселяли казаки). Как видим, древнейшее название современной улицы Куйбышева носит казачий топоним. Но судьба распорядилась так, что эта старинная центральная улица старой Самары сохраняла свое название «Казачья» до 1853 г. Именно тогда был принят новый градостроительный план, по которому центр города перемещался с Дворянской улицы (ее стали именовать Казанской, а в советское время – Обороны, Алексея Толстого). И в этой связи «Казачья» улица получила название Дворянская. Дворянская улица стала быстро обустраиваться каменными зданиями (на ней было запрещено строить деревянные дома). Она протянулась от Хлебной площади (практически от места, где располагалась крепость) и до драматического театра. В отличие от многих улиц она была благоустроена. С 1885 г. она мостилась верховым булыжником, а в начале XX в. залита асфальтом. Так или иначе, благоустройство улицы Дворянской связано с деятельностью П.В. Алабина, по инициативе которого в Самаре в 1885–1886 гг. был сооружен водопровод. Одна из магистралей водопровода прошла по Дворянской. С 1895 г. по ней проходила линия конной железной дороги. А в 1903 г. стала сооружаться и канализация. Улица была озеленена. Она пользовалась большой любовью горожан. Многие современники называли Дворянскую улицу малым Невским проспектом. И действительно, богатство и разнообразие архитектурных стилей создавало неповторимую прелесть главной улицы Самары. К тому же на ней так же, как и на Невском проспекте в Санкт-Петербурге, располагалась фактически вся общественная, торгово-коммерческая инфраструктура города: музей, библиотеки, кинотеатры, магазины, банки; на ней или вблизи нее находились церкви и храмы всех конфессий. Улица органично вписывала в себя три городских площади: Хлебную, Алексеевскую и Театральную.

Один из самарских подвижников Олег Сергеевич Струков, длительное время изучавший архитектуру нашего города, оставил описания наиболее значимых зданий. Вот некоторые из них: дом № 29 – дом Синицына построен в 1850 г., стиль эклектика. Дом № 32, бывший учительский институт, построен в 1915)–1911 г. - модерн. Дом № 48 – дом Тареева, построен в 1840 г., реконструирован А.А. Щербачевым, в 1880 г., эклектика. Дом № 55 - стиль Генриха IV, поздняя готика, архитектор

А.А. Щербачев, построен в 90-х гг. XIX в. Дом торгово-промышленного банка; с 1905 г. дом Редина. Дом № 63 — до 1900 г. дом Решетникова, затем торгово-промышленный банк, модернизированное барокко, архитектор Зеленко. Дом № 71 — дом Бахарева, построен в 1857 г., эклектика. Дом № 72 — дом Белоусова, построен в 90-х гг. XIX в. архитектором Щербачевым, мавританский стиль. Дом № 78 — гостиница «Бристоль» (ныне филиал «Жигули»). Дом № 85, ампир, архитектор А.А. Щербачев, построен около 1910 г. С 1911 г. в доме располагалось Самарское отделение Русского императорского музыкального общества. В 1912 г. в его нижний этаж переехал музыкальный магазин Бем. В первые годы Советской власти в нем помещался музыкальный техникум, затем музыкальное училище, в настоящее время Волжский народный хор. Дом № 90 — ампир, архитектор Белинский, филиал Русского банка для внешней торговли; построен в 1914 г. Дом № 92 — Волжско-Камский коммерческий банк, построен в 1913—1915 гг. в греческом стиле по проекту архитектора В. И. Якунина (ныне Самарский художественный музей). Дом № 93 — дом купца Аржанова, один из видных благотворителей Самары, построивший на свои средства больницу. Построен в конце XIX в., в 1894—1917 гг. там находилось общество взаимного кредита. В 1916—1917 гг. дом реконструирован в стиле модернизированный ампир архитектором Клейнерманом. Дом № 95 — дом купца Христензена, постройка 50—60-х гг. XIX в., имитация в камне под русское деревянное зодчество. В начале 80-х гг. по инициативе П.В. Алабина городская управа арендовала второй этаж для размещения городской публичной библиотеки. Тогда же П.В. Алабин приступил к созданию городского музея, в 1896 г. библиотека и музей были переведены в дом Ушакова.

Дом № 96 — русское барокко. Дом купца вино торговца Егорова, построен в 1890 г. по проекту владельца дома, художественное оформление фасада выполнено неизвестным художником. Дом № 103 — до 1907 г. это были три отдельные дома, построенные в последней четверти XIX в. Два дома принадлежали купцу Юрину, один — Головкину. В 1907 г. дома реконструированы в стиле модерн по проекту А.А. Щербачева. В 1908—1913 гг. в этом доме гостиница братьев Ивановых, затем гостиница «Ницца», ныне кинотеатр «Художественный». Дом № 105 — дом Сибирякова, построен в конце XIX в. В 1904г.

реконструирован в стиле модерн архитектором Машковым. Дом № 111 – дом купчихи Субботиной Е. И., построен в 70-е годы XIX в. В 1905–1908 гг. – Центральный ресторан братьев Ивановых, в 1908 г. дом реставрирован в стиле декаданс техником-строителем Квятковским. С 1909 г. ресторан и гостиница «Гранд-отель», ныне «Жигули».

Дом № 115 – кирха, построена в 1863–1865 гг. на средства купца Аннаева. Вначале это здание предназначалось для костела, после подавления восстания в Польше в 1863 г. власти запретили открыть в Самаре костел и здание было передано евангелистическому обществу. Предположительно, здание построено по проекту архитектурного помощника Н. Еремеева.

Дом № 131 – дом Ушакова. Центр культурной жизни в Самаре, построен в 60-х гг. XIX в., смешанный стиль. В этом здании помещалась гостиница Ушакова, с 70-х гг. – Благородное собрание, общество любителей музыки и драматического искусства, общество поощрения образования, в 1896–1924 гг. – городская публичная библиотека, в 1896–1933 гг. – городской музей (ныне Дом культуры учащихся профтехобразования). Благородное собрание – старейший клуб в Самаре, открыт в 50-х гг. XIX в. Клуб проводил в этом здании культурно-просветительные мероприятия. В 1889 г. была впервые размещена выставка картин передвижников, а в 1892 г. – вторая выставка передвижников. С 1891 г. в зале Благородного собрания организовывались ежегодные выставки картин самарских художников.

Дом № 135 – итальянский ренессанс, архитектор Шредер. Построен в 1909 г. Дом Дунаева, затем коммерческий клуб, горисполком, ныне администрация гор. Самары.

Дом № 143 – стиль Генриха IV, архитектор А.А. Щербачев. Дом принадлежал И. А. Клодт, построен в 90-х гг. XIX в. Дом № 151 – итальянский ренессанс, архитектор Щербачев. Особняк предводителя Самарского дворянства Наумова. Построен в 1905–1907 гг.

Дом № 153 – здание Крестьянского поземельного банка, построено в 1911 г. по проекту А.И. Фон-Гогена, стиль модерн. Дом № 155 – дом общественного собрания, построен в 1907–1908 гг. Архитектор Вернер. Модерн.

Как видим, краткое перечисление наиболее значимых памятников архитектуры лишь подтверждает гениальность архитекторов и строителей, сумевших создать уникальную жемчужину старой Самары — архитектурный комплекс Дворянской улицы.

Кипение делового люда, спешащего на Хлебную биржу, в банки и магазины, сочetalось с потоками людей, устремлявшихся на Алексеевскую площадь (место встречи влюбленных у памятника царю-освободителю Александру II), в Струковский сад или к «Красному спуску», к Волге. Именно здесь, у «Красного спуска», развeртывалось все великолепие многоплановой композиции, куда входили неповторимые по красоте архитектурные ансамбли старой Самары: Центральный собор с колокольней на Соборной площади, церкви и колокольни Иверского женского монастыря, нарядное — русский теремок — здание драматического театра, построенное по инициативе П.В. Алабина в 1888 г. по проекту архитектора Д.Н. Чичагова. «Красный спуск» заканчивался у Жигулевского пивоваренного завода — удивительно цельного по композиции комплекса производственных зданий, строительство, которых завершилось у подножия стен Иверского монастыря в 1881 г.

А вот свидетельство учителя географии А.П. Нечаева, который в 1904 г. совершил путешествие по Волге и оставил такую запись: «Лучшая улица — Дворянская. На ней все роскошные магазины и лучшие дома. Посреди улицы — большая площадь Алексеевская. Украшением ее служит самый замечательный на всей Волге памятник императору Александру II, величественно поднимающийся среди маленького, но нарядного, утопающего в цветах, сквера...»

Улица Казачья или Дворянская знала и видела не только так называемую чистую публику. В 1905 г. на ней проходили демонстрации рабочих, нередко были вооруженные столкновения с полицией и войсками. В период октября 1917 г. по ней спешили отряды красногвардейцев, там и тут на площадях собирались митинги, на которых пытались решать злободневные вопросы революционной эпохи. Видела улица и отряды чехословацкого легиона и суровые батальоны красноармейцев в годы Великого лихолетья 1941 г. — 1945 г. В конце-50-х-60-х гг XX в. по самарскому Бродвею хляляли вдруг внезапно появившиеся стилиаги.

Сразу же после установления Советской власти улица Дворянская была переименована и стала Советской. После смерти в 1935 г. одного из виднейших сподвижников Сталина ей присвоили имя В. В. Куйбышева.

Возвращение народу исторической памяти должно сопровождаться не только воссозданием объективной истории народа, но вместе с тем надо вернуть многим улицам и площадям их исторические имена.

Думается, что старинное название Казачья как нельзя лучше подходит для улицы Куйбышева. Тем самым историческая справедливость восторжествует и будут удовлетворены многочисленные ходатайства казаков.

* «Бурлак». 1993. № 10. С. 13–16.

§ 3. Великое жертвоприношение*

Петр Кабытов считает, что война закончится, когда будет похоронен последний солдат. Победители неизбежно уходят, но их подвиг накладывает на нас обязательства — не столько, чтобы соответствовать, но — сохранить человека в себе. Война продолжается, открывая новые факты, и тема исторической памяти — тот самый нравственный камертон, который позволяет сохранить достоинство нации. О том, как война изменила мир, о великом поколении и о том, почему мы должны правильно понимать историю, рассуждает заведующий кафедрой российской истории СамГУ, доктор исторических наук, профессор Петр Кабытов.

Людмила Круглова

Мы победили — вопреки всему

- У вас есть личные ассоциации, связанные с войной?

- Так сложилась судьба, что я родился за два дня до войны. Буквально через день была объявлена мобилизация, и отец ушел на фронт. 1942 год был самым трагичным для нашего Отечества, потому что Харьковское наступление оказалось неудач-

ным, и немецкие войска, перейдя в контрнаступление, вышли к Волге. Наша семья жила недалеко от Ростова, на станции Колодезная, которая находилась вблизи от другой железнодорожной станции с поэтическим названием Лиски. На пятый день нашу станцию стали бомбить: там находились стратегические склады. Началась эвакуация, мать с четырьмя детьми оказалась в Воронежской области, и сразу же пришла похоронка, что отец погиб под Ленинградом. Об этом мне рассказывала мать.

Конечно, мы, мальчишки и девчонки, росли на послевоенной романтике, мифологизация войны активно велась до 1960-х годов, и даже наше отступление преподносилось как стратегическая оборона. На самом деле первые дни войны были трагическими и для Красной Армии, и для Советской Страны. Именно тогда стоял важнейший вопрос – быть или не быть государственности, сумеем ли мы защитить наше Отечество.

- **Существуют разные точки зрения по поводу начала войны. Одни историки считают, что роковую роль сыграла внезапность нападения, другие говорят о том, что Сталин знал о предстоящей войне...**

- Внезапность имела колоссальное значение, хотя у политического руководства было понимание, что войны не избежать. Дело в том, что Вторая мировая – война машин, артиллерии, авиации, автоматического оружия, а у нас в первые годы военный потенциал состоял из гужевой силы (лошадей), простейших винтовок и зажигательных смесей «коктейль Молотова». Лишь с конца 1941 года под Москвой появились танки «Т-34», а в 1942 году, по ленд-лизу, мы получили большое количество американской техники. До этого 99% успеха обеспечивалось тяжелой физической работой. Нужно было создать условия для победы: копать оборонительные линии, прятать пушки, чтобы враг их не заметил. Нужно было перейти от производства самолетов с деревянными фюзеляжами к авиации с бронированной защитой. Самолеты, которые стали выпускать в Куйбышеве («ИЛ-2», «ИЛ-10»), называли «летающими танками», их немцы боялись.

Что же касается противника, то на самом деле мы вели войну не с фашистской Германией, а со всей Западной Европой. У гитлеровской армии сосредоточился экономический потенци-

ал итальянцев, румын, венгров, чехов, в какой-то степени испанцев. Гитлер очень быстро завоевал многие государства, ментально сдались Франция, Чехословакия, Польша. Для немецкого руководства было неожиданным, что Россия окажет такое сопротивление и на фронте, и в тылу. А была еще «пятая колонна» — засланные внутрь нашей страны диверсанты, которые дестабилизировали ситуацию. То есть, в принципе, казалось, не было никаких предпосылок для того, чтобы победить. Мы выиграли войну вопреки всему.

- Какие военные факты до сих пор вызывают споры историков?

- Поначалу об этом не говорили, а сейчас обсуждается вопрос, за кем осталась победа в битве на Курской дуге. В знакомом сражении под Прохоровкой сошлись гигантские танковые силы, и там была колоссальная мясорубка. Немецкие машины имели мощную металлическую броню, а у наших танков такой защиты не было. Советские воины выстояли и перемололи фашистскую армию. Фальсификаторы заявляют, что это сражение выиграли немцы. Но почему тогда они стали отступать, а потом покатались лавиной?

После Курской битвы произошло нечто чудесное: фактически фронтальное наступление русских войск. У нашей армии появилась мощная энергетика и духоподъемный настрой, началось изгнание немцев с территории Советского Союза.

До этого все же не было уверенности в закономерности выигранных боевых действий. Уже в первые месяцы войны Красная Армия сумела сдержать наступление противника под Смоленском, затем — Орша и оборона Москвы, завершившаяся контрнаступлением советских войск. А Сталинград и Курская дуга позволили накопить боевой и стратегический опыт, командиры уже понимали, как воевать и в каких условиях, как избежать потерь. Стали использовать новые приемы, в той же Берлинской операции, когда внезапно осветили всех прожекторами, появилась артиллерия большей численности. Боевой опыт имел колоссальное значение для завершения войны.

— Известный философ, ветеран-фронтовик Григорий Померанц писал о том, что многих жертв можно было избежать, если бы не было соперничества маршалов в боевых стратегиях, или не

отдавались бы нецелесообразные приказы – такие, как, например, взять высоту ко дню рождения Ильича.

- Здесь множество нюансов. Военачальники боялись Сталина, он обладал невероятной суггестией. Есть приказ – взять высоту, и все. Беда в том, что она бралась штурмом, без подготовки, без техники. Приходило необстрелянное пополнение, и две трети новобранцев тут же погибало.

В свое время я сделал горькое открытие: в период войны не жалели ни солдат, ни женщин, ни детей. Не думали об этом. Была сухая статистика: сколько погибло наших, сколько врагов. Генералиссимус И.В.Сталин и советские маршалы руководствовались жестокой логикой, некоторые считали, что если бы учитывали потери, то не победили бы. Быть может, это самооправдание. О войне легко рассуждать, сидя на диване. А когда идет война – не до сантиментов.

Антология массового героизма

- Военный Куйбышев – это история трудового подвига наших земляков. Что предопределило миссию города как столицы тыла? Удобное географическое положение?

- Не только. Существовал миф, что эвакуация предприятий осуществлялась следующим образом: завозили заводское оборудование, в чистом поле строили стены цехов, ставили на фундаменты станки и в течение двух-трех месяцев начинали выпускать самолеты. Но это не совсем так. Новейшие исследования позволили внести существенные уточнения. Еще в 1939 году на XVIII съезде ВКП (б) было принято решение о создании мощных военных производств на востоке страны, в том числе и в Куйбышеве. На Безымянке перед войной началось строительство военно-промышленной зоны, и здесь уже была заложена база для авиастроения.

К тому времени в стране были разработаны новые проекты модификаций танков, самолетов, автоматического оружия, но само производство оказалось невозможным без создания новых технологических линий. Эту задачу должны были выполнить заводы в Поволжье, на Урале и в Сибири. Но, увы, масштабные планы к войне не были завершены. Поэтому в течение 1941 года прилагались гигантские усилия для того, чтобы внедрить технологии, а потому проектная и инженерно-конструкторская деятельность шла в буквальном смысле с колес.

– **Какими стратегическими ресурсами располагал наш город?**

- В районе Красной Глинки и поселка Мехзавод уже велись строительные работы по сооружению Волжской ГЭС. Когда началась война, они были приостановлены, но на Мехзаводе возник крупный моторостроительный завод.

В 1941 году был произведен запуск первой турбины Безымянской ТЭЦ, к концу 1942 года запущены еще две турбины. Вдвое увеличила энергетический потенциал реконструированная Самарская ГРЭС. Нарращивали мощности и переходили на оборонное производство завод имени Масленикова, завод взрывчатых веществ в Чапаевске, пороховой завод в Сызрани. Даже кирпичные заводы стали выпускать военную продукцию. Словом, были задействованы абсолютно все ресурсы. К примеру, станки эвакуированного ГПЗ-1 разместили в солдатских казармах, построенных еще до Первой мировой войны. Они и сейчас сохранились. Это одноэтажные здания из красного кирпича. В первые дни войны в Поволжье было эвакуировано около 260 предприятий, 125 из них сразу же включились в работу на территории нашей области. Оборонная база создавалась ресурсами треста по сооружению Волжской ГЭС и треста НКВД, который использовал труд заключенных, это порядка 90 тысяч человек. То есть энергетика и стройиндустрия позволили в кратчайшие сроки перевести экономику на военные рельсы.

- **Самое невероятное, что тыловой фронт, по большому счету, держался на женщинах и детях...**

- И нужно представить, в каких бытовых условиях существовали эти люди. Город и так был небольшим [перед войной в нем насчитывалось 400 тысяч человек -авт], а по мере притока эвакуированных нужно было переселять и уплотнять население. Скученность, антисанитария, эпидемии... Правда, в обязательном порядке на вокзале проводилась санобработка, приезжих, прежде чем поселить, отправляли в баню, пропаривали одежду, чтобы уничтожить вшей. Это мало помогало, потому что люди голодные, паек скудный. Дополнительный провиант – лебеда, жмых, затируха (болтушка, мука с водой) – питательности не прибавляли. Но на пределе возможностей люди шли на работу, по 16 часов стояли у станков и добивались качества продукции.

Известен такой случай, о котором рассказал самарский историк А.И.Репинецкий. Летчик – участник войны приехал в наш город получать новый самолет и увидел в цехе стоящего у станка мальчишку лет четырнадцати, мокрого с головы до ног. Мастер объяснил, что периодически поливает его водой, чтобы тот не уснул. Подобных примеров преодоления было великое множество, трудовой подвиг стал каждодневным обыденным явлением.

МЫ НЕДООЦЕНИВАЕМ 1930-е ГОДЫ. ЭТО НЕ ТОЛЬКО ТЕРРОР. В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СТАЛИ ПРЕОБЛАДАТЬ СОВЕТСКИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ. И ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ПАТРИОТИЗМ СЫГРАЛ КОЛОССАЛЬНУЮ РОЛЬ
- У вас есть объяснение массового героизма в годы Великой Отечественной войны?

- Это была необходимость, связанная с государственным принуждением. Каждый понимал, что если, к примеру, он опоздает к станку, то для него начнется совершенно другая жизнь – более страшная. Трибуналу подлежали и дети, которые в селах собирали колоски, чтобы поесть.

Но сказать, что люди держались исключительно на страхе, было бы неправильным.

Мы недооцениваем 1930-е годы. Это не только террор, суды, уничтожение военной и политической элиты. Уже во второй половине 30-х гг стало ясно, что Сталин воссоздал империю. Национальная идея -показать миру преимущество советского образа жизни – вылилась в общий патриотический настрой, ускоренными темпами развивалась промышленность, появилось стахановское движение. Свою роль сыграла киноиндустрия и литература, писатель Валентин Катаев выдвинул лозунг «Время, вперед!».

Во второй половине 1930-х годов в общественном сознании стали преобладать советские идеологемы. И во время войны патриотизм сыграл колоссальную роль. Это была чувствительная сторона в душе народа, которая, наряду с государственным принуждением, помогла выстоять. «Мы должны победить, и мы победим!» – говорили все как один. Такая война-трагедия органично сочеталась с массовым героизмом и самопожертвованием.

Неоднозначные факты

- Получается, Сталин был эффективным топ-менеджером, как теперь его называют некоторые политологи?

- Он был вождем, хотим мы этого или нет. Сталин действовал в условиях, когда пассионарная активность была очень высокой, получается, сама эпоха способствовала выдвижению людей с такой доминантой. В условиях войны нужен был человек, который мог консолидировать все силы и заразить людей верой в себя. В этом смысле Сталин был величайшим стратегом и тактиком, он знал психологию, умел играть на слабых и сильных сторонах человеческой души, причем масштабно. Я не оправдываю Сталина: «черного кобеля не отмоешь добела». Но в тот момент, когда стоял вопрос о жизни и смерти молодого государства, он сыграл принципиальную роль.

Сталинская модернизация была кровавой, но она дала колоссальный разгон экономики [определение А.И.Солженицына-авт.], и фактически сейчас, в течение последних 25 лет, мы «проедаем» то, что было создано поколениями советских людей. Парадоксально, но факт.

- Американцы пытаются пересмотреть итоги Второй мировой войны и даже присвоить победу. Что вы можете сказать по этому поводу?

- В Саратовском университете был профессор Кредер, который написал учебник по новой истории, где «протаскивал» эту американскую идею. По всей видимости, мы недостаточно пишем о том, каков был вклад советского народа в исход Второй мировой войны. В 60-70-е годы прошлого столетия американцы написали свыше 100 томов о Второй мировой войне, расписали буквально каждый день. Мы сначала создали один том, потом шесть томов, есть четырехтомник, энциклопедия. Это несоизмеримо мало.

На самом деле американцы и англичане постоянно затягивали открытие второго фронта. Любопытный факт, когда солдаты, открывая консервную банку с тушенкой, шутили: «Давайте второй фронт откроем». Безусловно, поставка союзниками автомобилей, самолетов и танков была существенной. Но ведь второй фронт был открыт лишь в конце войны.

- А помощь ленд-лиза была безвозмездной?

- Нет, конечно. Вся технику, которая эксплуатировалась во время боевых действий, мы обязаны были возратить через Дальний Восток. Под прессом все это «железо» сжималось и отправлялось назад.

Сразу после войны речь Черчилля в Фултоне продекларировала начало «холодной войны». Бывшие союзники опустили железный занавес, и началось соревнование технологий. И, кстати сказать, все ученые – разработчики манхэттенского проекта – немцы и австрийцы. Мы шли вровень с американцами: советский атомный проект произвел революцию в науке, мы преуспевали в космической отрасли, более того, у нас был проект по созданию информационных технологий, но власть его «заморозила». И если бы Политбюро не было таким «умственно неповоротливым», мы могли бы стать первыми. Поэтому нам следует осознать, что американские мифологемы – это отголоски информационной войны. Факт неоспоримый и однозначный: Красная Армия освободила Восточную Европу, «добила зверя в его логове», как тогда говорили, и водрузила знамя над Рейхстагом. И здесь не может быть никакого двоемыслия.

В 60-70-е ГОДЫ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ АМЕРИКАНЦЫ НАПИСАЛИ СВЫШЕ 100 ТОМОВ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ, РАСПИСАЛИ БУКВАЛЬНО КАЖДЫЙ ДЕНЬ. МЫ СНАЧАЛА СОЗДАЛИ ОДИН ТОМ, ПОТОМ ШЕСТЬ ТОМОВ, ЕСТЬ ЧЕТЫРЕХТОМНИК, ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. ЭТО НЕСОИЗМЕРИМО МАЛО.

СТАЛИН ДЕЙСТВОВАЛ В УСЛОВИЯХ, КОГДА ПАССИОНАРНАЯ АКТИВНОСТЬ БЫЛА ОЧЕНЬ ВЫСОКОЙ. ПОЛУЧАЕТСЯ, САМА ЭПОХА СПОСОБСТВОВАЛА ВЫДВИЖЕНИЮ ЛЮДЕЙ С ТАКОЙ ДОМИНАНТОЙ

НА САМОМ ДЕЛЕ МЫ ВЕЛИ ВОЙНУ НЕ С ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ, А СО ВСЕЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ

Почему мы должны знать правду

- Самое страшное – наш доморощенный цинизм по отношению к войне и ветеранам. Нет ничего отвратительнее, чем видеть, как потомки великого поколения с легкостью «продают Родину», как беспредельно унижают участников войны, как

бывший министр обороны Сердюков, усевшись, принимал парад Победы, а девяностолетние старики, увешанные орденами, стояли. Что с нами произошло?

- В детстве я видел людей, покалеченных войной, без рук, без ног, их было очень много. В первое время они получали от государства денежную надбавку за ранения и ордена, потом эти льготы отменили. Было откровением, когда в 1955 году количество инвалидов резко сократилось. Они просто вымерли, потому что Родина не позаботилась о них. Я думаю, в этом повинно руководство страны.

Второй парад Победы состоялся спустя 20 лет после окончания войны. Пережитый ужас был невыносим: понадобилось время, чтобы затянулись кровавые раны, чтобы люди успокоились, «отошли» от этой ужасной трагедии. И только тогда начали появляться первые правдивые материалы о Великой Отечественной войне.

Потом поменялась государственная парадигма, между словом и делом образовалась гигантская пропасть, породившая двойные стандарты. Худшее, что могла выдумать власть, — пайковый социализм. Как, к примеру, люди могли воспринимать пайки для ветеранов, когда в магазинах ничего не было? Вместе с тем продовольствия у нас было более, чем достаточно. Но все отправлялось в «дружественные» страны, буквально до 1991 года «развивали мировую систему социализма». Разочарование приходило постепенно, поколения воспитывались на недовольстве существующим положением, на двоемыслии, отсюда и цинизм.

- Что же, утратилась чувствительность к святыням?

- Я все же думаю, в этом нет закономерности. Если в семье когда-то был участник войны, эта чувствительность проросла в генах. Ветеран — святой человек, и неважно, где он был — в тылу, на фронте или в прифронтовой полосе. Другое дело, что недостойные случаи должны осуждаться обществом резко и безоговорочно. Роль масс-медиа — говорить об этом открыто.

Кроме того, не должно быть лицемерия и надуманности в интерпретации событий. Военная тематика сейчас заменена валом американских фильмов или нашими мыльными сериалами, которые транслируются в прайм-тайм. А важнейшие передачи идут далеко за полночь. Посмотрите периодику: интерес к войне появляется только во время юбилеев. А эта линия долж-

на быть постоянной. Я предлагаю не эксплуатировать тему, но напоминать, если мы хотим сохранить светлое знание об этом печально памятном событии.

- История все время ставит новые вопросы, на которые нет однозначных ответов. Как отделить зерна от плевел?

- Надо понимать, что война предполагает различные степени ответственности, и все они подлежат рассмотрению. Наш долг – переосмыслить факты и написать правдивую историю. Исследования ведутся в нескольких направлениях, и многие из них (например, «женщина на войне, «повседневная жизнь на фронте и в тылу») находятся в зачаточном состоянии. Мы начали заниматься этой тематикой в 1990-е годы. С точки зрения стратегии и тактики войны тоже есть над чем подумать. В воспоминаниях полководцев немало мифов. Ведь Жуков не мог издать свои воспоминания до тех пор, пока не включил в свои мемуары маленький сюжетик о своей встрече с Леонидом Ильичом Брежневым (ему было поставлено такое условие). Это само по себе смехотворно: полковник Брежнев давал советы маршалу Жукову! И величайший полководец пошел на сделку с совестью, понимая, что иначе книга не увидит свет. Можем ли мы его за это осуждать? Думаю, нет. Мы вообще не имеем морального права осуждать военное поколение за те факты человеческой слабости, которые время от времени открываются. Потому что представить себя в ситуации, когда мимо летят пули, сверху сыплются бомбы, мы, слава Богу, не можем. А ветераны войны это пережили. Война – это ожесточение невозможное, разрушающее человеческое в человеке, а они смогли, мало того, что сберечь свою душу, еще и после всех ужасов начать строить новую жизнь. Это надо объяснять молодым людям, чьи сверстники совершили великое жертвоприношение 68 лет назад.

МОЛОДОЙ, ФИЗИЧЕСКИ ЗДОРОВЫЙ ЧЕЛОВЕК, ВЕШАЯ НА ШЕЮ АМУЛЕТ ПЕРЕД БОЕМ, ОТЧЕТЛИВО ПОНИМАЛ, ЧТО ИДЕТ НА СМЕРТЬ.

МОЖНО ЛИ БЕЗ ОТЧАЯНИЯ ПРИНЯТЬ ЭТУ МЫСЛЬ?

- Такое ощущение, что война продолжается по сей день...

- Война закончится, когда будет похоронен последний солдат. До сих пор тысячи убитых воинов лежат на местах сражения, поисковые отряды находят останки по именованным амулетам. Молодой, физически здоровый человек, вешая его на шею, отчетливо понимал, что идет на смерть. Можно ли без отчая-

ния принять эту мысль, противную биологическим инстинктам? Конечно, история — это не мораль, а факты, но именно их осмысление делает историю учительницей жизни. Она изучает прошлое, чтобы понять настоящее и заглянуть в будущее. Война для нас, живущих сегодня, еще долгие десятилетия будет играть ключевую роль. День Победы объединяет всю нацию: левых, правых, либералов, коммунистов... Это и печаль со слезами на глазах, и радость, что наши деды и прадеды отстаивали независимость нашей Великой Родины. Слава им!

* «Первый.2013.№37. С.32-36».

§ 4. Самарские элиты 60-90-е гг. XX века*

Начало

Петр Серафимович, Ваша книга написанная коллективом авторов «Элиты Куйбышевской области» посвящена теме, которая всегда интересует ученых — историков — роль личности в истории. Личности вот только у вас описаны весьма неоднзначные. И это, мягко говоря. Это представители хозяйственной и партийной номенклатуры. В нашей стране так уж сложилось, что определения «партийные чиновники», «функционары», «ответработники»- все они несут негативный оттенок. А вы показываете этих людей настоящими патриотами своего края и талантливыми хозяйственниками. Нет ли здесь противоречия?

- Начну с далекой истории. Наша область с самого начала относилась к числу малозаселенных регионов, поэтому здесь было много пришлого населения. И элита также была приезжая: выпускники императорских университетов назначались на все ведущие чиновничьи должности. Это и Алабин, и Грот, и Брянчанинов.... Все они, тем не менее, были очень инициативными людьми, хотели блага для Самары и делали все для того, чтобы некогда захолустный населенный пункт стал крупным культурным городом. Тенденция назначения партийной и хозяйственной номенклатуры сверху продолжилась и в послереволюционные годы. Правда, иногда сталинская власть перио-

дически проводила ротацию кадров по «горизонтали» — между регионами. Это делалось для предотвращения клановой самоорганизации, появления местных «групп интересов». И только в послевоенное время, когда общество вышло из режима «чрезвычайщины», во власть стали допускаться местные люди. Для нашей области таким поворотным стал 1958 год, когда областную «вертикаль» партийной власти возглавил Александр Мурысев. его профессиональным стартом стала работа инженером-технологом на заводе имени Масленникова в 1941 году. В 1953 году он был одним из руководителей строительства волжской ГЭС, а в июне 1960 года Мурысев в числе главных творцов космического проекта был представлен к ордену Трудового Красного Знамени с формулировкой «за создание специзделий».

— Простых куйбышевцев всегда раздражали спецзаказы, магазины «Березка», блат, другими жизненные удобства, которыми пользовались чиновники...

— Все эти факторы, такие как неформальные связи и контакты, теневое богатство, возможность поездок за границу приобрели значение только к 80-м годам. В 60-е годы руководители области проявляли себя настоящими патриотами — у них была большая включенность в дело, стремление показать, что куйбышевцы способны решать очень сложные проблемы, связанные с созданием принципиально новых производств. Именно в это время создается нефтехимическая промышленность, возникает мощная строительная индустрия. Ее потенциал, заложенный в период строительства ГЭС, был затем в полной мере использован при возведении АвтоВАЗа. А какая была мощная социальная база у всех крупных заводов Куйбышева и области — мама, не горюй! Сколько было домов отдыха, пионерлагерей. Рабочие и инженеры получали квартиры, бесплатно лечились в санаториях, имели возможность всей семьей ездить на курорты. Все это делалось для привлечения на производство талантливых инженеров и рабочих из других городов. Первый директор завода «Металлург» Мочалов, между прочим, был по первой профессии строителем, он занимался строительством завода и жилья. Затем освоил металлургическое производство, стал доктором технических наук, получил Ленинскую премию. Это был один из выдающихся представителей производственной элиты. Ему памятник давно пора поставить.

— Вы считаете, что создание инфраструктуры Куйбышева стало возможным благодаря деловым качествам лидеров городской элиты. А можно привести конкретные примеры?

— Замечу, что не только благодаря деловым качествам, но порой даже самоотверженности. Примеры? Пожалуйста. На рубеже 60-70 годов серьезной диспропорцией в развитии города было медленное развитие культурно-социальной инфраструктуры. Финансовые потоки направлялись на жилье, коммуналку, а учреждения культуры и здравоохранения финансировались крайне скудно. Городским руководством был найден «обходной», в нарушение законов, путь решения проблемы. Больницы проектировались и вносились в списки на жилье как типовые общежития. Далее они передавались не жилищным органам, а горздраву. И проводилась их реконструкция под медучреждения. Вот такое нецелевое расходование средств. Но именно таким образом были построены четыре медучреждения, в том числе, онкодиспансер на Запорожской, здание гордезостанции. При переоборудовании того же здания онкодиспансера обнаружилось, что в нем невозможно разместить гамма-установку. Но строительство дополнительного корпуса требовало согласования с госпланом, а это привело бы к выявлению нарушений. Тогда благодаря директору завода имени Фрунзе здание было построено на средства завода и оформлено как «внутрипостроечное», то есть не требующее внешнего согласования сооружения. Так что нередко руководители органов власти оказывались перед выбором — соблюдать юридические нормы, бюрократические инструкции или нарушить их ради главной задачи — экономического и гуманитарного развития региона. Как ни парадоксально, **нравственные принципы подталкивали к преступлению правил.**

— Существовали ли в те времена возможности «лоббирования» интересов области в высших эшелонах партийной и хозяйственной власти?

— Именно руководители исполкомов выступали инициаторами масштабных проектов, социальных, инфраструктурных, социальных. Типовую схему взаимодействия представителей высшего и регионального «истеблишмента» можно проиллюстрировать на примере подготовки решения о строительстве Южного моста через реку Самару. Аргументация, приведенная в докладных записках городских властей в Госплан, была эм-

пирической — движение по старому мосту приводило к созданию «пробок». После писем в Москву отправлялись делегации на переговоры. Затем шли различные согласования, и одобрение. Как вспоминал позже председатель горисполкома Александр Росовский, случай с мостом — единственный, когда Госплан выделил больше средств, чем просила область. Вопрос о строительстве в Куйбышеве метрополитена был поставлен также топ-менеджером, тем же Росовским, еще в 1965 году. Более десятилетия он и первый секретарь обкома Владимир Орлов «бомбили» столицу письмами с просьбами разрешить его проектирование. Визы были получены только в 1977 году. И это несмотря на отрицательное отношение к проекту в Госплане. Надо сказать, что объединение усилий этих талантливых руководителей ради одной цели давало порой поразительный кумулятивный эффект.

— Из ваших уст, так наши чиновники — прямо цари-батьюшки, а не паразиты на теле народа!!! Когда же, по вашему мнению, началось их перерождение?

— А произошло это, когда элита напрочь разучилась общаться с народом. Они не могли убеждать людей, говорили «по бумажке», не могли участвовать в дискуссиях. «Слово партии — закон». И точка. И когда 22 июня 1988 года партийный «босс», а также главным зажимщик свободы слова и гласности и виновник расцвета привилегий среди партноменклатуры области Евгений Муравьев, оказался на трибуне, увидев море людей, вышедших с протестом, он не смог произнести ни слова, онемел. Это был первый случай в истории СССР, когда недовольство народа привело к снятию с должности партийного руководителя. То есть обнаружилась полная неспособность элиты участвовать в управлении в экстремальных условиях. Ну, а затем появилась теневая экономика, и представители элиты начали искать способы обогащения, желание поучаствовать в дележе народных богатств перевесило желание заботиться об общественном благе.

— А доброе слово нынешней элите скажете?

— Новая элита генетически связана со старой, все эти люди каким-то «бочком» прошли через вузы, в основном, двигаясь не по производственной, а по комсомольской или партийной вертикали. Так что не очень высокие у них профессиональные

качества. Но они несут ответственность за развитие города и области и за свои провалы обязаны отвечать.

— Про Николая Ивановича не могу не спросить. Можете его сравнить с кем-то из элиты советских времен?

— Важный аспект деятельности любого чиновника — вовлеченность в жизнь народа, стремление понять, что происходит на самом деле. Вот, например Столыпин заступив на должность губернатора Саратовской губернии, прежде всего, объехал все города и веси, пообщался с людьми. И вот читаю я выступление нашего губернатора Меркушкина перед депутатами думы. И диву даюсь: какое ему, казалось бы, дело до вузов! И вспоминаю наше обращение к власти помочь университету, мы получали стандартные ответы — «вы же федеральный вуз, не можем помочь!» А дети — то у нас федеральные, что ли учатся? Николай Иванович деятельный губернатор. Он реализовал несколько крупных проектов, стремится привлечь в Самарскую область инвестиции. Этим он отличается от некоторых других государственных чиновников.

Цифры:

с 1960 по 1975 год в 15 раз выросло производство химической промышленности

если в 1950 годы заводами — гигантами называли предприятия с 10-12 тысячами работников, то в 1970 — 20–30 тысяч.

Александр Росовский 1965–1982 председатель гориполкома, по мнению Кабытова, один из самых успешных градоначальников в истории Куйбышева.

определяющие факторы продвижения в состав политической элиты в конце 90-х годов:

- 1 — 96% — поддержка экономических и финансовых структур
- 2 — личностные качества политика — 94,3
- 3 — приятельские связи и связи однокашников — 82%
- 4 — профессионализм и компетентность политика — 80,5%
- 5 — отношения личной преданности и покровительства — 77%
- 6 — исполнительность — 72%

В советские времена исполнительность, преданность и проже были на 1 месте.

*Интервью корреспонденту еженедельника «Аргументы и факты»

Послесловие

Вот и перевернута последняя страница книги, в которой читатель встретился с деяниями великого реформатора Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина. Отнюдь не случайно я первый раздел настоящего издания посвятил государственной деятельности П.А.Столыпина. Долгие годы эта тема волновала меня, жгла сердце. Уж слишком много мифологем создали советские историки, анализируя деятельность П.А. Столыпина. Величайшая заслуга его состоит в том, что он не только вывел страну из революционного хаоса, но и разработал программу реформ, реализация которых позволила бы закрепить за Россией ведущую роль в мире. Убийство П.А. Столыпина и начавшаяся Первая мировая война привели нашу страну к очередной Великой смуте – революции и Гражданской войне. В этом же разделе помещена статья, в которой П.А. Столыпин представлен как деятельный, рачительный землевладелец, учитывающий вся совокупность факторов, влияющих на развитие его имений. Сюда же я включил статью о государственном и театральном деятеле Якове Васильевиче Глинки, который в своем дневнике и воспоминаниях дал яркие характеристики лидерам Первого российского парламента. Не менее важно и то, что в условиях революционного экстрима и строительства социализма Я.В. Глинка сумел выжить и сохранить свою рукопись, которая является важнейшим источником по истории России начала XX в.

Большое количество мифов было создано о Петре Владимировиче Алабине. А потому я взял на себя труд развенчать эти мифы с тем, чтобы возвратить в настоящее время имя выдающегося общественного деятеля второй половины XIX в., который внес огромный вклад в развитие социально-экономического потенциала и социокультурной сферы Самары и Самарского края.

В третий раздел включены очерк о В.В. Куйбышеве и отрывок из моих воспоминаний (эссе), в котором дана характеристика Б.Н.Ельцина. Статья о Куйбышеве была написана на рубеже 80-х-90-х гг. В то время мы вели активную борьбу за возвращение областному центру исторического имени Самара. Я отослал ее в журнал «Вопросы истории». Поначалу редакция согласилась ее напечатать, но затем под воздействием внешних сил статья была отклонена. А потому она была опубликована в одном

из краеведческих изданий. При изучении биографии В.В. Куйбышева мы обнаружили немало мифов и легенд, которые были позаимствованы историками из воспоминаний Валериана Владимировича Куйбышева и публикаций его сестер.

Что касается Бориса Николаевича Ельцина, то следует заметить то, что он во второй половине 80-х начале 90-х гг. шел к власти напролом как бульдозер. Но став во главе государства он разрушил до основания и СССР, и политическую систему власти, и экономический потенциал великой державы. А потому вполне закономерно в рейтинге правителей России он и М.С. Горбачев занимают последние строчки (См: Комсомольская правда, 2016.16-17 марта).

Отнюдь не случайно в книгу вошли публицистический очерк о выдающемся российском историке академике С.Ф. Платонове и статья о нем, в которой рассказывается о мероприятиях кафедры российской истории по увековечиванию памяти опального академика сосланного в 1931 г в Самару. Думаю, что имя С.Ф. Платонова прочно вошло в историю Самары. На бывшем Всесвятском кладбище (парк им. Н.Щорса) установлен памятный знак, его именем названа улица в Самаре, ежегодно проводятся Всероссийские Платоновские чтения.

И, конечно, читатель имеет возможность познакомиться с биографиями видных российских историков, которые являлись современниками автора настоящей книги и, так или иначе, оказали влияние, как на формирование его мировоззрения, так и на исследовательскую проблематику. В этом разделе, так же как и в последующем, большое внимание уделено анализу историографических проблем. И это не случайно, так как на современном этапе, анализ работ предшественников позволяет определить вектор развития новой научной проблематики.

Завершает книгу раздел «Публицистика», статьи которого позволяют увидеть какие проблемы волновали автора на рубеже XX-XXI вв., когда изменилось и историческое время и историческое пространство, но прошлое и настоящее для историка предстают единым целым. И в этой связи свою значимость и актуальность сохраняет мой афоризм; «Без знания прошлого будущее теряет свой смысл». А главной задачей историка является не созерцание прошлого, а его реконструкция с тем, чтобы получить новое историческое знание, так необходимое нашему многострадальному народу.

Примечания

¹ Кабытов П.С. Судьба-эпоха. Автобиография историка. М., 2013; Он же. Сквозь «лихие» и «нулевые». Самара, 2012.

² Шестаков В.А., Кабытов П.С. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье. Саратов, 1979.

³ Медведев Е.И., Кабытов П.С., Храмков Л.В. и др. Металлурги. Куйбышев, 1979.

⁴ См. подробнее: Возвращение Самары. Составители П.С.Кабытов, А.Е.Павлов. Самара, 1992.

⁵ Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988.

⁶ Кабытов П.С., Дубман Э.Л.и др. История Самарского края с древнейших времен до 1917 г. Саратов, 1987.

⁷ Кабытов П.С. П.Столыпин: «Моим жиром можно еще пять лет продержаться»//Панорама. Казань, 1999; Он же. Письма П.А.Столыпина к жене// Интерволга. 1993 № 2.

⁸ Кабытов П.С.Русское крестьянство в начале XX века. Саратов 1990.

⁹ Земля Самарская. Куйбышев,1990.

¹⁰ Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. В двух книгах. Под ред. П.С.Кабытова и Л.В.Храмкова. Самара, 1993.

¹¹ Кабытов П.С. Легендарный самарец Петр Владимирович Алабин. Самара, 1990.

¹² Историко-культурная энциклопедия Самарского края. В пяти томах. Самара, 1993-1995.

¹³ Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни. Самара, 1994.

¹⁴ См.:Кабытов П.С. Самарская научная школа историков-аграрников : разработка проблем аграрной истории и их интеграция в новые научно-исследовательские проекты//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Самара. 2014. № 1.

¹⁵ Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000; Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара, 2001; Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология. Самара, 2001.

¹⁶ Кондрашин В., Пеннер Д. Голод. 1932-1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара-Пенза, 2002.

¹⁷ Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Составители Верт Пол В., Кабытов П. Миллер А. М.: Новое издательство, 2005.

¹⁸ См.: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. В 8-ми томах М.: Наука, 2000; Самара: СНЦ РАН, 2000.

¹⁹ Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. В огне Гражданской войны. (Самарская губерния в конце 1917-1920 гг.) Самара, 1997; Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: Борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917-1918 гг.) Издание 2-е испр. и дополн. Самара, 2005.

²⁰ Кабытов П.С., Арнольдов Н.А., Кабытова Н.Н. и др. Самарское земство: опыт практической деятельности (1865-1018 гг.). Самара, 2009.

²¹ Кабытов П.С., Гусева Ю.Н., Ненашев В.Н. и др. Самарская губернская Дума. 15 лет (1994-2009). Самара, 2009

²² Артамонова Л.М., Баринаева Е.П., Дубман Э.Л., Кабытов П.С. и др. История Самары: от воеводского управления до губернской Думы. Книга первая. Самара, 2011; Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. и др. История Самары (1586-1917 гг.). Самара, 2015.

²³ Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф., Тагирова Ф.Р. и др. История банковского дела в Самарской губернии. Самара, 2013.

²⁴ Кабытов П.С., Черкасова М.В. Золотые страницы самарского нотариата. Самара, 2013.

²⁵ Кабытов П.С., Козловская Г.Е., Рябов В.В. и др. Элиты Самарской (Куйбышевской) области. Очерки истории. Самара, 2014. См. так же: Рябов В.В., Кабытов П.С., Козловская Г.Е. и др. Самарцы в Москве. Страницы истории самарского землячества. Самара, 2011.

²⁶ Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века//Учебное пособие. Рекомендовано Министерством образования РФ в качестве учебного пособия. Самара, 1999.

²⁷ Кабытова Н.Н., Кабытов П.С., Кондрашин В.В. и др. Аграрная история XX века: Историография и источники. Самара, 2014.

²⁸ См.: Кабытов П.С., Дубман Э.Л. Среднее Поволжье и проблемы национальных отношений//Регионология, 1993. № 2; Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России. Самара, 2004; Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI начало XX в./ Под ред. Э.Л.Дубмана, П.С.Кабытова. Самара, 2007; Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период/Под ред. В.Н.Данилова и П.С.Кабытова. Саратов, 2010..

²⁹ Кабытов П., Дубман Э., Леонтьева О. Средняя Волга и Заволжье в процессе формирования российской государственности: современная концепция// Quaestio Rossica, 2015. № 2.

³⁰ Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. «Обретение родины»: Общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 1. Очерки истории. Самара, 2013; Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.). Учебное пособие. Самара, 2013; Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. «Обретение родины» Общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч.2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация. Самара, 2014.

³¹ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. М.: РОССПЭН, 2007.

³² Кабытов П.С., Балашов Г.В., Дубман Э.Л. Ефрем Игнатъевич Медведев: человек, ученый педагог. Самара, 2005; Кабытов П.С. Профессор Г.А. Герасименко // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. 2007. Т.9.

³³ Кабытов П.С., Барина Е.П., Селиверстов С.С. Жизнь и судьба Александра Наумова. Самара, 2013.

³⁴ Кабытов П.С., Дубман Э.Л. С.Ф. Платонов и Самара: история и память. Самара 2015.

³⁵ А.И. Солженицын и Самара. Под науч. ред. П.С. Кабытова. Самара, 2008.

³⁶ Классика самарского краеведения. Антология / Отв. редактор П.С. Кабытов. Самара, 2002; Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 2. / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2006; Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (Краеведческая картотека) / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2007; Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 4. Щибраев В. Л. Большая Царевщина / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2008; Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5. «Золотое десятилетие» самарского краеведения / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2008.

³⁷ Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С. 134.

³⁸ Macey David. A. Government and Peasant in Russia (1861-1906). The Prehistory of the Stolypin reform. Northern Illinois Univ, 1987. P.214.

³⁹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. М., 1992. Кн.1. С. 184.

⁴⁰ Pipes R. A. Concise History of the Russian Revolution. Concise. London, 1995. P. 53.

⁴¹ Из дневника Льва Тихомирова // Красный архив. М., 1935. Т.5. С.127.

⁴² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 582.

- ⁴³ Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С. 150.
- ⁴⁴ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, б/г. С.214.
- ⁴⁵ Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 135.
- ⁴⁶ Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? Звезда, 1990. №12. С. 119.
- ⁴⁷ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881-1914. М., 1997. С. 313.
- ⁴⁸ Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы. В 2-х т. Т.1. М., 2003. С.42-43.
- ⁴⁹ Воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной Думе// Исторический архив, 1959. №4. С. 154.
- ⁵⁰ Зеньковский А.В. Правда о Столыпине. Нью-Йорк, 1956. С.132.
- ⁵¹ Воспоминания Ф.А.Головина о II Государственной Думе// Исторический архив, 1959. №4. С. 151.
- ⁵² Шубинский И.П. Памяти П.А.Столыпина. М., 1913. С.12.
- ⁵³ Розанов В.В. Историческая роль Столыпина // Наш современник, 1991. №3. С.154.
- ⁵⁴ Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? Звезда, 1990. №12. С. 115.
- ⁵⁵ Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 25, 29.
- ⁵⁶ Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы/ П.А.Столыпин. В 2-х т. Т.1. М., 2003. С. 44-45.
- ⁵⁷ Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 36.
- ⁵⁸ Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформы в России. М., 1991. С. 25.
- ⁵⁹ Мэйси Д. Земельная реформа и политические перемены: Феномен Столыпина// Вопросы истории. 1993. № 4. С.13.
- ⁶⁰ Hosking G. Россия: народ и империя (1552-1917гг. Смоленск, 2000
- ⁶¹ Ферро М. Николай II. М., 1991. С. 149.
- ⁶² Верт Н. История Советского государства. М., 1994. С.52.
- ⁶³ Леве Ханц Дитрих. Николай II. 1874-1917//Русские цари: 1547-1917. Ростов-на-Дону, М., 1997. С. 507.
- ⁶⁴ Из дневника Льва Тихомирова// Красный архив. М., 1935. Т.5.С.127.
- ⁶⁵ Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: Судьба реформатора. М., 1998.
- ⁶⁶ Там же. С.298.
- ⁶⁷ Там же. С.292.
- ⁶⁸ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А.Столыпине. Нью-Йорк, 1953. С. 43.
- ⁶⁹ См.: Пайпс Р. Русская революцияТ. 1. М., 1991. С. 188.//<http://www.newocr.com/>
- ⁷⁰ ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.10243. Л.28.

- ⁷¹ Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С.43.
- ⁷² Там же. С.44.
- ⁷³ Саратовский губернатор П.А.Столыпин в зеркале документов (1903-1906 гг.) Саратов, 1997.
- ⁷⁴ Там же. С.5.
- ⁷⁵ Там же. С.41.
- ⁷⁶ Там же. С.48.
- ⁷⁷ Саратовский губернатор П.А. Столыпин... С. 134.
- ⁷⁸ Извольский А.П. Воспоминания. М., 1983. С. 150.
- ⁷⁹ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, б/г. С.214.
- ⁸⁰ Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 175.
- ⁸¹ Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы/ П.А.Столыпин. М., 2003. Т.1. С.44-45.
- ⁸² Сборник речей П.А.Столыпина СПб., 1912. С.45-46, 75.
- ⁸³ Аврех А.Я. П.А.Столыпин и судьбы реформ В России. М.,1991. С.74.
- ⁸⁴ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 1. М., 2001. С.224-225, 227-232.
- ⁸⁵ Подробнее о влиянии реформы на трансформацию социально-экономических отношений в российской деревне см.: Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.,2001.
- ⁸⁶ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т.2. Кн. 1. С.525.
- ⁸⁷ Русская мысль. 1909. №11. С. 149.
- ⁸⁸ Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А.Столыпина и А.В.Кривошеина. СПб., 1911.
- ⁸⁹ Зырянов П. Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М.,1992. С. 13-14.
- ⁹⁰ Столыпин П. А. Переписка. М.,2004. С. 495.
- ⁹¹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 1186, 1193; Ф. 136. Оп. 1. Д. 2910.
- ⁹² Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 259. Оп. 1. Д. 84. Л. 21.
- ⁹³ Российский государственный архив (РГИА). Ф. 1662. Оп. 1. Д. 177. Л. 1-7; Бок М. П. Воспоминания о моем отце П.А.Столыпине. Нью-Йорк,1953.С. 118.
- ⁹⁴ Бок М. П. Указ. Соч. С. 44; Зырянов П. Н. Указ. Соч. С. 12-13.
- ⁹⁵ Столыпин П. А. Указ. Соч. С. 447.
- ⁹⁶ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 177. Л. 1-7; Бок М. П. Воспоминания... С. 118.
- ⁹⁷ Зырянов П. Н. Указ. Соч. С. 13.
- ⁹⁸ Столыпин П. А. Указ. соч. С. 452.

- ⁹⁹ НА РГ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 811. Л. 25.
- ¹⁰⁰ Бок М. П. Указ. соч. С. 43.
- ¹⁰¹ Столыпин П. А. Указ. соч. С. 447.
- ¹⁰² Там же. С. 447.
- ¹⁰³ Там же. С. 447.
- ¹⁰⁴ Столыпин П. А. Указ. соч. С. 447.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 451–452.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 452. 24 июня 1902 г. П. А. Столыпин продал это имение за 30 тыс. руб. С. П. Фармаковскому и М. Д. Сокольницкому.
- ¹⁰⁷ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Гродненская губерния. Т. XI. СПб., 1903. С. 1.
- ¹⁰⁸ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 43.
- ¹⁰⁹ НА РГ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 811. Л. 6 об.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 13 об.
- ¹¹¹ Столыпин П. А. Указ. соч. С. 495.
- ¹¹² Там же. С. 523.
- ¹¹³ Там же. С. 524.
- ¹¹⁴ Столыпин П. А. Указ. соч. С. 495; См. также переписку П.А. Столыпина с О. Г. Штраухманом за 1903–1905 гг., в которой содержится ценный материал о хозяйственной деятельности помещика и доходе его имений. РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 35.
- ¹¹⁵ Столыпин П. А. Указ. соч. С. 479–480.
- ¹¹⁶ Там же. С. 483.
- ¹¹⁷ Там же. С. 488.
- ¹¹⁸ Там же. С. 504.
- ¹¹⁹ Бок М. П. Указ. соч. С. 113.
- ¹²⁰ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 121. Л. 18, 19.
- ¹²¹ Там же. Л. 25.
- ¹²² Витенберг Б. М. Яков Васильевич Глинка: жизнь в эпоху перемен// Из глубины времен. СПб., 1998. Вып. 10. С. 171–195
- ¹²³ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 183.
- ¹²⁴ Там же. С. 56.
- ¹²⁵ Там же. С. 59.
- ¹²⁶ Там же. С. 62.
- ¹²⁷ Там же. С. 71.
- ¹²⁸ Там же. С. 80.
- ¹²⁹ Архив мемориального музея В. И. Ленина в г. Ульяновске. Ф. Д. И. Архангельского. Д. 3. Л. 4.
- ¹³⁰ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 184.

- ¹³¹ Архив мемориального музея В. И. Ленина в г. Ульяновске. Ф. Д. И. Архангельского. Д. 3.Л. 5.
- ¹³² Глинка Я. В.. Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906-1917: Дневник и воспоминания. С. 187.
- ¹³³ Архив мемориального музея В. И. Ленина в г. Ульяновске. Ф. Д. И. Архангельского. Д. 3.Л. 3.
- ¹³⁴ Костягина В. М. Некоторые страницы театральной жизни Симбирска- Ульяновска. По материалам архива Д. И. Архангельского // «Живу и дышу родным городом». (По материалам архива Дмитрия Ивановича Архангельского). Ульяновск, 2009.
- ¹³⁵ Архив мемориального музея В. И. Ленина в г. Ульяновске. Ф. Д. И. Архангельского. Д. 3.С.53.
- ¹³⁶ Там же. Л.2-3.
- ¹³⁷ Костягина В. М. Некоторые страницы театральной жизни Симбирска- Ульяновска. По материалам архива Д. И. Архангельского. С.441.
- ¹³⁸ Архив мемориального музея В. И. Ленина в г. Ульяновске. Ф. Д. И. Архангельского. Д. 3. Л.3.
- ¹³⁹ Юность. 1989. № 11. С.92.
- ¹⁴⁰ Чудова Г.Ф. Петр Владимирович Алабин. Очерк жизни и деятельности. 1824-1896. Киров. 1975. С.2. Машинописная рукопись, хранится в Куйбышевской областной научной библиотеке.
- ¹⁴¹ Алабин П. Четыре войны. Походные записки. Ч.1. Самара. 1888. С.7.
- ¹⁴² Напр.: Волжская заря. 1989. 1 дек.
- ¹⁴³ См.подр.: Петрнев Е.Д. Записки книголюбца. Киров. 1978. С.127.
- ¹⁴⁴ Алабин Л В. Трехвековая годовщина города Самары. Самара. 1887. С. 162.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 163-164.
- ¹⁴⁶ Там же. С.186.
- ¹⁴⁷ Территориальная единица Болгарии в тот период.
- ¹⁴⁸ Петр Владимирович Алабин: Библиографический указатель. Куйбышев. 1982. С.5-6; Волжская заря. 1989. 1 дек.
- ¹⁴⁹ Мартьянов П.К. Цвет нашей интеллигенции. СПб., 1890. С.5.
- ¹⁵⁰ Алабин П.В. Трехвековая годовщина... С.175-177.
- ¹⁵¹ Самарская газета. 1889. 28 ноября.
- ¹⁵² Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара. 1877. С.1.
- ¹⁵³ Там же. С.2.
- ¹⁵⁴ Алабин П.В. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском публичном музее. Самара, 1895. С.8.
- ¹⁵⁵ Там же. С.3.

- ¹⁵⁶ Там же. С.1.
- ¹⁵⁷ Там же. С.3.
- ¹⁵⁸ См. подр.: Гурьянов Е.Ф. Древние веки Самары. Куйбышев, 1986.
- ¹⁵⁹ Алабин П.В. Несколько старинных документов, относящихся до истории г.Самары и Самарского края. Самара, 1890. С.3.
- ¹⁶⁰ Там же. С.4.
- ¹⁶¹ Там же. С.6.
- ¹⁶² Алабин П.В. Трехвековая годовщина... С.1-2.
- ¹⁶³ Алабин П.В. Несколько старинных документов... С.7.
- ¹⁶⁴ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С.9.
- ¹⁶⁵ Алабин П.В. Трехвековая годовщина... С.17.
- ¹⁶⁶ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С.52.
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ Там же. С.54-55.
- ¹⁶⁹ Алабин П.В. Трехвековая годовщина... С.19.
- ¹⁷⁰ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С.73.
- ¹⁷¹ Алабин П.В. Трехвековая годовщина... С.24.
- ¹⁷² Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С.74.
- ¹⁷³ Там же. С.327.
- ¹⁷⁴ Там же. С.336.
- ¹⁷⁵ Там же. С.337.
- ¹⁷⁶ Там же. С.386.
- ¹⁷⁷ Там же. С.373.
- ¹⁷⁸ Алабин П.В. Трехвековая годовщина... С.137-138.
- ¹⁷⁹ Центральный государственный архив Самарской области (далее - ЦГАСО). Ф.3. Оп.107. Д.56. Л.134, 182, 261 об.
- ¹⁸⁰ ЦГАСО. Ф.5. Оп.12. Д.115. Л.190.
- ¹⁸¹ ЦГАСО. Ф.3. Оп.107. Д.56. Л.132, 149, 232.
- ¹⁸² Толстой Л.Л. В голодные годы. М., 1900. С.4.
- ¹⁸³ ЦГАСО. Ф.5. Оп.12. Д.1156. Л.105об.- 106
- ¹⁸⁴ Постановления Самарского губернского земского собрания XXVII очередной сессии. Самара, 1893. С.508.
- ¹⁸⁵ ЦГАСО. Ф.5. Оп.12. Д.117. Л.31.
- ¹⁸⁶ Журналы Самарского губернского собрания чрезвычайных сессий 1891 г. Самара, 1892. С.72
- ¹⁸⁷ ЦГАСО. Ф.5. Оп.12. Д.118. Л.37-37 об.
- ¹⁸⁸ Там же.
- ¹⁸⁹ ЦГАСО. Ф.5. Оп.12. Д.120. Л.12 об.
- ¹⁹⁰ Постановления... С.484.
- ¹⁹¹ Там же. С.486.
- ¹⁹² Там же. С.487.
- ¹⁹³ ЦГАСО. Ф.3. Оп.230. Д. 45. Л.11, 62 об; Ф.5. Оп.12. Д.115. Л.228.

- ¹⁹⁴ ЦГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1874. Л.72.
- ¹⁹⁵ ЦГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1874. Л.76.
- ¹⁹⁶ Вопросы истории КПСС. 1966. № 3. С.3.
- ¹⁹⁷ Плеханов Г.В. Всероссийское разорение//Приложение к журналу «Сокол». СПб., 1892. №1. С.28.
- ¹⁹⁸ Там же. С.25.
- ¹⁹⁹ Чудова Г.Ф. Петр Владимирович Алабин:Очерк жизни и деятельности 1824-1896 гг. Киров, 1975. С.45.
- ²⁰⁰ Волжский край. 1895. 20 июня.
- ²⁰¹ Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1987. С.85-86.
- ²⁰² Постановления... С.495.
- ²⁰³ Там же. С.510.
- ²⁰⁴ Чудова Г.Ф. Указ.соч. С.45.
- ²⁰⁵ Струков О.С. Алабин Петр Владимирович и его деятельность по развитию культуры и городского хозяйства г. Самары (1824-1896). Куйбышев, 1963.
- ²⁰⁶ Постановления... С. 497.
- ²⁰⁷ Антон Николаевич Шихобалов: Его жизнь, просветительные и благотворительные учреждения его имени. М., 1912. С.65-66.
- ²⁰⁸ Самарский вестник. 1895. 22 июня.
- ²⁰⁹ Костин Г. Полвека спустя // Волжская коммуна. 1988. 21 августа.
- ²¹⁰ Бешенковская М.С. 1913 г. по февраль 1917 г. // Красная быль (Самара). 1922. №1. С. 43.
- ²¹¹ См.: Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902-1917. Куйбышев: Кн. изд-во, 1969. С. 412.
- ²¹² См.: Там же. С. 413.
- ²¹³ Революция 1917-18 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. С. 45.
- ²¹⁴ Там же. С. 32.
- ²¹⁵ См.: Попов Ф.Г. Летопись... С. 454-459.
- ²¹⁶ Попов Ф.Г. Летопись... С. 549.
- ²¹⁷ См.: Солдат, рабочий и крестьянин. 1917. 8 декабря.
- ²¹⁸ Козырьков Ив. Первые дни советской власти // Красная быль (Самара), 1923. № 2. С. 99.
- ²¹⁹ Шагай вперед, комсомольское племя. Куйбышев, 1974. С. 52.
- ²²⁰ Большая советская энциклопедия. М., 1937. Т. 35. С. 413.
- ²²¹ Циммерман И.Х. Жизнь и деятельность Валериана Владимировича Куйбышева в Среднем Поволжье // В.В. Куйбышев в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1936. С. 47.
- ²²² Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. Куйбышев, 1937. С. 104.
- ²²³ Валериан Владимирович Куйбышев. Куйбышева Г.В., О.А. Лежа-

- ва, Н.В. Нелидов, А.Ф. Хавин. М., 1966. С. 83.
- ²²⁴ Валериан Владимирович Куйбышев. М., 1988. С. 101.
- ²²⁵ См.: Куйбышев В. Эпизоды из моей жизни. Алма-Ата, 1972. С. 76-77.
- ²²⁶ Куйбышева Е. Валериан Владимирович Куйбышев. М., 1959, С. 117-118.
- ²²⁷ Четыре месяца учредиловщины. Самара, 1918. С. 40-41.
- ²²⁸ Смирнов В. Борьба с чехами // Красная быль. 1923. № 3. С. 70.
- ²²⁹ Бешенковский А.С. Такие дни не забываются // Боевое прошлое. Куйбышев, 1958. С.39.
- ²³⁰ Воинов А. Из прошлого // Красная быль. 1923. № 2. С. 44.
- ²³¹ Урок дает история. М., 1989. С. 115.
- ²³² См.: Там же. С. 116.
- ²³³ Антонов-Овсеенко А.В. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. №1. С. 103. М., 1988. С. 247.
- ²³⁴ Антонов-Овсеенко А.В. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 2. С.101-102.
- ²³⁵ См.: XIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). М., 1924. С. 278
- ²³⁶ Там же. С. 313.
- ²³⁷ См.: Надточеев В. «Тройка, семерка», Сталин // Неделя. 1989. № 1.
- ²³⁸ См.: XVI съезд Всероссийской коммунистической партии (большевиков). М.; Л., 1926. С. 528.
- ²³⁹ ЦКК-РКИ в основных постановлениях партии. М.; Л., 1927. С. 103.
- ²⁴⁰ Лацис О. Перелом // Страницы истории КПСС. М., 1988. С. 408.
- ²⁴¹ См.: Историки спорят... С. 263.
- ²⁴² См.: Коммунист. 1989. № 8. С. 81.
- ²⁴³ Там же. С. 87-88.
- ²⁴⁴ См.: Медведев Р. О Сталине и сталинизме // Знамя. 1989. №4. С. 194.
- ²⁴⁵ Правда. 1928. 25 сентября.
- ²⁴⁶ Уроки дает история... С. 199-200.
- ²⁴⁷ Куйбышева Г.В. и другие. Валериан Владимирович Куйбышев: Биография. М.: Политиздат, 1966. С. 288.
- ²⁴⁸ Куйбышева Г.В. и другие. Валериан Владимирович Куйбышев: Биография. М.: Политиздат, 1966. С. 288.
- ²⁴⁹ Цит. по: Антонов-Овсеенко А.В. Указ. соч. // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 99.
- ²⁵⁰ XVI конференция ВКП(б). М., 1929. С. 28.
- ²⁵¹ Там же. С. 34.

- ²⁵² Там же.
- ²⁵³ XVI конференция ВКП(б)... С. 38.
- ²⁵⁴ См.: Урок дает история... С. 100.
- ²⁵⁵ Куйбышев В.В. Избранные произведения. М., 1958. С. 120-126.
- ²⁵⁶ Вопросы экономики. 1988. №8. С. 102.
- ²⁵⁷ Куйбышев В.В. Избранные произведения... С. 148.
- ²⁵⁸ Там же. С. 163.
- ²⁵⁹ См.: Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е гг. // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 178.
- ²⁶⁰ См.: Урок дает история... С. 221.
- ²⁶¹ См.: Страницы истории КПСС... С. 357.
- ²⁶² XVII съезд ВКП(б). М., 1934. С. 380.
- ²⁶³ Антонов-Овсеенко А.В. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 93.
- ²⁶⁴ См.: Вопросы экономики. 1988. № 8. С. 102.
- ²⁶⁵ Волжская коммуна. 1988. 21 августа.
- ²⁶⁶ Кабытов П.С., Дубман Э.Л. Движение за увековечивание памяти академика С.Ф. Платонова в Самаре. Платоновские чтения и их роль в формировании новой генерации историков // Вестник Самарского государственного университета. Самара, 2010. № 3. С.237.
- ²⁶⁷ Брачев В.С. Сергей Федорович Платонов//» Отечественная история».1993. № 1.С.128.
- ²⁶⁸ Кабытов П.С. Записки историка. Самара, 2006. Ч.3. С.170.
- ²⁶⁹ Кабытов П.С., Дубман Э.Л. Движение за увековечивание памяти академика С.Ф. Платонова... С.239.
- ²⁷⁰ Платоновы С.Ф.,Н.С., М.С. Письма из Самары (1931-1933 гг.) Из писем к Надежде Сергеевне Платоновой//Самарский земский сборник. Самара, 2011. № 1. С.116. Публикация П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана.
- ²⁷¹ Там же. С.121.
- ²⁷² Кабытов П.С. Записки историка. Самара, 2006. Ч.3. С.167.
- ²⁷³ Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., Наука, 1975 г.
- ²⁷⁴[https://ru.wikipedia.org/wiki/Дубровский Сергей Митрофанович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Дубровский_Сергей_Митрофанович) 19.09.2014 г.
- ²⁷⁵ Вопросы истории М., 1971. № 1.
- ²⁷⁶ Арутюнов Г.А. От комиссии по изданию трудов С.М. Дубровского // Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М. 1975.
- ²⁷⁷ Арутюнов Г.А. От комиссии по изданию трудов С.М. Дубровского...С.3
- ²⁷⁸ Дубровский С.М. Очерки русской революции Вып. 1. Сельское крестьянство. М. Новая деревня. 1922 г.; Изд-е II. М., 1923 г.

- ²⁷⁹ См.: Арутюнов Г.А. Указ. соч. С. 8-9
- ²⁸⁰ 1905. Аграрное движение в 1905-1907 гг. Т. 1. Составители С. Дубровский, Б. Граве. М.-Л., 1925.
- ²⁸¹ Дубровский С.М. Столыпинская реформа, капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л. 1925: II — е издание. М., 1930.
- ²⁸² Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 25
- ²⁸³ Тюкавкин В.Г. Указ. соч. С. 24
- ²⁸⁴ Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 502.
- ²⁸⁵ Дубровский С.М. К вопросу о сущности «азиатского способа производства», феодализме, крепостничества и торгового капитала. 1929.
- ²⁸⁶ Арутюнов А.Г. Указ. соч. С. 7.
- ²⁸⁷ Дубровский С.М. К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962.
- ²⁸⁸ Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. С. 502.
- ²⁸⁹ Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.
- ²⁹⁰ Слепнев И.Н. Список печатных трудов А.М. Анфимова // Россия сельская. XIX — начало XX века. М.: РОССПЭН, 2004. С. 12-24.
- ²⁹¹ См. Корелин А.П., Слепнев И.Н. Памяти Андрея Матвеевича Анфимова // Россия сельская. XIX — начало XX века. М.: РОССПЭН, 2004. С. 6.
- ²⁹² Анфимов А.М. Сельское хозяйство России в годы Первой мировой войны (до Февральской революции 1917 г.). Автореферат диссертации кандидата исторических наук. М., 1955.
- ²⁹³ Россия сельская. XIX — начало XX века. М., РОССПЭН, 2004.
- ²⁹⁴ Корелин А.П., Слепнев И.Н. Памяти Андрея Матвеевича Анфимова // Россия сельская. XIX — начало XX века. М.: РОССПЭН, 2004. С. 5.
- ²⁹⁵ Там же.
- ²⁹⁶ Динамика землевладения в России. 1906-1914. М., 1989.
- ²⁹⁷ Корелин А.П., Слепнев И.Н. Памяти Андрея Матвеевича Анфимова // Россия сельская. XIX — начало XX века. М.: РОССПЭН, 2004. С. 8.
- ²⁹⁸ Особенности аграрного строя России в период империализма. Материалы сессии научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». Май 1960. М., 1962.
- ²⁹⁹ Анфимов А.М. О мелкоотоварном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. 1963. № 2 и др.

³⁰⁰ Вопросы истории капиталистической России: проблемы многоукладности. Свердловск, 1972.

³⁰¹ <http://www.enci.ru/W/index.php?title> – 9.10.2014 г.

³⁰² Анфимов А.М. Земельная аренда в России в XX веке. М., 1961; Он же. Российская деревня в годы первой мировой войны.

³⁰³ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М., 1969.

³⁰⁴ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881-1904. М., 1980. С. 7.

³⁰⁵ Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России 1881-1904. М., 1984.

³⁰⁶ Корелин А.П., Слепнев И.Н. Памяти Андрея Матвеевича Анфимова. // Россия сельская. XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 2004. С. 9.

³⁰⁷ Анфимов А.М. О долге крестьянства России Крестьянскому поземельному банку // Вопросы истории. 1955. № 1.

³⁰⁸ Анфимов А.М. Столыпинская аграрная реформа // М., 1965. Т. II. С. 461-466; Он же. Крах столыпинской аграрной политики. Там же. С. 491-498.

³⁰⁹ Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973.

³¹⁰ Слепнев И.Н. Указ соч... С. 23-24.

³¹¹ Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1992. №6. С. 54-55.

³¹² Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991.

³¹³ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.

³¹⁴ Новожилов В.В. У истоков подлинной экономической науки. М., 1995.

³¹⁵ Корелин А.П., Слепнев И.Н. Указ. соч. С. 10.

³¹⁶ Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М.: «Мысль», 1973; Он же. Российское государство в середине XVI в. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М.: «Наука», 1984.

³¹⁷ Шмидт С.О. Предисловие // Платонов С.Ф. Собрание статей в шести томах. Том первый. М.: «Наука». 2010. Ч. II

³¹⁸ Самарская летопись Очерки истории самарского края с древнейших времен до начала XX века. Книга первая. Самарский край с древнейших времен до середины XIX века. Самара: Издательство «Самарский университет», 1993; Самарская летопись очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. Книга вторая Самарский край вторая половина XIX – начала XX столетия. Самара: Издательство «Самарский университет», 1993.

- ³¹⁹ Кабытов П.С. Сквозь «лихие» и «нулевые». Воспоминания. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. С. 35
- ³²⁰ Кабытов П.С. Сквозь «лихие» и «нулевые». Воспоминания. С. 35
- ³²¹ Шмидт С.О. Воспоминания Академика М.И.Тихомирова о Самаре 1919-1923 гг. // Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни (1919-1923 гг.). Изд-во «Самарский университет», 1999, С. 13
- ³²² Кабытов П.С. Сквозь «лихие» и «нулевые». Воспоминания. С. 35
- ³²³ Шмидт С.О. Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 459-460.
- ³²⁴ См. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Кн.. 1-4. М.; «Наука», 2000.
- ³²⁵ Морозов Ю.А., Илишев И.Г. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней // Вестник Академии наук республика Башкортостан. Т. 5, № 2. Уфа, 2004. С. 87
- ³²⁶ Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник документов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000; Самарское Поволжье в XX веке. Сборник документов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000
- ³²⁷ Шмидт С.О. Предисловие// Платонов С.Ф. Собрание статей в шести томах. Том первый. М.: «Наука», 2010. С. 12.
- ³²⁸ Шмидт С.О. К юбилею С.Ф. Платонова // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб.: Любавич, 2011. С. 12.
- ³²⁹ Кабытов П.С. Самарский период жизни С.Ф. Платонова // Движение за увековечивание памяти выдающегося ученого в Самаре. Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы ... С. 218.
- ³³⁰ Там же.
- ³³¹ Кабытов П., Дубман Э. Предисловие // Классика Самарского краеведения. Антология. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. С. 3.
- ³³² Кабытов П., Дубман Э. От составителей // Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 2. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 5.
- ³³³ См. подробнее: Кабытов П.С. Сквозь «лихие» и «нулевые». Воспоминания. С. 71-73.
- ³³⁴ Самарское земство: из опыта практической деятельности. Под ред. П.С.Кабытова. Самара: ДСМ ПринТ, 2009.
- ³³⁵ История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Книга первая. Ред. П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман. Самара: СНЦ РАН, 2011
- ³³⁶ Кабытов П.С., Черкасова М.В. Золотые страницы Самарского нотариата. Самара: Издательство «Агни», 2013.

³³⁷ История банковского дела в Самарской губернии. Научный редактор П.С. Кабытов. М.; 2013.

³³⁸ Дамешек Л.М. Слово об учителе (мои встречи с Виктором Григорьевичем Тюкавкиным // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2003. № 1. С. 268-271.

³³⁹ Лубков А.В. Слово о коллеге и учителя (вместо предисловия) // Проблемы новой и новейшей истории России. М., 1999.

³⁴⁰ Киселев А.Ф. Созидатель // Кафедра профессорские розы. М.: Логос., 2006., С. 45-61.

³⁴¹ Кабытов П.С. Сквозь «лихие» и «нулевые». Воспоминания. Самара, Изд-во «Самарский университет», 2012. С. 220-221.

³⁴² См.: Иркутск: Историко-краеведческий словарь. Иркутск, 2011; Летопись города Иркутска 1941-1991 гг.(сост. предисловия и примечаний Ю.П. Колмакова). Иркутск. 2010; Мемориальные доски и памятники, памятные знаки, скульптуры и образы техники г. Иркутска. Аннотированный каталог. Иркутск, 2008; Энциклопедия-хрестоматия Иркутской области и Байкала // <http://irkipedia.ru/> 21.05.2014 г.

³⁴³ Библиотека Сибирского краеведения // <http://bsk.nios.ru/enciklodediya/tyukavkin-viktor-grigorevich/> 21.05.2014 г.; Историческая энциклопедия Сибири // <http://sibhistoryedu54.ru/>

³⁴⁴ Занданова Л.В. В.Г. Тюкавкин – ученик и продолжатель дела В.И. Дулова // Учителя, ученики / Материалы региональной научно-теоретической конференции, посвященной 90-летию В.И. Дулова Кн. I. Иркутск. 2003.

³⁴⁵ Киселев А.Ф. Нравственные уроки профессора В.Г. Тюкавкина // Высшее образование в России. 2003. № 3.

³⁴⁶ Полунина Н. Памяти первого иркутского архитектора – реставратора Галины Геннадьевны Оранской к 100-летию со дня рождения// <http://www.baikal-urkzem.ru/node/1005/> 21.05.2014 г.

³⁴⁷ Тюкавкин В. Г. Воспоминания о первых шагах общества охраны памятников в Иркутске. // Земля Иркутская. 1999. № 11.С. 89-92.

³⁴⁸ Переписка с Николаем Михайловичем Тюкавкиным 25 июля 2014 г. / Личный архив автора.

³⁴⁹ Личный архив автора. Переписка с Н.М. Тюкавкиным.

³⁵⁰ Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа., М.,2001. С.3; см.:Давыдов М.А. Правда о Столыпинской реформе // <http://nolit.ru/article/2007/02/08/davydov/> 25.04.2014 г.

³⁵¹ Киселев А.Ф. Кафедра.Профессорские розы. М., Логос., 2006., С. 47-48.

³⁵² Цитирую по: Киселев А.Ф. Кафедра. Профессорские розы. С. 48.

³⁵³ Тюкавкин В.Г. Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской реформы. Автореф. канд. дисс. Иркутск. С. 2

³⁵⁴ Там же. С.1

- ³⁵⁵ Тюкавкин В.Г. Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской реформы. Автореф. канд. дисс. Иркутск. С. 5
- ³⁵⁶ Там же. С.6.
- ³⁵⁷ Там же. С. 8.
- ³⁵⁸ Там же. С. 8.
- ³⁵⁹ Там же. С. 9
- ³⁶⁰ См там же.
- ³⁶¹ Тюкавкин В.Г. Там же С. 14
- ³⁶² См. подробнее: Кабытов П.С., Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в. ч. 1. Очерки истории. Самара, 2013. с. 33
- ³⁶³ Там же.
- ³⁶⁴ См. Тюкавкин В.Г. Проведение «нового курса» переселенческой политики в Восточной Сибири (1911-1917 гг.) // Научные доклады высшей школы. М., 1958. № 4.
- ³⁶⁵ Тюкавкин В.Г. Социально-экономическое развитие Сибирской деревни в эпоху империализма. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. д.и.н. М., 1966. С.12.
- ³⁶⁶ Особенности аграрного строя России в период империализма: материалы сессии научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой октябрьской социалистической революции, май 1960 г. М., 1962; Анфимов А.М. О мелкотоварном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России//История СССР. 1963. № 2; Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972 г.
- ³⁶⁷ Тюкавкин В.Г. Социально-экономическое развитие Сибирской деревни в эпоху империализма. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д,и,н, М., 1966.
- ³⁶⁸ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне октября. К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции. Иркутск, 1966.
- ³⁶⁹ Тюкавкин В.Г. Социально-экономическое развитие сибирской деревни...С.4
- ³⁷⁰ См.: Тюкавкин В.Г. Социально-экономическое развитие сибирской деревни...С.10
- ³⁷¹ См.: там же. С. 19.
- ³⁷² См.: там же. С. 21.
- ³⁷³ Там же. С. 28.
- ³⁷⁴ Там же. С. 28, 29.
- ³⁷⁵ Там же. С. 32.
- ³⁷⁶ Там же. С. 37.
- ³⁷⁷ Тюкавкин В.Г. Социально-экономическое развитие сибирской деревни...С. 37.

- ³⁷⁸ Цит. по: Киселев А.Ф. Кафедра. Профессорские розы...С. 49.
- ³⁷⁹ Очерки истории Сибири. Под ред. В.Г. Тюкавкина. Иркутск. 1972.
- ³⁸⁰ Очерки по истории Иркутской области. Учебное пособие. Иркутск, 1970.
- ³⁸¹ Киселев А.Ф. Кафедра. Профессорские розы...С.45.
- ³⁸² Тюкавкин В.Г. Влияние столыпинской аграрной реформы на правовое и социально-политическое положение крестьянства//Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии. XVII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Воронеж, 25-28 сентября 1980 г. М., 1980. С. 90.
- ³⁸³ Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. В.И. Ленин о трех российских революциях (социально-экономические проблемы). Учебное пособие по спецкурсу для студентов исторических факультетов. М., 1984.
- ³⁸⁴ Там же. С. 6
- ³⁸⁵ Там же. С. 53.
- ³⁸⁶ Там же. С. 54.
- ³⁸⁷ Там же. С. 54.
- ³⁸⁸ Там же. С. 41.
- ³⁸⁹ Там же. С. 43.
- ³⁹⁰ Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций: Книга для учителя. М. Просвещение. 1987г.
- ³⁹¹ Там же. С. 107.
- ³⁹² Там же. С.109.
- ³⁹³ Там же. С. 114-115.
- ³⁹⁴ Там же. С. 115.
- ³⁹⁵ Там же. С. 116.
- ³⁹⁶ Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М. 1993.
- ³⁹⁷ Тюкавкин В.Г. Предисловие/Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин...С.3.
- ³⁹⁸ Там же. С.11.
- ³⁹⁹ Там же. С. 19.
- ⁴⁰⁰ Там же. С. 20.
- ⁴⁰¹ Там же. С. 21.
- ⁴⁰² Там же. С. 22.
- ⁴⁰³ См.: Там же. С. 22-23.
- ⁴⁰⁴ Там же. С. 25.
- ⁴⁰⁵ Там же. С. 25.
- ⁴⁰⁶ Там же. С. 31.
- ⁴⁰⁷ Там же.
- ⁴⁰⁸ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская реформа. М.: Памятники исторической мысли. 2001. С. 5.

- 409 Там же. С. 6.
410 Там же.
411 Там же. С. 3.
412 Там же. С. 7.
413 Там же. С. 11.
414 Там же. С. 11.
415 См.: там же. С. 21.
416 Там же. С. 16.
417 Там же. С. 17.
418 Там же. С. 18.
419 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 28. С. 258.
420 Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство...С.20.
421 Там же. С. 20.
422 Там же. С. 21.
423 Там же. С. 24.
424 Там же. С. 25.
425 Шанин Т. Революция как момент истины: 1905-1907гг. 1917-1922 гг. М., 1997.
426 Там же. С. 12, 14, 15.
427 Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство...С. 28.
428 Там же. С. 29.
429 См.: там же. С. 30.
430 См.: там же. С. 32.
431 Там же. С. 43.
432 Там же. С. 34.
433 См.: там же. С. 35.
434 Там же. С. 38.
435 Там же.
436 Там же. С. 39.
437 Там же. С. 49.
438 Там же. С. 51.
439 Цит. по: Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство...С. 54.
440 Там же. С. 55.
441 Там же. С. 79-80.
442 Там же. С. 82.
443 Там же. С. 91.
444 Там же. С. 111-112.
445 Там же. С. 112.
446 Там же. С. 125.
447 Там же. С. 125.
448 Там же. С. 125-126.
449 Там же. С. 129.
450 Там же. С. 133.

- ⁴⁵¹ Там же. С. 139.
- ⁴⁵² Там же. С. 152.
- ⁴⁵³ См: там же. С. 154.
- ⁴⁵⁴ Там же. С. 157.
- ⁴⁵⁵ Там же. С. 161.
- ⁴⁵⁶ Там же.
- ⁴⁵⁷ Там же. С. 168.
- ⁴⁵⁸ Там же. С. 170.
- ⁴⁵⁹ Там же. С. 174.
- ⁴⁶⁰ Там же.
- ⁴⁶¹ Там же. С. 178.
- ⁴⁶² См.: там же. С. 182-184.
- ⁴⁶³ Там же. С. 186.
- ⁴⁶⁴ Там же. С. 193.
- ⁴⁶⁵ Там же. С. 296.
- ⁴⁶⁶ Там же. С. 301.
- ⁴⁶⁷ Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций... С. 116-118.
- ⁴⁶⁸ Федорова Н.А., Телишев В.Ф. Иван Михайлович Ионенко 1913-1983. Изд-во Казан. ун-та. 2002. 35 с.
- ⁴⁶⁹ Кабытов П.С. И.М. Ионенко – историк Октябрьской революции // Вопросы отечественной и всеобщей истории Куйбышев, 1973; Кабытов П.С., Шестаков В.А. Творческий путь И.М. Ионенко // Крестьянство Поволжья в Октябрьской революции и гражданской войне. Куйбышев, 1983; Кабытов П.С. Вступительная статья к публикации писем И.М. Ионенко «Мы победим, если обеспечим высокую нравственность...» // Самарский ежегодник. Самара, 1993.
- ⁴⁷⁰ Шестаков В.А., Кабытов П.С. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье. Саратов, 1978.
- ⁴⁷¹ Силаева Н.М., Сальникова А.А. Источники по истории крестьянского движения в среднем Поволжье в период Великого Октября. Казань, 1985.
- ⁴⁷² Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. Казань, 1999.
- ⁴⁷³ Федорова Н.А., Телишев В.Ф. Иван Михайлович Ионенко 1913-1983. Изд-во Казан. ун-та. 2002. С.4.
- ⁴⁷⁴ Там же. С.5.
- ⁴⁷⁵ Ионенко И.М. К вопросу о роли смоленских полков в Грюнвальдской битве // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. Т. XIX. Л., 1939.
- ⁴⁷⁶ Ионенко И.М. Революционная борьба крестьянства Казанской губернии накануне Октябрьской революции. Дис. на соиск. уч. ст.

канд. ист. наук. М., 1955; Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. Казань, 1957.

⁴⁷⁷ Вопросы истории, 1960, № 5, С. 96; Люкшин Д. И. Вторая русская смута: крестьянское измерение М., 2006. С. 26.

⁴⁷⁸ Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне октября. Сборник документов и материалов. Сост. Н.М. Силаева., науч. ред. И.М. Ионенко. Казань, 1958.

⁴⁷⁹ Ионенко И.М. Солдаты и матросы в борьбе за землю накануне Великого Октября// Сборник статей Казанской Высшей партийной школы. Казань, 1958.

⁴⁸⁰ Ионенко И.М. Борьба большевиков Казани за управление войсками и проведение демобилизации старой армии в национальном военном округе// Из истории классовой борьбы и общественной мысли в Поволжье и Приуралье. Казань, 1962; Он же. Борьба вокруг национальных формирований в связи с демократизацией старой армии// Итоговая научная конференция КГУ за 1961 г. г. Казань, 1962 и др.

⁴⁸¹ Ионенко И.М. Об изучении Октябрьской революции в Поволжье// Из истории классовой борьбы и общественной мысли в Поволжье и Приуралье. – Казань. 1962; Он же. К вопросу о национально-демократическом движении солдатских масс от Февраля к Октябрю 1917 г.// Очерки истории Поволжья и Приуралья. Вып. II-III. Казань, 1969; Ионенко И.М. Рецензия на книгу: П.С. Кабытов Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Изд-во Саратовского ун-та, 1982, 200 с. // История СССР. 1985 № 2. С. 183-185.

⁴⁸² Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967.

⁴⁸³ Шестаков В.А., Кабытов П.С. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье. Саратов, 1978.

⁴⁸⁴ Кабытов П.С. Судьба-эпоха. Автобиография историка. М., 2011. С. 110-112.

⁴⁸⁵ Там же. С.112.

⁴⁸⁶ Суслов А. Умер профессор Ю.И. Смыков//История. Электронный научно-образовательный журнал//<http://www.worldhist.ru/club/user/502/blog/455>

⁴⁸⁷ Скворцов М.В. Юрию Ильичу Смыкову 75 лет// <http://cyberleninka.ru/article/n/nashi-yubilyary>

⁴⁸⁸ Татарская энциклопедия. Казань, 1999; Смыков Юрий Ильи// Аграрная история России: историография, источники//<http://agrary.samsu.ru/index.php/issledovateli-agnarnej-istorii-rossii/17-smykov-yurij-ilich>; Чувашская энциклопедия//<http://enc.sar.ru/?lnk=4528t+prsn>.

⁴⁸⁹ Скворцов М.В. Юрию Ильичу Смыкову 75 лет// <http://cyberleninka.ru/article/n/nashi-yubilyary>; Татарская энциклопедия. Казань, 1999; Татарский энциклопедический словарь/Гл ред. М.Г. Хаса-

нов. Казань, 1999; Чернобаев А.А. Историки России XX века. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Саратов, 2000. С.479.

⁴⁹⁰ Смыков Ю.И. Классовая борьба в пореформенной деревне Казанской губернии (1867-1881 гг.) Казань, 1956; Смыков Ю.И. Крестьянское движение в Казанской губернии в 1878-1879 гг. Казань, 1959.

⁴⁹¹ Татарская энциклопедия. Казань, 1999 ; Смыков Юрий Ильи// Аграрная история России: историография, источники//<http://agrary.samsu.ru/index.php/issledovatelyi-agrarnoj-istorii-rossii/17-smykov-yurij-ilich>.

⁴⁹² Кабытов П.С., Кабытова Н.Н., Кондрашин В.В. и др. Аграрная история XX века: Историография и источники. Самара, 2014. С.16.

⁴⁹³ Кабытов П.С. Судьба-эпоха: Автобиография историка. М.: «Вече», 2011.

⁴⁹⁴ Там же. С. 94.

⁴⁹⁵ Кабытов П.С., Кабытова Н.Н., Кондрашин В.В. и др. Аграрная история XX века: Историография и источники. Самара, 2014. С.8.

⁴⁹⁶ Профессора исторического факультета Казанского университета (1939-1999): библиографический словарь/Под ред. Г.Н. Вульфсона. Казань, 1999; Смыков Ю.И., Скворцов М.В. Профессора Казанского университета второй половины XIX века в оценке его выпускников// Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство. Казань, 2005.

⁴⁹⁷ История Казани. Казань, 1988 (Ю.И. Смыков – соавтор); История Татарской АССР. Казань, 1968 (в числе авторов Ю.И. Смыков); История Казанского университета. Казань, 2004; История России. XIX век. Курс лекций. Казань, 2003; Профессора исторического факультета Казанского университета (1939-1999): библиографический словарь/Под ред. Г.Н. Вульфсона. Казань, 1999..

⁴⁹⁸ Исследования по истории крестьянства Татарии/Под ред. Ю.Н. Смыкова. Казань, 1984; Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период капитализма/Под ред. Ю.И. Смыкова. Казань, 1987.

⁴⁹⁹ Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. Казань, 1973.

⁵⁰⁰ Там же. С.3.

⁵⁰¹ Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX - начале XX века. Саратов, 1981.

⁵⁰² Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. Казань, 1973. С.31.

⁵⁰³ Там же.

⁵⁰⁴ Там же. С.55.

⁵⁰⁵ Там же. С.53.

⁵⁰⁶ Там же. С.58.

⁵⁰⁷ Там же. С.79.

⁵⁰⁸ Там же. С. 73.

⁵⁰⁹ Там же. С.105.

⁵¹⁰ Там же. С.118-119.

⁵¹¹ Там же. С.133.

⁵¹² Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982; Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века. Саратов, 1981; Савельев П.И. Пути развития аграрного капитализма. XIX век. Самара, 1994.

⁵¹³ Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (Социально-экономическое исследование). М.:Наука, 1984.

⁵¹⁴ Ионенко И.М., Кабытов П.С. Исследование по истории крестьян Среднего Поволжья//Коммунист Татарии. Казань, 1986. №1.

⁵¹⁵ Кабытов П.С., Савельев П.И. Рецензия на монографию «Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (Социально-экономическое исследование). М.:Наука, 1984»//Вопросы истории. 1986. №9.

⁵¹⁶ Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (Социально-экономическое исследование). С.49.

⁵¹⁷ Там же. С.59.

⁵¹⁸ Там же. С.68-69

⁵¹⁹ Там же. С.69-70.

⁵²⁰ Там же. С.80-81.

⁵²¹ Там же. С.85.

⁵²² Там же. С.116.

⁵²³ Там же. С.169.

⁵²⁴ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век. Самара, 1994.

⁵²⁵ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900-1917 гг.). Социальная структура. Социальные отношения. Уфа, 2002.

⁵²⁶ Шайдуллин Р.Ф. Крестьянские хозяйства Татарстана в 1920-х годах. Казань, 2007

⁵²⁷ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. М., 1999.

⁵²⁸ Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение низового Поволжья в конце XVI–XVII вв. Самара, 1999; Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг.XVIII века. Самара, 1997.

⁵²⁹ Биккузина А.Х. Башкирская община на Южном Урале во второй половине XIX в. Автореф. дисс. канд.ист. наук. Уфа, 2004; Бирюков А.В. Крестьянская община Самарской губернии в пореформенный период (1861-1900). Автореф. дисс. канд.ист. наук. Самара, 1999; Еферица Т.В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е

гг XIX века-30-е гг. XX века). Автореф. дисс. канд.ист. наук. Саранск, 1995.

⁵³⁰ Батыршин Р.Р. Реализация столыпинской аграрной реформы в Казанской губернии (1906-1917 гг.). Автореф. дисс. канд.ист. наук. Казань, 2008.

⁵³¹ Трегуб А.А. Аграрная реформа П.А. Столыпина в Саратовской губернии. Автореф. дисс. канд.ист. наук. Саратов, 2007.

⁵³² Максимов С.В. Осуществление столыпинской аграрной реформы в Поволжье в 1906-1916 гг. Автореф. дисс. канд.ист. наук. М., 1995.

⁵³³ Изгоев А.С. Общинное право: опыт социально-юридического анализа общинного землевладения как института гражданского права. СПб., 1906.

⁵³⁴ Кауфман А.А. Община. Переселение. Статистика. М., 1915.

⁵³⁵ Чупров А.И. Социальные последствия разрушения общины// Речи и статьи. Т.9. СПб., 1914.

⁵³⁶ Кофод А.А. Русское землеустройство. СПб., 1914.

⁵³⁷ Ленин В.И. Новая аграрная политика//Полн. собр. соч. Т.16.

⁵³⁸ Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 г. По анкетам Вольного экономического общества. Ч.І,ІІ. Пг., 1917.

⁵³⁹ Климина Г.И. Крестьянское движение в Поволжье в 1902-1917 гг. Дисс.к.и.н. Л., 1952; Кострюкова В.В. Крестьяне Поволжья в 1906-1916 гг. Дисс.к.и.н. Л., 1953; Левачева К.В. Аграрная реформа Столыпина в Самарской губернии. Дисс.к.и.н. Куйбышев, 1949; Косенко М.Я. Аграрная реформа Столыпина в Саратовской губернии. Дисс.к.и.н. Саратов, 1950.

⁵⁴⁰ Кабытов П.С. Новейшие исследования по аграрной истории России//Крестьянство в российских трансформациях. Ижевск, 2010.С.12.

⁵⁴¹ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

⁵⁴² Зырянов П.И. Крестьянская община Европейской России. 1907-1919. М., 1992.

⁵⁴³ Кабытов П.С. П.А.Столыпин последний реформатор Российской империи. М., 2008.

⁵⁴⁴ Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984. С.357.

⁵⁴⁵ Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина. СПб., 2002.

⁵⁴⁶ Максимов С.В. Осуществление столыпинской аграрной реформы в Поволжье. Автореф. дисс.к.и.н. М., 1995.

⁵⁴⁷ Люкшин Д.И. Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX в. Автореф. дисс.к.и.н. Казань, 1995.С.15.

⁵⁴⁸ Там же. С.15.

- ⁵⁴⁹ Батыршин Р.Р. Реализация столыпинской аграрной реформы в Казанской губернии. Автореф. дисс.к.и.н. Казань, 2006.
- ⁵⁵⁰ Прилуцкая О.А. Столыпинская аграрная реформа в Среднем Поволжье в 1906-1907 гг. По материалам Пензенской, Самарской, Симбирской губерний. Дисс. к.и.н. Пенза, 2003.
- ⁵⁵¹ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье периода империализма. Куйбышев, 1982. С.161.
- ⁵⁵² Котляров С.Б. Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии. Автореф. Дисс.к.и.н. Саранск, 2005. С.14.
- ⁵⁵³ Трегуб А.А. Аграрная реформа П.А.Столыпина в Саратовской губернии. Автореф. дисс.к.и.н. Саратов, 2007. С.23.
- ⁵⁵⁴ Кабытов П.С. Новейшие исследования по аграрной истории России//Крестьянство в российских трансформациях. Ижевск, 2010.С.13-14.
- ⁵⁵⁵ Стам С.М. Моя жизнь, учителя, друзья и наука. Саратов, Изд-во Саратовского университета. 2009. С.46.
- ⁵⁵⁶ Крашенникова Т.П., Синицын О.В. Евгений Иванович Устюжанин (1902-1968). Очерки жизни и деятельности. Казань. «Конспект», 2012.С.20.
- ⁵⁵⁷ Кабытов П.С. Казанский историк И.М. Ионенко // Аграрная история XX века: историография и источники...С.75.
- ⁵⁵⁸ Дербов Л.А. Страницы воспоминаний. Изд-во Саратовского университета. 2009.
- ⁵⁵⁹ Кабытов П.С., Репинецкий А.И. Судьба ученого // Человек, ученый, гражданин. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию Соломона Герцевича Басина. Т.1. Самара. 2009.
- ⁵⁶⁰ Там же. С.15.
- ⁵⁶¹ Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. Куйбышевский историк Е.И. Медведев // Аграрная история XX века: историография и источники. Самара, Изд-во «Самарский университет», 2014.С.17.
- ⁵⁶² Стам С.М. Моя жизнь, учителя, друзья и наука. Саратов, Изд-во Саратовского университета. 2009. С.117-118.
- ⁵⁶³ Вульфсон Г.Н. Страницы памяти. Казань. 2010. С.45.
- ⁵⁶⁴ Вульфсон Г.Н. Страницы памяти. Казань. 2010. С.109.
- ⁵⁶⁵ Кабытов П.С. Памяти Александра Петровича Негуляева // Самарский земский сборник. Самара. 2012. № 1. С. 105.
- ⁵⁶⁶ Личный архив автора.
- ⁵⁶⁷ Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. Куйбышевский историк Е.И. Медведев // Аграрная история XX века: историография и источники. Самара, Изд-во «Самарский университет», 2014.
- ⁵⁶⁸ Кабытов П.С., Репинецкий А.И. Судьба ученого // Человек, ученый, гражданин. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию Соломона Герцевича Басина. Т.1. Самара. 2009. С.109.

⁵⁶⁹ Кабытов П.С. Казанский историк И.М. Ионенко // Аграрная история XX века: историография и источники...С.74-80

⁵⁷⁰ Крашенникова Т.П., Сеницын О.В. Евгений Иванович Устюжанин (1902-1968). Очерки жизни и деятельности. Казань. Изд-во «Конспект», 2012. С.56.

⁵⁷¹ Вульфсон Г.Н. Страницы памяти. Казань. 2010. С.76.

⁵⁷² Кабытов П.С. Памяти Александра Петровича Негуляева // Самарский земский сборник. Самара. 2012. № 1. с. 105.

⁵⁷³ Дербов Л.А. Страницы воспоминаний. Изд-во Саратовского университета. 2009. С.109.

⁵⁷⁴ Кабытов П.С., Арнольдов Н.А. и др. Самарское земство: опыт практической деятельности (1865-1918 гг.). Самара, 2009. С.167-182.

⁵⁷⁵ Классика самарского краеведения. Антология. Вып.3. Самара, 2007. С.4.

⁵⁷⁶ Елшин А.Г. Самарская хронология. Самара, 1918.

⁵⁷⁷ Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1927.

⁵⁷⁸ Эссен М. «И. Блюменталь. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1927»//Пролетарская революция, 1927. 311. С.223-224.

⁵⁷⁹ Троцкий В.В. 1919 год в Средневолжском крае. Хроника революционных событий. Самара, 1934; Троцкий В.В., Демидов А.Д. 1920 год в Средневолжском крае. Хроника революционных событий. Самара, 1935.

⁵⁸⁰ Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902-1917 гг. Куйбышев, 1969.

⁵⁸¹ Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1972; Попов Ф.Г. 1919 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1974; Попов Ф.Г. 1920 год в Самарской губернии. Куйбышев, 1977.

⁵⁸² Самара-Куйбышев. Хроника событий. Куйбышев, 1985.

⁵⁸³ Так было. Хроника событий в Самарской губернии, крае, области. В двух томах. Самара, 1992.

⁵⁸⁴ Годы и события. Хроника. К 150-летию Самарской губернии. В двух томах. Самара, 2000.

⁵⁸⁵ Самарская губерния день за днем... (1891-1895 годы). Хроника событий. Составители А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара: Универс-групп, 2004.-194с.; Самарская губерния день за днем... (1896-1900 годы). Хроника событий. Самара: Универс-групп, 2006 — 236с.; Самарская губерния день за днем... (1901-1905 годы). Самара: Универс-групп, 2008. 410с.

⁵⁸⁶ Самарская губерния день за днем... (1891-1895 годы). Хроника событий. Самара, 2004.

⁵⁸⁷ Там же. С.126-127.

⁵⁸⁸ Самарская губерния день за днем (1896-1900 годы). Хроника событий. Составители А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2006.

⁵⁸⁹ Самарская губерния день за днем (1901-1905 годы). Хроника событий. Составители А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2008.

⁵⁹⁰ Статистика долгосрочного кредита в России Вып. 1., М. 1917; Статистический сборник сведений по земельному кредиту. Т. II, СПб., 1891; Т. III. Вып. 1. СПб., 1893.

⁵⁹¹ Ежегодник министерства финансов. СПб., 1903.

⁵⁹² Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка по покупке и продаже земли за 1906-1910 гг. СПб., 1910.

⁵⁹³ Канцеленбаум З.С. Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции. М., 1912.

⁵⁹⁴ Мигулин Н.П. Русский государственный кредит. Опыт историко-статистического обзора Т. III. Вып. IV. Банковская политика и государственный ипотечный кредит 1893-1902. Харьков, 1904.

⁵⁹⁵ Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954.

⁵⁹⁶ Гиндин Н.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861-1892 годы) М., 1960.

⁵⁹⁷ Анфимов А.М. Земельная аренда в начале XX в. М. 1961.

⁵⁹⁸ Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX вв. М., 1988.

⁵⁹⁹ Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX-начале XX вв.: К вопросу о предпосылках буржуазно-демократической революции в России. Саратов, 1981.

⁶⁰⁰ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982.

⁶⁰¹ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX века. Самара, 1994.

⁶⁰² Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1999.

⁶⁰³ Банк России. Самара, 2012.

⁶⁰⁴ История банковского дела в Самарской губернии. М., 2013.

⁶⁰⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 51. С. 176. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1920, № 80. С. 386.

⁶⁰⁶ См.: Покровский М.Н. О возникновении Истпарта // Пролетарская революция. 1930. № 7-8. С. 138-139.

⁶⁰⁷ Шестаков В.А., Кабытов П.С. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье. Изд-во Саратовского госуниверситета. 1979.

⁶⁰⁸ Кабытов П.С. Штрихи к портрету Д. Фурманова// Самарский краевед. Самара. 1991; Он же. Самарский Истпарт//Классика Самарского краеведения Вып. 5. «Золотое десятилетие» Самарского краеведения. Самара. 2008.

⁶⁰⁹ ГУСО СОГАСПИ(Далее СОГАСПИ) ф. 3500. Оп.1.

⁶¹⁰ СОГАСПИ Ф. 3500. Оп. 1. Д. 1. Л.2.

⁶¹¹ Там же. Д.2. Л.3.

⁶¹² Там же. Д.2 Л.4.

⁶¹³ СОГАСПИ Ф. 3500. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

⁶¹⁴ Там же. Л.11.

⁶¹⁵ Красная быль. Вып. 1-3. Самара, 1922-1923.

⁶¹⁶ СОГАСПИ Ф.3500. Оп.1 Д.2 Л.11.

⁶¹⁷ СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д.2. Л. 12.

⁶¹⁸ Там же.

⁶¹⁹ СОГАСПИ. Ф.3500.Оп.1.Д.2.Л12.

⁶²⁰ СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1 Д. 7. Л. 26.

⁶²¹ См.: Кабытов П.С. Указ. соч., С. 398.

⁶²² См. подробнее: Кабытов П.С. Самарский Истпарт. С. 400.

⁶²³ См.: Коммунистическая партия в портретах ее лидеров 1917-1991 гг. Биографический справочник Самара. 2010. С. 160-165; Кабытов П.С. Сперанский Николай Николаевич//Энциклопедия Самарской области. Т. 5. Самара. 2012. С. 270-271.

⁶²⁴ Мороховец Е. 1905 год в Самарском крае// Пролетарская революция. 1926. № 2. С. 237; См. так же рецензию С.А. Пиантковского в журнале «Печать и революция 1926 Оп. 2; и Лосева в журнале «Книгоноша», 1926. № 7.

⁶²⁵ 1905 в Самарском крае// Каторга и ссылка. 1926. № 5.

⁶²⁶ Приложение к сборнику: 1905 год в Самарском крае. Самара 1925.

⁶²⁷ Блюменталь И.И. В.И. Ленин в Самаре. Самара. 1925.

⁶²⁸ Блюменталь И.И. Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Хроника событий. Самара. 1927.

⁶²⁹ СОГАСПИ. Ф.3500. Оп.1. Д.12. Л. 59-60.

⁶³⁰ См.: Эссен М. Блюменталь И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии//«Пролетарская революция». 1927. № 11. С. 223-224.

⁶³¹ Шестаков В.А., Кабытов П.С. Указ. соч., С. 21.

⁶³² СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 22. Л. 44.

⁶³³ Там же.

⁶³⁴ СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 27. Л. 48.

⁶³⁵ Троцкий В.В. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Хроника революционных событий. Самара, 1930.

⁶³⁶ Троцкий В.В. Самарская организация ВКП(б) в годы войны и Октябрьской революции. (1914-1918 гг.). Самара, 1927.

⁶³⁷ Троцкий В.В. Крестьянство Среднего Поволжья в революции 1905 г. М., Самара 1930.; Он же. Первая русская революция в Среднем Поволжье. М., Самара. 1931.

⁶³⁸ Троцкий В.В. 1919 год в Средневолжском крае. Хроника революционных событий. Самара. 1934. Троцкий В.В., Демидов А.Д. 1920 год в Средневолжском крае. Хроника революционных событий. Самара. 1935.

⁶³⁹ 1905 год (Сборник воспоминаний участников революционного движения в бывших Самарской и Симбирской губерниях) М., Самара. 1935.

⁶⁴⁰ Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Битва за Россию. Самара. 1994; Он же. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. Спб., 1995; Он же. Одоление смуты. Слово к русскому народу. Спб., 1995 и др.

⁶⁴¹ Иоанн, Самодержавие духа... С.9.

⁶⁴² Иоанн, Одоление смуты... С.11.

⁶⁴³ Там же. С.11-12.

⁶⁴⁴ Там же. С.12.

⁶⁴⁵ Иоанн, Самодержавие духа... С.339.

⁶⁴⁶ Кабытов П.С. История у нас трагична... Записки историка. Самара, 1995. С. 8385.

Научное издание

Кабытов Пётр Серафимович

Историк в прошлом и настоящем

*Историографические очерки,
исследования и публицистика*

Публикуется в авторской редакции

Художественный редактор *Л. В. Крылова*
Титульное редактирование *Л. А. Кнохинова*
Компьютерная верстка, макет *Л. Н. Законовой*

*В оформлении обложки использована репродукция с картины
Ильи Глазунова «Вечная Россия (Сто веков)»*

Подписано в печать 25.05.2016.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 20. Уч.-изд. л. 20. Гарнитура «Newton».

Тираж 200 экз. Заказ № 1396

Издательство «Самарский университет»,
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. (846) 334-54-23. E-mail: lizam@ssu.samara.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО».

г. Самара, ул. Песчаная, 1.

Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru.

